

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

А.П. Богданов

СТИХ И ОБРАЗ

ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

последняя четверть XVII – начало XVIII века

МОСКВА – 2005

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

042(02)1

Богданов А.П.

Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века. – М.: Институт российской истории РАН. 2005. – 504 с.

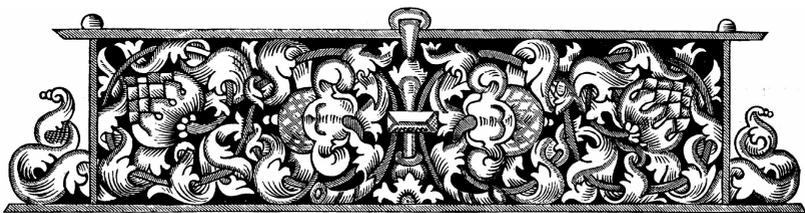
В монографии рассмотрены изменения самосознания, мировоззрения и культуры «верхов» Российского государства от реформ царя Федора Алексеевича (1676–1682) до начала XVIII в., отраженные в социально ориентированном творчестве придворного поэта. Зеркалом перемен выступают зародившиеся в этот период явления русской стихотворной культуры: литературная эпитафия и иллюстрированные книги для обучения детей.

Эти явления выбраны для исследования из-за богатства содержания, культурной и научной новизны. В жанре литературной эпитафии было известно менее 4 % рассмотренных в книге текстов. Из созданной при Дворе блестящей системы учебных пособий для образного преподавания в «Материнской школе» внимание привлекали лишь Буквари. В монографии дано академическое издание вводимых в научный оборот памятников.

Книга показывает, как принимались в высших слоях светского и церковного общества культурные перемены, раскрывает общие (но не общеизвестные) духовные тенденции в «верхах» Российской державы. С привлечением всего материала эпохи автор рисует характеры «творцов» и культурно активных представителей столичного общества: от царей, патриархов и знати – до монашества, купечества и приказных, даже посадских людей.

ISBN 5-8055-0144-9

© Институт российской истории
РАН, 2005 г.

Введение

ОБРАЗ НЕВЕДОМОЙ КУЛЬТУРЫ В СТИХАХ ПРИДВОРНЫХ ПОЭТОВ

Сегодня признано, что Россия в конце XVII в. серьезно изменялась (хотя видимые перемены могли затрагивать только высшие слои общества). Превращение Московского царства в Петербургскую империю не было лишь результатом игры личных амбиций Петра и его «птенцов» в обстоятельствах Северной войны. Не было, начиная с развития государственной идеологии и утверждения державного статуса России на международной арене, вплоть до воспитания и мотивов поведения старомосковского аристократического окружения Петра¹.

Царский Двор в последней четверти XVII в. искал и в первой четверти XVIII в. нашел решение в свою пользу проблем, связанных с удержанием господствующего положения в изменяющейся России, направив цивилизационные перемены в спасительную для себя сторону. Начавшие в XVII в. заметно влиять на социально-политическую ситуацию буржуазные отношения были смяты прессом военно-полицейского государства; дешевая кровь винтиков мобилизованной крепостнической империи надолго охраняла великую евразийскую державу от «вызова» с Запада.

¹ См. мою предыдущую монографию: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001.

Российское дворянство медленно и поначалу лишь в своих верхних слоях утрачивало культурно-национальную идентичность с основной массой русского православного населения, так что петровские затеи с внешним отделением господ от рабов резко бросаются в глаза. Но и эти признаки запоздалой, издающейся «вторым тиснением» феодализации на деле были продолжением тенденции к формированию особой культуры «верхов», процветавшей «без Петра и до Петра»¹.

Научная и педагогическая революции XVII в. дали этой тенденции объективные основания, выдвинув лозунг осмысленного формирования «универсального человека». Новые возможности понимать «замысел Творца» и сознательно исполнять функцию правления Миром были реализованы в схоластической идее воспитания достойной образа Бога личности на основе системы ученых знаний и правил. «Учитель народов» Ян Амос Коменский (1592–1670) глубоко проработал этот подход, потребовав постепенно формировать личность применительно к этапам развития психики человека.

В то же время образованное окружение Людовика XIV (1643–1715) с огромным успехом реализовало идею культурной организации публичной жизни Двора монарха, вошедшего в историю как «король-солнце». Затраты на королевский балет и театр, музыку и литературу, на дизайн одежды, парфюмеров и учителей для монархии окупились сторицей. Еще не одержав решительных военных побед и лишь пытаясь завоевать рынки в экономическом соревновании, Франция второй половины XVII в. стала лидером Запада по блеску и притягательности своего Двора. Богатейшие испанские гранды перестали служить образцом в

¹ Демин А.С. Несколько слов о книге // Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 6.

светской моде, воинственные и прекрасно вооруженные шведы уступили позиции в моде военной. Лишь в торговле и промышленности сохранил свои позиции мощный протестантский пояс северо-западной части Европы, но Петр напрасно пытался ориентировать на него стиль своего переодетого на голландский манер Двора: придворная культура Франции победила и на болотах Петербурга.

В историографии замечено, что Алексей Михайлович был назван придворным поэтом «царем-солнце» раньше¹, чем «воссиял» во Франции новый эпитет короля Людовика², а сказочный Коломенский дворец по замыслу и исполнению выглядит евразийским Версалем³. Не менее серьезными были результаты последовательного развития при московском Дворе музыки (в традициях хоровой, но отчасти и инструментальной) и живописи.

Намереваясь в дальнейшем рассмотреть весь комплекс *целенаправленных* культурных перемен при царском Дворе во второй половине XVII в., сразу укажу на печальную особенность нашей историографии: чрезвычайно слабую интегрированность данных (от лат. *integer* – целый, восстановленный), которые из-за этого редко превращаются в знание. Если образцово-европейский французский Двор

¹ Этот образ утвердился в российской поэзии и придворном обхождении с июля 1656 г. См.: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 32–33, 36, 142.

² Людовик XIV избрал солнце своей эмблемой в июле 1662 г. См.: *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 52.

³ Привожу это сравнение для тех, кто, подобно Алексею Михайловичу, знает о Версале лишь по слухам. Эта кишившая клопами и продуваемая сквозняками, холодная и задымлённая из-за плохой системы отопления каменная казарма не могла устроить никого из цивилизованных монархов. В ней без бани и туалета мог жить только не мывшийся вонючий гнилозубый стоик – Людовик XIV. См.: *Ленотр Жорж.* Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003. С. 19 и др.

имеет ясный (а благодаря позднему искусству и литературе – яркий) образ, то стремившийся создать свой евразийский образец московский Двор представляется нам отдельными деталями, не связанными даже в тенденции.

Между тем русских дворян XVII в. и служивших при Дворе «творцов» – учёных и поэтов – заботил именно образ: целостный вид и смысл, содержательный замысел композиций в единстве действий и их участников. В Москве, как и в Париже, торжественное оформление палат и празднеств нередко поручалось литератору (Карион Истомина выступал, по сути, в роли постановщика королевских выходов Мольера), а художественный руководитель мастеров Оружейной палаты Симон Ушаков доказывал, что живопись должна передавать сущностный образ гармоничного Божьего мира. Господствовавшая в просвещенной Европе второй половины XVII в. мысль о гармонии и взаимозависимости всех частей Божьего творения, в котором человек – образ Божий – поставлен для господства и познания, – в полной мере выражена в звучавших при Московском дворе стихах крупных поэтов: Симеона Полоцкого (1629–1680), Сильвестра Медведева (1641–1691) и Кариона Истомина (1640-е – 1718 или 1722).

Интегрирование разрозненных данных в образ Двора российских государей, и тем более образ динамичный, развивающийся во времени, затруднено тем фактом, что работа по выявлению и изданию источников, особенно успешно развернувшаяся во второй половине XIX – начале XX в., по многим направлениям была остановлена почти на 100 лет. В некоторых случаях потеря школы сказалась столь сильно, что наука отступила назад от имеющихся в библиотеках старых монографий.

Значительная, в ряде случаев подавляющая часть источников о культуре царского Двора XVII в. осталась в архивах, вне сферы активного использования. Своеобразная

тенденция «привязывать» отдельно взятый источник не к реальной культурной ситуации, а к наиболее общим, теоретически предвзятым «явлениям культуры», затрудняет непосредственное использование многих архивных исследований советского и постсоветского времени для реконструкции придворной культуры.

Стремясь представить в итоге динамичный образ Московского двора, учёный вынужден одновременно решать две предварительные задачи: 1) воссоздания источниковой базы, вводя многие тексты в научный оборот «с нуля» (от выявления и археографического описания до реконструкции истории текстов, авторских архивов и издания свода памятников); 2) изучения развития видов источников (например, в рамках жанров литературы), творчества авторов и их школ, без представления о которых невозможно понять, что может сказать нам частный памятник. Вне этой работы нередкие в литературе попытки обобщения на уровне «явлений русской культуры» заведомо бессмысленны.

Не меньшее значение имеет тщательное изучение обстоятельств создания и функционирования каждого, большого и малого произведения. Какими особенными, частными, нежанровыми мотивами руководствовался автор, какие отношения связывали его с конкретным заказчиком, как они, в конце концов, сошлись, и что хотели получить от этого взаимодействия? – Вопросы не менее важные, чем вечная загадка идейных мотивов и литературных источников замысла каждого поэтического памятника!

В условиях московского Двора, где не меньше, чем при Дворе «короля-солнца» почитали привилегии, свобода творчества могла проявляться почти исключительно в рамках «сомышления» с заказчиком, удовлетворения его вкусов и потребностей. Когда же творение не соответствовало традиции, являлось новым словом в консервативной области и среде, значение заказчика возрастало настолько,

что логично задать себе вопрос: а кто был, собственно, инициатором идеи?

Во Франции, Двор которой известен лучше, чем московский, историки без колебаний указывают на принадлежность того или иного культурного проекта инициативе короля, Фуке, Кольбера или иного государственного лица. Русские правители, члены царской семьи и аристократы в историографической традиции настолько не имеют «лиц», что считается достаточным указать: заказ, например, на второй придворный театр (первый завели еще при Дворе царя Михаила) был сделан «при» Алексее Михайловиче или «для» него. – Хотя совершенно очевидно, что что пожилого богомольца такие развлечения не интересовали, а их инициатором была молодая царица Наталия Кирилловна (Нарышкина), воспитанница Артамона Матвеева и его супруги из шотландского рода Гамильтон.

Но этого мало. Представления о вкусах, интересах, вообще своеобразии личностей государей и государынь, аристократов и государственных деятелей России XVII в. настолько ограничены, что и автор, к стыду своему, нередко представлял заказчика неким безгласным и безвкусным потребителем созданных для него произведений.

Требуется сознательное усилие, чтобы при исследовании творчества придворных авторов отслеживать все возможные данные о литературных и художественных пристрастиях каждого из заказчиков: ведь они не считаются обязательными при анализе произведения и не отражены в историографической традиции. Даже в том случае, если поэт, например, превозносит царевну Татьяну Михайловну в качестве мецената, требуется особое исследование, чтобы понять, какие заслуги царевны Карион имеет в виду.

Из всех царедворцев разве что Борис Морозов, Федор Ртищев и Василий Голицын имеют в литературе бледное отражение своих увлечений. Тем с большим усердием обя-

заны мы в каждом случае устанавливать заказчика придворного произведения и его связи с любыми предметами культуры: книгами, картинами, новыми элементами быта и гардероба, – накапливая (именно по каплям) базы данных для будущей общей картины царского Двора.

Все названные проблемы мы будем решать в монографии при изучении двух новых явлений русской стихотворной культуры, зародившихся при московском Дворе. Оба они расцвели в давно сложившихся и весьма консервативных (как считалось) областях культуры Двора, якобы равно не выделявшихся своеобразием из общей русской культуры: в учебе детей и устройстве родных могил.

Эпитафия как надпись на надгробии появилась на Руси в XIII в. В Московском государстве XVI–XVII вв. она существовала уже как общероссийское культурное явление, охватывающее, насколько сумели установить археологи, все социальные слои и регионы страны. Поскольку изучению до сих пор были доступны исключительно надписи на каменных надгробиях, а они, как потенциальный строительный материал, сохранились фрагментарно, мы не можем сказать, сложился этот общерусский жанр в ходе утверждения православия, или, как показывает процесс формализации текста, был распространен из Москвы в процессе объединения русских земель, со второй половины XV в., подобно московскому стилю храмовой архитектуры.

Фактом является потрясающая стабильность жанра эпитафии во временном, географическом и социальном пространстве, когда надпись на надгробии царя, боярина и богатейшего купца мало отличалась от вырезанной на такой же белокаменной плите бедняка, семья которого потратила на нее последние деньги. Подобное равенство в смерти в высшей мере характерно для традиционной культуры России. И сейчас, посетив кладбище, каждый увидит 9 однотипных надписей из 10 на современных надгробиях, раз-

личающихся формой, размером и богатством материала. Само различие в форме, как нам кажется, родилось одновременно с тем небольшим процентом индивидуальных, особо написанных эпитафий, которые в историографии принято называть *литературными*.

Суть не в том, что многие из них написаны в стихах, а в стремлении авторов и заказчиков уйти от традиции, выразив свое отношение к умершему в индивидуальной, в ряде случаев личной форме. «Литературная» эпитафия, по сложившейся терминологии, означает, – неформальная, специально сочиненная надпись, в противовес традиционной, также включающей, как допустимый вариант, некоторые личные нюансы, вроде указания на скорбящих строителей надгробия. Было общепризнанно, что литературная эпитафия впервые появилась в России в конце XVII в. и получила распространение на надгробиях знати века XVIII-го.

До петровских реформ *две* литературные эпитафии были написаны на надгробиях просветителей их учениками, придворными поэтами Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, пропагандировавшими в Москве западное схоластическое образование и бывшими, как считалось, отдельными лучами света в «темной, непросвещенной стране». После преобразований Петра I литературная эпитафия стала отличительным признаком высших слоев общества, одной из черт особенной, дворянской культуры.

Обнаружив, помимо двух известных литературных эпитафий (Симеона Полоцкого на Епифания Славинецкого и Медведева на Симеона), ещё *несколько десятков* таких сочинений в архиве рукописей третьего придворного поэта, Кариона Истомина, мы путём их тщательного изучения надеемся показать, что литературная эпитафия как отличительный признак новой придворной культуры вполне сложилась и была социально воспринята во второй половине 1680-х – 1690-х гг., в период регентства царевны Софьи

Алексеевны (1682–1689), царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной (1689–1694) и в первых, предшествовавших Северной войне и преобразованиям, годах правления Петра.

Восстановив утраченную страницу истории литературы, мы намерены реконструировать образ московского Двора и культурно тяготевших к нему слоёв россиян в той мере, в какой он отражен поэтом в зеркале смерти, и доказать, что даже в этой традиционнейшей сфере процесс выделения **дворянской культуры** из православной общероссийской уже не только наметился, но *полным ходом шел в Российском царстве*, еще не знавшем о своем скором превращении в Петербургскую империю.

Второй отраженный в стихах сюжет или образ изменяющейся в строго определенном направлении России относится к ещё более консервативной сфере **начального образования**, которое в процессе организованного обучения на Руси испокон веков было конечным. (Далее все древние и новые исторические герои, начиная с Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, учились сами, читая книги). Изучение чтения, письма и церковного пения мальчиками и, по желанию родителей, девочками от 5 лет, со времен Киевской Руси до XVIII в. изменялось мало.

Известные нам перемены относятся в основном к форме учебных книг, к распространению в XVII в. печатных Букварей (Азбуковники для обучения письму оставались рукописными) и появлению Грамматики. Особняком стоит изданный в конце XVII в. гравированный Леонтием Буниным Букварь Кариона Истомина, предлагавший «хотящим учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам» новую, *образную форму* усвоения материала.

Трудоёмкое изучение всех сохранившихся рукописей придворного поэта и просветителя Истомина показало, что общеизвестный Букварь был лишь вершиной скрытого доселе айсберга: *системы сочинений* для последовательно-

го образного обучения ребенка не с 5 лет, а с младенчества, в рамках научно обоснованной Коменским «Материнской школы».

В свое время, исследуя историю педагогики предпетровской России, автор на этом остановился: изученные им в архивах сочинения Кариона Истомина, наиболее ярким из которых стал поэтический Триптих для «Материнской школы», показывали реальную возможность усвоения россиянами самой передовой по тем временам педагогической концепции «учителя народов» вскоре после смерти Коменского. С точки зрения истории литературы автор ограничился констатацией связи новой образной формы учебных пособий со схоластической «эмблематической поэзией», развитой в последней четверти XVII в. в придворных поэмах и политической гравюре.

Погружение в реальный мир игр и учебы царских детей, для которых Истомин писал в стихах и велел художникам рисовать слитые с текстом в образ картинки его наглядных учебных пособий, казалось автору избыточным, – ведь об этом писал на основе тщательного архивного исследования сам И.Е. Забелин! Однако попытки детально отослать читателя к страницам его «Домашнего быта» и «Материалов» показали смысловое значение общеизвестного, но должным образом не оцененного факта: труд Забелина не был завершен автором, а старательно готовивший его рукописи к печати Иван Мемнонович Тарабрин не осмелился сказать больше, чем наметил в беловиках и черновиках Иван Егорович, не решился сделать выводы из всего колоссального материала.

Заново изучив все собранные Забелиным материалы, мы установили, что труды просветителя Кариона, вероятно, мотивированные учением Коменского, в значительной мере объясняются шедшими давно, ещё с 1630-х гг., изменениями в дошкольном игровом и образном обучении цар-

ских детей, в котором качественный скачок был связан с молодой женой (1671), а затем вдовой (1676) Алексея Михайловича: царицей Наталией Кирилловной (в девичестве Нарышкиной, 1651–1694), известной доселе как представительница крайне консервативных «боярских кругов».

Уже в обучении старших сыновей Алексея (как в свое время и его самого) в 1660–1670-х гг. было много нового, причем образование членов царской семьи в XVII в. непосредственно сказывалось на создании учебников для всех зажиточных россиян. В начале 1670-х гг. Наталья Кирилловна прямо перешла к образованию своих детей в «Материнской школе». По воле властной бабки в 1690-х её внук Алексей Петрович и дочери царя Ивана Алексеевича (одной из которых была будущая императрица Анна) получили продуманную целостную систему учебных книг, основанных на зрительных образах в сочетании с текстом, у Кариона Истомина – стихотворным.

Гравированный Букварь, подобным которому мы пользуемся до сих пор, был ещё одним *следствием* специфического развития культуры московского Двора в области, чрезвычайно занимавшей воображение лучших умов и талантов страны: создания образцовой, воистину райской среды воспитания первых лиц государства, царевичей и царевен. Дети аристократии и взрослые представители знатнейших родов России были неотъемлемой частью этой среды «вверху», во дворце, и по мере сил следовали ими же формируемому идеалу на своих дворах.

Известные источники о среде обучения аристократии вне дворца скудны и требуют дальнейших изысканий, но несомненно целенаправленное развитие при Дворе первых царей Романовых особой образовательной культуры, с самого начала, с 1630-х гг., ориентированной на предметное знакомство будущих правителей страны со *всем* земным миром, не ограниченным геополитическими, конфессиона-

льными и национальными рамками. Рассуждения о московской «ксенофобии», откочевавшие из опусов западных неокOLONIALИСТОВ в постсоветскую историческую публицистику, выглядят в свете этих знаний особенно нелепо.

Автор надеется, что представленные на суд читателя наблюдения и заключения о двух сферах жизни Государева двора помогут по новому взглянуть на Россию в ходе ускоренных Федором Алексеевичем (1676–1682) преобразований и побудят коллег к углубленному исследованию других, не менее показательных направлений динамичного развития московской придворной культуры, ставшей основой особой культуры дворянства России.

В третьей части монографии дана академическая публикация вводимых в научный оборот памятников по всем авторским рукописям и авторизованным беловым спискам придворного поэта Кариона Истомина. Учитывая множество заблуждений относительно системы русского стихосложения XVII в., публикатор считает необходимым сохранить в тексте авторскую пунктуацию, приводя дополнительные знаки в *круглых* скобках, – *квадратными* пользовался в XVII в. сам поэт.

Также в круглых скобках, указывающих на вставку издателя, в публикации реконструированы поврежденные, сокращенные или опущенные автором в черновиках части текста. Несомненные для читателей XVII и начала XVIII столетий чтения, вроде раскрытия сокращений под титлами, приводятся без оговорок. Передавая графическое расположение авторского текста по возможности точно, мы безусловно сохраняем цезуру – интонационную и графическую паузу в середине строки – как необходимый, общепринятый в то время элемент стиха, подчеркивающий ритм грамматически правильных смысловых ударений.

Надеюсь, что передача авторского текста в соответствии с ясно выраженной волей его творца поможет развеять накопившиеся в специальной литературе недоразумения с чтением стихов российских придворных поэтов XVII – начала XVIII вв. и будет способствовать правильному пониманию основных правил сформированной в это время русской силлабо-ритмической системы стихосложения.

Она, как легко заметить, основана на рифме и чётком ритме смысловых ударений до и после цезуры, при нередко нарушаемом равносложии. Читатель сам убедится, что «нараспев», да ещё без логической интонации, как предлагали нам филологи, произносить эти стихи нельзя. Рекомендация для правильного их чтения одна: «Читай не так, как паномарь, а с чувством, с толком, с расстановкой».

То есть прямо противоположно тому, что советовали специалисты по русскому стихосложению XVII в., смысла, а тем более чувства в предмете своего изучения не обнаружившие. Воистину, страшную картину «сонного царства», где бояре, «уставля брады» дремлют под монотонное жужжание поэта, можно нарисовать, если самому не вникать в содержание текста!

Бессодержательность объявлялась свойством всей литературы русского барокко XVII в., считавшегося стилем преимущественно «украшательским». Хочу надеяться, что современный читатель обрадует той долей разума, в которой долго отказывали старинному поэту и его аудитории: элите страны, претендовавшей на роль великой державы.

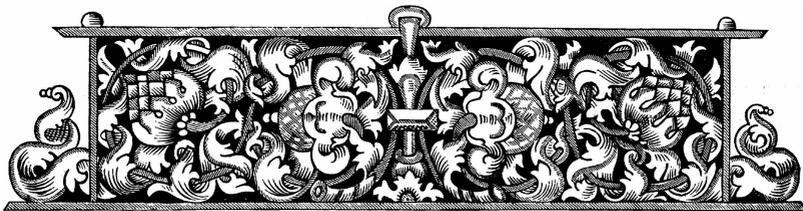
А.П. Богданов

Москва, 2 октября 2002 г.

*Царь Фёдор Алексеевич
гравюра XIX в. с рисунка-реконструкции*

Часть I

ЖИЗНЬ

В ЗЕРКАЛЕ СМЕРТИ

Глава 1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИТАФИЯ:
ПЕРСОНАЖИ И ЗАКАЗЧИКИ

Глава 2

ПРИДВОРНЫЙ СТИХОТВОРЕЦ:
СОТВОРЕНИЕ ЖАНРА

*Царь Фёдор Алексеевич
парсуна Ивана (Богдана) Салтанова, фрагмент*

Глава 1

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИТАФИЯ: ПЕРСОНАЖИ И ЗАКАЗЧИКИ

Отмеченная трудами И.М. Снегирева и И.Е. Забелина долгая и тяжкая работа по изучению русского средневекового надгробия, вехами которой стали фундаментальные труды Т.В. Николаевой и В.Б. Гиршберга¹, увенчалась к

¹ *Николаева Т.В.* Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского музея-заповедника. Вып. 2. Загорск, 1958; *она же.* О некоторых надгробных надписях XV–XVII вв. Загорского музея-заповедника // Советская археология. 1958. № 3; *она же.* К изучению Некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960; *она же.* Надгробие новгородского архиепископа Сергия // Советская археология. 1965. № 3; *она же.* Новые надписи на каменных плитах XV–XVII веков из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. Т. 6. М., 1966; *она же.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976; *она же.* Древнерусская мелкая пластика из камня. X–XV вв. М., 1983; и др.; *Гиршберг В.Б.* Надгробие 1655 года из Богоявленского монастыря в Москве // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 39. М., 1952; *он же.* Надписи из Георгиевского монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954; *он же.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1, 3. М., 1960, 1962; и др.

1990-м гг. внушительным успехом в серии исследований¹ и обобщающей монографии Л.А. Беляева².

Учеными археологами, в особенности Л.А. Беляевым, была раскрыта прочность и общероссийская распространность традиции лаконичных и принципиально «не литературных» надгробных надписей с устойчивым формуляром, развивавшейся в XVI–XVII вв. В XVIII в. традиционные надписи стали все чаще служить «для оформления “черновых”, временных надгробий, которые впоследствии заменяли заказные, снабженные текстами профессиональных литераторов». Однако, как прозорливо заметил Беляев, и несколько ранее, «в конце XVII столетия начинает сказываться воздействие церковного стихосложения и среди надгробных надписей появляются эпитафии-вирши, возвещающая близкий переход к господству сочиненной, литературной эпитафии XVIII века. Это справедливо, однако, прежде всего для вестернизированных слоев общества. Для той его части, которая сохраняла “старомосковский” стиль жизни – сложившаяся в первой половине XVI века формула надгробной надписи сохраняла привлекательность вплоть до начала нашего столетия»³.

Эта прекрасная формулировка нуждается лишь в небольших и не лишаящих ее глубинной справедливости уточнениях. Термин «вестернизация» не отражает культурных реалий русского общества «переходного времени»,

¹ *Беляев Л.А.* Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. Вып. 2. М., 1988; *он же.* Материалы к археологии Ферапонтова монастыря // Там же. Вып. 3. М., 1991; *он же.* Некрополь древнего Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1991; *он же.* Русское белокаменное средневековое надгробие // Московский некрополь. М., 1991; и мн. др

² Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVIII вв. М., 1996.

³ Там же. С. 258, 265.

когда речь шла, прежде всего, о стремлении к открытости, новизне, процветанию через прогресс, независимо от его западных, восточных или южных «составляющих». Кроме того, *впоследствии* термин чрезмерно перегрузился отрицательными эмоциями сторонников и противников этого уже реального и бурного культурного процесса. Наконец, на повседневную жизнь русского общества конца XVII в. серьезное воздействие оказывало не «церковное стихосложение» как таковое (хотя все заметные при дворе поэты, по меткому замечанию А.М. Панченко, были монахами), а *мода Московского двора*. К ней-то мы и обратимся.

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭПИТАФИИ

В ноябре 1675 г. на могиле замечательного просветителя иеромонаха Епифания Славинецкого в Чудовском монастыре посреди московского Кремля появилась необычная для русских резных белокаменных надгробий надпись:

Преходяй, человекче, zde став да взираеши,
Дондеже в мире сем обитаеши,
Зде бо лежит мудрейший отец Епифаний,
Претолковник изящный священных писаний,
Философ и иерей во монасах честный,
Его же да вселит Господь в рай небесный,
За множейшия его труды в писаниях,
Тщанномудрословие в претолкованиях,
На память ему да будет
Вечно и неотбудет.

Эта высокая оценка Епифания и его трудов была в новой силлабической стихотворной форме дана учеником и собратом-просветителем Симеоном Полоцким. Эпитафия Епифанию сохранилась в рукописи и не использовалась археологами, что легко понять, учитывая варварское раз-

рушение Чудова монастыря при советской власти. Важно заметить, что она не могла бы появиться в резиденции архиепископа без высочайшего соизволения бдительного патриарха Иоакима (Савелова). Летом 1674 г. он при помощи родни молодой царицы Наталии Кирилловны (Нарышкиной) занял патриарший престол и продолжал опекать кружок книжников, собиравшихся в Чудовом монастыре еще в бытность его архимандритом¹. Вопреки позднему мнению², Иоаким не возражал против латинской учености, которую старательно прививал к Московскому двору Симеон Полоцкий, тем более что именно через латинские научные издания пролегал путь к освоению античной литературной традиции, выдающимся знатоком и пропагандистом которой при Дворе был близкий друг патриарха Игнатий Римский Корсаков³.

Вторая стихотворная эпитафия – самому Симеону Полоцкому, была в конце августа 1680 г. **заказана** его учеником царем Федором Алексеевичем другому ученику, Сильвестру Медведеву. Она стала первым известным нам опытом будущего придворного поэта, и этот опыт дался Сильвестру нелегко. В его автографе⁴ сохранилось 14 вариантов вначале традиционно лаконичного, затем все более

¹ *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 2. М., 1999. С. 56 и сл.

² Идущему от полемики мудроборцев с просветителями второй половины 1680-х гг., ошибочно представленной в историографии как спор «грекофилов» с «латинствующими»: *Богданов А.П.* К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // ИИИ СССР. С. 177–209.

³ См.: Античное наследие и Российское царство в творчестве Игнатия Римского-Корсакова // *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 30–214.

⁴ Лучшая публикация: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность. Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С. 389–393.

пространного и содержательного «Епитафона». Все они, согласно авторской помете, были отвергнуты царем Федором. Лишь 15-й вариант государь повелел приказу Каменных дел вырезать на камне и в добром античном духе позлатить¹. Как и эпитафия Епифанию, надгробные вирши Симеону представляли собой гимн просветителю и были помещены на двух каменных плитах над его могилой в трапезной Заиконоспасской церкви (эти плиты поступили в ГИМ и ныне хранятся в его филиале в Коломенском).

Аналогично над саркофагом самого Федора Алексеевича в Архангельском соборе на настенной парсуне придворного живописца Богдана Салтанова появилось прозаическое похвальное слово царю-реформатору, восходящее к древнегреческой ораторской эпитафии². Неустановленный автор по воле правительницы Софьи использовал форму второй (центральной) части классической надгробной речи, в которой повествовалось о достоинствах и заслугах почившего. Ее третью часть, посвященную скорби и соболезнованию близким, Сильвестр Медведев положил в основу своей поэмы «Плач и Утешение», написанной сразу после смерти царя весной 1682 г. и поднесенной его родным, в том числе, с особым панегириком, царевне Софье. Здесь автор органично использовал и традиционный зачин ораторской эпитафии, подчеркивающий трудность задачи.

Все эти сочинения были опубликованы но, за исключением текста на плите Симеона Полоцкого, в изучении

¹ Как отметил Сильвестр Медведев, 15-й вариант эпитафии царь Федор Алексеевич «указал на двух каменных таблицах вырезать, позлатить и устроить над гробом иеромонаха Симеона своею государскою казною, из приказа Каменных дел» (ГИМ. Синодальное собр. № 130. Л. 243).

² Текст см.: *Снегирев И.М.* Архангельский собор в Московском Кремле. М., 1856. С. 28–31. Анализ панегирика см.: *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998. С. 14 и сл.; там же см. новые данные о реформах Федора Алексеевича.

русской литературной эпитафии не использовались. Даже интереснейшие рукописные варианты «Эпитафона» Симеону, раскрывающие процесс творческого поиска при зарождении нового для России жанра, обычно не учитываются, хотя именно с этой эпитафии взяла начало придворная мода, и с тех пор почти все эпитафии заказывались по эту в нескольких вариантах.

Федор Алексеевич не напрасно лично выбирал эпитафию для стихотворной надписи на могильной плите Симеона в трапезной знаменитого ученостью Заиконоспасского монастыря у Никольских ворот Кремля. По 15-ти сохранившимся вариантам этого произведения легко проследить ход мыслей царя-философа и поэта-просветителя в конце августа 1680 г.: стихотворец стремился адаптировать книжную форму к русской традиции, государь настоял на максимальном обновлении содержания стихов.

Первый, второй и девятый варианты «Эпитафона» сходны: они невелики и перефразируют мысль, что Господь даст скончавшемуся рабу своему «с аггелы и святыми в веки пребывати». Остальные варианты характеризуют основные заслуги и качества «отца Симеона». В третьем варианте он «богослов искусный, иеромонах и учитель нелестный», в четвертом – «богослов, ... иерей, монах», в пятом Полоцкий славится мудростью, честностью, монашеством и учительской работой, в шестом это «иеромонах и мудрый учитель, богословия и веры правы хранитель». Перефраз последней мысли содержится в седьмом и десятом вариантах; в восьмом и четырнадцатом к перечисленным качествам добавляется еще «незлобие, тихость, кротость». В четырнадцатом варианте Сильвестр, кроме того, указывает на «пользу», которую Симеон приносил людям: «его же пользы днесь людие лишены», – и на те книги, которые учитель писал «в пользу Церкви». Приблизительно таково же содержание двенадцатого варианта. В один-

надцатом и тринадцатом, наряду с вышеуказанным, добавляется мысль, что Полоцкий был человек, «Церкви, царству потребный и zelo полезный».

Последний, пятнадцатый вариант «Епитафона», состоящий из 12-ти двустиший, был написан после того, как Федор Алексеевич просмотрел все поданные ему тексты вместе (согласно приписке Медведева) и нашел их неудовлетворительными, не отражающими истинных **заслуг** Симеона. На его могиле появились чеканные слова о достоинстве **просветителя**:

Зряй, человече, сей гроб,	сердцем умилися,
О смерти учителя	славна прослезися:
Учитель бо zde	токмо един таков бывый,
Богослов правый,	Церкве догмата хранивый.
Муж благоверный,	Церкви и царству потребный,
Проповедию слова	народу полезный.
Симеон Петровский,	от всех верных любимый...

Воистину, человек, имевший в числе учеников царя Федора, царевну Софью и Сильвестра Медведева, написавший целую библиотеку и **издавший** немало авторских книг, был уникальным учителем, отвечавшим глубокому убеждению государя-реформатора о первенстве «всемирной пользы» (не путать с петровской «государственной пользой», оправдывающей принесение народа в жертву). Кроме того, в число его идеальных качеств входили кротость, вера и «смирennemудрие» вкупе с мудростью и «непамятозлобием». «Аггельское житие» было искренне и сознательно избранным жизненным путем Симеона, который

Ничесоже ина	творити любяше,
Точию же Богу	непротивно бяше.

Эпитафия подчеркивает значение «рассуждения церковнаго», явленного почившим «в научение роду россий-

ску» в его книгах (того **рассуждения**, заметим, которое вскоре прямо столкнулось с **властью**)¹. Во второй и третий раз повторяется мысль, что кончина выдающегося просветителя «Церковь и царство пользы велия лишила», «его же пользы ныне люди лишены». В заключение Медведев (вместе с царем Федором) выражает надежду, что сего праведника по достоинству «приимет Господь».

Результат общения поэта с заказчиком после сравнения текстов «Епитафона» очевиден. Сильвестр Медведев был смел, предложив выделить надгробие Симеона стихотворной надписью с оценкой заслуг и личных качеств монаха, богослова и учителя. Царь Федор Алексеевич велел превратить эпитафию в наглядный пример для учащихся и посетителей Заиконоспасского ученого монастыря, выбив на камне над могилой Полоцкого характеристику «совершенного человека» и учителя, гармонично сочетающего в пределах избранного пути все благоприобретенные качества, раскрывающие образ Творца в твари, созданной по подобию Божию, чтобы наследовать Землю и Небо.

«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!»

Надмогильная плита Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре, на территории которого процветали такие рассадники мудрости, как Славяно-греко-латинская академия в XVIII в. и Историко-архивный институт в XX в., для России XVII столетия уникальна. Она по праву знаменита, но остается единственной сохранившейся в камне, как мы полагаем, в силу общих невзгод московских археологических памятников. Если героические усилия специалистов до сих пор не дали нам иных белокаменных над-

¹ Подробно см.: *Богданов А.П.* Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Гл. 4. Разум против власти; *он же.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. Гл. 5. Борьба за право разума; и др.

гробий со стихотворными эпитафиями, это не означает, что их не было (и, надеюсь, не значит, что их нет, и ещё не может быть найдено подвижниками археологии).

Рукописи, по обыкновению, оказались прочнее каменных плит. Авторский архив первого придворного поэта Симеона Полоцкого, включающий его черновики, сохранился если и не полностью, то настолько хорошо (сравнительно с немногим более ранними временами), что исследователи до сих пор не ставили вопрос о его реконструкции (с учетом утраченного). Он был почти целиком – за исключением рукописей, оставшихся на Печатном дворе (ныне в фонде 381 РГАДА) и нескольких рассеянных по разным собраниям (в том числе подносных) – унаследован преемником Симеона – Сильвестром Медведевым. Вместе с авторским архивом ученика рукописи учителя были конфискованы при аресте Сильвестра в 1689 г. Оба архива благополучно хранятся в Синодальном собрании ГИМ.

Там же, в Синодальном, Уваровском, Щукинском, а главным образом – в Чудовском собрании, оказался едва ли не более богатый архив третьего по счету профессионального поэта Московского двора – Кариона Истомина, произведения которого рассеяны также по фондам БАН, РГБ, РНБ, РГАДА, РГИА, Владимиро-Суздальского и Новгородского историко-художественных и архитектурных музеев-заповедников, а также в Музее Московского Кремля¹.

Величие литературного наследия Кариона Истомина, которое более столетия назад начал раскрывать С.Н. Брайловский², до сих пор не осознано научным сообществом. Между тем, в русской книжности XVII в. не было жанра, в

¹ Об архиве Кариона Истомина см.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / *А.П. Богданов*. Вып. 1–2. М., 1983.

² *Брайловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия: Историко-литературное исследование. СПб., 1902; и др.

котором бы он не потрудился весьма плодотворно. Свойственник и ученик Сильвестра Медведева, учитель его Заиконоспасских школ (1685), Карион был справщиком (с 1682 г., в 1698–1701 гг. – начальником-«смотрителем») Печатного двора, иеромонахом Чудовского монастыря и личным секретарем двух патриархов, Иоакима и Адриана.

Что еще важнее, с 1682 г. по начало XVIII в. Карион бессленно выступал ведущим придворным поэтом, составившим колоссальную стихотворную «летопись» общественной и личной жизни высших светских и церковных чинов и в целом просвещенной и следящей за модой московской публики. Лишь в 1712 г. он временно уехал в Великий Новгород, но с 1718 г. вновь трудился в Чудовском монастыре, где и скончался в 1722 г. в возрасте около 80 лет¹.

При описании и реконструкции огромного авторского архива придворного поэта нами было выявлено *несколько десятков* эпитафий 1689–1705 гг., детально характеризующих процесс формирования жанра стихотворного «гробного надписания» именно в связи развитием общественной потребности в этой новой для российского общества литературной форме. Ниже мы рассмотрим этот комплекс и приведем тексты эпитафий *pro bono publico* – для общественной пользы.

В подавляющем большинстве эпитафии Кариона Истомина – это черновики, сохранившие для нас уникальную возможность заглянуть в творческую лабораторию придворного поэта: с точки зрения обдумывания им содержа-

¹ *Брайловский С.Н.* Карион Истомина: Жизнь его и сочинения // ЧОЛДП. 1889. Апрель-июнь; *он же.* К биографии Кариона Истомина // ЖМНП. 1891. Август; *он же.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Карион» // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1; *Агаркова Р.К.* Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Ученые записки Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т.Г. Шевченко. 1967. Т. 51. Серия филологическая. Вып. 19; и др.

ния каждого произведения, последовательности изложения и в максимальной мере – стихотворной формы. В основном эпитафии, как и другие сочинения Кариона Истомина, написаны его характерным мелким, твердым и связным почерком на отдельных листках в тетрадках в 4-ю долю листа (уже в продаже сложенного пополам примерно в формат А 4, так что 4° получалась близка к современному формату А 5). Нередко поэт вписывал сочиняемую эпитафию на чистые места, оставшиеся от других текстов, в том числе на верхние и нижние поля, рассыпая варианты эпитафии по разным страницам. В ряде случаев, судя по тождественному варианту авторского почерка и идентичным чернилам, Истомин писал заказанные ему эпитафии разным лицам одновременно или примерно в одно время. Разобравшись со всеми внешними признаками при описании авторского архива поэта, мы можем лучше понять, когда именно, после регулярно отмечаемых в тексте дат смерти и похорон, создавался текст литературной эпитафии.

Беловики автор отдавал заказчикам и они, как правило, не сохранялись, зато исключения из этого правила весьма любопытны (см. эпитафии патриарху Иоакиму 1690 г., царице Наталии Кирилловне 1694 г. и митрополиту Маркеллу 1698 г.). Все три сочинения скорее всего не были высечены на традиционной каменной плите, более того вероятно, что вторая и третья эпитафии для этого и не предназначались. Как бы не хотелось здесь немедленно рассмотреть вопрос, насколько вообще сохранившиеся рукописи были в реальной жизни связаны с надписями на могильных плитах, мы отложим это обобщение до тех пор, пока не ознакомим читателя с обстоятельствами создания эпитафий – в первую очередь с людьми, которым они посвящены, с их близкими, выступавшими заказчиками, с практическими мотивами и личными отношениям поэта, нако-

нец, с самим шедшим в ногу со временем московским обществом, срез которого представляют персонажи эпитафий.

ВЫСШИЕ ЧИНЫ РОССИИ

Чин в Российском государстве являлся важнейшей чертой, характеризующей человека. По крайней мере во второй половине XVII в., вопреки имеющимся в литературе суждениям, он был уже намного важнее знатности рода (не говоря о родственниках и иных связях, богатстве и прочих лично-семейных достижениях)¹. Высшими светскими чинами были цари и наследники-царевичи, но в конце столетия на авансцену, в силу обстоятельств, выходят женщины – царевна Софья (1682–1689) и царица Наталья.

В 1694 г. скончалась правительница России (с осени 1689 г.) царица **Наталья Кирилловна**, вдова Алексея Михайловича и мать Петра. «Медведица», как именовали властолюбивую царицу ее противники при дворе, принадлежала к роду мелких городских (тарусских) дворян Нарышкиных, из которых лишь двое, Кирилл и Федор Полуэктовичи, достигли второго снизу московского дворянского чина стряпчих. С этого чина начинал службу сын дьяка (дворянского рода) Артамон Сергеевич Матвеев, будущий боярин и канцлер России. Его-то свойственником и стал Федор Полуэктович, сочетавшийся браком с племянницей жены Матвеева, Евдокии Петровны Гамильтон (из ветви неизвестного шотландского рода). Прозорливый же Ки-

¹ Поэтому и писали: стольник князь, боярин князь, и никогда – князь боярин. К сожалению, практика общения и книгочтения убедила нас, что в сознании современного читателя и даже значительного числа специалистов отсутствует то ясное и четкое представление о чиновной структуре общества, которое позволяло бы понимать, *что именно* сообщают нам авторы, например, XVII в., с маниакальным упорством указывающие чин каждого, даже почившего человека.

рилл, по распространенному обычаю, отдал на воспитание Артамону Матвееву и его супруге свою старшую дочь Наталью (1651–1694). С ее помощью Матвеев закрепил свой взлет при дворе, а Нарышкины сделали головокружительную карьеру, получив в общей сложности восемь боярских чинов (больше любого из знатнейших родов); один стал окольничим и десятеро – комнатными стольниками сына Натальи, царевича (р. 1672), с 1682 г. царя Петра Алексеевича.

Юная жизнерадостная Наталья настолько вскружила голову пожилому царю Алексею Михайловичу, что тот отказался от своего пристрастия к крайней замкнутости личной жизни. Государев «Верх», в особенности женский терем, прежде крепко запертые Алексеем на основании собственного и отцовского горького опыта¹, пристрастились вдруг к светской музыке, танцам и театру, стали совершать множество парадных выходов, во время которых сама царица нередко показывала открытое лицо народу! Об уровне «потрясения основ» говорит тот факт, что просвещенный царь Федор Алексеевич (1676–1682 гг.) поспешил покончить с театром и танцами во дворце, а взявшая власть после Московского восстания 1682 г. царица Софья, любившая новомодную музыку, современные наряды и иные развлечения, ни театра, ни танцев не возобновила.

Овдовевшая на 26-м году жизни царица Наталия особенно переменялась после провала попытки передачи власти 10-летнему Петру (вместо 16-летнего Ивана) в 1682 г., когда стрельцы и солдаты при поддержке остальных москвичей бросали на копья и «в мелочь» рубили ее сторонников и родственников, в которых не без основания увидели «изменников бояр и думных людей», захвативших власть, чтобы «людьми мять, и обидети бедных, и продавать».

¹ О трагедиях в личной жизни первых Романовых детально рассказал *И.Е. Забелин* в «Домашнем быте русских цариц» и II части «Домашнего быта русских царей».

В историографии «Медведица», – свергшая-таки правительство регентства и, как показывают наблюдения над составом приближенных юного Петра¹, способствовавшая разгульной жизни сына-царя, не допускаемого ею ни к какому реальному правлению, – изображается дамой крайне консервативной. Все же не настолько, замечу, чтобы не выражать явного одобрения новаторским трудам Кариона Истомина, посвятившего Наталии Кирилловне изрядное число поэтических произведений, и не стремиться дать самое прогрессивное образования внуку, царевичу Алексею Петровичу (1690–1718), практически отобранному «Медведицей» у матери, Евдокии Федоровны Лопухиной (царица в 1689–1699). Для царевича Алексея Карион Истомин создал и именно царице Наталии вручил не только лучший для своего времени Букварь и массу назидательно-просветительных поэм, но и замечательный поэтический Триптих, творчески развивающий новые для России и всей Европы педагогические идеи Яна Амоса Коменского².

Сохранившаяся в беловике эпитафия скончавшейся 26 января 1694 г. царице Наталии подчеркнута неэмоциональна и даже безлика: ни единого личного качества! Наталия – царица, владычица, жена и мать – сухая констатация; даже ее «боголюбие» – вполне в русле сложившегося у Кариона формуляра (мы рассмотрим его ниже в особом раз-

¹ Подробно см. Аннотированный указатель имен и фамилий в кн.: Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / *А.П. Богданов*. М., 1990.

² О нем ниже, Часть II. См. также: *Богданов А.П.* Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века // *Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques*. 8 (XXXII). Praha, 1989. Текст опубл.: *он же*. Памятник русской педагогики XVII в. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // *Исследования по источникововедению истории СССР дооктябрьского периода*. М., 1989.

деле). После смерти «владычицы» двор пребывал в смятении чувств и ожидании сюрпризов (которые с началом относительно самостоятельного правления Петра воследовали). Истомин мог представить себе, что, вопреки традиции, над гробом царицы поместят-таки развернутую эпитафию на плите или стене собора, подобно эпитафиям царям Ивану Васильевичу Грозному, Федору Иоанновичу, Василию Шуйскому и первым Романовым, но более современную. Правда, Истомин по своему таланту, пристрастию и должности написал эпитафию в стихах, но ведь уже над гробом царя Федора Алексеевича в правление царевны Софьи появился замечательный литературный панегирик, помещенный на роскошном портрете государя-реформатора кисти Ивана (Богдана) Салтанова.

Эпитафию царице Кариону никто не заказывал: высшие чины государства и Церкви обслуживались придворным поэтом по личной инициативе, обеспечивая ему статус, не говоря уже о *пожалованиях*, которые ценились при дворе значительно выше простой платы за труд (слова гонорар еще не было, но de facto гонорар существовал и в деловой, и в почетной форме)¹. Поэт мог ожидать, что его эпитафию если и не вырежут на камне, то художественно вышьют на одном из драгоценных покровов (подобно известным по описанию покровам в усыпальнице Годуновых в Ипатьевском монастыре²). В любом случае эпитафию можно было зачитать, хотя бы на поминках. Скорее всего, так и произошло: оставшийся в авторском архиве беловик

¹ За выдающиеся литературные, художественные и музыкальные произведения творцов «жаловали» в присутствии высших чинов двора, записывая врученную сумму или предметы в расходные книги приказов отдельной статьей и относя «в Верх», в отличие от пошлых расписок в получении платы.

² Описание этих покровов XVI в. см.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 165.

написан на обычном листке в 4°, но сложен в несколько раз вдоль узкого края, подобно раздавленному столбцу-свитку для ношения в сапоге. Такие беловики ораций, в том числе разбитые на роли для искусного чтения несколькими лицами и запачканные в их сапогах, я видел в архиве Истомина.

Больше надежд Карион связывал несколькими годами прежде с эпитафией патриарху **Иоакиму** – выдающемуся архипастырю XVII в. и своему щедрому работодателю (поэт даже упомянул о его «щедротах безмерных» в подробном, но вполне каноничном по содержанию стихотворном тексте). Патриархам *не принято* было писать развернутых эпитафий, однако в этом случае стоило постараться. Выходец из рода городских дворян Савеловых, своими заслугами пробившийся в московский список Иван Петрович, в монашестве Иоаким, правил Церковью долго и энергично, составил в ее истории целую эпоху (1674–1690)¹ и вполне мог позволить себе неординарно распорядиться собственными похоронами.

Согласно записанной его личным секретарем Карионом Истоминым Духовной грамоте, Иоаким завещал похоронить себя не в Успенском соборе – общей усыпальнице архипастырей всея Руси, а в излюбленном им Новоспасском монастыре (где долго служил), да и то лишь потому, что понимал «великое неудобство» погребения своего «окаянного тела» в обители пострижения: Киевском Межигорском монастыре. Согласно с этой волей почившего 18 марта 1690 г. Иоакима, Истомин написал также эпитафию (на плиту, стену или покров)². Конкурентом сочинению Кариона стали стихи «Над гробом в таблице написано»³ личного друга патриарха Иоакима, выдающегося ученого

¹ *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1999. Т. 2. С. 42–314.

² Духовную и стихи по беловику см.: Там же. С. 305–314.

³ Явное подражание «Эпитафиону», помещенному на каменных плитах именно над гробом Полоцкого, на стене храма.

и публициста Игнатия Римского-Корсакова, архимандрита Новоспасского¹, мечтавшего причислить патриарха к лику святых. Истомин был солидарен с этим замыслом и составил текст к предполагаемой иконе св. Иоакима, а Игнатий написал обширное «Житие» патриарха, к которому приложил и свою, и Карионову эпитафию².

Ко времени столь благородного поступка Римского-Корсакова Завещание Иоакима было прилюдно нарушено: согласно приписке к тексту, митрополит Казанский Адриан прочел его у гроба патриарха и объявил, почему духовные власти сочли мольбу умирающего об особом месте захоронения невыполнимой. Вездесущий придворный поэт и иеромонах патриаршей резиденции – Чудова монастыря, вскоре ставший личным секретарем нового патриарха Адриана, был готов к такому повороту событий. В его эпитафии нет и намек на канонизацию Иоакима; мало того, уже в черновике к стихотворной эпитафии приложена прозаическая, более соответствующая традиции, хотя и подробнее обычных архипастырских эпитафий (см. публикацию).

В отличие от подчеркнуто традиционных по содержанию эпитафий Кариона Истомина, Игнатий Римский-Корсаков значительно больше внимания уделил деяниям Иоакима, сблизив эпитафию патриарху с надгробиями Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого:

Иоаким патриарх	Российский правитель,
Всея паствы своя	бодрый насмотритель,

¹ Впоследствии митрополита Сибирского и Тобольского. См.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 30–213.

² Указания на рукописи: Там же. С. 303–304. Беловая рукопись сборника Игнатия Римского-Корсакова опубл.: *Житие и Завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Н.П. Барсуков // ОЛДП. М., 1879. Т. XLVII; второе изд.: ПДПИ. 1880. Вып. II.*

Шестнадцатолетно	опасно правяше
Паству врученну Богом,	тому угождаше,
Труд подъемля несносный,	борим от противных
Врагов и еретиков	злословим злоумных.
Но терпением своим	вся тыя победи,
Словесы разумными	вспять она отврати.
И поиде вслед отцев	мзду от Бога взяти
И пастве своей свыше	молитву низслати.
Марта в седьмнадцатый	день ста избранна,
Видети лице Бога	ником же виданна
Девятнадцат осмаго	седь тысящ сто лета
В шестьдесят девятое	свойственнаго века.
Над пастырем чтет	некто пасом, негли монах,
Помня он час, в нем же всяк последне кликнет Ах! ¹	

Объяснение, почему эпитафии двух лично близких Иоакиму людей не были использованы на его надгробии, лежит в понятии **чина**. В XVII в. оно имело отчетливый двойной смысл: помимо обычного для нас, чин означал также сценарий, – закрепленные традицией и авторитетом содержание и последовательность светских и духовных церемоний². Патриарх Иоаким всю свою жизнь был убежденным защитником как **чинопочитания**, так и **чинопоследования**. В Завещании же он повелел похоронить себя в монастыре не просто из сентиментальных соображений, но подчеркнуто как простого монаха, без архиерейских одеяний, намеренно уподобляясь «всем святейшим патриархам греческим» и «Алексию святому митрополиту, чудотворения дара сподобившемуся». Архипастырь со свойственной ему прямоотой намекал на первую в России, т. е. не чинную, канонизацию Московского патриарха. Ни архиереи, ни цари Иван и Петр, которых Иоаким назначил душепри-

¹ РГБ, собр. И.Д. Беляева № 29/1535, л. 96 об. (автограф, беловик).

² См. напр.: *Богданов А.П.* Чины венчания российских царей // *Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.* М., 1995.

казчиками, на это не пошли. Воспротивились они и всякому выделению гробницы усопшего.

Как отметил Л.А. Беляев, в XVI–XVII вв. «развернутого литературного сочинения... заслуживают только святые или неординарные, прославленные подвигом или служением личности. Поэтому художественное оформление раки и связанный с нею текст соотносятся с обычным надгробным памятником так же, как праведник (святой) – с рядовым человеком, грешником»¹. «Рядовые люди» к концу XVII столетия уже заказывали своим близким литературные эпитафии, но Иоакима таковая выделила бы *в ряду патриархов* (как Наталию Кирилловну – среди цариц). Карион Истомина и Игнатий Римский-Корсаков должны были помнить, с каким рвением архиереи провалили епархиальную реформу царя Федора Алексеевича, вознамерившегося в несколько раз увеличить в России число епархий и ввести среди них соподчинение. Еще в 1685 г. Карион и Игнатий вместе готовили обвинительное заключение по делу о Смоленском митрополите Симеоне, осужденном и лишенном сана за претензии на особое положение в церковной иерархии, особое облачение, выезд и т. п.²

Тем не менее в 1693 г. Карион написал прозаическую эпитафию **Павлу** митрополиту Сибирскому и Тобольскому³, преемником которого на кафедре стал Игнатий Римский-Корсаков. К осени 1698 г. относится беловик особой, состоящей из трех частей эпитафии Кариона митрополиту Казанскому и Свяжскому **Маркеллу**. Здесь он обращается к *личным качествам и заслугам* столь высокого чином

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 257.

² Подлинник соборного деяния см.: ГИМ, Синодальное собр. № II/992. Рукопись 19. Оpubл. Н.П. Попов (Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып. I). Обличительная грамота и Слово Иоакима на Симеона см. в черновиках Истомина: ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 146 А – 146 А об., 169–173 об.

³ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 277 об.

лица. Маркелл для Истомина (и на самом деле) был в первую очередь «пастырь просвещенный», «в мудрости ученый», в высшей степени приятный «человек гражданский». Во второй части эпитафии отмечено, что Маркелл «всюду преуспел», возглавляя в разное время епархии в Суздале, Пскове и Казани. В третьей части автор хвалит радение адресата о славе Бога и Церкви, подчеркивая, что сей «архиерей правый / В мудрости разум держа всегда здравый».

Некая ирония истории видится в том, что Маркелл, будучи митрополитом Псковским и Изборским, относился как раз к тем «злословим злоумным» сторонникам самостоятельного «разсуждения», которые, по эпитафии Римского-Корсакова столь досаждали патриарху Иоакиму. Именно Игнатий, кстати сказать, полемизировал с Маркеллом, еще в 1688–1689 гг. обвиненным патриархом в ереси за поддержку мнения Сильвестра Медведева¹. В литературе бытует мнение, будто митрополит был осужден и лишен сана, но по исчислению лет в эпитафии Кариона Истомина видно, что он успешно управлял Казанской епархией 8 лет, т. е. принял ее под свой начал в 1690 г., став на местной кафедре преемником нового патриарха Адриана.

Это заставляет еще раз подчеркнуть необходимость изменения бытующего в историографии негативного мнения об **Адриане**, в действительности – ученом и благоразумном архипастыре, которому Карион в октябре 1700 г. посвятил оставшуюся в беловике эпитафию, надгробное слово со стихотворными врезками и похвальное слово², а также связанные с кончиной высокого покровителя стихи

¹ Согласно рассказу шотландского генерала на русской службе Патрика Гордона: *Gordon P. Tagebuch...* Moscau-St.Peterburg, 1851. Bd. 2. Th. 3. S. 309, 311.

² Автографы эпитафии, надгробного слова и похвального слова Адриану см.: ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 447, 63 об., 143.

«О смерти»¹. Последние, хотя и не относятся к рассматриваемому жанру, столь ясно и четко выражают каноничное и в высшей степени традиционное для России отношение к смерти и Спасению, что должны быть приведены:

О смерти

Всякий человек	смерти присмотряйся,
Где ли будеши,	грехов опасайся.
Зане в жизни грех	людем смерть наводит,
Безгрешие же	от тоя свободит.
И токмо душа	тела отделится —
Абие в небо	к Богу преселится.
Смертное жало	не имать вредити
Тщасься зде	евангелско жити.
Пришед бо в бытность,	в конец зри дороги,
Како бы прейти	смертныя пороги.
Малым и старым	оны запинают,
Лестию мира	многи погубляют.
Что церковь велит	делати безгрешно,
Правда святыня	в кончине поспешно.
Делы благими	никто будет в смерти,
Должно от сердца	мысли злы отерти.
Рожденным в мир сей	всем умнословесным
Славяще Бога	присно быти десным
И зде, и в небе —	на то и создани
Демоны прелстить	к смерти вси (хри)стианы.
Обаче она	теми не владеет
Кто спасение	в молитвах си деет.
Успение бо	тому то зовется,
Ибо душа в жизнь	с телом соберется.
Разны же смерти	и многи напасти —
Живущим в грехах	мучителны страсти.

¹ ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 91 об. (автограф, черновик).

Стары и малы   нужно умирают,
Неотрочно вси   болезни принимают.
В домах и в путях,   в водах, в месте всяком
Кождый вземлетя   от зде смертным знаком.
Тем смотри всегда   всяк от зде исхода,
Не согрешишь в век   будет ти свобода.

Эпитафии Маркеллу и Адриану в последние годы столетия вероятнее всего не предназначались Истоминым для иссечения на камне, являясь скорее ораторскими произведениями (в последнем случае – в целом комплексе таких). В среде архиереев, как и в царской семье, «нечинность» новой моды, видимо, не прошла. Для нас крайне важно другое: весьма осторожный придворный поэт¹ не побоялся выразить склонность царицы и архиереев иметь стихотворную эпитафию, подобную надписи над гробом Симеона Полоцкого, такую, какой царевна Софья не осмелилась отметить даже гробницу Федора Алексеевича.

АРИСТОКРАТИЯ

Архиереи поставлены нами над знатнейшими боярами по той простой причине, что «чин» этот при Дворе был более высок: на соборах они сидели «выше» и важнейшие государственные документы подписывали прежде светских чинов Московского двора. Именно последние цеплялись за традиционные методы определения «чинов председения», а поскольку чиновная система Двора была главной в государстве, то продвижение по всем светским служебным лестницам приходилось увязывать с чинами 6385

¹ Как блестяще показал *С.Н. Брайловский*, Карион Истомин никогда не совершал поступков, способных привести к конфликту с властью, – в резком отлучии от идейных борцов его времени: Сильвестра Медведева, Игнатия Римского-Корсакова, Евфимия Чудовского или даже братьев Лихудов.

человек *московского списка* (на 1681 г.). Служба представителей московского списка под началом человека, в него не входившего (даже генерала), считалась для дворян невозможно унижительной, а получение выходцем из «низов» звания жильца, московского дворянина, стряпчего, стольника, думного дворянина, окольного и, наконец, боярина, нарушало систему «мест» старых московских фамилий. Даже представители знатнейших родов должны были постоянно следить, чтобы не оказаться на службе ниже того, под которым его родственники никогда не «ходили», и тем не «утянуть» высоты своих традиционных прав.

Профессиональные гражданские чиновники сумели вписаться в сам московский список (дьяки на последнем месте, думные дьяки после думных дворян, последними в Думе). Царские комнатные люди, как правило, принадлежали к высшей знати (сверху вниз: комнатные стольники и спальники, кравчий-чашник, постельничий, ловчий, казначей, стряпчий с ключом, печатник и ясельничий) и имели общие дворовые чины, но все равно оставалась неясность, как, например, сопоставлять кравчего с общей иерархией чинов (в частности, в денежном окладе)? В посольских делах царь Федор Алексеевич столкнулся с той же проблемой, в итоге унифицировав оклады для дипломатических рангов *без различия* придворных чинов. Хуже дело обстояло с военными чинами, особенно после военно-окружной реформы (1679), поставившей в регулярный строй 4/5 российской армии. Царь вынужден был давать военным еще и придворные чины, но все равно их третировали при дворе, а московское дворянство было недовольно таким «смешиванием» в службе и особенно в своих рядах.

Генеральная чиновная реформа государя (своеобразная «табель о рангах» из 35 степеней по всем службам) была осенью 1681 г. дружно провалена. Федор Алексеевич вслед за своими предками на протяжении всего царствования

объявлял о службах и различных церемониях «без мест», но дворяне продолжали взаимно оттаптывать ноги и скандалить о первенстве при всяком «случае». В 1678 г. был принят указ о безместии, «покамест турецкая война минетца» (война шла с 1673 по 1681 г.), но это не помешало уже в следующем году произойти местнической склоке между самими командующими армиями: боярами князьями В.В. Голицыным и Г.Г. Ромодановским. После ряда неприглядных скандалов царь навечно отменил местничество в крестных ходах (1679), а в 1680 г. и в войсках. Более того, в ноябре 1680 г. вечная отмена местничества в армии была провозглашена на смотре Государева двора, но этого оказалось мало. Даже подписанный в конце 1681 г. указ о всеобщей и полной отмене местничества не удовлетворил знать, вздохнувшую только после Соборного деяния об отмене местничества 12 января 1682 г.¹

Строго говоря, местничество отменили попутно, мало кто обратил на это особое внимание, а кое-кто местничать продолжал. Идея царя и его советников была гениальна: заставить представителей всех родов Государева двора служить полковую службу по-прежнему, с военными холопами, но с *общегармейскими чинами*. Проблема состояла в том, что представители самых захудалых московских родов не желали попасть в командные чины (поручиков и ротмистров), в которых не служат аристократы. Именно в этой связи царь с патриархом и духовенством, а также всем составом Думы обещал записывать в те же чины юношей всех родов Двора, «как они в службу поспеют», местничество же вовсе отменить. При этом *принцип родовитости сохранялся* и закреплялся в новых родословных книгах, составляемых новообразованной Палатой родословных дел. Это деятельность, в отличие от отмены местничества, все-

¹ Все известные указы и дела см.: Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.

рез волновала дворянство и *аристократию*, само наличие которой в России кое-кто отрицает на основании фантазийных представлений о том, какой она должна была бы быть. Оdsуждать эти смутные представления бесполезно, скажем лишь о том, какой российская аристократия *была*.

Высший чин Государева двора – бояре – был немногочислен (от 13 персон в 1630 г. до 63-х в 1693 г.), однако именно они занимали первые военные, административные и дипломатические должности. Представители всех знатнейших родов начинали службу с низшего для аристократии чина стольника, но возможность получить со временем боярский чин определялась прежде всего традицией. Наследники рода, не имевшего регулярно боярских чинов, могли попасть в них лишь в порядке исключения и, как правило, «не в пример» иным членам своего рода. Более того, при производстве в бояре члены 16-ти родовитейших фамилий имели привилегию миновать чин окольного (чины думных дворян и думных дьяков вообще были предназначены исключительно членам незнатных родов). Эти 16 родов¹ в XVII в. имели среди бояр больше представителей, чем вся остальная знать. Привилегией они столь дорожили, что Василий Васильевич Голицын 17 лет провел в чине стольника, дожидаясь пожалования прямо в бояре. Еще в четырех знатнейших фамилиях молодые люди либо миновали окольное, либо нет². Старшие члены нескольких аристократических родов традиционно жаловалось в бояре по выслуге в чине окольного.

Разумеется, боярство могло быть пожаловано, по прохождении лестницы чинов, и другим людям по воле госу-

¹ Воротынские, Голицыны, Куракины, Морозовы, Одоевские, Пронские, Романовы, Темкины-Ростовские, Буйносовы-Ростовские, Репнины, Трубецкие, Урусовы, Хованские, Черкасские, Шеины и Шереметевы.

² Долгоруковы, Ромодановские, Прозоровские и Салтыковы.

даря. Это была награда за выдающиеся воинские подвиги (Волконские и др.) или дипломатические заслуги (Ордины-Нащокины, Матвеевы и др.), этого чина удостаивались родственники цариц (Милославские, Нарышкины, Стрешневы, Лопухины), наконец, удачливые царские фавориты (например, Хитрово). Однако выслуженный чин был персональным и большинство (но не все) из получивших его оставались при Дворе «выскочками» – parvenu. Состав чиновной аристократии в XVI–XIX вв. не скоро, но заметно менялся. Закреплению «новых» фамилий в составе аристократии, реально претендовавшей на высшие чины государства, способствовала древность рода, подразумевавшая многочисленные родственные связи, широкий круг общения и, не в последнюю очередь, фамильное воспитание¹.

Положение аристократии закреплялось разными механизмами, прежде всего личного общения, причем уже в XVII в. видную роль в жизни «высших сфер» играли женщины. Не останавливаясь на вопросе, «когда же было не так?», заметим, что боярыни играли на женской половине дворца такую же роль, как бояре в окружении государя, а жены и дочери представителей знатнейших родов входили в окружение царевен и юных цариц так же, как юноши их

¹ Ярким примером разного фамильного воспитания, позволяющего говорить о духовной общности представителей одного рода, являются блестяще выписанные Львом Николаевичем характеры Болконских (князя Волконские – его родичи по матери) и Толстых (в лице автора). Взлет захудавших, но чрезвычайно гордых потомков св. кн. Михаила Черниговского в XVII–XIX вв. был связан с их крайней «твердостью» на поле брани (защиту Отечества Волконские считали глубоко личным делом), а московских дворян Толстых – с безмерной чувствительностью в дипломатии и политике. Попробовав себя на стезе предков материнской линии, Лев Николаевич в «Войне и мире» показал, сколь более свойственно ему мировосприятие, воспитанное родом Толстых.

родов – комнатные стольники и спальники – составляли круг «ближних людей» царевичей, которые со временем становились царями. В документах роль женской части двора практически не фиксировалась, но сочинения современников (в том числе придворного поэта) говорят об огромной роли «общественного мнения» придворных дам.

Старые друзья детства, ставшие «ближними» или «комнатными» боярами, имели особое влияние на царя. «Старые боярыни», как правило, не утрачивали своего влияния и после смерти мужа, распоряжаясь на женской половине дворца почти так же, как они командовали на своих дворах. В особенности велика была роль традиционно чтимых на Руси «матерых вдов», воспитывавших сыновей. Такой и была представительница двух родов Гедиминовичей – боярыня княгиня **Ирина Васильевна Трубецкая** (в девичестве Голицына). Карион Истомина был хорошо знаком с энергичным родом князей Голицыных, одни из которых играли ведущую роль при царе Федоре и его единокровной сестре Софье (оба по матери Милославские), другие – при Петре (сыне Н.К. Нарышкиной). Тем и другим поэт посвятил немало произведений, определенно мотивированных политической конъюнктурой, даже когда адресатом выступала княгиня Евдокия Ивановна, супруга «конюшего боярина» (председателя Думы), канцлера и генералиссимуса («дворового воеводы») В.В. Голицына. Более личные мотивы связывали Истомина с семьей княгини Ирины Васильевны, вдовы боярина князя Юрия Петровича Трубецкого, распоряжавшейся домом своих взрослых детей Ивана Большого (1667–1750) и Юрия (1668–1739), комнатных стольников и ближайших помощников царя Петра (оба они впоследствии, в 1730 г., стали сенаторами, а Иван, начавший службу в Преображенском полку, хотя и не одержал никаких побед, поддержал военную честь рода, дослужившись до чина генерал-фельдмаршала).

Взрослые женатые сыновья, очевидно, и заказали стихотворную эпитафию своей матери, почившей 27 февраля 1690 г. Очевидно потому, что хотя Карион, благодаря своей рясе вхожий на женские половины дворцов, представлял себе роль старой княгини, он ошибся в отчестве ее мужа, назвав видного полководца и руководителя военных приказов не Петровичем, а Никитичем (по аналогии с более знаменитым военным и администратором ближним боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким). Более того, судя по палеографическим признакам эпитафия старой боярыне писалась в одно время со стихами на надгробие супруги князя Ивана Большого **Татьяны Стефановны Трубецкой**, урожденной Татевой, почившей 8 мая 1690 г. Двойное горе подтолкнуло братьев-князей к выбору новой формы эпитафий. В свою очередь Карион Истомир, получив заказ, разработал в черновиках наиболее приемлемое содержание новой эпитафии знатной даме, начав, насколько можно судить по бумагам авторского архива, именно с Ирины Васильевны (см. публикацию).

Неоконченный первый вариант наиболее близок к традиционной надгробной надписи. Он относительно краток, помимо имени с чином и даты содержит лишь два элемента: сообщение о «положении» тела и призыв молиться о представившейся рабе божией. Так же недоработанный третий вариант дополнительно включает сообщение о муже, вдовстве и управлении домом вместе с детьми. Кроме того, здесь присутствует весьма характерная для текстов Истомина надежда на воскресение их мертвых и райское блаженство усопшей. Наилучшим автор счел вполне окончанный второй вариант, в котором, обратившись к традиции русских надгробных надписей, помимо имени и чина мужа указал на род отца. Именно таково содержание написанной следом в одном варианте эпитафии княгине Татьяне Стефановне Трубецкой.

Судя по тому, что через два года братья Трубецкие наняли Истомина руководить оформлением (в том числе стихотворными надписями) совместно возведенного Иваном и Юрием нового каменного дворца, работа поэта пришла им по сердцу. Близкие отношения Трубецких с Карионом сохранялись и в дальнейшем: уже в 1707 г. княгиня Мария Юрьевна брала из личной библиотеки поэта (и честно вернула) его замечательный Лицевой букварь и стихи про Алексея человека божия¹. При отмеченном современниками добродетельном и воздержанном житии большой семьи Трубецких, они и в дальнейшем продолжали увлекаться литературой и искусством. Свою двенадцатилетнюю дочь Иван Юрьевич поспешил выдать за просвещенного князя Дмитрия Константиновича Кантемира; плодом этого брака стал замечательный поэт и философ Антиох Кантемир. Прижитый в шведском плену, но должным образом воспитанный внебрачный сын Ивана Большого, Иван Иванович Бецкий, 30 лет возглавлял Академию художеств и весьма прославился на ниве просвещения.

При всей своей добродетели, сердечной доброте и ненавязчивой склонности к приключениям, Иван Юрьевич Трубецкий был не очень легок в общении, он смущался своего заикания и казался гордецом. Во всех этих качествах (и даже обстоятельствах жизни, вроде строительства нового дворца в модном фасадном стиле) на него походил другой знатнейший Гедиминович – многими с трудом переносимый князь **Борис Иванович Куракин** (1677–1727). Вместо заикания его мучили то лишний вес и неповоротливость, то язвы на теле, то лихорадки, «гипохондрия и меланхолия». Это не мешало князю Борису вместе с Тру-

¹ Подробно см.: *Богданов А.П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1987 г. Л., 1987. Стихотворной книгой про Алексея человека божия, видимо, была работа Истомина для обучения церковному пению (см. ниже. Ч. II).

бецкими и представителями иных знатнейших родов непременно участвовать во всех затеях юного Петра, прибавляя к ним собственные эскапады (например, соблазнение 13-летней сестры царицы, с которой он год «жил» до помолвки, ссору с дожем в Венеции, едва не приведшую к дуэли, любовь на всю жизнь к дорогой иноземной «метрессе» и т. п.). После 6 июня 1696 г. князь Борис заказал Кариону Истомину стихотворные эпитафии своему любимому брату **Михаилу Куракину**, умершему в степи во время бездарного Азовского похода 1695 г.

В походе участвовали оба ближних царских стольника: князь Борис прапорщиком 1 роты, а князь Михаил поручиком 5 роты Семеновского полка. Оба жестоко потерпели от холода и болезней (только Борис выжил после недели беспомощности от злой горячки, приказав обливать себя водой со льдом до потери сознания), оба храбро сражались (у Бориса в руках знамени было пробито ядрами, а пуля прошла под мышкой сквозь кафтан и рубаху), оба после похода не удостоились внимания Петра, так и не принявшего участие в похоронах князя Михаила в Троице-Сергиевом монастыре. Родственник и свойственник едва не всех знатнейших родов, князь Борис хоронил брата чуть ли не в одиночестве (его мать, отец и даже мачеха давно умерли). Но добила князя безвременная смерть 6-летнего племянника **Василия Михайловича Куракина**. Именно с краткой эпитафии «младенцу» начал Карион писать стихи на могилы Куракиных, создав их одну за одной, как и княгиням Трубецким. В обширной эпитафии князю Михаилу поэт дополнительно использовал такие традиционные элементы, как указание на возраст покойного, место–время захоронения и вошедшее в обиход со Смутного времени описание гибели на государственной службе.

Эпитафии Куракин заказывал по возвращении из Азовского похода 1696 г.: дом его сгорел, сам он болел, мозг

теснило, князь думал о смерти¹. Едва оправившись, Куракин выехал в Италию. Его возвращение в 1698 г. было омрачено кончиной ослабленной родами жены (Ксении Федоровны Лопухиной) и «схимонахини Елены Куракиной», запись о смерти и отпевании которой сделана в бумагах Кариона. Поэт продолжал общаться со знатнейшей фамилией и еще в 1707 г. давал почитать книгу супруге боярина Федора Федоровича Куракина княгине Евдокии Андреевне (в девичестве княжне Масальской)². Князю же Борису Ивановичу дома приходилось бывать нечасто. Он освоил множество языков и наук (замучив ими своих детей), был с честью принят при всех дворах, возглавил русскую дипломатию на Западе и сыграл важную роль в политической жизни Европы, строил флот, отличился почти во всех крупных сражениях петровской армии, участвовал в иноземных войнах, между делами написал множество замечательных мемуаров (изданных в XIX в.), с уникальной откровенностью обрисовав людей и события своей эпохи.

«Новым» в высших московских чинах родом, лишь в XVII в. мечом проложившим несколько своим представителям дорогу к «чести боярства», были Рюриковичи черниговской ветви князя Волконские³. Их даже нельзя назвать храбрецами в обычном смысле слова. Князья, в XVI–XIX вв. сражавшие всех врагов России, не понимали, как иноземец смеет покушаться на *их* Отечество. Когда в 1634 г. главнокомандующий русской армией М.Б. Шеин и

¹ См.: Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под редакцией М.И. Семецкого. Т. 1. СПб., 1890.

² ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 284, № 100/302, л. 150.

³ См.: Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. О первых боярах Волконских подробнее: Богданов А.П. Сказание о Волконских князьях. М., 1989; он же. Летописец русского воеводы XVII в. // Прометей. Историко-биографический альманах. М., 1990. Т. 16; и др.

14 городских воевод сдались полякам, ставший на пути неприятеля князь Федор Федорович Волконский Меринов (всего лишь стольник, но будущий боярин) сказал парламентам короля Владислава, что «ему, князю Волконскому, Шеин не в образец!» После 8 недель жестоких боев гетман А.С. Радзивилл в ужасе назвал обороняемую князем крепость Белую Красным городом, ибо «он весь залит кровью». Король отступил от Белой и прекратил войну, а князь повесил в Успенском соборе 8 взятых в бою знамен.

Читателю будет более понятен пример сражения при Аустерлице, знакомого всем по роману сына княгини Марии Николаевны Волконской. Л.Н. Толстой использовал истории двух своих родичей. Князь Николай Григорьевич (по матери внук фельдмаршала Репнина) под картечью вел в атаку эскадрон кавалергардов, был ранен в голову и контужен в грудь. Наполеон лично предложил освободить князя и его офицеров в обмен на обещание не воевать в течение двух лет. Волконский отказался, а его отец, оренбургский генерал-губернатор и попечитель наук, выражал живую радость по поводу вести о боевом ранении сына и его ответе «узурпатору». Князь Петр Михайлович, будучи дежурным генералом соединенных армий, увидев отступление бригады Каменского с Праценских высот, подхватил упавшее знамя Фанагорийского полка и, как отмечено в донесении Кутузова, *трижды* водил бригаду в атаку «с сохранением всего нужного в таких случаях хладнокровия». Службы князя Петра были общеизвестны: он начальствовал штабом Действующей армии в заграничном походе 1813 г., создал Генеральный штаб и его Военную Академию, стал светлейшим князем, генерал-фельдмаршалом, канцлером и всех российских орденов кавалером, наконец, министром императорского двора. Очевидная для современников Л.Н. Толстого смелость авторской интерпретации образа Андрея Болконского была забыта лишь в XX в.

К хладнокровию Волконских перед лицом неприятеля следует добавить, что они скорее могли проявить политическую гибкость (за которую один из князей был прозван родичами «Кривым Волконским»), чем быть суровыми со своими женами. Не были они и ретроградами: эпитафия юной княгине **Анне Ерофеевне Волконской** осенью 1700 г. это еще раз подтверждает. В первом варианте Карион Истомин помимо молодого мужа стольника князя Федора Михайловича называет его отца, славного окольного Михаила Андреевича. Можно предположить, что это было сделано для различения ветвей рода Волконских. Но тонкость состояла в том, что одни и те же имена давали своим детям разные ветви рода, и именно по имени усопшей жены (в девичестве княжны Солнцовой-Засекиной) можно определить, что речь идет о потомках князя Федора Константиновича, павшего в бою с Лжедмитрием II. Во втором и третьем вариантах от упоминания свекра княгини Анны Истомин отказался. Третий, прозаический вариант, содержащий весьма общее указание на то, что князья были наследниками св. кн. Михаила Черниговского, отражал то обстоятельство, что заказавшая эпитафию убитая горем семья могла в последний момент захотеть видеть на могиле более традиционную, хотя и развернутую надпись. При этом во всех вариантах Карион без тени сомнения использует только что официально введенное летосчисление от Рождества Христова, понимая, что всегда шедшие в ногу с модой Волконские не будут цепляться за старые добрые даты от Сотворения мира.

Жизнь показала, что в первом варианте эпитафии Карион Истомин как в воду глядел: в отличие от отца, отличившегося в Чигиринских, Крымских и Азовских походах, стольник князь Федор Михайлович не прославился. Зато сын Федора и Анны князь Семен получил блестящее военное образование, бивал множество врагов, от персов до

пруссаков Фридриха Великого (между прочим, в 1760 г. с налету взял Берлин) и закончил жизнь в чине генерал-аншефа. Сын Семена Федоровича и княжны Софии Семеновны Мещерской Григорий стал генералом, кавалером всех российских орденов и членом Государственного совета. Он настолько отличился в битвах с турками, что фельдмаршал Н.В. Репнин отдал за него единственную дочь, княжну Александру Николаевну, а император Александр, чтобы доказать, что «истинные заслуги не умирают», присвоил фамилию Репнина старшему сыну Григория и Софии Николаю Волконскому. Он-то и дал гордый ответ Наполеону на поле Аустерлица, в 1812 г. во главе 9-й кавалерийской дивизии бил французов в России, а в 1813 г. изгнал их из Берлина. Управляя Саксонией и Малороссией, старший правнук Федора и Анны прославился справедливостью. Средний правнук подтвердил, сколь удачно Волконские женятся: егермейстер двора князь Никита Григорьевич взял в жены княжну Зинаиду Александровну Белосельскую-Белозерскую, прославившую род Волконских в культуре¹. Младший правнук, князь Сергей Григорьевич, отличившийся в 58 сражениях, стал декабристом; его слава увековечена супругой, княжной Марией Николаевной Раевской, отправившейся за мужем в Сибирь. Наконец, правнучка Федора и Анны княжна Мария Николаевна, дочь генерала Николая Семеновича, была матерью Льва Толстого.

Не столь домовитые и плодовитые как Волконские, князья ярославской ветви Рюриковичей Троекуровы имели в XVI–XVII вв. право на боярский чин по выслуге из окольничих. Из поколения в поколение они командовали в военных походах и руководили важнейшими центральными

¹ *Бочаров И.[Н.], Глушакова Ю.[П.]* Итальянская пушкиниана. М., 1991. С. 204–338; *они же*. Салон Зинаиды Александровны Волконской как окно в Европу для Пушкина и его друзей // Россия и Италия. Вып. IV. Встречи культур. М., 2000. С. 109–165.

ведомствами – приказами. Для заслуженного боярина Ивана Борисовича, наиболее отличившегося способностями к государственному управлению и игравшего видную роль в Думе, стала тяжелым ударом гибель сына в первом Азовском походе. Князь **Федор Иванович Троекуров** еще в 1676 г. стал комнатным стольником Петра (во время Московского восстания 1682 г. получив с братом Иваном «ближний» чин спальника) и оставался им до 28 лет, пользуясь величайшим расположением государя. В грамоте из похода в Москву, полученной патриархом Адрианом (бумагами которого ведал Карион Истомин) и всенародно читавшейся в Успенском соборе, к сообщению о событиях 15 июля было добавлено, что князь «убит» из янычарского ружья в колено¹. Эпитафия, заказанная придворному поэту безутешной семьей, точно сообщает, что князь был ранен 5 августа² и от той раны сведен в могилу болезнью «в полках» 6 сентября. Об отвратительной организации похода говорит и тот факт, что тело было доставлено в Москву лишь в декабре. Зато Петр не отказал себе в удовольствии присутствовать на похоронах вернейшего слуги в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре (одном из важнейших центров в культурной истории Древней Руси).

Необычная обширность эпитафии (из 10 двустиший) связана, видимо, именно с присутствием государя на похоронах, тщательно отмеченном в стихотворном и столь же пространным прозаическом вариантах. Действительно, поступок был для Петра необычен, тем более, что родственники не хотели и слышать о похоронах князя Федора нигде, кроме родовой усыпальницы Троекуровых. В подобных случаях Карион Истомин нередко сам проявлял иници-

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 230.

² Патриарх не даром жаловался на нерегулярность сообщений от Петра, в данном случае не отправлявшего июльскую депешу до начала августа.

циативу, предлагая удостоенным высочайшего внимания царей и членов царской семьи отметить это событие литературным памятником подобно тому, как его произведениями украшались придворные церемонии, события с участием царских родственников и семейные торжества знати.

Хронологическое расположение эпитафий в нашей публикации (Ч. III) позволяет легко выделить группу сходных сочинений 1695–1697 гг. для семи окольных и стольников, большинство которых (за исключением И.И. Чадаева) входило в ближнее окружение царя Петра, причем первые трое (Т.Б. Юшков, Ф.И. Троекуров и М.И. Куракин) погибли в Азовских походах¹. Очевидно, что предложенная Истоминным форма эпитафии получила одобрение и стала своего рода модным поветрием в «высших сферах». Вместе с тем именно ближайшим к государю лицам (Ф.И. Троекурову, И.А. Бутурлину и братьям Леонтьевым) поэт представил и стихотворные, и необыкновенно пространные *прозаические* эпитафии.

Возможно, ключ к объяснению спроса на столь обширные эпитафии кроется в достаточно распространенном в XVII в. обыкновении государей жаловать средства на похороны видных людей, особенно погибших на службе².

¹ Возможно, к этой группе следует отнести стихотворные и прозаические эпитафии ближнему боярину И.С. Головкину (с высокой степенью вероятности) и Д.А. Темкину в черновиках ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 266 об.–267 об.

² Помимо яркого примера создания «из казны» крупного резного надгробия Симеону Полоцкому, в документах отмечена масса подобных пожалований, учитывавших чин и вкус покойного. Так в 1665 г. царь Алексей Михайлович указал выдать из приказа Казанского дворца княгине Анастасии Алексеевне на погребение умершего при возвращении из победоносного похода боярина князя Федора Федоровича Волконского Меринова двести рублей и «шубу бархатную золотную на соболях, чтобы тою шубою покрыть гроб мужа».

Все семеро окольников и стольников – персонажей эпитафий Кариона Истомина 1695–1697 гг. – соответствовали критериям государева жалования «на гроб». Соотношение стихотворных и прозаических вариантов в этой группе эпитафий (7 к 4, причем в прозаический текст В.Ю. Леонтьеву включено двестише) свидетельствует о борьбе вкусов: уже не только новой формы с традиционной, но и между модными *литературными* текстами в стихах и прозе.

ДУМНЫЕ ЧИНЫ И ФАВОРИТЫ

В Думе XVII в. «новой», собственно, еще не вошедшей в ряды аристократии, но уже удостоенной первого боярского чина фамилией были московские дворяне Головкины. **Иван Семенович Головкин** в 1680 гг. имел среди царских «ближних людей» чин постельничего и в таком много лет служил одним из руководителей Царской Мастерской палаты (ведавшей гардеробом и бытовыми предметами мужской половины государева дворца). Став благодаря близости к юному царю Петру (вернее сказать, к его родичам по матери) окольным (1689) и ближним боярином (1692), он устроил на свое прежнее место сына Гавриила, использовавшего тесное общение с Петром еще более результативно. Родственник царицы Наталии Кирилловны стольник и постельничий Гавриил Иванович (1660–1734) неотступно сопровождал государя, даже работал с ним вместе топором на верфях в Саардаме. Как вернейший человек, он в 1706 г. возглавил Посольский приказ, а на поле боя под Полтавой был пожалован чином государственного канцлера (1709), в каковом пребывал до кончины. Г.И. Головкин стал первым президентом Коллегии иностранных дел, членом Верховного тайного совета, графом Священной Римской (1707) и Российской империй (1710). Искусный царедворец, сохранявший высокое положение при че-

тырех царствованиях, обогатился настолько, что владел Каменным островом в Санкт–Петербурге. При этом Гавриил Иванович был скуп чрезвычайно,— настолько, что заказ в 1695 г. литературной эпитафии его отцу, написанной Карионом в стихотворном и прозаическом вариантах, можно объяснить разве что государевым пожалованием на похороны Ивана Семеновича.

Следующий после бояр чин в Думе составляли **окольничие**. Они не имели право сидеть в присутствии государя и получали вторые должности в армии, московских приказах, на городских воеводствах и в посольствах, имели более низкие поместные и денежные оклады. Как правило, это были далеко не молодые люди, для большинства из которых чин окольничего был пределом мечтаний. Число их колебалось от 4 (1626/27) до 55 (1690). Как среди бояр первым по старшинству считался «конюший», так среди окольничих наибольшей близостью к государю пользовался «оружничий», места же остальных отмечались расположением их фамилий в московском списке.

Особым успехом в чине окольничего, жаловать в который государь мог легче, чем в бояре, достаточно традиционно пользовались фавориты. Таковым был стольник царицы Наталии Кирилловны, а затем Петра (1676) **Тимофей Борисович Юшков**, потомок московских дворян, из которых лишь двое (включая его самого в 1692 г.) выслужились в окольничие и один стал боярином. Успех Юшкова связан со службой в потешном Семеновском полку, в рядах которого 20-летний капитан умер от болезни в Азовском походе 1695 г. Стихотворная эпитафия Тимофею Борисовичу открыла список сочинений придворного поэта на «жалованные» надгробия 1695–1697 гг.

После второго Азовского похода в своем доме в Москве с разрывом всего в шесть месяцев скончались и были отмечены эпитафиями Истомина окольничие братья **Иван**

и **Василий Юрьевичи Леонтьевы**. Этот прославленный в истории русской мысли род, происходящий от выходца из Большой Орды мурзы Абатура, в XVII в. храбро командовал воинскими частями, служил дьяками в приказах (один Леонтьев был даже патриаршим дворецким) но не поднялся выше чина стольника. Ключом к изменению их положения стал брак Анны Леонтьевны Леонтьевой с Кириллом Полуэктовичем Нарышкиным, от которого родилась будущая царица Наталия Кирилловна. Благодаря этому родству стал думным дворянином бывший дьяк Пушкарского приказа Федор Иванович Леонтьев. После дворцового переворота 1682 г., приведшего на престол 10-летнего Петра, на волне пожалований клану Нарышкиных, он первым в истории рода удостоился чина окольного (с жалованной грамотой в Астрахань, где он воеводствовал, был послан его сын)¹. Стольник Иван Юрьевич, много лет служивший полковым и городовым воеводой, со своим братом Василием выдвинулись в окольные после свержения царевны Софьи (1689). Царица Наталия Кирилловна доверила им важные учреждения дворцового ведомства: Ивану Оружейную, Золотую и Серебряную палаты, а также приказ Каменных дел, Василию – Царицыну мастерскую палату².

Обращает на себя внимание, что, судя по эпитафиям, Леонтьевы административной службой не гордились: она вовсе не упомянута, а в надгробных стихах Ивану подчеркнута его храбрость в полковом воеводстве. Следует отметить, что Карион Истомин хорошо знал эту семью и в 1698 г. написал стихотворную и прозаическую эпитафию супруге Ивана Юрьевича³. Эпитафии членам рода, давшего госу-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1991. С. 316–317.

² О приказном руководстве наиболее надежные сведения см.: Богдавленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946.

³ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 291 и 291 об.

дарству нескольких дьяков, четко выразили дворянские предпочтения: *военная служба расценивалась при Дворе много выше гражданской.*

Эта система ценностей еще более четко сформулирована в эпитафии выдающемуся государственному мужу окольничему **Ивану Ивановичу Чаадаеву** (1696). Начав службу в 1640-х гг., он к началу Освободительной войны на Украине пробился в **думные дворяне** – чин, специально предназначенный для представителей незнатных родов, совет которых был желателен в Думе. Для старого московского дворянства этот думный чин просто отсутствовал (как и чин думного дьяка): из не думных стольников их жаловали в окольничие. Насколько этот чин зависел от случая, говорит тот факт, что число думных дворян колебалось в разные годы от 1 до 40 человек. Ими становились в порядке исключения введенные в Думу прославленные генералы, особо отличившиеся приказные деятели и дипломаты, причем далеко не все. Даже при удостоверении соборного акта об отмене местничества в 1682 г.¹ лишь видный строитель регулярной армии «думный генерал» В.А. Змеев поставил подпись среди думных дворян (без генеральского звания), а составившие целую летопись военной славы России генералы А.А. Шепелев и М.О. Кровков² в купе с рейтарскими и пехотными полковниками подписывались в самом конце списка стольников – перед стряпчими!

И.И. Чаадаев в 1658–1666 гг. прославился при обороне украинских городов от крымского хана и польско-литовских войск, а в дальнейшем достиг крупных успехов в административной и дипломатической деятельности. Он мно-

¹ Оpubл.: СГГид. Ч. IV. М., 1826. № 130. С. 396–410, с подписями участников собора; в ПСЗ (Т. II. № 905) они опущены.

² О них см.: *Малов А.В.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 14. 2001. № 2. С. 2–7.

го лет руководил Архангельским портом, десятки раз ездил на переговоры в Варшаву, Вену, Венецию и на пограничные посольские съезды, играл видную роль в заключении ряда мирных договоров (включая Вечный мир с Польшей 1686 г.). Именно посольства и мирные соглашения поставлены на первое место в эпитафии Кариона Истомина, за ними следуют высоко ценимые при Государеве дворе воеводства в полках и городах. *Не упомянутыми* остались многолетнее руководство Земским, Иноземным, Рейтарским и Сибирским приказами, работа под началом В.В. Голицына в комиссии Собора государевых великих ратных и земских дел, даже организация работы важнейшей для аристократии Палаты родословных дел, за которую Иван Иванович и получил чин окольного (1683).

Влиятельную группу при Государеве дворе составляли уже упоминавшиеся **стольники**: высший чин Московского списка *перед* назначением в Думу, куда из нескольких сотен стольников попадали десятки. Начальным этот чин был для малого числа знатнейших родов; большинство выслужившихся дворян завершало им свою карьеру. Название чина происходило от его первоначальной функции: стольники обслуживали царские пиры, разнося яства и напитки, стояли «рындами в белом платье» в почетном карауле у трона, составляли пышную свиту высших чинов, устраивали красочные парады при приеме послов и т. п. Обслуживающие функции стольников сохранялись, но со временем отступали на второй план. Чин этот, с соответствующим поместьем и денежным окладом, определял ранг человека в системе Государева двора. Так, в регулярной армии стольники служили полковниками и ротмистрами, в небольших городах и второстепенных посольствах – воеводами и послами (или, на более значительных местах, их помощниками-«товарищами»), в приказах – судьями (начальниками центральных ведомств). При этом как чин тре-

бывал определенной должности, так и должность, особенно военная, все чаще определяла пожалование в стольники человека, ни разу не прислуживавшего за столом.

После проведенных царем Федором в 1679 г. административной и военно-окружной реформ, ликвидировавших большинство старых «городовых» чинов и сделавших основной состав вооруженных сил регулярным, почти все дееспособное местное дворянство было обязано нести постоянную службу в кавалерийских и пехотных полках с едиными армейскими званиями. Искусственно раздуваемые при дворе проблемы с начислением жалования и прочего довольствия, например, инженер-майору, а также неуклонное стремление побудить широкие круги московского дворянства служить в «регулярстве», заставили старшего брата Петра принять систему производства армейских командиров (начиная с ротмистров и полковников) в стольники. При наличии (не считая Сибири) 72-х полков, объединенных в дивизии (округа-«разряды» и армии возглавлялись думными чинами), быстро росло число выслужившихся на войне стольников – ротмистров, полковников, генерал-полковников и т. д. до полных генералов. Не желавшие, чтобы какой-нибудь городской дворянин или, упаси Боже, сын боярский оказался выше их чином, нижние чины московского списка (в нем после стольников шли стряпчие, московские дворяне и жильцы) откликнулись на подкрепленный разнообразными кнутами и пряниками призыв государя к регулярной военной службе.

Перспективы повышения в дворовом чине поручиков, капитанов и майоров манили дворян не менее сильно, чем регулярное армейское жалование (все равно получать его по московскому чину было почетнее). И ведь перспектива на этом не закрывалась. Царь Федор Алексеевич пожаловал в Думу генерала Венедикта Андреевича Змеева, начинавшего службу рядовым рейтаром; в день венчания на

царство Ивана и Петра первый думный генерал стал окольным (1682), а в Крымских походах командовал в чине «ближнего окольного и наместника серпуховского». Начиная в московских дворянах генерал Аггей Алексеевич Шепелев в 1682 г. возглавил список думных дворян, а правительством Софьи был награжден чином окольного (1687). Генерал Матвей Осипович Кровков выслужился из стряпчих, а генерал Григорий Иванович Косагов прошел всю лестницу армейских чинов и также попал в Думу.

К славной когорте стольников и полковников Белгородского разряда, наиболее интенсивно задействованного в войнах с Турцией и Крымом (1673–1681, 1686–1700), относился выслужившийся в рейтарском строю **Петр Дмитриевич Стремичевский**. В эпитафии, заказанной его семьей Кариону Истомину в 1690 г., подчеркнута храбрость персонажа «в ратех» и точно указано место службы. Действительно, «Белгородские полки» (армия), действовавшие в 1670–80-х гг. под командованием бояр князей Г.Г. Ромодановского и В.В. Голицына, боярина Л.Р. Неплюева и генерала Г.И. Косагова, имели все основания гордиться своими подвигами.

На военной службе выдвинулся из стряпчих стольник Григорий Петрович Зиновьев, заказавший придворному поэту стихотворную эпитафию своей супруге **Марии Тимофеевне Зиновьевой**, выполненную в кратком и просторном вариантах. К той же категории стольников и воевод принадлежали **Иван Андреевич Вельяминов Зернов** с братьями Даниилом и Львом. На гроб первого Карион Истомин написал стихотворный и краткий прозаический варианты эпитафии в 1702 г. Лишь Вельяминова поэт именует воеводой, зато и его, и Зиновьева во всех вариантах называет знатным и благородным. Оба рода относились к старому московскому дворянству, и, хотя Зиновьевы, например, не гнушались в XVII в. служить в дьяках и даже

подьячих, имели право, за недостатком привилегий при Дворе, *считать себя* знатью. Это было особенно важно для фамилий, представители которых несли военную службу исправно, но постоянно убеждались в зависимости карьерного продвижения от места, занятого при Дворе.

То же можно сказать о роде получившего эпитафию в 1697/98 г. стольника М.П. Челищева¹, пострадавшем во время восстания Степана Разина: при взятии Темникова тамошний воевода Василий Челищев сумел бежать, но его брат и племянник были убиты повстанцами. С этой упорно пробывавшейся на военной службе, раз попавшей в «товарищи» приказного судьи и смело начинавшей местнические споры фамилией Карион был знаком лично, по крайней мере через женщин. Как раз в феврале 1698 г. схимонахиня Московского Вознесенского монастыря Евдокия Челищева через Истомина передала с его товарищем, ученым иеромонахом Иовом, посылку для митрополита Черниговского Иоанна; позже Карион писал грамоту для игуменьи монастыря Богородицы страстных иконы Юлии Челищевой².

Благородным и знатым в эпитафии 1696 г. именуется Истомин и стольника **Ивана Андреевича Бутурлина**, потомка московских бояр, родичи которого в XVII в. выслуживались из столичных дворян в стольники, в окольные и даже в бояре, получая должности приказных судей и воевод. С творчеством Кариона Бутурлины были знакомы не только по произведениям, звучавшим на дворцовых церемониях. Для своих учеников, детей Федора Емельяновича и Анастасии Дмитриевны Бутурлиных, Истомин писал стихотворные орации, которыми те в 1692 г. поздравляли мать и отца в их именины³, отмечавшиеся, по традиции, пиром с родичами и друзьями.

¹ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 291.

² ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 160, 499–500.

³ ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 160, 161.

Гордостью скончавшегося на 58-м году жизни Ивана Андреевича был его сын Иван, заказавший придворному поэту эпитафию. Карион не случайно постарался, представив заказчику два стихотворных (причем один весьма обширный) и прозаический варианты. Стряпчий Иван Иванович (1661–1738) за заслуги во время Московского восстания 1682 г. стал спальником, а затем стольником (1686) при юном Петре, быстро сделавшись его ближайшим помощником. При создании Преображенского полка в 1687 г. младший Бутурлин был назначен его премьер-майором (фактически командиром). Он активно участвовал в свержении Софьи (1689), закрепил свой военный авторитет в Азовских походах и не уронил его под Нарвой: хотя сам генерал-майор попал в плен, бывшие под его началом Преображенский и Семеновский полки дрались стойко. Во главе гвардейской дивизии из этих полков Иван Иванович участвовал во многих сухопутных и морских сражениях (в т. ч. при Гангуте и Гренгаме), стал полным генералом, кавалером орденов Андрея Первозванного и Александра Невского. Умер он в нищете, лишенный чинов и наград за заговор против более удачливого фаворита Петра, А.Д. Меншикова. Но это случилось много позже, а во время написания эпитафии его отцу важная роль И.И. Бутурлина при юном царе Петре была неоспорима.

Считая упоминание светского чина стольника в эпитафии Чудовскому келарю Герману (в миру Георгию Лутохину, † 1692), в черновиках Кариона Истомина найдено 10 эпитафий с указанием этого чина. Всего же они касаются 14 стольников: придворный поэт не указал чин представителей княжеских родов, И.Ю. Трубецкого, Ф.М. Волконского и И. Мещерского; стольником был и упомянутый без имени сын княгини И.В. Трубецкой Юрий Юрьевич. В этом сказалась особенность чина стольника, становившегося стартовой площадкой в карьере аристократов (но да-

леко не всех титулованных фамилий), – его и измельчавшие князья Мещерские (служившие в XVII в. городовыми и полковыми воеводами, полковниками, не поднимаясь выше стольничества), считали менее важным, чем титул. Остальные чины Московского списка упоминались неукоснительно, как и самый мелкий дворянский (сын боярский) и административный (подьячий) чин.

Тем не менее с точки зрения изучения круга потребителей *новой культурной продукции* чин стольника выглядит очень важным, что особенно заметно на фоне общей картины связи эпитафий Кариона Истомина со служилыми чинами России того времени. Расположим их по порядку старшинства, сдвинув во второй ряд Московского списка чины, не входившие в лестницу придворных (в скобках учтены персонажи без упоминания чина):

Эпитафии и служилые чины

Московский список	<i>придворные чины</i>	<i>должностные ч.</i>
<i>Боярская дума</i>	бояре 2 окольничие 6	думные дворяне 1 думные дьяки 2
<i>не думные чины</i>	стольники 10 (14) стряпчие 1 двор. московские 0 жильцы 0	<i>выслуженных 6 (7)</i> дьяки 2
Городовой список	<i>служилые дворяне</i>	
	двор. городовые 0 дети боярские 1	

Очевидно, что относительно численного состава каждого чина спрос на литературные эпитафии у думных чинов был значительно выше, чем у стольников, а те в свою

очередь принципиально превосходили по культурным запросам остальную массу московского дворянства. Может показаться, что такое соотношение упомянутых Истопинных лиц определялось преимущественно кругом общения придворного поэта, но проблема вовсе не так проста.

Адресатами произведений Кариона были не только придворные. Немного забегаая вперед и ограничившись только эпитафиями, заметим, что поэт посвящал их одному человеку низшего дворянского чина, трем подъячим (возглавлявшим список служилых по прибору), четырем деятелям крупного торгово-промышленного капитала, пяти посадским людям, четырем монахам и двум представителям белого духовенства. Правда, среди адресатов 18-ти эпитафий «недворянским» чинам трое, на взгляд Кариона, сохраняли дворянские звания (жена именитого человека Васса Строганова – княжны Мещерской, келарь Герман – стольника Георгия Лутохина, схимонах Иов – думного дьяка Якова Кириллова) и помещены нами в таблицу Московских чинов.

Придворная мода, как обычно, охватывала не весь Двор и не ограничивалась дворянством. Природа культурных запросов сходна с запросами образовательными. В России конца XVII в., согласно подсчетам А.И.Соболевского (по мнению Н.А. Баклановой – заниженным), духовенство было грамотно примерно на 75–100%, купечество – на 96%, дворянство – на 50%, посадские люди – на 40%. При этом, как показал Н.В. Устюгов, рост уровня грамотности был высок, а распределение ее неравномерно. В Мещанской слободе Москвы уровень грамотности доходил в 1677 г. до 36%, в 80-х гг. – до 40%, в 90-х гг. – до 52 %, тогда как подсчеты по судебным делам всего московского посада за 1686 г. дают менее 24% грамотных; в Соликамске в 80–90-е гг. обнаруживается до 49% грамотных и т. д. Серьезное повышение и, одновременно, расхождение уровней грамотности было отмечено также среди в целом «полуграмотно-

го» дворянства. Как заметил тот же Устюгов, «в первой половине XVII в. встречаются неграмотные воеводы... Во второй половине XVII в. неграмотных или малограмотных воевод не встречается»¹.

Афоризм Устюгова помогает осознать, что при царях Алексее Михайловиче, Федоре, Иване и Петре Алексеевичах имевшие право на воеводские должности высшие чины двора, начиная со стольников, не могли выполнять своих государственных функций без достаточного уровня грамотности. Для знати второй половины столетия характерно высокое семейное образование, в последней четверти века охватывавшее, судя по сочинениям и запискам Истомина, «мужей и жен, отроков и отроковиц». Разумеется, не все знатное дворянство обучалось «свободным мудростям» и иностранным языкам или склонно было читать ученые книги. Чудовский монах Карион, у которого заказывали сочинения и брали почитать книги, знал это особенно хорошо, тем более что одним из популярных мест обучения детей знати был Чудовский монастырь. Но на деловом и бытовом уровне процент грамотности дворянства был резко смещен на высшие чины и группу тех, кто мечтал продвинуться по службе, занять командные должности, выбиться в стольники, а то и попасть в Думу.

Неравномерностью культурных запросов следует объяснить тот факт, что из примерно тысячи **стряпчих**, вдобавок к исполнению обслуживающих функций при Дворе занимавших к концу XVII в. видные должности (кроме требовавших особо высокой личной ответственности воевод-

¹ *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894. С. 8–13; *Бакланова Н.А.* Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; *Устюгов Н.В.* Научное наследие. М., 1974. С. 77–78. Обзор см.: Очерки школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

ских, судейских и посольских), эпитафии своей жене и детям (причем прозаические) заказал лишь один **Яков Иванов** (1695), да и тот служил в Кормовом дворце – подразделении приказа Большого дворца, ведавшем приготовлением и раздачей съестного¹. Как легко догадаться, грамотность чиновников центральных и местных государственных учреждений (приказов, приказных изб и воеводских канцелярий) была абсолютной.

Сравнительная незаинтересованность наиболее многочисленного нижнего слоя Московского списка в образовании и новых явлениях культуры подчеркивается отсутствием в архиве придворного поэта эпитафий представителей еще более многочисленных, чем стряпчие, чинов **дворян московских и жильцов** (в которых начинали службу молодые люди из большинства фамилий Московского списка). Не удивительно, что царь Федор Алексеевич почти с начала царствования вел методичное наступление на этот оплот консервативных традиций. Еще весной 1677 г. государь повелел московским дворянам и жильцам, записанным в эти чины из городских дворян с 1670/71 г., нести военную службу с теми городами, откуда они попали в Московский список. После военно-окружной реформы это были исключительно разрядные (регулярные) полки. При этом чинов своих новые московские дворяне не теряли, более того, закрепляли привилегии при назначении на командные должности. Тем не менее, судя по указам 1679 г., многих представителей московского дворянства приходилось буквально загонять на службу, угрожая выпиской в города и лишением их наследования поместий выходящих в отставку отцов².

¹ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 265 об.

² Федор Алексеевич упорно боролся с практикой наследования поместий, вроде бы являвшихся жалованием за службу, путем записи на фиктивные должности и даже без должностей.

Еще до расширения госаппарата в результате реформ царя Федора всего более чем шеститысячного отряда записанного в службу московского дворянства не хватало ни для командных и управленческих должностей, ни даже для парадных и церемониальных мероприятий. «Выборные» дворяне из «городовых» корпораций, в XVII в. по очереди (обычно четвертями) призываемые на московскую службу, по традиции должны были своим рвением как бы подпирать московский список, пополняя его и стимулируя московских дворян конкуренцией. Увы, в последней четверти столетия этот механизм почти не работал, так что правительство видело выход исключительно в направлении «выборных» на регулярную службу вместе с низшими для дворян городскими чинами. Последние: **дворяне городовые** и **дети боярские**, – издавна записывались на службу в «десятиях» (документах смотров по уездам) и к концу царствования Федора Алексеевича почти поголовно оказались на регулярной службе в рядовом и младшем командном составе кавалерийских и даже пехотных полков.

Судя по документам времен Федора, Софьи, Наталии Кирилловны и молодого Петра, масса дворянства была бедна. Особенностью низшего дворянского чина детей боярских была вопиющая бедность. Мелкопоместные и беспоместные «дети» нередко вынуждены были наниматься в подьячие, а то и на службу к знатым богатым лицам. Прорваться «наверх» им было труднее всего, но нищета прекрасный учитель. Примеров блестящей карьеры мелкого городского дворянина к концу XVII в. накопилось немало. Причем не только на военной, но и на гражданской службе: не столь почтенная с точки зрения служилых по отечеству административная приказная служба не имела внутренних барьеров из придворных чинов.

Так, брянский сын боярский и местный подьячий Федор Леонтьевич Шаковитый перебрался в начале 1660-х гг.

в Москву¹, выслужился из подьячих приказа Тайных дел в дьяки важнейшего Разрядного приказа и во время Московского восстания 1682 г. стал думным дьяком. Именно на него опирались царевна Софья и князь Голицын в борьбе с восставшими, именно Шакловитый разработал и на посту главы Стрелецкого приказа осуществил план нейтрализации стрелецких и солдатских полков – ударной силы российской армии, ставшей опасной для дворянского государства. Сделавшись думным дворянином, Шакловитый взял в свои руки учёт кадрового состава всей администрации, распространил свое влияние на множество внутри- и внешнеполитических дел, наконец, по словам князя Б.И. Куракина, вытеснил В.В. Голицына из спальни и «конфиденции» правительницы Софьи². Только свержение правительства регентства остановило карьеру ближнего окольничего Шакловитого, потерявшего голову на плахе.

Небольшая, но вполне «придворная» по исполнению стихотворная эпитафия сыну боярскому по г. Ефремову **Федору Мартынову** (1691) подтверждает, что представителям низшего дворянского чина было присуще честолюбие более заметное, нежели чинам среднего (московского нижнего) звена.

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 60.

² «Надобно ж и о том упомянуть, – заметил хорошо знавший отношения при Дворе князь, – что в отбытие князя Василия Голицына с полками в Крым, Федор Щагловитой весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в бóльшей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно» (*Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под редакциею *М.И. Семеvского*. Т. 1. СПб., 1890. С. 55). Из контекста не ясно, какой имелся в виду Крымский поход, но на Куракина наибольшее впечатление произвел первый (1687), и именно с этого времени заметно, что Шакловитый вел самостоятельную относительно Голицына политику.

ПРОФЕССИОНАЛЫ УПРАВЛЕНИЯ

Мы намеренно выделили из иерархической лестницы два входивших в Боярскую думу чина: думных дворян и думных дьяков, – отметив выше лишь их положение. Играя в высших сферах государственной власти подчиненную роль, они статистически (с учетом численности) не уступали боярам и окольниковым в количестве заказанных придворному поэту эпитафий. Дело было не только в важном для Кариона Истомина придворном положении: во всех случаях речь шла также о высшем образовательном и культурном уровне. Для большинства бояр и окольников аристократизм означал ясно сознаваемый долг перед своим родом и государством, в том числе в уровне образования и культуры. Меньшинство же *доказало* свою полезность, благодаря высочайшим профессиональным качествам пробившись на самый «Верх» (как назывались тогда государевы покои в Кремлевском дворце), в том числе из думных дворян и даже думных дьяков.

В **думные дворяне**, по самому назначению чина, жаловались, во-первых, особо отличившиеся профессионалы из армии (прошедшие уже рассмотренную ступень стольников – генералов и полковников), во-вторых, в высшей степени заслужившие поощрение представители гражданской администрации. Военные и административные профессионалы, воеводы и выслужившиеся из подьячих дьяки, постепенно повышали в XVII в. дворянский род Паниных (прославленный в следующем столетии). Во время восстания Степана Разина севский воевода Василий Никитич Панин доказал, что не зря удостоен чина думного дворянина: действуя самостоятельно и в соединении с князем Юрием Барятинским он нанес ряд поражений повстанцам. Уже после его кончины, в 1695 г., родственники (среди которых известен думный дворянин и нижегородский воево-

да Иван Иванович) заказали Кариону Истомину эпитафию его вдове **Анне Юрьевне Паниной**, выполненную в стихотворном и прозаическом вариантах¹.

Думные дьяки были, собственно говоря, привилегированной категорией дьяков, призванных постоянно участвовать в заседаниях Думы, в отличие от простых дьяков, призывавшихся в «Верх» для доклада о делах подведомственных им учреждений. **Дьяки** руководили делопроизводством центральных и местных государственных учреждений (приказов и приказных изб в городах и военных округах): в Москве они служили под началом судей, в уездах и армии – воевод. Практика показала, что центральное ведомство может эффективно управляться не судьей из высшего дворянства, а думным дьяком. Однако думных дьяков были единицы, и иногда управление учреждением доверялось коллегии дьяков. Последние непременно участвовали в крупных посольствах и военных кампаниях, получали большое поместное и денежное жалование, оставаясь в глазах массы придворных людьми «второго сорта» еще более, чем думные дворяне и думные дьяки. Объяснение такой ситуации не сводится к констатации, что подавляющее большинство дьяков выслужилось из подьячих: в конце концов, вопреки расхожему мнению, среди подьячих было немало дворян. Основной причиной являлось то, что дьячество в принципе было чином исключительно *личной выслуги*, по сути противостоящей старому родовому принципу, причем выслуги преимущественно административной, а не излюбленной дворянством военной.

Особенности чина думных дьяков ярко демонстрирует род Кирилловых, давший в XVII в. немало подьячих и дьяков, успешно сочетавших административную и торгово-промышленную деятельность. Из них Аверкий Степанович принадлежал к высшей купеческой категории **гостей**,

¹ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 263 об.

владевших огромными капиталами, которых государство нередко привлекало к работе, связанной с финансами. Не без выгоды побывав таможенным и кабацким головой в крупнейшем торговом порту Архангельске, Аверкий Степанович отошел от работы на казну, но в 1676 г. согласился принять должность думного дьяка в приказах Большого прихода и Большой казны, ведавших основными источниками государственных доходов: косвенными и прямыми налогами, Монетным двором, железными заводами и т. д. Заодно мастер извлечения прибыли руководил приказами, управлявшими и собиравшими налоги в важных областях государства (Новгородской, Галицкой и Владимирской четвертями), а также Новой четвертью, занимавшейся доходами с кабаков и продажи табака. Не бесприбыльно оказалось для думного дьяка руководство Казенным приказом, ведавшим царскими сокровищами, и удовлетворявшим все продуктовые нужды Двора приказом Большого дворца. Внутренние каменные палаты Кириллова в Москве на Берсеневской набережной очевидно свидетельствовали, что от перехода из гостей в думные дьяки он, мягко говоря, не проиграл. Так считали и восставшие москвичи, казнившие Аверкия Степановича 16 мая 1682 г. «за великие взятки» и несправедливые пошлины на соль и другие товары.

Сын его Яков Аверкиевич в начале 1670-х продолжал семейное дело в качестве гостя, затем в чине дьяка помогал отцу в управлении множеством приказов. Ужас перед восставшими заставил его в 1682 г. дать обещание постричься в Донском монастыре, но отказаться от торговой и административной деятельности Яков не смог. Правительство Софьи сделало его думным дьяком, а новое правительство Нарышкиных назначило в Палату расправных дел – высший исполнительный орган над приказами, созданный еще царем Федором. Хорошо знакомый Кариону Истоминову деятель исполнил свое обещание Богу лишь в августе

1693 г., почувствовав приближение смерти. Чтобы надежно замолить грехи, благоразумный Яков принял не только монашество, но и великую схиму. В свою очередь церковные власти выразили ему глубокое почтение, сделав умирающего схимника наместником, а патриарх Адриан лично отпел усопшего 5 сентября 1693 г. Обширность прозаического и стихотворного вариантов эпитафии **Иакову-Иову Кириллову** (с указанием светского чина и обстоятельств пострижения) в равной мере связаны с благостоянием его семьи и вниманием, проявленным патриархом.

Как Кирилловы были признанными авторитетами в финансовой области, так думный дьяк **Прокопий Богданович Возницын** многолетней службой доказал свою незаменимость в делах посольских. Отец его, служивший подьячим на далекой Ваге, не сделал карьеры, но сумел пристроить сына подьячим в приказ Большого дворца, откуда Прокопий в конце 1667 г. был переведен в Посольский приказ и вскоре послан гонцом в Вену и Венецию. **Гонец** — низшее (после **послов** и **посланников**) звание дипломата, выполнявшего *самостоятельную миссию*, так что им не гнушались и видные дворяне. Столь высокое доверие Возницыну оказал только что возглавивший Посольский приказ Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, незнатный псковский дворянин, личными способностями достигший должности канцлера и чина боярина. Подьячий Возницын блестяще справился с этим и многими другими важными поручениями. Когда его покровитель угодил в опалу и близкие к Ордину-Нащокину люди (включая Медведева), разбегались кто куда, Прокопий как ни в чем не бывало продолжал выполнять трудные задания нового главы Посольского приказа А.С. Матвеева (канцлера и боярина из семьи дьяка, выслужившегося в гвардейской пехоте). Любопытно, что ни Нащокин, ни Матвеев не повышали Возницына по службе. Только царь Федор Алексеевич сделал Проко-

пия **справным подъячим** (руководителем приказного отдела – «стола», дававшим задания «средним» и «молодым» подъячим, редактировавшего документы и т. п.), а вскоре и дьяком. Более того, Возницын вместе с братьями Артемием (тоже выслужившемся в дьяки) и Федором (оставшимся в подъячих) получили от царя-реформатора поместье.

При канцлере В.В. Голицыне правительство регентства особо пожаловало Возницына за труды по заключению Вечного мира с Польшей. Нуждавшееся в сильных администраторах новое правительство Н.К. Нарышкиной присвоило ему чин думного дьяка и назначило в стоящую над приказами Расправную палату. Кроме того, он возглавлял приказы Казанского дворца и Аптекарский. Именно Прокопий Богданович был дипломатическим помощником Петра в «Великом посольстве» (1697–1698), получив от него звание **«думного советника»**. Что оно означало в системе чинов, было неясно, да и не слишком волновало царедворцев, поскольку свидетельствовало о степени близости к государю. Именно «думным советником» называет Возницына Карион Истомин, отмечая в краткой, но емкой эпитафии его «разумность», заслуженную в посольских делах славу и руководящую работу «в многих приказах». Личное знакомство придворного поэта с профессиональным администратором не вызывает сомнения, тем более что в 1699 г. Прокопий Богданович возглавлял Патриарший двор. К моменту смерти «думного советника» в 1702 г. и он, и его брат Артемий уже не имели приказных должностей, не было в России и патриарха, так что эпитафия Кариона отражает его частные отношения.

Еще более ярко личная симпатия выражена в двух вариантах обширнейшей (из 11 и 10 двустижий) эпитафии **Порфирию Трофимовичу Семенникову** (1695), бессменному дьяку Патриаршего казенного приказа с марта 1671 г. по 12 октября 1686 г. Истомин отмечает не только необхо-

димую на такой должности «честность» и «ум здравый», но ученость дьяка, «ведущего дел и книг», его «всем благоприятный» нрав. Скончавшийся на 71-м году жизни Порфирий Трофимович, помимо приказных дел, немало потрудился в чтении и письме церковных сочинений. По мнению поэта, именно от неустанного утруждения глаз дьяк ослеп и 9 лет «страда, многа прият терпения». Кончина слепого старца представлена Истоминым во втором, более кратком и емком варианте эпитафии, как *освобождение* от земных страданий: «Ныне Порфирий уже в видении целом».

Не только Карион помнил о заслугах и выдающихся способностях Порфирия Трофимовича. Судя по сохранившимся документам, знания и авторитет Семенникова побудили патриарха Иоакима привлечь слепца к работе своего Казенного приказа в 1688–89 финансовом году, когда он помог новому казначею Андрею Денисовичу Владыкину разобраться с делами (старший надзиратель за казной старец Паисий Сийский явно не вникал в делопроизводство). Признанием дьяк пользовался в кругу хорошо знавших его людей, *intra mures* (среди стен) Патриаршего двора. Как подавляющее большинство приказных дьяков, профессиональный администратор Семенников *никогда не возглавлял учреждение*, довольствуясь своей руководящей ролью в делопроизводстве. В 1680–90-х гг. своими ведомствами управляли все наличные думные дьяки (4–5 человек), тогда как около 80 простых, приказных дьяков, пребывали исключительно в подчинении у приказных судей, назначенных по думному (или церковному) чину. Не удивительно, что литературной эпитафии удостоились двое из малого числа думных дьяков и всего один (с указанным без чина заказчиком Родостамовым, см. ниже – двое) из многих десятков дьяков приказных. Еще более выборочно представлена многочисленная группа административных профессионалов в чине подьячих.

Основной идеей реформы государственного аппарата (не считая полного преобразования местного управления), начатой при царе Федоре Алексеевиче, было укрупнение центральных учреждений при более четком распределении функций и унификации их работы. Общее количество центральных ведомств сократилось в царствование Федора с 43 до 38 (в 1698 г. их осталось 36), число думных дьяков почти не менялось, а дьяков – росло незначительно. Зато основная рабочая сила – подьячие – превратилась из полка в целую чиновничью дивизию. Н.Ф. Демидова подсчитала, что при Алексее Михайловиче (1664) на 43 московских приказа их приходилось 771, при Федоре Алексеевиче (1677) на то же число учреждений – 1477, к концу его царствования в 38 приказах работало уже 1702 подьячих, а в начале самостоятельного правления Петра (1698) – 2648¹. На всю более чем 2,5 тысячную дивизию хорошо образованных **московских подьячих** 1690-х гг. приходится *три* сохранившихся в архиве придворного поэта эпитафий, т. е. статистически они значительно отстают от стольников, заметно превосходя стряпчих: соотношение, лишний раз подтверждающее выводы Н.Ф. Демидовой о существенной роли этого среднего (сравнительно с близким к «верхам» начальством и низким кругом местных подьячих), наиболее многочисленного слоя бюрократии в России периода становления абсолютизма.

Наиболее ранняя из этих эпитафий (1691) адресована подьячему Посольского приказа, прочно державшему первенство в удовлетворении литературных потребностей Двора. Помимо огромной работы по созданию, переводу и переписке книг², приказ вел в XVII в. систематическую и

¹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия... С. 23 и др.

² Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века // Книга. Исследования и материалы. Сб. 8. М., 1963.

планомерную работу по подготовке в своих стенах высококвалифицированных специалистов¹. Говоря о качествах посольского подъячего **Василия Клобукова**, Истомина не случайно вслед за его «острым смыслом» отмечает умение «добре писати»: школа посольских подъячих славилась наилучшим стилем каллиграфии. Эпитафия отличается не вполне обычным сочетанием вариантов. Традиционным для Кариона является лишь первый стихотворный; второй стихотворный вариант не включает столь необходимого элемента, как дата смерти, и мог быть использован лишь в сочетании с третьим вариантом, где наряду с датой и обстоятельством смерти («во младых летех») также помещен краткий стих, выражающий переживания родного Василию человека, совсем как на многих эпитафиях нашим современникам. Скорее всего, эпитафия Клобукову была заказана одним из родителей, для которых подъячий, начавший службу в конце 1675 г. в Аптекарском приказе, к середине 1691 г., в возрасте около 30 лет, был все еще молодым. Особое горе заказчика могло объясняться окончательным пресечением видной на приказной службе фамилии, родоначальник которой, известный с конца XV в. сын боярский Тимофей Григорьевич Клобуков Топорков, стал дьяком еще во время образования приказной системы, а его потомки служили в дьяках до Смуты. В XVII в., помимо Василия Клобукова, С.Б. Веселовский отметил с такой фамилией лишь подъячего Иова в 1660-х гг.²

Стихотворная эпитафия **Ксении Стефановой**, супруге подъячего приказа Большой казны Никифора Стефанова

¹ Демидова Н.Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 103–107.

² Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 238–240.

(1694) напротив, подчеркнуто традиционна и, при относительной краткости, содержит весь набор характерных для надгробия данных, вплоть до дня именин. Местечко подле важнейших (после косвенных налогов приказа Большого прихода) финансовых потоков было во второй половине XVII в. основательно облюбовано Стефановыми (по Богоявленскому, по Веселовскому – Степановыми). Там служили: подьячий (1654), затем дьяк Дмитрий (1681–1683), подьячие Петр (1663) и Иван (1681–1696), дьяк Артемий (1691–1696). Неизвестно, состояли ли они в родстве, да и Никифора историки не отметили. Однако, судя по рабочему каталогу Н.Ф. Демидовой, личный состав приказов отражен в изданных справочниках неполно, и мы должны верить сведениям Кариона Истомина.

Неизвестен историкам был **Андрей Велинский**: благонравный не по годам «отрок преизбранный», служивший подьячим в 11-летнем возрасте. В эпитафии ему (1700) поэт настолько увлекся, что не указал места службы вундеркинда. Неизвестна в «бунташном веке» и его фамилия, происходившая, судя по звучанию, из Речи Посполитой. Ясно, что родители Андрея были весьма честолюбивы, что подвигло их заказать стихотворную эпитафию, но говорить, как часто делается, о польском или западнорусском влиянии в данном случае нельзя: эпитафия православному мальчику по форме и содержанию была уже обычной для Московского двора.

Две особенности выделяют написанную в том же 1700 г. краткую стихотворную эпитафию супруге дьяка Посольского приказа (1698/99–1700) Михаила Ивановича **Пелагее Родостамовой**. Она скончалась летом 1697 г., когда муж ее не отмечен в службе (по известным источникам). В 1692–1693 гг. Родостамов был посольским подьячим, затем в сведениях о нем имеется провал, а посольским дьяком Михаил Иванович писался в документах уже после кончины

Пелагеи. Судя по тому, что в эпитафии чин его, вопреки общественному сознанию и обыкновению Кариона Истомина, *не указан*, заказчик при жизни супруги еще не был пожалован в дьяки, писаться же в заказанной почти 3 года спустя эпитафии подьячим не возжелал.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЛЮДИ

Подьячие были единственной группой отмеченных в литературных эпитафиях чинов «служилых по прибору» (включавших стрельцов, пушкарей, ямщиков и т. п.). Однако к концу XVII в. укреплялось сознание, что все социальные группы, подчиненные непосредственно государству (а не частным лицам), являются «чинами», частями единого и совершенного государственного организма. Из их числа давно, еще в XVI в. выделились особые, «**именитые люди**» Строгановы, фактически олицетворявшие собой государство в государстве. Превосходя самых высших аристократов богатством, в том числе вотчинным, а многие знатнейшие фамилии – и заслугами перед державой, не уступая им правами в своих необъятных владениях, Строгановы, как лишний раз подчеркивает эпитафия Кариона Истомина, оставались в общественном сознании неизмеримо *ниже* небольших чинов Московского списка.

Эпитафию своей любимой жене и верной помощнице **Вассе Ивановне Строгановой** заказал в 1693 г. Григорий Дмитриевич, – не один из Строгановых, а *единоличный* (с 1688 г.) владелец их огромных родовых богатств. Заказчик пользовался особым расположением государей, которых неоднократно выручал деньгами (в том числе на жалование армии и строительство флота), его отчество писалось с «вичем», как у высших чинов двора (со времен Федора – включая думных дьяков), он имел право судить в своих владениях и вместо себя ставить у присяги своих людей,

варить вино и пиво, получать за «бесчестье» штраф в 100 рублей, был свободен от постоя и пошлин и т. п. В его владениях были города и сотни деревень с населением свыше 22 тысяч мужских душ «налицо» (не считая почти 17 тысяч «в бегах и в мире скитающихся»). В историю культуры Григорий Дмитриевич вошел как крупнейший строитель, собиратель старинных рукописей и меценат, щедро поддерживавший художников и музыкантов.

Нет сомнений, что всей душой любящего гонорар профессионала Карион Истомина стремился угодить второму по богатству в стране человеку (после царя Петра). Тем не менее он лишь в первом, явно незавершенной прозаическом варианте эпитафии ограничился указанием на имени того супруга Вассы Ивановны. Во втором, стихотворном варианте, первая же строка отмечает «благородное» происхождение жены Строганова, который, конечно, известен родом («явленный дедич»), но никак не «знатен», в отличие от отца Вассы, захудалого князя *Мещерского*. Древний род Мещерских, дававший видных городовых и полковых воевод, в XVII в. состоял в дворянах московских; его представители изредка пробивались в чины стряпчих и стольников (в нижнюю часть списка, как полковники). Князь Иван Иванович Мещерский на службе не отличился и даже в таких чинах не означен. Однако в третьем, прозаическом и наиболее полном варианте эпитафии, указан сначала он, затем «благородная жена княжна Васса Иоанновна», и лишь после – ее именитый, но не титулованный супруг.

Старание поэта должным образом выразить скорбь по почившей очевидно, как и спешность его работы. Вначале он не знал ни времени смерти Вассы, ни ее возраста, ни дня похорон. Во втором варианте эпитафии Карион был уже осведомлен о ее титулованном отце и времени жизни в супружестве, не говоря уже о личных качествах, вроде «странноприимства» и «милости», однако день похорон

остался опущенным. Лишь в третьем варианте говорится, что жена и княжна Васса была погребена на следующий день по кончине, причем лично патриархом Адрианом, при котором Истомин и трудился. Очевидно, что поэт взялся за работу, как только узнал о кончине супруги именитого человека, когда даже патриарх еще не решил, примет ли он участие в похоронах. Нет сомнения, что, отодвигая Строганова на второй план, Карион ни в малой степени не желал его обидеть, напротив, он констатировал лестный для Григория Дмитриевича факт, что спутницей его жизни была титулованная особа.

Звание «именитого человека» Строганова котировалось «вдвое против лучшего московского гостя» – богатейшего купца и промышленника, члена привилегированной и немногочисленной корпорации (**Гостиной сотни**). Гости, а вслед за ними члены Суконной сотни, Кадашевцы (производители тканей), представители иных зажиточных слоев лично свободного населения могли приглашаться «в Верх» на совещания, имели доступ во дворец в большие праздники (особенно связанные с подарками) и т. д. Но никакого сравнения с придворными чинами они не имели, и посему честь Строгановых «вдвое» выше гостей для придворного поэта не говорила практически ни о чем. Относительная стабильность положения Строгановых, умножавших богатства на протяжении столетий, определялась не столько торгово-промышленной деятельностью, сколько их колоссальными вотчинами. Это подтверждается тем, что имевшие немалые земельные владения и многочисленные соляные варницы Грудцыны-Усовы поддерживали свое богатство пять поколений, Панкратьевы в том же XVII в. – три поколения, тогда как промышленники и купцы, рассчитывавшие в основном на оборот, держались на вершине благосостояния одно, от силы два поколения (это явление прослежено также и в XVIII–XIX веках).

Классическим примером взлета и падения торгово-промышленной фамилии были **Калмыковы**, главному из которых, **Клименту Прокофьевичу**, Истомин написал стихотворную эпитафию весной 1701 г. В 1660-х гг. Климент с младшими братьями Федором и Никитой был патриаршим крестьянином, жил в одном дворе с «соседом» на окраине Нижнего Новгорода в слободе патриаршего Благовещенского монастыря и приторговывал в своей хлебной лавке. Изворотливость помогла Калмыковым к 80-м гг. сойти за людей «полных и многопромышленных». Они торговали индийским и персидским товаром через Астрахань, оптом продавали тамошнюю соль на севере, имели свои крупные грузовые суда–струи, но продолжали ютиться на том же дворишке с тем же «соседом».

Приращению богатства Калмыковых способствовало ростовщичество. Благодаря разорению опутанных «заемными записями» должников они завладели дворами и лавками в Москве и Нижнем. Замаскированные в крестьянские одежды купчины успешно использовали такой ловкий прием, как объявление об утере долговых записей, когда заемщик возвращал долг, после чего документы «находились» и долг взыскивался вдругорядь. Не имевших недвижимости они обращали в дворовых (хотя владеть крепостными крестьяне Калмыковы права не имели), кого можно – просто грабили, захваченных в результате разбоя мальчиков продавали или воспитывали из них приказчиков. Но заполучить настоящее богатство они, как почти все скоробогачи, сумели за счет государства. Осуществленный Климентом Калмыковым с братьями гениальный план состоял в том, чтобы компанией из 14 торгово-промышленных людей взять подряд на доставку с низовьев Волги и Каспия в Москву казенной рыбы, т. е. фактически купить наиболее доходную часть государственной монополии. Тонкость состояла в том, что для этого нужен был лишь

относительно небольшой первоначальный капитал и поставленный как бы во главе компании человек с хорошими связями в дворцовом ведомстве. Компанейцы обязались поставлять в Москву в течение пяти лет по 100 тыс. пудов рыбы «и больше, сколько в котором году великий государь укажет». Оплата была установлена твердая, две трети денег подрядчики получали *в качестве аванса* в начале каждого финансового года, а остаток – по сдаче рыбы дворцовым чиновникам. При этом ограничений на дополнительные поставки рыбы по частным заказам для допущенных к казенному пирогу торговцев не устанавливалось.

Как только дело пошло, Калмыковым оставалось избавиться от остальных членов кампании; те бросились было судиться, но благодаря оплаченной волоките судное дело пережило и истцов, и ответчиков. Продление на новые сроки столь выигрышного подряда, выполняемого на выданные государством оборотные средства, не представляло затруднений. Мало того, промышленникам хватило денег, чтобы получить не менее выгодный подряд на перевозку *вниз* по великой реке казенного хлеба, собираемого в качестве налога в житнице страны – уездах Средней Волги. Логичным его продолжением явился подряд на сам сбор ясачного хлеба с нерусского населения этих уездов (грабить «иноверцев» было легче). Где хлеб, там и водка, тем паче, что она тоже входила в государственную монополию: промышленники урвали подряд на поставку вина на казенные «кружечные дворы» Поволжья, а затем (мечта всех предпринимателей) – и для армии.

К концу 1680-х гг. Калмыковы построили внушительный торговый флот и открыли свои конторы во всех поволжских городах от Нижнего до Астрахани. Везде, где был строевой лес, выросли их верфи, в хлебных районах работали с полной загрузкой мельницы и винокурни, в рыбных местах – процветала соледобыча. Караваны больших транс-

портных судов-стругов с командами по 200–500 человек шли вверх и вниз по Волге с полной загрузкой: к казенным товарам Климентий с братьями добавлял свои для продажи на Макарьевской ярмарке «и по иным городам» от Астрахани до богатейшей Москвы. В 1696 г., крепко нажившись на поставках продовольствия и снаряжения для Азовских походов, Калмыковы были именным указом Петра пожалованы в Гостиную сотню, получив в свое ведение заготовку в Нижнем пеньки и смолы для военного флота, а вскоре – и Канатный двор в Москве.

Благосостояние нуворишей рухнуло 9 апреля 1701 г., когда на одном из трех московских дворов Калмыковых, в хоромах, что высились в Огородной слободе, «скоропостижною смертью» умер основатель предприятия Климентий Прокофьевич. Его средний брат Федор и сын Иван скончались ранее, младший брат Никита страдал «параличную болезнью» и не владел правой рукой, а племянник Иван Никитич был «в малых летех». Судьба казенных подрядов и полученной по ним предоплаты глубоко взволновала чиновничье и торгово-промышленное общество Москвы. Уже при кончине Климентия присутствовал стольник Степан Яковлевич Коровьин, который немедленно опечатав его архив (хранящийся сейчас, за некоторыми изъятиями, в РГАДА). Страсти накалились до такой степени, что Никита, опасаясь отвечать за невыполненные подряды, просил государя взять все имущество и документацию в казну, а ему выделить «на прожиток и на поминование души брата, чем тебе, государю, обо мне Господь Бог известит». Аналогичные просьбы поступили и от иных наследников¹.

«На поминование» было выделено достаточно, не считая, разумеется, утаенных семейством сумм. Краткость

¹ Подробно см.: *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования русской буржуазии. М., 1959.

стихотворной эпитафии (5 двустиший), составленной секретарем патриарха Адриана для одного из богатейших людей страны, долгое время предпочитавшего оставаться патриаршим крестьянином, объяснима скорее прижимистостью, чем безденежьем и тем паче недостатком честолубия Калмыковых. Так, Климентий назван не гостем (он был богаче большинства гостей), а «человеком избранным». Но при этом отчество его, подобно другим эпитафиям членам Гостиной сотни, не указано: из торгово-промышленных фамилий лишь «именитые люди» Строгановы имели право писаться с «вичем», остальные, как последний крестьянин, должны были удовлетворяться указанием: такого-то сын, – но предпочитали от такого указания уклониться.

Две других стихотворных эпитафии членам привилегированных купеческих семей подчеркивают их принадлежность к корпорации избранных. В 1690 г. «гостиной сын» **Максим Лабозный** заказал Истомину краткую (5 двустиший) стихотворную надпись на гробницу своей супруги **Феодосии**, а в 1700 г. гость **Иван Исаевич** счел необходимым поместить на надгробии своего «гостиного сына» **Ивана** более обширную эпитафию из 7 двустиший. Надо заметить, что честолубие купчин далеко не всегда соответствовало их истинному положению в мире первоначально накопления капитала. Многие богатейшие семьи предпочитали оставаться крепостными крестьянами, не записываясь даже в «черные посадские люди» (лично свободные горожане), менее членов торгово-промышленных корпораций обремененные государственными налогами и повинностями. Калмыковы не случайно столь долго декларировали свою принадлежность патриарху, якобы платя большой оброк в казну Благовещенского монастыря¹.

¹ На самом деле 500 руб. оброчных денег Климентий так и не выплатил; монастырские же власти защищали его от светских (например, от ареста за невыполненные подряды).

Принадлежность к «черным сотням» в XVII веке поднималась на щит в борьбе с конкурентами из «белых» частновладельческих слобод в городах (до их ликвидации), а также из крестьян, создавших на лоне природы целые промышленные районы. Во время Московского восстания 1682 г. выдвигалась даже идея считать «черных» людей служилыми, но чувство «законной гордости» положением нечиновных лиц так и не утвердилось. Никак не отмечено социальное положение **Семена Мымрина**, в 1690 г. заказавшего придворному поэту кратчайшую (в 3 двустишия) стихотворную эпитафию своей супруге **Евдокии**. Счасть Семена бедным мы не можем, т. к. Карион не был замечен в чрезмерной благотворительности, а надгробие и с краткой стихотворной надписью, вестимо, стоило дороже обычного. Также недешево обошлась таблица на стену храма с краткой для Истомина (но пространной сравнительно с общепринятыми надгробными) надписью о захоронении Кузьмы Фомича Никонова и многочисленных членов его семьи на протяжении второй половины XVII в. (1702).

Уровень образованности и культурных потребностей в торгово-промышленных кругах и среди простых посадских серьезно различались. Если крупные купцы сами учились и учили своих детей не только обязательным счету и письму (Калмыковы, кстати, писали в высшей степени профессиональными почерками), но и иностранным языкам, то среди «черных» горожане по статистике был грамотен лишь каждый второй. Правда, среди них тоже было немало образованных, следящих за новинками культуры людей, каковые, впрочем, встречены исследователями даже среди крестьян Русского Севера.

Обращает на себя внимание, что все эпитафии членам гостиных и вовсе нечиновных семейств сочинялись Истоминим в единственном варианте, кроме последней по времени, посвященной неизвестной, но явно близкой Исто-

мину старушке **Евдокии Ивановой**. Из четырех вариантов стихотворного текста лишь один превышает 3 двустишия, однако Карион работал над эпитафией очень серьезно, стараясь найти наиболее изящную форму изложения максимума традиционных сведений и пожеланий. В 1705 г. Москва оставалась крупнейшим экономическим и культурным центром, но в связи с войной и непоседливостью царя былой пышности Московского двора уже не было и количество заказов пожилому поэту изрядно сократилось.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЦЕРКВИ

Одним из горожан, для которого Истомин в 1702 г. написал необычно подробную, причем в трех вариантах эпитафию, был «страж» (мирской строитель) Астраханского собора **Иван Васильевич Колачников**. Похороненный в храме небедный мирянин воистину заслужил такой чести и наилучшей эпитафии, построив на месте старой деревянной церкви каменный собор. Строительство Колачников вел «своим иждивением и прилежанием», «именством своим, тщанием найпаче», т. е. на собственные средства и путем энергичного сбора пожертвований, которых после его кончины 19 сентября 1700 г.¹ осталось еще 500 руб. (не менее годового оклада боярина). Этого хватило для «совершенного» окончания строительства в 1702 г., когда и решено было увековечить память об обстоятельствах возведения храма и его строителе литературными текстами.

Необычность вариантов эпитафии в том, что Истомин предложил фактически две разных надписи. В первом, сравнительно кратком прозаическом варианте, он ограни-

¹ Любопытно, что указывая дату кончины персонажа от Сотворения мира и от Рождества Христова, Истомин ошибся: по указу Петра счет лет Новой эры следовало вести с 1 января, а поэт, привычно прибавлявший 1 год к летам Мира с 1 сентября, сделал то же и к летам Христовым (1701 г. вместо 1700).

чился сообщением о строительстве «сего» храма, успении строителя и погребении «тела его на сем месте», с обычной моралью: выражением надежды на вечное блаженство и призывом зрящего гроб молиться о душе усопшего; никаких дат текст не содержит. *Стихотворная эпитафия* является «гробным надписем» на месте погребения конкретного человека, говорит о его заслугах в строительстве храма, но ничего о самом соборе (нет даже его названия), и завершается единственной датой кончины персонажа. *Заключительный прозаический вариант* равно посвящен собору и почившему церковному человеку. Он открывается сообщением о начале строительства «храма сего» в 1699 г., отмечает заслуги, кончину и погребение Колачникова, говорит о достройке собора на собранные деньги после его смерти в 1702 г., наконец, подобно обычной литературной эпитафии, выражает заботу о душе усопшего. Оба прозаических варианта отличаются от стихотворного «гробного надписания» ссылкой на благословение строительства митрополитом Астраханским и Терским Самсоном – вероятным заказчиком произведения.

«Страж», каковым поэт именует Колачникова, не был чином или духовным званием; он отражал первичное, наиболее широкое представление о Церкви как о сообществе верующих. Но в архиве Кариона, вместе с уже рассмотренными эпитафиями двум патриархам и двум митрополитам, обнаружено 11 эпитафий лицам *духовного звания*: больше, чем членам Боярской думы (при том, что один из думных дьяков, постригшийся в монахи, посчитан и там, и здесь). Одна из них, относящаяся к наиболее ранним, серьезно отличается от всех остальных по содержанию.

Если обычно Карион обнадеживает скорбящих надеждой вечного блаженства усопшего и призывает «всякого путешествующего» молиться о его душе (имея в виду возможность живым повлиять на участь умерших), то эпитафия

на усыпальницу **семьи дьякона** собора в г. Козлове **Василия** (1689) вызывает слезы жалости к оставшемуся в одиночестве мужу и отцу. Поэт был искренне тронут горем дьякона, 9 ноября 1680 г. похоронившего свою жену Марию подле умерших в разные годы детей: Федора, Иосифа, Анастасии и Евдокии, – только дочь Мария была похоронена в другом месте. Указав дни и месяцы их кончин (для поминания), Карион силился найти слова, которые облегчили бы страдания Василия, но признал, что для оплакивающего близких дьякона «утехой» может быть разве что милость Христова, обретенная не на этом свете.

Эпитафия семье дьякона Василия выделяется еще и тем, что не приурочена ко времени похорон – она написана много позже, в 1689 г., надо полагать, как результат потрясшей Кариона случайной встречи. Учитывая обычную нищету нашего белого духовенства, эта эпитафия напоминает нам, что и в жизни придворного поэта далеко не все измерялось деньгами. Эпитафия же **Анне Ивановне Владимирцевой**, супруге по определению состоятельного протопопа кремлёвского Успенского собора, выполнена вполне традиционно, причем в стихотворном и прозаическом вариантах¹.

Основными персонажами эпитафий духовенству были лица монашеского звания: лично знакомые, даже близкие Истомину люди. В стихотворном и прозаическом вариантах, представленных на рассмотрение патриарху или руководству Заиконоспасского монастыря, Карион сочинил эпитафию своему давнему начальнику и другу, приказному **игумену** Государева печатного двора **Сергию** (1698)²; поэт считал себя тем более обязанным сделать это, что стал его преемником, получив должность «смотрителя» Печатного двора. Несколько дальше от Кремля располагался Донской монастырь, в котором постригся и принял

¹ ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 142 об.–143.

² Там же, л. 322.

схиму **Иов** (думный дьяк **Яков Аверкиевич Кириллов**). Его чин, богатство и, особенно, внимание к почившему патриарха Адриана побудили Истомина создать развернутую эпитафию в прозаическом и стихотворном вариантах (1693).

Наибольшее число эпитафий (3, с патриархами 5) поэт посвятил выдающимся обитателям своего родного Чудовского монастыря. Первым из них стал **схимонах Тарасий Авушев** (1689), вторым – 95-летний духовный отец братии **иеромонах Феодосий** (1690), третьим – **келарь Герман** (в миру стольник Георгий Лутохин, 1692). Эпитафия первому и второй вариант гробного надписания Феодосию состоят всего из 4-х двустиший, возможно, в целях экономии. Духовнику посвящен также и развернутый вариант из 6 двустиший, как и эпитафия келарю («властями» над Карионом, подобно игумену Сергию), хотя содержание обоих текстов, думается, можно было изложить короче.

Удивление вызывает полное отсутствие эпитафий монахиням, тогда как в среднем среди персонажей сочинений на надгробия самых разных слоев общества *треть составляют женщины*. К ним Карион относился с глубоким уважением, они составляли солидную часть круга литературного общения придворного поэта. Наблюдение тем более примечательно, что в библиотеке Истомина читательниц монашеского чина было не меньше, чем читателей. Замечательное стихотворное приветствие игуменье Варсонофии Ивановне (1680-е гг.) содержало искреннюю благодарность автора за «торжество» ученой беседы, «при радостном же словесном обеде». Помимо насельниц московских девичьих монастырей (Георгиевского, Вознесенского, Иоанновского), Карион в первые годы XVIII в. поддерживал дружеские отношения с игуменьею вяземского Ильинского монастыря Евдокией Петровной. Ей поэт дал заем в 35 руб. на строительство ограды вокруг монастыря, сочинил пламенное воззвание «к христианам» для сбора по-

жертвований, наконец, ее «приятству» были посвящены теплые стихи по случаю явления поэта с друзьями в гости. Для игумений Казанского Богородицкого монастыря Анны, Курского Троицкого монастыря Феодосии и монастыря Богородицы страстные иконы Юлии Челищевой литератор писал грамоты для сбора пожертвований¹.

Эпитафии «представителям Церкви» выделены нами с известной долей условности: все персонажи и возможные заказчики произведений Кариона Истомина принадлежали к Русской православной церкви. Условность группировки подчеркивается отражением в этих произведениях всего спектра предполагаемых мотивов их написания. Это, прежде всего, служебный долг придворного поэта духовного звания (эпитафии патриархам, митрополитам, игумену, духовному отцу и келарю, вероятно – Колачникову и Кириллову); во-вторых по значению (но не по действительности) – платный и не лишенный чиновной амбициозности заказ (жене протопопа); наконец – зов сердца, присутствовавший, надо полагать, не только в стихах для дьякона Василия, но и во многих сочинениях друзьям и благодетелям.

НАХОДКИ И УТРАТЫ

Подводя итог наблюдениям над функционированием при Московском дворе и за его пределами жанра стихотворной эпитафии, мы обязаны ответить на самый сложный для историка и источниковеда вопрос: насколько полно найденные нами тексты представляют то, что действительно написал Карион Истомин, и в какой мере его творчество отражало спрос на новые произведения в последней четверти XVII – начале XVIII в. Последняя проблема

¹ См.: *Богданов А.П.* Известия Кариона Истомина... С. 110 и сл.; ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 80, 94 Б об.; № 98/300, л. 496, 478–479, 494–495, 499–500.

относительно ясна: хотя при Дворе временами звучали стихотворные произведения других авторов¹, постоянным придворным поэтом в 1680-х – начале 1700-х гг. выступал один Карион (а до него – Симеон и недолго Сильвестр). Отдельные авторы могли, в принципе, написать в жанре литературной эпитафии нечто свое или подражательное Полоцкому, Медведеву и Истомину, а их произведения могли не сохраниться или (в лучшем случае) ускользнуть от внимания предшественников и автора этой книги, потратившего 30 лет на сплошное обследование русской книжности избранного периода. Но крайне маловероятно, чтобы это утраченное или не найденное (если оно вообще существовало) могло изменить наш взгляд на изучаемое явление. Творчество Кариона Истомина в этом жанре (и ряде других) с уверенностью можно считать самым жанром.

Первоначальное суждение о сохранности написанных Карионом эпитафий в его авторском архиве звучит не столь оптимистично. Предположение, что преимущественно черновые тексты сохранились не полностью, вытекает из весьма неравномерного хронологического распределения всех известных сегодня эпитафий придворного поэта:

1689 — 2	1694 — 2	1699 — нет
1690 — 7	1695 — 7	1700 — 5
1691 — 3 ²	1696 — 5	1701 — 2
1692 — 1	1697 — 3	1702 — 5
1693 — 5 ³	1698 — 5	1705 — 1

- ¹ Почти все они учтены в моей монографии «Московская публицистика», снабженной аннотированными указателями лиц и произведений.
- ² Считая эпитафии разным лицам в ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 308.
- ³ Считая эпитафии разным лицам там же, л. 284 об. (июль, сентябрь).

В этом распределении лишь лагуна в 1703–1704 гг. может быть объяснена объективными обстоятельствами постепенного распада системы отношений при Московском дворе. Отсутствие же сочинений 1699 г. и серьезные колебания их числа в другие годы, как бы не хотелось верить в скрупулезную аккуратность Истомина, лишь отчасти можно связать с неустойчивостью спроса на произведения формирующегося жанра. Тем более что Карион с самого начала адаптировал содержание литературной эпитафии к старинной традиции надписей на белокаменных надгробиях.

Очевидно, что сохранившиеся в архиве поэта тексты отражают состав написанных им эпитафий не полностью. При относительно равномерном (5 в год) распределении заказов с 1689 по 1702 г. мы недосчитываемся более 20 текстов (при среднеарифметическом – всего 8–11), а если считать нормой максимум, 7 эпитафий в год, – 46. Оценивать эти возможности мы можем только качественно: данных для точных расчетов по этому и другим жанрам нет.

Судя по произведениям, которые известны только в беловиках (в основном это подносные экземпляры), из десятков крупных сочинений Кариона в его сохранившихся черновиках отсутствуют единицы. Беловики же эпитафий заменяют черновики полностью, т. е. если у Кариона оставался беловик, черновых набросков он в архив не помещал. Это заставляет полагать, что поэт относился к хранению не только поэм, но и малых форм (эпитафий) очень внимательно. Утрат это не отменяло, но они были единичными. Отсутствие массовых потерь частично сохранившихся в беловиках памятников по всем жанрам позволяет считать, что допустимый максимум утрат по эпитафиям – дает среднеарифметическое распределение: 8–11 текстов.

Иными словами, реконструированный нами архив Кариона Истомина представляет зарождавшийся русской жанр литературной эпитафии последней четверти XVII – начала

XVIII в. весьма полно. Из этого, на первый взгляд положительного вывода, следуют два ограничительных заключения. Прежде всего, поскольку совершенно исключить возможность утраты отдельных эпитафий нельзя, не следует строить далеко идущих заключений по отсутствию некоторых чинов Двора среди персонажей и заказчиков в найденных текстах Истомина. Мы имеем право (и уже сделали это) судить лишь о сравнительной активности разных социальных групп в использовании нового модного жанра.

Второе заключение касается степени распространения самой моды. Следует допустить, что неравномерность распределения найденных и публикуемых в Части III эпитафий по годам отражает не недостаточную сохранность текстов, а неустойчивость спроса на новые произведения. Интерес к новому жанру не был массовым ни для одной из социальных групп Государева двора. Только для высших лиц государства и чинов Думы увлечение литературной эпитафией можно счесть серьезным, охватывающим многих из меньшинства, склонного к опережающему усвоению культурных нововведений. Для остальных дворян и тем более недворянских «чинов» эпитафии говорят только об увлечении отдельных лиц веяниями придворной моды.

Этого достаточно для исследования истоков культурного явления, которое даже в периоды массового распространения (с XVIII в. их было несколько) не охватывало более 20–25 % надгробий достаточно узких социальных групп. И тем более достаточно для изучения тенденции духовного развития российской элиты, к концу XVII в. стремившейся выделиться из массы православных россиян, прежде в основном культурно однородной.

Глава 2

ПРИДВОРНЫЙ СТИХОТВОРЕЦ: СОТВОРЕНИЕ ЖАНРА

Изучая отношения придворного поэта с персонажами и заказчиками новых литературных эпитафий, мы постоянно упоминали о традициях русской надгробной надписи и особенностях нового жанра, сформировавшегося в последней четверти XVII в. Рассматривать эти темы следует комплексно и отнюдь не только в контексте исторической филологии. И старые надписи, и даже новый жанр, в названии которого присутствует термин «литературная», были явлениями, далеко выходящим за рамки литературы, — они выражали свойства мировоззрения и духовной культуры, причем не только Двора, но Москвы и России. Именно в контексте всеобщности эпитафии как явления русской жизни нам интересно то новое, что создал в XVII в. поэт.

ТРАДИЦИЯ И НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

С XVI в. на погостах России господствовали «формализованные» (по выражению Л.А. Беляева) надгробные надписи с формуляром, *единым для разных областей государства и всех социальных слоев*, от царей до крестьян. «Они, — утверждает ученый, — несут типологически однородную ин-

формацию, хотя к самим погребенным применяются различные атрибутирующие эпитеты»¹. При этом традиционные тексты и оформление надгробий постепенно изменялись, настолько, что археологу удастся различать плиты времен датированного захоронения и обновленные позже, по новой моде. Чтобы не утомлять читателя «голым» описанием формальных признаков, приведу (по изданию Беляева) примеры массовых во времена Истомина надписей.

Базовый текст включал дату смерти, сообщение о кончине православного и его именование: *«Лета 7166 сентября в 14 день преставися раб божий Данило Иванович Zubov»*. При наличии титула и чина они чаще всего добавлялись к имени покойного, о жене говорилось с указанием на мужа (в ряде случаев и на отца): *«Лета 7197-го маиа в 7 день преставитя раба божия Мария Ивановна стольника Иванова жена Федоровича Загряскова»*. В случае пострижения в текст вводилось монашеское имя и сан: *«Лета 7163-го сентября в 9 день преставися раба божия Агафия во иноцех схимница Анастасия Иванова жена Петровича Головина»*,– или, в ином расположении: *«Лета 7182-го марта в 25 день преставися раба божия Мария дияка Захариева жена Онофреева во иноцех схимница Марфа»*. Не обязательным, но довольно важным элементом традиционной русской эпитафии была связь времени кончины с церковным праздником: *«Лета 7147-го января в 25 день на память иже во святых отца нешего Григория Богослова преставися раба божия инока схимница Вера Григорьева жена Ивановича Матава»*.

Характерным в основном для дворянства расширением текста со времен Смуты было упоминание о кончине или гибели именно на государевой службе: *«Лета 7173 году февраля во 12 день преставися на службе великого государя в Вилне раб божий Алексей Алексеевич Ворон-*

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 254.

цов Вельяминов». Л.А. Беляев особо выделил уникальный текст 1639 г., свидетельствующий о раннем осознании важности обстоятельства гибели вне дома (и связанных с этим данных о переносе и задержанном захоронении тел, со временем все более распространенных в надгробных надписях): *«Лета 7147-го престависи Илья Ивановичь Зубов на Саратове как шол из Астраханя; сына ево в Астрахани Василия не стала; погребен Илья Иванович и сын ево Василей и положен вмест...»*.

На традиционных белокаменных плитах, как в новомодных сочинениях Кариона Истомина, наиболее щемлящая нота звучит в текстах на гробницы жены и детей заказчика: *«Лета 7132-го марта в 30 день преставись раба божия Александра Петровна дочь Констянтиновича Стюнеева, Андреева жена Фирсовича Лазарева, во иноцех Анастасия, да ту же погребены дочери ея Мавра девица да Наталия... в 28 день»*.

Формализованность традиционных надгробных надписей (по оценке Л.А. Беляева до 90% всех известных текстов по Российскому государству¹) допускала некоторые уточняющие сведения, например, указание часа смерти. Однако на современных Истомину погостах сохранялись и более старые плиты с иным, «архаическим» построением текста (конец XV – начало XVI в.). Дата смерти на них, иногда опускавшаяся и Карионом, не относилась к важнейшим сведениям. Первостепенным было сообщение о факте погребения: *«В сем месте лежит Иона Коростель»*; *«Зде лежат мощи Ивиши Ободаева»*; *«Лет 7025 преставися раб божий Василий Попадья и положен бысть зде»*.

¹ 10% не столь жестко уложенных в рамки формуляра надгробных надписей или архаично кратки, или содержат упомянутые выше и ниже дополнительные сведения. Эпитафии Истомина сопоставляются со всем комплексом имевшихся на надгробиях его времени текстов, известных археологам.

В литературных эпитафиях Истомина, в отличие от современной ему традиции надгробных текстов, разными словами, но **неизменно** говорится о том, что человек **«зде телом положися»**. Другой уже не функционировавший древний обычай – сообщать об укладке самой каменной «доски», Карион использует только косвенно, из литературных соображений упоминая при случае о теле или костях в могиле, каменной гробнице и т. п.

На плитах великих князей, их родни, знатнейших бояр, построенных по традиционной схеме, появились **две даты**: смерти и погребения; кроме того, к почившим применялись свойственные их сану **эпитеты** («благочестивый» и др.). Истомин постарался использовать обе эти «высочайшие» особенности. В его эпитафиях даты смерти и погребения сообщаются нередко, даже в тех случаях, когда тело не перевозилось и было «положено» как принято, на следующий день по кончине. Кроме того, традиционные надписи не знают ни дат рождения, ни регулярно указываемого Карионом **количества прожитых** персонажем лет, не говоря уже о многих других систематически употребляемых поэтом элементов содержания. Рассмотрим, прежде всего, использование Истоминим данных, традиционных для надгробных плит, по 50 стихотворным и 12 прозаическим вариантам публикуемых эпитафий.

Традиция. ДАТА кончины: год, месяц, день, иногда праздник. В порядке исключения – **дата погребения**. Последняя чаще всего связана с **ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ смерти** (в ином месте, в основном на службе) и **погребения** (связанными с фактом перенесения тела).

У Истомина: точная дата кончины главного персонажа указана почти всегда; для похороненных вместе с матерью детей дьякона Василия отмечено, что здесь лежат «тела разных лет», но под каждым именем записаны для поминовения месяц и день. Исключение составляет про-

заическая эпитафия на некрополь Никоновых, где сказано, что при храме положены тела усопших после 1652 г. «в разных годах и месяцах», записанных, надо полагать, на индивидуальных плитах, и добавлен ситуационно оправданный вариант более **древней традиции**: год и месяц вырезания надписи.

При возможности поэт еще более **уточнял дату**, указывая **час** кончины (в эпитафиях братьям своего монастыря Герману и Иову, царице Наталии Кирилловне, в прозе Строгановой, в стихах Юшкову и Вельяминову), даже ее **минуты** (в стихах на смерть дьяка Семенникова, в прозе и стихах на кончины патриарха Иоакима, Бутурлина, И.Ю. Леонтьева). В стихах на могилу Иоакима отмечен также **праздник** (понедельник 3-й недели Поста), в прозаическом варианте эпитафии Строгановой – **день недели**, в который она скончалась.

В стихотворной эпитафии патриарху Иоакиму указан месяц и число погребения, в прозаическом варианте – еще и **место**, Успенский собор. Даты погребений с отмеченным **участием патриарха** Адриана указаны 3-м (прозаическом) варианте эпитафии Строгановой, прозаическом тексте Иову (в стихах ему подтверждено погребение в Донском монастыре) и стихах царице Наталии Кирилловне.

Обстоятельства **гибели** в Азовском походе, **переноса тел и погребения** приведены **с датами** в эпитафиях Троекурову, похороненному в Спасо-Ярославском монастыре в присутствии царя Петра (в обоих вариантах текста), и положенному в Троице-Сергиевом монастыре М.И. Куракину. Таким же образом Карион Истомина отметил число и день похорон во 2-м (прозаическом) варианте эпитафии мирно скончавшемуся в Москве офицеру Бутурлину. Тело митрополита Маркелла, скончавшегося в Казани 21 августа 1698 г., было предано земле в столице лишь 6 октября, что и указано в стихах Кариона.

В связи с тем, что поэт приводит две даты: смерти (постоянно) и погребения (время от времени), возникает вопрос, как толковать некоторые «глухие» даты эпитафий, не имеющие указаний типа «успе», «сниде с света», «скончася» – или же «погребен», «земли предаша» и т. п. Судя по контексту, обычно речь идет о датах смерти, но в 3-м (прозаическом) варианте эпитафии Калачникову такая «глухая» дата стихов раскрыта как день погребения. Возможно, Истомин просто не изменил дату на один день в связи с потребностью, по назначению текста, говорить именно о погребенном теле (подобно тому, как в стихах он ошибся в годе от Рождества Христова, по старинке «прибавив» его после 1 сентября). Однако сама возможность двойной интерпретации даты настораживает, пусть даже речь всегда идет об одном дне. Значительно серьезнее следует отнестись к **отсутствию** необходимых данных в некоторых вариантах эпитафий, которое мы особо рассмотрим ниже.

Вторым обязательным элементом освященной временем **традиции** могильной надписи *«Лета (дата) преставися раб божий имярек»* было **сообщение о смерти: преставися. У Истомина** оно тоже обязательно, лишь в большем смысловом и лексическом разнообразии. Чаще всего поэт обращается к образу **сна**: не менее 15-ти его персонажей *«успе»*, *«почили»* в гробу до востания мертвых в день Страшного суда. Каноническая идея упокоения в надежде вечной жизни должным образом привязывает внимание к месту, где персонаж *«землю покрыся»*, отражая, даже в самом оптимистичном контексте, ощущение страха и потери для оставшихся бодрствовать¹. Эта обычно приглушенно звучащая нота подчеркивает трагедию смерти в

¹ Языческий по происхождению страх перед подземным, «каменным тяжким» придавленным обитателем, ощутит в эпитафиях любой читатель, знакомый с народным эпосом (русскими былинами, исландскими сагами и т. п.).

эпитафии семье дьякона Василия: вначале дети его «укорили» «сном смерти» свою мать, за ними и она «успе» с чадами, оставив мужа и отца в одиночестве и неутешном плаче. В эпитафии митрополиту Маркеллу Карион напротив, подчеркивает жизнеутверждающий смысл образа, обыгрывая одинаковое звучание, но разный смысл слов «успеть» и «успѣть». «Сей митрополит Казанский Маркелл», уснув, лишился сего света, на котором «в жителстве своем всоуде преуспѣл», а значит, «возьмем радость в небе».

Лежащее в могиле тело ожидает воскрешения, бессмертная же душа лишь *представляется*: перемещается, переселяется в вечность. Написанный на каждой традиционной надгробной плите глагол «*преставися*» поэт использует менее десяти раз, иногда заменяя его определением, призывая, например, молиться «о преставльшейся». Истомин не просто обогащает понятие (это свойственно литературе), но предлагает *вместо него* более широкую гамму представлений и чувств.

Он видит в путешествии души разделение, пусть благонадежный, но уход, не раз повторяя, что человек «*души разлучися*»; его «*душа отъиде*», «*душа распряжесе*». Разлука или освобождение – все означает *потерю*, конец жизни на этом свете, уход любимого человека, лишение, смерть. Чаше, чем «преставися», персонаж Кариона Истомина «*скончася*» (8), «сконча жизнь свою», «*сниде с света*» (5), «сниде с сего света... от смертна извета», «*лишиися жизни*» (2), «земна стася», «смертна сече язя»; «смертию пожася» (или *сечесе*), «смерть сече», «умре».

Подобно тому, как в поэмах Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева на кончины членов царской семьи были четко выделены две темы: горя и надежды, «плача и утешения», – в эпитафиях Кариона Истомина эпитеты к смерти обнадеживают. Персонаж поэта скончался «мирно» (2), «благонадежно», «в Христе», «в надежде вечнаго бла-

женства в христианском благочестии успе о Господе спасенно» (2); «сконча жизнь юна в Господе блаженно»; «благонадежно Богом души разлучися»; «в Бозе жизнь скончила»; «душа боголюбива отъиде ко Богу»; «скончася блазе христианско в вере»; «лишися жизни... в вере к Богу взятый»; «в надежде христианскаго с приятием должностию святых таин преставися отзде душою благочестно»; сам Бог «престави благо княгиню», она «в вере православней таинства святых церкви восприявши преставися... на вечную жизнь». Нередко употребляемое «успе блаженно» (3) может сочетаться с выражением «сконча жизнь свою в Христе христианско».

Благочестивая смерть в ряде случаев представлена *избавлением* от земных опасностей и страданий. В некоторых текстах персонаж как бы не умер («не ста цвета» – последние слова эпитафии), а «убеже от стрел диавольских луков», «бежал еси суетных насилий»; более традиционно: «почи во Христе от суетных жернов». Или, вовсе без упоминания смерти: «к вечному животу призванна... предаде Всетворцу Богу душу свою»; «душою жизни сея разлучися, Церкви таинства блаженно свершися... Избеже соблазны мира сего сетей». 9 лет страдавший от слепоты дяк Семенников «Христианско скончася в таинствах церковных, Прияв надежду в Бозе умов богословных», «от здешняго рода... душа распряжеся, Волею Бога в ин век она поведеся», «ныне Порфирий уже в видении целом, В пределном месте душа потом будет с телом».

Хотя поэт не устает отмечать, каким образом почил его персонаж, главными обстоятельствами смерти являются те, что дают христианскую надежду. Смерть вне дома, тем более на войне, как справедливо заметил Л.А. Беляев, вызвала подозрения и требовала правильного объяснения (государственной службой), появившегося на могильных плитах задолго до Истомина. В русле **традиции** звучат

указания поэта, что герой «Успе на пути, шед к Москве обозом, За две версты быв до Северска Донца, Сподобися он христианска конца», за чем следует обычное в таких случаях сообщение **о переносе тела и погребении**. В другом варианте: «Под градом турским Азовом на Дону ранен и умре в полках си на стону... к Москве тело привезеся... оно погребесея... Во Ярославле в монастыре Спаском При нарочном там присутствии царском» (в прозаическом варианте описание гораздо подробнее). В третьем варианте: «Из-под града шед турецка Азова На Донце реке успе в Бога слова... Тело же его zde есть погребено, В обители сей Троицкой явлено».

Указание на факт погребения: *В сем месте лежит; положен бысть zde* и др.— отсутствовало на современных Истомину эпитафиях и было заимствовано поэтом из более **древней традиции**. В **эпитафиях Кариона** этим указанием выражено противопоставление бренности тела и бессмертия души: «Зде... склонися... в земли сокровенный Чтоб душою был в небо вознесенный»; «там (вариант *зде*) погребесея... Да предстанет Господу в вечный покой», «тела разных лет вкупе zde своя сложиша... Но буди в небе... вечно»; «Да не лишится небесны отчизны. Лежим zde плотски...»; «погребе тело ея патриарх святейший Адриан да зрит она свет чистейший»; «телом вспочи на сем месте, душою в небе»; «Душою к Христу отзде преселися, Телом в месте сем в гробе положися»; «в надежде христианской с приятием святых таин преиде душою ко Господу в вечное жилище, тело же его погребено на сем месте»; «Душою и к Богу преиде, тело положися Зде»; «Его тело на сем месте в гробе положено, душа же в Горнем Иерусалиме...»; «Во Христе туде («в век иный») Иоанн возвася, Душа разделся, телом в гроб подася», «Тело zde лежит, душою же в небе»; «Душа жизни сей к Богу отлучися, Тело его zde в гробе положися»; «Телом zde в гробе спит... в небе же душа».

Надежда на райское блаженство так или иначе выражена в каждой эпитафии, не обязательно столь прямо: «Тело его зде в гробе положенно, Даждь Боже ему царство утешенно»; «Успе блаженно, телом зде сложися»; «зде в гробе тело во верных обетех» и др. Разумеется, и для тела могила в конечном итоге является лишь временным пристанищем: «телом в гробе спит... ждет трубного гласа, да постигнет ю в Христе небесна украса»; «души решившися зде тело положенно»; «зде тело честны жены положися... Иже из мертвых надежна востати»; «яко бо во цветех во младых летех зде склонися и востания мертвых ждет»; «зде тело ея положися во опочение надеждою востания мертвых, до пришествия Спаса Иисуса Христа»; и т. п.

Учитывая очевидность вечной жизни и неизменность упования на спасение, Истомин в ряде случаев ограничивается более простыми одночастными указаниями на погребение: «на сем месте телом положися» (7 раз); «тело его положися»; «тело зде в гробе его положися»; «Его же тело на сем месте в гробе положися»; «Зде тело... лежати приспело»; «тело его зде землю покрыся»; «погребен», «зде землю одета»; «тело зде вкопаяся»; «тело зде лежимо... в гробе содержимо»; «в гробе сем тело его погребеса»; «телом зде склонися»; «погребе и зде патриарх святейший», «земли предаша... гробно ей здесь ложе»; «С любовию бо она погребенна И на сем месте телом положенна»; «зде лежит»; «зде тело си спрята» (такой оборот возможен даже без упоминания о смерти); «погребено тело его во гробе на сем месте»; «зде тело его погребено»; «зде в гробе лежит телом»; «зде тело лежит от смертныя дани».

Упоминание гроба и «положения» тела в том или ином контексте эпитафии Истомина обязательно, но *факт похорон* может быть вполне заменен указанием на *поминальную службу*: «пение в Москве соборно восприя», – хотя правильнее выглядит указание и на отпевание, и на похороны:

«В сем месте в гробе телом положиися, Егда чин церкви над ним совершися», – или короче: «телом в гробе зде церковне сложися». Смысл сочетания факта похорон тела с разнообразно выраженным поэтом благонадежным православием покойного ясен. Воцерковленный покойный был телом мертв временно, душою же не мертв вообще. Но он роковым образом расставался с прекрасным земным миром и живущими, погружаясь под землю и возносясь к Высшему суду, – в этом для поэта суть драмы смерти.

Наше заключение, что неизменное обращение Кариона к факту погребения вытекало прежде всего из его литературной задачи, подтверждается наблюдением над другим в высшей степени устойчивым элементом той же **древней традиции**: сообщением об **укладке каменной доски**. У **Истомина** указания такого рода не просто необычны – они являются исключением. Васса Строганова, в девичестве княжна Мещерская, «зде в гробе каменном погребеся», сказано в прозаическом варианте эпитафии. В стихотворном же варианте ее:

Злоядна зде смерть в гробе   с плачем положила,
Камнем тяжким тело   ея привалила.

По аналогии указанием на гробницу (и памятник?) следует понимать выражение из эпитафии старушке Евдокии Ивановой «Под камнем с костью тело положиися». Наконец, в особом случае надписи на доске, объединяющей некрополь Никоновых, приведена дата, когда «сие написася».

Свободное отношение Карион проявил и к обязательному элементу **современной ему традиции**, указывающему на **принадлежность к Церкви: Раб Божий**. У **Истомина** слова «раб(а) божий(я)» используются 16 раз: менее, чем в половине случаев, даже если прибавить более развернутые и сходные определения: «В христианской зде надежде живущий Веру во Христа Господа имущий... бо-

жий раб»; «раб Иисусов правый»; и др. Автору и заказчику было очевидно, что персонаж «благочестив христианин»; «В Бога веруяй живе благочестно Во христианстве знающ знамя крестно». Так что подобные прямо вытекающие из контекста указания в большинстве случаев опущены и заменены более актуальными характеристиками, выделяющими данную могилу среди равно православных.

В традиции первостепенным индивидуальным элементом надгробной надписи было **ИМЕНОВАНИЕ: Имя, отчество** (не всегда), **фамилия**; для женщин **муж и/или отец**; для монашествующих **новое имя** (на монастырских кладбищах возможно одно монашеское имя) **и звание**; для чиновных людей желателен **чин**.

У **Истомина** имена, отчества и фамилии главных персонажей полностью указаны в 38 вариантах эпитафий; **дополнительно** к ним в 10 вариантах полностью назван муж, в 2-х – отец, в 2-х – девичья фамилия, 2 раза вторым персонажем и лишь с одним именем упомянута жена (точнее – две жены К.Ф. Никонова), по одному разу полностью названы сын и тесть; лишь единожды поэт экономит слова, называя имя женщины с именем и фамилией ее отца.

Значительно реже, всего в 15 случаях, главный персонаж именуется по имени и фамилии, без отчества; из 10 названных в этих эпитафиях мужей с отчеством упоминаются лишь трое. Склонность Истомина к точному именованию персонажа проявилась и относительно монашествующих. Так, постригшийся перед кончиной думный дяк Кириллов указан с фамилией, именем, отчеством и чином, именами в иночестве и схиме. В эпитафии келарю Герману Лутохину отмечено его светское имя; с одним монашеским именем и фамилией упомянут Тарасий Авушев.

Лишь в шести текстах автор несколько отступает от ясно выраженного стремления к точному именованию каждого лица. Прежде всего, весьма любопытен пропуск

фамилии (или отчества, в народе долго заменявшего фамилию) в двух из четырех вариантов эпитафии старой жене Евдокии Ивановой. Или поэт счел уточнение лишним в духе церковного поминовения (что для него не характерно), или – еще удивительней для экономного Истомина, два варианта не были доведены до готовности? Вероятнее заключить, что варианты должны были использоваться вместе.

Другие сокращения мотивированы обычаем. Без фамилии остался козловский дьякон Василий, его жена и дети в исполненной горести эпитафии на семейную гробницу. В трёх случаях представители черного духовенства обозначены лишь по имени и званию: 95-летний иеромонах Феодосий, возможно, и сам забыл свое светское имя и чин; патриарх же Иоаким (в миру московский дворянин Иван Петрович Савелов) и митрополит Маркелл именуются по одному новому имени и званию согласно этикету.

Столь же легко объяснимы изредка встречающиеся в сочинениях Истомина пропуски чина. Для князей – мужей Трубецкой и Волконской, а также Бельского – чин значил меньше их титула, как и для Калмыкова гостиное звание принижало его истинное богатство. Посадские же: Мырины, Никоновы и Евдокия Ивановна, – чинов и званий не имели; если астраханец Калачников имел право именоваться «стражем» церкви, то поэт это отмечал. При возможности Карион даже развертывал описание чина персонажа, когда речь шла о человеке, положение которого полностью определялось службой. Так, Стремичевский в эпитафии не просто стольник, но полковник, причем конкретно «белгородских полков... рейтарского строя»; об Иове (Кириллове) рассказано, что он был думным дьяком, когда, где и кем пострижен в монахи и когда принял схиму; митрополит Казанский Маркелл обрисован с прежними архиерейскими званиями архиепископа Суздальского и митрополита Псковского.

таблица эпитетов (начало)

таблица эпитетов (окончание)

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ

Появившиеся в России на надгробиях государей и изредка встречавшиеся на традиционных «досках» знати **эпитеты** – хлеб поэта – приведены Истоминым в стройную систему. Для наглядности формализованные эпитеты и личные характеристики персонажей в публикуемых ниже эпитафиях сведены в таблицу и расположены по социальным группам. Прежде всего, бросается в глаза борьба формальных и личных (приведенных в правой графе таблицы под № 2) признаков за место в надгробной надписи. Первые, при общем убеждении в равенстве преставившихся перед Богом, лишь допускались в традиционных «надписях гробных». Вторые были положены в основу совершенно новых по форме и содержанию, еще не вполне адекватных общественному сознанию эпитафий Епифанию Славинецкому и Симеону Полоцкому.

Уже в сочинении на гроб царицы Наталии Кирилловны к элементам ее титулования (в тексте помещены также должные эпитеты мужу и сыну, – царям Алексею и Петру) справедливо добавлено, что почила «росска владычица», и дополнительно отмечено, что государыня была «боголюбива». Последнее, хотя и было обычным качеством членов царской семьи в жизни и литературе, уже нельзя отнести к социальным признакам. Аналогично личной характеристикой были хорошо известные Кариону «щедроты безмерны» его покровителя патриарха Иоакима, тогда как эпитет «благий пастырь» относился к его роли и дополнял титулование. Титульные эпитеты едва ли не полностью отсутствуют в необычной по форме большой трехчастной эпитафии просвещенному митрополиту Маркеллу, прямо развивающей вполне литературную традицию похвал именно личным качествам и заслугам персонажа.

Общим формальным качеством покойных добропорядочных подданных была *честность*: нравственное и общественное достоинство, равно присущее представителем разных слоев общества, от боярыни княгини И.В. Трубецкой до старой посадской жены. «Честными» поэт именуется стольника Вельяминова и юного князя Бельского, дьяков, гостей и членов их семей, монахов и «черных» горожан (причем выражения «в чести» и «в честности гласим» имеют иной оттенок, рассмотренный ниже). Особую группу «честных» образуют монахи, из коих один «благ», двое «честных», четвертый «благочестен».

Благой в современной Истомину письменной традиции – в широком смысле добрый, т. е. хороший, правильный и полезный, добродетельный и отменный; *благочестный* – благой в вере. В применении к лицам духовного звания речь идет об истинном почитании и служении Богу, исполнении заповедей Его. Поэтому патриарх Иоаким у Карриона «благий пастырь», а царь, как первый защитник веры, по титулованию «благочестивый государь». Именно на величие, приближающееся к высокому положению «благочестивой государыни» (царицы, царевны), намекает поэт в эпитафии «благочестной княгине» Т.С. Трубецкой.

Княгиня Волконская вовсе именуется «*благоверной*», подобно святым княгиням и, конечно, князьям, к одному из которых, славному святому князю Михаилу Черниговскому, возводила род семья ее мужа. Волконские, поступившие на московскую службу лишь в XVI в. и порядком опоздавшие к разделу придворных почестей, яростно отстаивали принадлежность к роду владык Руси и подчеркивали свое происхождение столь упорно, что ссылка на «светлого черниговского княжения отрасль» вошла в эпитафию. Еще одно, важное для Волконских и не замеченное признанно знатнейшими Трубецкими обстоятельство, состояло в том, что «благочестивым», вне титульного контекста,

мог быть и именоваться любой верный православный, как, например, «благочестивый христианин» Козьма Фомич Никонов в надписи на его семейном склепе.

Спокойное отношение Трубецких к своему титулованию не помешало Истомину подчеркнуть, что старая боярыня княгиня была не только «честна», но и *«избранна»*: выделена в своем круге, в данном случае родовитого дворянства, подобно княжне Мещерской (в замужестве Строгановой); княгиня же Волконская – «блага» и «преизбранна». И этот эпитет не давал в XVII в. довольной определенности вне контекста. Стольник И.А. Бутурлин у Кариона «добр избран», а дабы не подумали, что речь идет просто о фаворе его сына при царе Петре, он еще «благородный» (как княжна Мещерская), и «знатный». Богатейший купец и промышленник Климентий Калмыков – «человек избранный» «во христианстве», т. е. среди народа, тогда как юный подьячий Андрей Велинский – «отрок преизбранный» среди юношей своего круга.

Эпитеты *благородный* и *знатный* относились к родовитому дворянству, хотя и означали в XVII в. совершенно разные вещи. *«Благородство»* указывало на принадлежность к старинной дворянской (особенно – титулованной) фамилии, *«знатность»* же подразумевала известность, знаменитость, признанность в высшем свете по заслугам и качествам. Так, заслуженный государственный деятель, муж боярыни Трубецкой, «явен» и «преславный», а сын ее, муж Т.С. Трубецкой, только «благороден». К указанию «благородный» Истомин нередко добавляет: «ясный» и «гласный»; «знатный» (трижды); «в чести»; «всеславный»; «избранна». Отец «благородной» и «избранной» княжны Мещерской – знатен; «благородные» стольник Зиновьев и дьяк Семенников – «знатны», а юный «благородный» князь Бельский только «честен», т. к. ни он сам, ни его родичи во времена Истомина в знатные люди не вышли.

Более старинное обозначение принадлежности к древнему и славному роду – «славный отчич» – применено к знаменитому и благородному мужу княгини Волконской. Однако указание на родовитость, наряду с уникальным чином «именитого человека», заслуженно отнесено и к главе рода Строгановых: «явленный дедич». В свою очередь купец Лабозный оказывается в эпитафии не просто уважаемым гражданином, но личностью, знаменитой ценным в его кругу качеством: он «в честности гласим». Также «явен», т. е. надежно известен и подьячий Стефанов, жена коего для рифмы, не «честна», а «правна» (что то же самое).

Наиболее близкие к традиции белокаменных надгробий, т. е. никаких дополнительных к имени характеристик не содержащие тексты, были для Истомина исключением (эпитафия Е. Мыриной, у Ф. Мартынова указан по крайней мере чин). В двух случаях поэт подменяет эпитетом мужу или отцу характеристику почившего, один раз – говорит о «честной» умершей жене, ничего дополнительно не сказав о названном по имени муже. Правилom же является более или менее развернутая и личная характеристика всех упомянутых лиц.

По наличию формальных и личных характеристик персонажей эпитафии можно разделить на три группы: в одной присутствуют только первые, в другой – только вторые, в третьей они сочетаются (это хорошо видно на вышеприведенной таблице). Индивидуальные характеристики отражают качества, заслуги и «славу» персонажей, а также их упомянутых родственников, придавая эпитафиям несвойственное традиционным надгробным надписям личностное звучание. Так, «в милости изящная» боярыня княгиня Трубецкая «вдовствуя с детьми добре дом свой управляла», а Васса Строганова была не только «милостива» (одно из похвальнейших в XVII в. качеств), но также «странноприимна» и «разумна». Мужья обеих, несмотря

на различие в положении, выглядят сходно: один «добронравен», другой «благонравен». У Волконской, как и положено даме этой фамилии, личные качества поглощены свойствами рода, и лишь о ее тесте сказано, что он известен «в славе гражданской». Невестке же властной и хозяйственной боярыни Трубецкой не требовалось качеств хозяйки: довольно того, что она была «верна».

Старший Волконский, как и «на службе явленный» Юшков относились к группе окольных и стольников, характеризующихся Истоминым как по статусу, так и по служебным заслугам. И.Ю. Леонтьев прославился храбростью и бодростью на войне, Троекуров был «воин и господич» (начальник), М.И. Куракин – «в полках в службе явный», Вельяминов получил известность как воевода, постригшийся в монахи стольник Георгий Лутохин – как администратор. Сугубо личными выглядят замечания, что двое из них были «приятными» господами: похвала, которую Каррион приберегал для глубоко симпатичных ему людей (митрополита Маркелла, дьяка Семенникова, старушки Евдокии Ивановой, которая «всем добродетель множила»). Столь же сочувственно звучат слова об окольном В.Ю. Леонтьеве, всю жизнь прожившем «в любви» с братом и последовавшим за ним в могилу (при этом о службе его автор совершенно забыл). Напротив, замечание об «уме здравом» стольника Бутурлина, при всем почтении Истомина к этому качеству, похоже на некую замену его неизвестных по эту заслуг. Аналогично выглядит указание, что князь Бельский был «богогоден». В.М. Куракин, например, тоже не имел заслуг, но о нем без обиняков сказано: «младенец». Стольник же полковник Стремичевский не вышел знатностью, зато был «храбр» и «благ».

Соотношение поэтических характеристик персонажей с их общественной и личной жизнью подробно рассмотрено выше, в контексте их положения, деяний и характеров.

Ум объединяет персонажей эпитафий, **целиком** (с малым исключением) **построенных на личных характеристиках**. Это качество поэт считал главным не случайно: не раз обращаясь в эпитафиях к «словесноумным» Истомин имел в виду излюбленное им определение: «словесноумно человек животно»; именно разумом человек, созданный из земного праха, возвышается до небес и становится подобным Богу. В поэтическом триптихе¹ и иных просветительных сочинениях Кариона подробно объяснен *процесс* строительства в душе человека «града Царствия Небесного», благодаря которому образуется подлинно разумный человек. Благодаря качеству *разума* это подобие Бога выполняет главное божественное предназначение: познание сущего и разумное «владение» всем сотворенным миром, макро- и микрокосмом.

Уверенно отдавая предпочтение уму, Карион не был воинствен в отношении невежд, подобно Сильвестру Медведеву, поплатившемуся за это головой. Но глубокую и искреннюю привязанность последний поэт Московского двора испытывал к людям в высшей степени достойным.

Помимо мудрого и просвещенного митрополита Маркелла, весьма близок к представлению поэта о выдающейся личности были: славный дипломат и администратор думный дьяк Возницын, ученый и «всем благоприятный» дьяк Семенников, отличившиеся острым умом и благонаравием подьячие Клобуков и Велинский. Из них лишь о дьяке бегло сказано, что он был честен и знатен. Эти люди, по мнению Кариона, заслуживали того, чтобы поэт сосредоточил все внимание на **качествах личности**, подобно своим учителям Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву, не привязывая творческие поиски к обычаю и седой старине. Именно Маркеллу Карион адресовал самую обширную эпитафию (15 двустиший в беловике), Семенни-

¹ См. ниже исследование в ч. II и публикацию в ч. III.

кову же посвятил наиболее пространный черновик (в сумме 21 двустихие). Вторую по обширности эпитафию являет лично мотивированный текст на гробницу семьи дьякона Василия (13), а наибольшее по числу вариантов (4) сочинение посвящено любезной поэту старушке Ивановой. Возможно, в этих наиболее личных текстах Истомин мог проявить большую творческую свободу, будучи уверенным в правильном восприятии своих сочинений и/или согласии устроителей памятника принять его взгляд на должную надпись.

С осознанием уникальности личности связаны не только указания, кем и каким был человек, что он совершил в жизни, но **сколько длилась** его земная стезя, сколько времени провел он в той или иной роли. Эти сведения, начисто отсутствующие в традиционных надгробных надписях, Истомин приводит в *половине вариантов* своих эпитафий. Так, патриарх Иоаким пас Церковь 15 лет, 7 месяцев и 23 дня, а жил «лет семьдесят»; княжна Васса Мещерская, именины 21 августа, прожила 38 лет, 6 месяцев, замужем за Строгановым была 20 лет, 8 месяцев и 17 дней; супруга подьячего Ксения Стефанова жила 27 лет, 3 месяца и 18 дней, именины 24 января; дьяк Семенников прожил 71 год, 8 месяцев и 22 дня, 9 последних лет был слеп; стольник Бутурлин жил 58 лет, 9 месяцев и 2 недели (в прозаическом варианте: 58 лет, 45 недель и 4 дня); Маркелл был архиепископом в Суздале год и 6 месяцев, митрополитом во Пскове 9 лет, в Казани 8 лет, прожил 67 лет и 4 месяца.

Столь точные сведения автор имел далеко не всегда, но использовал и более общие: окольниковый Иван Леонтьев почил в 47 лет, а брат его Василий – через 6 месяцев (сколько ему было лет, Истомин не знал и цифру в приготовленную фразу черновика не вставил, так же, как в прозаической эпитафии князю Бельскому); иеромонах Феодо-

сий жил 95 лет; окольниковый Юшков – 20 лет; князь Троекуров – 28 лет и 3 месяца; князь В.М. Куракин – «младенец шти лет»; князь М.И. Куракин погиб в 27 лет; подьячий Велинский прожил всего 11 лет; стольник Вельяминов умер на 58 году; наконец, княгиня Т.С. Трубецкая «сконча жизнь юна», а подьячий Клобуков – «во младых летех».

Несмотря на то, что **данные о возрасте** сообщаются больше, чем в половине сочинений, они могли быть опущены, например, в третьем (стихотворном) варианте эпитафии Бутурлину: либо поэт считал их необязательным элементом текста и не использовал всегда, когда знал, что маловероятно, либо третий вариант писался для использования *совместно* с первым (стихотворным) и/или вторым (прозаическим) вариантом.

В этой связи уместно вспомнить, что во втором (стихотворном) варианте эпитафии Вассе Строгановой (княжне Мещерской) *нет даты смерти*, так что приведенные в ней количественные данные понятны лишь *вместе* с развернутым третьим (прозаическим) вариантом (первый прозаический незавершен). В каждом из четырех вариантов последней по хронологии эпитафии – Евдокии Ивановой – есть дата смерти, однако точный возраст старушки (74 года) указан лишь в последней; в остальных Карион ограничился указаниями «старая жена», «жена в старых летех», «престарелая». Это может быть истолковано двояко: что поэт счел точность не столь важной и/или предполагал использовать *все* варианты.

Важными считал автор и **дополнительные точные данные** иного рода: думный дьяк Кириллов постригся в Донском монастыре в монахи 8 августа, в схиму – 31 августа 1693 г., прожил 52 года; строивший собор астраханец Колачников, сказано в стихах, оставил на его достройку 500 руб. «сборных» денег; в прозе добавлено, что его детище было заложено в октябре 1699 г., а завершено в 1702 г.

Самая важная характеристика каждой упомянутой Истоминым личности, общая для всех его персонажей в жизни и смерти – православие. Для выражения этой сущностной черты поэту не требовалось системы стандартных эпитетов (типа раб божий), особых фраз и т. п. Разумеется, поэт использует множество способов подчеркнуть значение добродетельной и благочестивой жизни, верного служения Богу и людям, веры, надежды и «любви христовой безмерной».

Различными путями, в любом контексте Карион дает понять, что покойный жил и умер в лоне Православной Церкви, продолжает пребывать в правой вере, надеясь на спасение души и без страха ожидая Воскресения. «За текстом» каждой эпитафии чувствуется уверенность, что ее персонаж, достойный занять в раю место со святыми, является образцом для живущих – и читающих «надпись гробный». В этом ключевом взаимодействии и кроется тайна на первый взгляд весьма разнообразной, а в действительности удивительно стабильной композиционной схемы эпитафий Истомина.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ

При зарождении всякая новая форма в литературе и искусстве несет в себе множество ярко выраженных элементов, каждый из которых впоследствии может знаменовать особое направление и толковаться как «открытие» теми, кто, объективно являясь эпигонами, субъективно предстают модернистами. Неприглаженность композиционных элементов эпитафий Кариона Истомина, заставляющая особо отчетливо видеть их разнообразие, создает впечатление избыточности, особенно с точки зрения классической, значительно более четкой в содержании и средствах его выражения традиции. *Exegi monumentum*, без ложной скром-

ности гласит почти каждый текст Истомина, «к нему не зарастет народная тропа». Текст эпитафии увековечивает взаимодействие по крайней мере четырех сторон: 1) *человека*, – жившего, изменившего свое состояние, претендующего на райское блаженство души и в итоге на воскресение к новой жизни; 2) *Бога*, – установившего естественный закон, «преставляющего» человека в новое состояние и дарующего всем верным надежду на вечную жизнь и Спасение; 3) *«всех человек»*, – призываемых эпитафией молиться о душе почившего и извлекать нравственный урок из того, что случится с каждым; 4) остающегося «за кадром» *автора*, возносящего молитву и выводящего мораль.

Бог вездесущ и всеведущ, так что непрерывные моления к нему всех действующих лиц служат выражением их благоверия. *Автор*, по обыкновению последней четверти XVII в. именованный «творцом», считает долгом проявляться в прямых обращениях к читателям. Общей чертой *персонажей* является то, что каждый из них, охарактеризованный ярко или лапидарно, выступает примером «спасенной», истинно христианской жизни. Пример этот, адресованный каждому «умнословесному», реализуется через *«всяка зряца»* могилу с эпитафией.

Посему нет никакой разницы между обращением ко «всем пришельцам» – или одинокому путнику, наподобие классической эпитафии царю Леониду и его спартамцам у Фермопил: «Путник, в Элладу весть отнеси» и т. д. Побуждение к действиям и восприятию морали в любом случае имеет всеобщий характер.

За вычетом того, кем покойник был в жизни, что он сотворил, как верил и встретил кончину, каковы его надежды (покойный «надежен» восстать из мертвых, он в уповании «ждет трубного гласа»), **структурообразующие побуждения и действия** в эпитафиях таковы (идущие подряд тексты из разных сочинений разделены знаком ||).

1. ОБРАЩЕНИЕ К ЛЮДЯМ

Всякий читатель эпитафии,— требовали поэт и его заказчики,— да посмотрит на могилу, задумается о жизни и смерти,— да помолится о райском блаженстве души «зде лежащего». Варианты этого призыва разнообразны. «Кто гроб сей узрит Богу помолися (об имярек), ... чтоб душою был в небо вознесенный». «Зри человеце всякий». «Путниче смотрев гроб сей и мудрися»; «Человеце, зри тело зде лежимо». «Всяк узрев гроб сей о нем помолися». «О души ея всяк зрящий молися». «Зри человеце гроб сей умилися».

Всяк земнородный смотрев гроб сей умилися,
О преставльшейся рабе божией молися. ||
Помяни душу его живш любезный,
Да даст ему Бог в небе век полезный.

Это обращение часто исходит от покойного или покойницы, которая просит «душу поминати»:

Молит умнословесных всех в том Бога молити,
Да изволит тую в век в небо вселити.

В тексте одной эпитафии (например, Стремичевскому), может встретиться одновременно два подобных обращения:

Всех человек в помощь просит он молитвы
Сподобь его Боже в век небесны гоститвы...
Пришелцы словесны вси на гроб сей возрите.
О лежащем в нем муже Бога помолите.

Сведения о личности часто непосредственно вплетены в текст обращения к прохожему, как бы оклика незнакомца; остановившись и «узнав» покойного, тот должен был выполнить просьбу о молитве:

Всяк путствующий зде гробу присмотрися,
В нем разумен муж дьяк телом положися.

Порфирий Трофимович	Семенников знатный
Ведущ дел и книг,	всем благоприятный...
Верные люди к Христу	просит он молитву,
Да вселив в небо душу	даст с святы гоститву.
Зде преходниче	стани присмотрися,
Под камнем с костями	тело положися
Престарелыя	Евдокии жены,
Да будут тоя	грехи отпущены.

Словом: «Остановись, прохожий, Здесь человек лежит» (хотя привычное нам «на смертных непохожий» – не в духе Кариона). Остается включить в ткань обращения мораль:

Гроб сей узревый	смерть в людех припомни,
Яко ею вси	удобопреломни.
О лежащем зде	Богу помолися,
Чтоб душе его	в небе в век пастися.

2. МОЛИТВА К БОГУ

Логично, что при отсутствии такого обращения молитва о спасении души покойного приводится в безличной форме: «Боже, сподоби ону царства ти невращна»,– должен был *произнести* всякий читающий эпитафию¹.

Христе упокой ону	в вечном ти блаженстве,
Даждь ей зрети тя присно	с святы в благоденстве.
Боже упокой душу	Наталии царицы
Причти в радости в небе	где святых всех лица.

Однако обращенная прямо к Богу молитва (от лица не упоминавшихся в русской традиции заказчиков) может и дополнять имеющуюся в эпитафии молитву прохожего:

¹ По всем известным нам свидетельствам, в XVII в. русского человека учили читать обязательно *вслух*, тем самым прививая навык полного произнесения слов и фраз текста.

Иисусе Боже наш	Порфирия верна
Раба твоего упокой	где сладость безмерна.
Зрящего гроб сей	когда он просит
Да молбы о нем	ко Христу возносит.
Боже упокой	душу сию вечно,
В небе ти даждь ей	царство непресечно.

Такая молитва о Спасении часто сочетается с просьбой автора (и всех читающих) к Богу о наставлении:

Боже, сподоби	ону вечной славы
Нас же ходити	наставь в пути правы.

Наставлением может быть и весь рассказ эпитафии о благочестивой жизни персонажа, например, митрополита Маркелла, который уже точно «возьмем радость в небе не отъяту»; поэту остается посоветовать:

На сей гроб смотря	Христу всяк молися,
Помянув успша	о том же потщися.

3. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН и его толкование

Богом установлено, – вполне канонично считал поэт, – что всему живущему на Земле дан свой срок. Смерть и погребение каждого из нас неизбежны. Но человек – не просто тварь, а подобие Бога, ему дан ум, чтобы осознать смерть как необходимый шаг к жизни вечной. И во временном состоянии готовиться к вечному: уповать на Спасение, причем не только свое, но общее, желаемое всем.

Естественный долг	человек zde стяжет,
По смерти в земли	плотию си ляжет.
Всякий человек живяй	отзде умирает.
Бог бо предел и меру	жизни полагает.
Долг умнословесному	к нему уповати,
Имать бо в небе с святы	вечно пребывати.

Что не родися, Земьн родився –	то не умирает, в землю ся склоняет.
Помни смерть всякий На суде предстати	человек живущий, пред Бога имущий.

В третьем варианте эпитафии Бутурлину поэт растолковывает моральный и операциональный смысл этого закона предельно ясно:

Волею Бога	сие сотворися,
Смертно бо бремя	людем наложися.
Но в вере правой	кто ли умирает,
В Христе надежду	всяк да полагает.
Церковь же свята	христианом мати,
Рожденна чада	дает в небе знати.

Непреклонность закона проявляется и в повелительном обращении к пресловутому «путнику»:

Долг всяким зрев	гроб смерть поминати,
О усопшем всегда	Бога умоляти.

В другой эпитафии это положение разъясняется так:

Дело бо свято усопших	души поминати.
Зане смерти всем должно	присно ожидать.

Структурные элементы № 1 и 2 в эпитафиях Истомина **необходимы** (не менее, чем фактические данные: даты, имена и чины), 3-й элемент – **желателен** и используется очень часто. Большинство текстов вышеназванным и ограничивается, однако временами Карион допускает не играющие организующей роли «излишества», вроде восклицания «слава Богу»:

Богу Всетворцу слава	и честь присно буди,
Аллилуиа за все	да поют вся груди.

ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ названных элементов реализуется в композиции через **общение**, в которое вовлекается читатель эпитафии. **Обращение** к нему, помещенное в начале, конце, в любом месте текста, делает рассказ о жизни, смерти и надеждах почившего адресным, более того, побуждает «чтущего» **молитвой** проявить свою сопричастность к отраженным в эпитафии ценностям и упованиям. Просто говоря, «путник» вовлекается в общение достойного усопшего человека с Богом, независимо от того, сам ли преставившийся просит совершить благочестивое и душеспасенное деяние, автор ли молит или приказывает: «Остановись! Со мною вместе помолись! Все там будем».

СЮЖЕТ надгробной надписи в литературной эпитафии изменился принципиально. Содержание традиционно «надписа гробного» было чисто фактическим, содержало **данные** об умершем, причем в весьма ограниченном наборе¹. Содержание литературной эпитафии Симеона, Сильвестра и Кариона более широко. Оно включало активные мировоззренческие образы, четкие оценки покойных и побуждения живущих к желаемым (автором и заказчиком) чувствам и действиям. Неверно было бы заключить, что поэты XVII в. ограничились сюжет трагическим конфликтом «человек и смерть». Он, несомненно, присутствует, даже в почти праздничных текстах о торжестве над «естеством» человека, в высшей степени достойно выполнившего божественную функцию. Как **чувство утраты**, потери для живущих, трагедия смерти порой достигает в эпитафиях Кариона пронзительной остроты, – даже мировоззренчески отрицаемой поэтом безысходности. Но сущность сюжета

¹ Разумеется, сообщаемые традиционной эпитафией данные отражали мировоззрение («раб Божий», погребальный обряд и т. п. элементы), но пассивным образом; если реакция на «надпись» и была предусмотрена (что сложно доказать), то не как ответ на активное воздействие текста на читателя.

всех без исключения, даже самых трагических эпитафий иная: не «человек жил и умер», а *человек дает нам надежду*. Эта мысль и это чувство, воплощенные в тщательно выстроенных литературных образах, породили ясную фабулу литературных эпитафий XVII – начала XVIII в.

ФАБУЛУ эту можно выразить простой наглядной схемой

2. Выполнил свой долг
(христиански умер ~ отпет ~ похоронен)

3. Надеется и дает надежду
(вечно жив и чает Воскресения)

4. Долг живущего
(надеяться, молиться за ушедших, следовать за ними)

Всякому прочитавшему публикуемые эпитафии очевидно, что в кратком тексте последовательность расположения фабульных «шагов» не важна, поскольку они в любом случае образуют единый комплекс. Он настолько прочен, что пропуск какого-либо «шага» не означает отсутствия самого твердо подразумеваемого смыслового элемента¹.

¹ Серьезные пропуски «шагов» (обращения к прохожему, молитвы, надежды и «долга») и кратчайшая характеристика покойного естественна в эпитафии 6-летнему кн. В.М. Куракину: относительно Спасения «младенца» сомнений не было! Для сравнения: в эпитафии 11-летнему А. Велинскому, уже *служившему* подьячим, все элементы фабулы присутствуют. В этой связи странно выглядит лапидарность первого варианта

Например, обращение к путнику в выдающейся из ряда эпитафии на усыпальницу семьи дьякона Василия заменено развернутой молитвой за всю семью, включая безутешно оплакиваемого близких дьякона; призывать «остановиться» перед этой скорбной гробницей было излишне, а «всяк чтущий» молился вместе с автором. Подобное «сокращение» имеется во втором варианте эпитафии иеромонаху Феодосию, в эпитафиях княгине Т.С. Трубецкой, князю М.И. Куракину и гостиному сыну И.И. Исаевичу, первом варианте эпитафий дьяку П.Т. Семенникову и княгине А.Е. Волконской. Просить помолиться за патриарха Иоакима было не вполне благопристойно, поэтому в эпитафии ему все молитвы безличны (что не мешало читателю их произносить). Однако за митрополита Маркелла Карион все же призвал молиться, чтобы тут же предложить следовать примеру жизни архиерея.

В первых вариантах эпитафий княгине И.В. Трубецкой, В. Клобукова и Е. Ивановой, эпитафиях Е. Мырминой, И.А. Бутурлину, И.И. Чаадаеву, П. Родостамовой, князю Ф.Ф. Бельскому и думному советнику П.Б. Возницыну сокращена молитва автора или не вполне ясно, относится обращение к Богу к молитве автора или путника. – Так и должно было быть, ведь тексты Кариона подразумевали *единодушное* восприятие всеми признавшими новшество.

Наиболее свободен автор был в отборе характеристик человека и его жизни (что мы хорошо видели при разборе формальных и личных эпитетов). Таблица эпитетов и личных характеристик наглядно показывает эту свободу в рам-

эпитафии М.Т. Зиновьевой, в котором автор без всяких оценок личностей утверждает: «блаженно успе благочестно» (во втором варианте все элементы присутствуют). Судя по тому, что аналогично краток четвертый вариант эпитафии Е. Ивановой, такое сокращение в одном из вариантов может быть связано с их совместным употреблением на надгробии, – вопрос, который мы вскоре специально рассмотрим.

ках жанра (связанную с разнообразием запросов адресатов и личными предпочтениями Кариона). Такая особенность и заставила нас обозначить темы «Человек» и «Жил» как *подразделы* первого пункта фабулы, допускающие вариации и взаимные уступки (за редчайшим исключением из содержания обязательных данных).

Обратившись к публикуемым текстам эпитафий, легко заметить, сколь творчески использовал Карион Истомин свободу литературного выражения очень четко определенного самим поэтом содержания. В отличие, например, от Сильвестра Медведева, нередко позволявшего себе прямые цитаты из сочинений учителя Симеона и своих собственных (не говоря уже о переделках старых стихов), последний поэт Московского двора *ни разу не повторился* в эпитафиях разным лицам! А ведь он писал эти тексты не для публичного исполнения во время церемоний при дворе (как, например, читались орации и поэмы, в которых Истомин преуспел гораздо более Полоцкого и Медведева). Многие из публикуемых эпитафий, особенно незнатным и даже не московским людям, вряд ли становились в XVII – начале XVIII в. широко известны.

То, что автор выражал глубокие мысли и яркие чувства столь красочно и многообразно, следует отнести исключительно на счет требовательности поэта к самому себе. Поэтому, в частности, мы без всяких сомнений называем Кариона Истомина поэтом, а не «виршеписцем» или в лучшем случае «стихотворцем».

Сегодня драматические эффекты Кариона кажутся несколько чрезмерными, однако они не были такими во время становления жанра, само обращение к которому требовало от заказчиков неординарной решимости резко выделить надгробие, бросить своего рода вызов традиционной среде. Для поэта же каждая новая эпитафия была полем боя с рутиной, на котором побеждали возвышенные

чувства и светлые мысли, рождающие то, что автор, вместе с царем Федором Алексеевичем и сонмом единомышленников, ценил выше всего: «всемирную пользу».

«Зрением и потребством вещей человек веселится!» – чеканно сформулировал Истомин свой эстетический принцип. И его эпитафии были в высшей степени «потребны»: утешительны для родных и близких, полезны покойному, за коего молились, спасительны для души возносящего молитву, приятны Богу, наконец, они воспитывали уважение к вечным духовным, церковным и социальным ценностям.

Сочетание динамичной композиции эпитафий с изрядной долей дидактичности было не случайным. Подобно всем ученым европейским просветителям XVII столетия (не путать с салонными «французскими просветителями» XVIII в.), Карион Истомин рассматривал любой жанр прежде всего как еще одну форму обучения и воспитания. Прекрасный педагог и автор самых передовых по тем временам учебных пособий (начиная с Букваря, которому именно Истомин придал современный для нас вид), поэт был активным сторонником деятельного (отчасти даже игрового) обучения с моральным и метафизическим уклоном.

Его обращение: «Всяк путствующий зде гробу присмотрися», – адресованное и индивиду, и всем живущим людям, касалось одновременно и человека-микрокосма, и, через него, пути человечества в макрокосме – Вселенной¹. Для Истомина было важно, чтобы «человек живущий» не просто выполнил свой долг перед Богом и людьми, обеспечивая тем верный круговорот времен, но чтобы он сделал это осознанно, как «словесноумный», возвысив свое божественное начало над животным и уже «зде», в жизни, шагнув от Земли к Небу.

¹ См.: Богданов А.П. Естественнаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.

БУМАГА, КАМЕНЬ И ЖИВОЕ СЛОВО

Спор между бумагой и камнем начался с древнейших времен. Само название *литературная* эпитафия, если применить его без специальных пояснений, будет понято читателем как письменная, книжная, – в противовес высеченной на камне тяжеловесной *эпиграфике*. В тысячелетнем споре прочный камень побеждает не так уж часто. Полного уничтожения культурной традиции, передаваемой легкими «пернатыми» знаками на папирусе и коже, древесных листах или мягкой глине, не произошло даже для древнейших цивилизаций Китая, Индии, Междуречья, Египта и Америки. Их архитектурные памятники и каменные рельефы впечатляют, однако даже о Египте мы больше знаем из рукописей, чем по внушительным памятникам эпиграфики.

Классическая европейская эпитафия, – от греческого *epitaphios* (*logos*) – надгробное (слово), – изначально существовала в двух формах: устной речи и могильной надписи. В древней Греции государственный оратор произносил траурную речь при церемонии захоронения выдающихся мужей. И тогда, и впоследствии такие речи обычно не записывались, а если и сочинялись на восковых табличках, папирусе и затем бумаге, – то эти записи не сохранились. Записи речей-эпитафий, например, Перикла и Сократа, знакомят нас с этой традицией, несмотря на то, что вполне могли быть вольно воспроизведены, если не сочинены Фукидидом и Платоном. К тому же классическому периоду относятся и эпитафии как надписи, вырезанные на могильном камне, знаменитейшей из которых является эпитафия на памятнике павшим при Фермопилах.

На Руси находки надгробных надписей относятся к периоду после утверждения христианства. Историками материальной культуры выявлено около тысячи вырезанных на камне эпитафий второй половины XIII – конца XVII вв.

Основная их часть (около 800) систематизирована московским археологом Леонидом Андреевичем Беляевым¹. Не менее 95 % эпитафий относятся к XVI–XVII вв. (к XIII–XIV вв. примерно 25, к XV в. – до 15 эпитафий), причем около 90 % найдены в Москве и древних монастырях Московского княжества.

Огромная часть средневековых некрополей не изучена, предполагается, что большинство их вообще не сохранилось, – что, на мой взгляд, хорошо подтверждается тем, что не выявлено эпитафий на дереве. Вместе с тем изученные надписи в высокой степени однотипны. Это, собственно говоря, и позволяет археологам судить о целом эпиграфическом жанре по части изученных надгробий, – части, ничтожно малой сравнительно с общим числом должным образом похороненных православных россиян. Задача изучения происхождения древнерусских эпитафий на камне в связи с книжностью (особенно переводной) может быть очень интересной. По крайней мере новая литературная эпитафия, появившаяся в России XVII в. в рукописях и на камне, напоминает происхождение классической европейской эпитафии весьма определенно. Но только ли европейской?

Относительно «своеобразия надгробных надписей» в контексте письменной культуры средневековой Руси (и соседних культурных регионов) ценнейшие наблюдения принадлежат Л.А. Беляеву. Ученый четко разделил традиционные русские надписи и новшества, постепенно появившиеся на могильных камнях в XVII в. До этого столетия «мы, – констатировал Беляев, – не применяли к надписям термин “эпитафия”, поскольку, как ни определяй жанр исследуемых текстов, ясно, что они находятся вне сферы литературы». Лишь «уникальный текст 1639 года» (надпись на плите Зубовых) – «один из примеров зарождающейся в

¹ См. труды *Т.М. Николаевой*, *В.Б. Гиришберга* и *Л.А. Беляева* (глава 1, прим. 1–3; ср. библиографию в книге Беляева 1996).

XVII веке эпитафии», к которой Беляев отнес тексты на плитах М.В. Скопина-Шуйского и В.И. Шуйского, а также надписи с саркофагов Ивана Грозного и Федора Иоанновича в Архангельском соборе, – все выполненные, предположительно, в «середине – второй половине XVII века»¹.

Заслуживает внимания, как лучший на сегодняшний день знаток средневековых надгробий характеризует своеобразие русских традиционных надписей *по отсутствию* в них известных признаков эпитафической литературы.

«Как устойчивая текстовая формула надпись древнерусского надгробия, – пишет Беляев, – скорее отталкивает, чем привлекает исследователя. Отталкивает своей краткостью, безэмоциональностью, сухостью. В ней отсутствуют характерные структурные элементы, присущие надгробным надписям “соседних” культур средневековья. Здесь нет, например, сложных генеалогических построений, присущих исламским (особенно тюркским) памятникам, нет присущих им стихотворных вероисповедных формул и славословий. (В этом легко убедиться, сравнив, например, эпитафику Волжской Болгарии того же периода). Нет и благопожеланий, молитвенных обращений к богу, выражения тревоги за судьбу души покойного или выражения уверенности в ее спасении, – которые характерны, пусть в краткой форме, позднесредневековым эпитафиям христианских

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 256. «Внезапно прорвавшийся (сквозь «равнодушие формуляра») живой тон человеческого горя» в эпитафии Зубовых состоит в добавлении: *«преставился Илья Иванович Зубов на Саратове как шол из Астраханя; сына ево в Астрахани Василия не стало; погребен Илья Иванович и сын ево Василий»*. – «Составитель текста – скорее всего родственник покойных – как бы старается через описание подробностей печального события, через детали “трагической географии” передать скорбь отца, ощущение непереносимой утраты, оказавшейся для него смертельной», – замечает Беляев (С. 255).

стран Западной Европы. Отсутствует присущая многим надписям похвала покойному или иная оценка его личности и жизненного пути. В древнерусских надписях исключаются прямые обращения к душе умершего и вообще любые признаки литературного сочинительства – характерные для греческой эпиграфики, ведущей происхождение от античных жанров. Можно сказать, – заключает Беляев, – что надписи древнерусских плит ставят исследователя в тупик, поскольку они не слишком похожи на надгробные»¹.

Даже в XVII столетии в этих надписях лишь потихоньку появляются отдельных «элементы» литературности. – И вдруг в творчестве московских придворных поэтов, *параллельно русской народной традиции*, возникает не просто «литературная», а собственно **эпитафия** как литературный жанр, внезапно включивший *все* названные Беляевым признаки, причем системно интегрированные в собственном, православном мировоззрении. Перед нами одновременно две загадки: литературного творчества и восприятия созданных его творцами инноваций «высшим» обществом, в считанные годы воздвигшим памятники своим членам в самом полном для того времени варианте общеевропейской культурной традиции. Обе эти вселенские загадки разрешимы лишь до определенной степени, но путь к пониманию произошедшего лежит в свойстве неофитов, имеющих возможность воспринять древнюю культурную традицию во всей полноте, без накопленных веками стереотипов.

Мы уже упомянули в 1-й главе, что рождение в Москве первых стихотворных эпитафий – Епифанию Славинецкому 1675 г. и Симеону Полоцкому 1680 г. – прямо связано с обращением столичных авторов (Полоцкого и Медведева) к латинской ученой книжности². В книгах и они, и заказчик

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 246–247.

² По происхождению – греко-латинской, но реально наши первые поэты использовали в книгопечатании именно латынь. Они

второй эпитафии царь Федор Алексеевич (учившийся у Симеона латыни) почерпнули саму идею развернутой характеристики заслуг покойного в назидание потомкам и мысль об уместности стихотворной формы¹, по определению более выразительной и емкой, чем проза.

Нам могут возразить, что Симеону было достаточно знакомства с эпитафиями ученым людям в Киеве (где он предположительно учился в Могилянских коллегиях), Вильно (где он чуть не окончил иезуитскую Академию) и родном Полоцке, в Богоявленском монастыре которого «дидаскал» преподавал в известном православном училище². Однако это вполне допустимое на наш взгляд предположение отнюдь не отменяет знакомства высокообразованных людей XVII в. с литературными жанрами, включая ученую эпитафию, через книжность. И сегодня изучать истоки идей и стилей века Научной революции³ посредством книг и манускриптов легче, чем путем личного знакомства с материальными памятниками: в этом может убедиться каждый, кто попытается привести пример литературной эпитафии того времени с надгробия в Киеве, Вильно или Полоцке.

Еще более явственны письменные, а не чисто эпиграфические корни третьей по времени литературной эпитафии в России. Она появилась, надо полагать, не ранее осе-

имели для этого все основания, т. к. в XVII в. практически все античное наследие было критически издано на латыни.

¹ Сами стихи Симеона Полоцкого еще связаны с южнорусскими, латинскими и польскими образцами, но просодия (метод стихосложения) Сильвестра Медведева и особенно Кариона Истомина – уже оригинальна, и именно она лежит в основе русской системы стихосложения XVIII–XXI вв.

² См.: *Поэзия Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий. Вирши / В.К. Былинин, Л.У. Звонарева.* Минск. 1990; *Панченко А.М. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3.* СПб., 1998. С. 362–379.

³ См.: *Кирсанов В.С. Научная революция XVII века.* М., 1987.

ни 1682 г.¹ над саркофагом самого Федора Алексеевича в Архангельском соборе на настенной парсуне придворного живописца Богдана Салтанова. Выше говорилось, что странная надпись в Архангельском соборе представляет собой прозаическое похвальное слово царю-реформатору, восходящее к древнегреческой ораторской эпитафии. Автор по воле царевны Софьи использовал форму второй (центральной) части классической надгробной речи, в которой повествовалось о достоинствах и заслугах почившего. Третью часть древнегреческой надгробной речи, посвященную скорби и соболезнованию близким, Сильвестр Медведев положил в основу поэмы «Плач и Утешение», написанной сразу после смерти царя весной 1682 г. и поднесенной его родным, в том числе, с особым панегириком, царевне Софье². Здесь был применен и традиционный зачин ораторской эпитафии, подчеркивающий трудность авторской задачи³. Таким образом, уже к концу 1682 г. в России были использованы все бытовавшие в ученой книжности виды

¹ Государь умер 27 апреля 1682 г. и был погребен 28-го. Но, согласно обычаю, от погребения до положения царского тела в саркофаге Архангельского собора проходило несколько месяцев (по *И.Е. Забелину*). К тому же бежавший в Троицу от восстания в столице Двор смог вернуться в Москву лишь осенью, – а «утишение» волнений произошло только зимой.

² Подносные экземпляры: БАН. П.І.А.6 (17.4.6). 29 лл.; П.І.А.7 (17.4.7). 17+III лл. Опубл.: «Плач и утешение двадцатьма двумя виршами» // ДРВ. М., 1790. Ч. XIV. С. 95–111 (поэма); *Богданов А.П.* Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // ПКНО за 1982 г. М., 1984. С. 45–52.

³ См.: *Богданов А.П.* Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: похвальная рація царевне Софье // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Серия Филология. Новосибирск. 1979. С. 80–90; *он же.* Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала. 1988. С. 48–65; и др.

эпитафии как литературного жанра. А проявился интерес к классической ораторской эпитафии еще раньше.

В свое время мы предполагали, что эпитафия царю Федору в Архангельском соборе, послужившая источником одному из составителей патриаршего Летописца 1686 г. и иеромонаху Чудовского монастыря (затем его казначею) Боголепу Адамову¹, бытовала как панегирик и до появления над саркофагом на парсуне Богдана Салтанова². После досконального исследования переводов западноевропейских газет в царствование Федора Алексеевича³ стало очевидно, что этот панегирик был создан еще до кончины го-

¹ *Богданов А.П.* «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРЛ. М., 1988. Т. 41. С. 392; *он же.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 82.

² Похвалы Федору Алексеевичу присутствовали уже в «Синописисе» (Киев 1680), отразившись затем в Беляевском летописце, Латухинской Степенной книге Тихона Макарьевского и его многочисленных переработках (*Богданов А.П.* В тени Великого Петра. С. 17 и прим. 3–5).

³ *Шамин С.М.* Письма, грамотки, куранты. Первые регулярные почты в России // Родина. № 12. 2001. С. 10–15; *он же.* Чудеса в курантах времени правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. 2001. С. 99–110; *он же.* Экономические сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв. Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122; *он же.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 40–64; *он же.* В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // ВИ. 2002. № 6. С. 134–138; *он же.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 гг. (По материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 138–152.

сударя-реформатора и имел целью пропаганду его преобразований, встретивших к осени 1681 г. серьезное сопротивление при Московском дворе.

С.М. Шамин обнаружил в русских переводах «курантов» сообщение «бывшего датского посланного», в котором легко было узнать Гильдебранда фон Горна¹, невольно сыгравшего заметную роль в осуществлении внешнеполитических замыслов боярина князя В.В. Голицына². Впервые Горн посетил Россию в качестве секретаря посольства в 1676–1678 гг., изучил русский язык и в 1681 г. выполнял в Москве самостоятельную миссию, секретная часть которой сводилась к задаче втянуть Россию в войну со Швецией. На прощальной аудиенции в декабре 1681 г. ему от имени государя были пожалованы 12 прекрасно переплетенных книг «в память о царе и для практики в русском языке»³. Окрыленный намеками лукавых царедворцев на успех его секретной миссии, Горн поспешил на доклад к королю Кристиану V в Копенгаген, чтобы немедленно вновь устремиться в Москву⁴. По пути, в Гданьске, он 12 февраля 1682 г. дал

¹ О чиновнике немецкой канцелярии датского короля Кристиана V Гильдебранде фон Горне (1655–1686) и его миссиях см.: *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП, 1904. № 11. С. 67–84; *Богданов А.П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // ВИ. 1986. № 3. С. 78–91.

² См.: *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // *Богданов А.П. Галактионов И.В., Лукичев М.П., Рогожин Н.М., Чистякова Е.В.* «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 201–202.

³ См. статейный список миссии Горна в Посольском приказе: РГАДА. Ф. 55. Оп. 1. Кн. 23. Ч. 1.

⁴ Важнейшие донесения Горна опубликованы: *Årsberetninger fra det kongelige geheim Archiv*. Bd. VI. København, 1879. S. 138–198. Подлинники хранятся в Датском государственном архиве, Копенгаген (ТКУА, Rusland, В-51, 30.04.1681–19.10.1684); их микрофильмы имеются в России. См.: *Возгрин В.Е.* Доку-

развернутый похвальный отзыв о реформах Федора Алексеевича, напечатанный в газете под 20 февраля. Это сообщение, полученное в Москве через рижскую почту 10 марта, на следующий день было «великому государю известно, и бояром чтено в Передней»¹. Приводим его текст:

«Втораго на десять дня февраля, на Москве бывшей датцкой посланной здесь проехал, которой не возмог довольно возхвалить великое радение и бдение его царского величества, не токмо во укреплении силы его царского величества, но и ко общей прибыли и безопаству подданным его. Яко торговлю и чиновные постановления исправил, но еще и в воинских делах из разумительнейших и знатнейших генералов начальство постановил, которые не токмо о нужном содержании и исправлении рот, но и о всех делах, которые силою отправляются, ежедневно радеют. Начальнейший у них князь Василей Васильевич Голицын, господин великого разума и преизрядного искусства. При сем его ж царское величество разсмотря несметной убыток от пожаров, которые ежегод в стольном городе Москве и ыных городех чинятца, милостиво указал всякому волно построить каменным строением, и ис казны своей государственной имать кирпич и платить в 10 лет. И сего ради в кратком времени Москва в великом пременении будет. Его же царскому величеству меж иными слава будет, что Москва при его государственной державе стала каменная, которая прежде была деревяная».

менты Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны // СА. 1973. № 5; *он же*. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР. Археографический сборник. М., 1982. С. 152–157.

¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Д. 5. Л. 62–74 (куранты за 10 марта, доложенные 11-го), 62 об. (помета), 65–67 (сообщение).

Сообщение «бывшего датцкого посланного» имеет два слоя информации. Первый очевидно соответствует панегирику, дошедшему до нас на парсуне царя Федора работы Богдана Салтанова, законченной после смерти государя и помещенной над его гробницей в Архангельском соборе¹. Газет-

¹ «...Федор Алексеевич... по отце своем... Алексее Михайловиче... восприял скипетродержавство царства Российского от рождения своего в 15-е лето. Был от... Бога... одарен постоянством царским, незыблемым благоговением христианским истинным, бодростью в службе божьей, долготерпением и милосердием дивным. И в правду сказать можно, что он был престолом мудрости, совета сокровищем, царских и гражданских устоев охранением и укреплением, прениям решением, царству Российскому утверждением. Кратко сказать – то ему любезно было, что мать нашу Православную церковь увеселяло, мир, тишину и всякое народа благополучие умножало. И во всем его царском житии не находилось такого времени, когда бы ему всему православию памяти достойного и церкви любезного дела не сотворить. К тому же неприятелям Российского царства был страшен, в победах счастлив, народу любезен. Он от многолетних войн царству Российскому мир достохвальный сотворил. Из тьмы магометанства и идолопоклонства множество людей не принуждением, но христианским благочестивым промыслом в свет православной веры привел. Православных христиан, которые были магометанам подданные, многие села и деревни от их подданства освободил. И из басурманского плена много лет там страдавших многое число православных христиан выкупил. Многие церкви Божьи пречудно всяким благолепием украсил. О научении свободным мудростям российского народа постоянно помышлял, и монастырь Спасский, что в Китай-городе, на это учение определил, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написал. Дома каменные для пребывания убогих и нищих с довольным пропитанием сотворил и таковых упокоил многие тысячи. Царские многолетние долги народу простил и впредь налоги облегчил. Братоненавистные, враждотворные и междоусобные местнические

ное сообщение, как и панегирик, восхваляет «великое радение и бдение его царского величества» в укреплении силы государства, к «общей прибыли» и безопасности подданных, в области развития торговли, усовершенствовании «чиновых постановлений», армии и обороны страны в целом.

Оба текста сходно хвалят широкое каменное строительство, развернутое царем Федором при помощи казенных субсидий и мощностей приказа Каменных дел¹, о котором в 1687 г. восторженно отзывался Г.А. Шлейссингер², а позже

споры прекратил. Царский свой дом, и град Кремль, и Китайгород презрядно обновил, и убыточные народу одежды переменил, иное многое достохвальное и памяти достойное сотворил – и на все полезное и народу потребное все предуготовлял. Пречудно со всяким христианским душеспасительным к исходу души своей предуготовлением жизнь сию скончал. Царствовал же этот благочестивейший и милостивый царь 6 лет, и месяца два, и дней 28. Преставился же... всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца апреля в 27 день в 13 часу дня в первой четверти». Текст опубл.: ДРВ. Ч. XI. С. 229–231; *Тромонин К.* Царь Федор Алексеевич. М., 1836; *Снегирев И.М.* Архангельский собор в московском Кремле. М., 1865. С. 28–31; и др.

¹ См. государев указ от 23 октября 1681 г.: ПСЗ-1. Т. II. № 892. С. 356. Царь указал «на полатном строенье ныне и впредь деревянного хоромного строения отнюдь никому не делать ни которыми делы... Указал великий государь делать каменное строение, а на то строенье пожаловал великий государь, велел вам дать кирпичу из приказу Большаго дворца по указанной цене, по полтора рубли за тысячу, в долг, а деньги в свою государеву казну взять на вас погодно в десять лет».

² Царь Федор, писал Георг Адам Шлейссингер, «был весьма достойным князем. Он добился того, что в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить... Тем, у кого не было средств на строительство, можно было рассрочить платежи на 10 лет... Однако после смерти упомянутого высокодостоного князя это полезное

вспоминал В.Н. Татишев¹. Сходство текстов «курантов» и Архангельского собора позволяет нам уверенно заключить, что панегирик, помещенный правительством Софьи и Голицына (1682–1689) на царской парсуне, в основной своей части бытовал при Дворе еще *до кончины государя*.

дело умерло вместе с другими полезными распоряжениями» (Г.А. Шлейссингер. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича / *Лантева Л.П.* // ВИ. 1970. № 1. С. 107.

¹ «В Москве,— писал Татишев,— хотелось ему прилежно каменное строение умножить. И для того приказал объявить, чтобы припасы брали из казны, а деньги за них платили в десять лет, по которому (указу) многие брали и строились. При нем над кирпичными мастерами был для особого надзора Каменный приказ учрежден и положена была мера и образцы, как (кирпич) выжигать. Не меньше надзирали и за мятьем глины, но дабы кто от своей работы не отперся — велено на десятом кирпиче каждому мастеру или обжигальщику свой знак класть. Камень белый также положен был только трех размеров, мельче которых продавать и возить было запрещено, только если бы кто специально по потребности мельче привезти заказал. Для чего учрежден был особый Каменный приказ, и для производства того камня дано было довольно число денег, на которые бы, изготовя довольно припасов, по вышеписанному для строительства в долг раздавать. Но как в прочем, так и сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по заступничеству их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И так то (строительство) вскоре разорилось». (*Татищев В.Н.* История Российская. В 7 тт. М.;Л., 1966. Т. 7. С. 172–183). Следует лишь уточнить, что приказ Каменных дел был создан задолго до царя Федора и существовал далее, а потери казны на массовой каменной застройке Москвы окупилась красотой столицы и ее защищенностью от пожаров, так что признать *осуществлённое* при старшем брате Петра каменное строительство неудачей нельзя (*Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930).

Второй слой информации Горна точно указывает круг, в котором датский посланник обрел панегирик Федору: комиссия «Великих ратных и земских дел» во главе с боярином князем *Василием Васильевичем Голицыным*, получившим от датчанина первый, но не последний в своей жизни восторженный иностранный отзыв как «господин великого разума и преизрядного искусства». Комиссия, успевшая, как отмечает Горн, ввести службу чинов Государева двора в ротах с общеполковническими званиями, вместо старинных сотен (а заодно отменить местничество), действительно была составлена из опытных военачальников, в т. ч. первых русских генералов. Если прежде мы лишь подозревали, что Голицын активно участвовал во внешнеполитических операциях, в частности, с Данией, еще при жизни Федора, то сообщение курантов от 10 марта 1862 г. это точно доказывает.

Было ли услышанное Горном в конце 1681 г. похвальное слово Федору Алексеевичу и его реформам тогда же записано? Можно предположить, что да, хотя изучение распространения народных версий о бурных событиях Московского восстания 1682 г., вспыхнувшего после смерти царя Федора как ответ «верхам» на поражение его социально ориентированных реформ, свидетельствует о значительной устойчивости устного рассказа в многократной передаче на значительные расстояния¹. В любом случае живое слово изучается нами с помощью сопоставления письменных памятников. Мы несколько не сомневаемся в действенности реконструкции устных версий по их разнообразной письменной передаче. Тем более достоверной должна казаться авторская запись литературных эпитафий.

¹ Полный обзор версий см.: *Богданов А.П.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1993. С. 77–108; часть 2: Там же. М., 1995. С. 39–62.

ПЛИТЫ И СТОЛПЫ

И все же мысль о том, что автографы новых литературных эпитафий – это и есть новые для России надписи на памятниках, воспринимается с трудом. С одной стороны, мы можем увидеть и пощупать руками реальные надмогильные плиты Симеона Полоцкого со стихами Медведева, соответствующими авторской рукописи Сильвестра. С другой – уверены, что известные в автографах Кариона Истомина и Игнатия Римского-Корсакова эпитафии патриарху Иоакиму и царице Наталии Кирилловне на камне их саркофагов не появились. Но главное сомнение порождено представлением о господстве в XVII в. традиционного русского надгробия, на котором литературную эпитафию просто негде было вырезать!

Сегодня нам известно, что сама «плита» эволюционировала и в XVII в. общий вид русских надгробий сильно изменился. Уже на выделенном Л.А. Беляевым «четвертом этапе» развития надгробных плит (1580–1650-е гг.) их боковые грани значительно выросли в высоту, составив более чем половину ширины самой плиты. В последней трети XVII в., на «пятом этапе», высота надгробия стремилась сравняться с шириной и даже превзойти ее. В этих условиях верхняя плоскость, по наблюдениям Беляева, не только теряет текст, но «окончательно утрачивает значение», зато четыре боковые плоскости украшаются «саркофагообразно» и, как правило, перекрестно. На длинных боковых гранях появляются архитектурные профилировки или орнаментальные гирлянды, на торцах – барочные картуши и эмблемы. Надпись естественно выходит за границы верхней плоскости, сначала продолжаясь на боковых гранях (как бы обегая их), а затем и целиком размещаясь «на одном или обоих торцах надгробия»¹.

¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 36–37.

Но торцы таких «архитектурно» оформленных надгробий по всем известным памятникам слишком малы. «На этих сравнительно небольших вертикальных площадках (прямоугольных, квадратных или трапециевидных)» едва размещалась искусно вырезанная краткая традиционная надпись. Лишь немного больше по размеру были вертикальные плиты царей: «таблички» с надписями, смонтированные на саркофагах Архангельского собора (и вообще «плиты-надгробия» внутри храмов»). Распространившиеся в XVII в. «доски-надгробия» внутри и снаружи храмов отличались от «плит» тем, что не закрывали непосредственно прах усопшего, в связи с чем нередко дополняли традиционную надпись в высшей степени лапидарным указанием на относительное положение погребения (вроде «против сей доски»). Обобщивший максимум данных о всех формах археологических памятников и надписей Л.А. Беляев подчеркнул, что распространение «досок» было не в последнюю очередь связано с растущей теснотой, «избытком захоронений в наиболее престижной, сакрально значимой зоне некрополя, на старых родовых участках»¹.

Очевидно, что если эпитафии Кариона Истомина вообще могли быть вырезаны, то только на новых, совершенно отличных от традиции памятниках с иным пространственным решением. В принципе, такие памятники известны. «5-й этап, – констатировал Л.А. Беляев, – видимо, хорошо подготовил каменосечцев-резчиков к исполнению памятников достаточно сложных форм, насыщенных богатым фигурным рельефом, сюжетными композициями и даже круглой скульптурой, что позволило им в начале XVIII века успешно высекать памятники новых, европейских образцов»².

Полагать, что «памятники новых... образцов» появились лишь в XVIII в., ученого заставляет представление о

¹ Там же. С. 169–175. Цит. с. 169, 172, 174.

² Там же. С. 37.

о начале серьезных культурных преобразований после прихода к власти Петра I и отсутствие сохранившихся образцов века XVII-го. Первое представление неверно, а второе неточно. Помимо того, что мы располагаем серьезным комплексом литературных эпитафий, не умещавшихся на традиционных памятниках, совершенно новые, отличные от всех старых образцов плиты над могилой Симеона Полоцкого *существуют*, а о строительстве невиданных ранее памятников в Москве *сообщают письменные источники*. Речь идет об основательно изученных памятных «столпах» с пространными надписями 1682, 1697 и 1699–1700 гг.¹ Напомню вкратце их историю, подробнее, чем это сделано, обращаясь к описанию сооружений.

¹ См.: *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 177–202.– Автор – видный музейный работник – собрал здесь многие сведения о «столпах», не пытаясь разобраться в их происхождении и с полным безразличием к сути событий. Возглавленное стрельцами и солдатами Московское восстание 1692 г. Лаврентьев характеризует версией А.А. Матвеева, в которой историки усомнились уже в XIX в.: «Стрелецкое восстание 15–17 мая 1682 г. увенчалось победой партии Милославских, добытой благодаря поддержке московских стрелецких полков и посадских людей... Царевна Софья была назначена регентшей при братьях» (в действительности никакой серьезной «партии Милославских» не было, а Софья в 1682 г. регентшей не назначалась: *Лермонтова Е.Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам. СПб., 1912; эта версия появилась лишь в середине 1680-х гг.: *Богданов А.П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // ИИИ СССР. М., 1987. С. 114–146). На следующей странице Лаврентьев как ни в чем не бывало приводит научную версию событий: «Так, более чем наглядно – памятником, была впервые в истории России отмечена победа восставшего народа, вынудившего правительство считаться с собой», – но продолжает называть восстание даже не бунтом, а «мятежом» (С.182–184).

27 апреля 1682 г. скончался молодой царь-реформатор Федор Алексеевич. На престол с поразившей даже выдавших виды придворных поспешностью и полным небрежением приличиями был посажен 10-летний царевич Петр. Смерть только развернувшего преобразования «для общего блага и всенародной пользы» Федора была столь таинственна, а права наследника престола 16-летнего царевича Ивана нарушены столь грубо, что уже в первый день многие москвичи отказались «целовать крест» Петру. «Изменники бояре и думные люди» убили доброго к народу царя, – кричали на улицах и в слободах столицы, – чтобы безнаказанно грабить страну, «людьми мять, и обидети бедных, и продавать!» Если и при мудром Федоре, – говорил народ, – было от бояр и приказных людей столько неправды и насилия, что они теперь «будут в сем царствии творити?!» Не имея «ради царских юных лет от неправды надзирателя, яко волки имут нас, бедных овец, по своей воле во свое утешение и насыщение пожирати!» «И того ради, – пишет очевидец, – лучше избравше смерть, нежели бедственный живот, по своему общему совету, начало своего зболяры поступка положиша». Много дней, пока в Кремле делили чины, посты и доходы, москвичи собирались «в круги», выбирали командиров и строили планы¹.

На рассвете 15 мая по главным дорогам столицы от окраинных слобод на Кремль двинулись «стройством, со знаменами и пушками» стрелецкие и «выборные» солдатские полки – ударная сила реформированной Федором русской регулярной армии в последней войне с турками (1672–1681). Толпы народа присоединялись к ним. Участники переворо-

¹ См. прим. 30; ср.: *Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // *Летописи и хроники. Сборник статей за 1980 г. М., 1981. С. 197–206; он же.* Начало Московского восстания 1682 г в современных летописных сочинениях // Там же, за 1984 г. М., 1984. С. 131–146.

та полетели из окон Кремлевского дворца на копья. Неправедно обойденный заговорщиками царевич Иван был возведен на престол «первым» царем вместе с Петром. Но больше всего испугал правителей наведенный в городе порядок: тех, кто пытался начать грабежи, восставшие казнили на месте, отпуск горячительных напитков запретили, в Думу и центральные ведомства направили депутатов, чтобы учреждения продолжали работу.

Восставшие заставили правительство письменно объявить стране, что «служилые по прибору», стрельцы, солдаты и ямщики, при единодушной поддержке «черных посадских людей» выступили за Правду в государстве, отстаивали ее и впредь такой порядок гарантируют. В ознаменование этого события по их требованию посреди Красной площади был построен четырехугольный «каменный столп». На металлических досках с каждой его стороны было написано, за какие «неправды» пострадали государственные изменники, и кто именно Правду отстаивал. «Столп» этот произвел на современников глубокое впечатление, так что помимо документов мы располагаем рядом ценных свидетельств о создании и уничтожении памятника.

Инициативным документом строительства стала Челобитная московских стрельцов, солдат, гостей, посадских людей и ямщиков царям Ивану и Петру 6 июня 1682 г. Разъяснив причины своего выступления и указав «вины» наказанных «изменников – бояр и думных людей»¹, восставшие требовали, среди прочего, увековечить память о своей «службе и верности»: *«учинить в Китае городе на Красной площади столб и тех побитых злолихоиметелев, хто за что побит, на том столбе имяна подписать,*

¹ О них см.: *Богданов А.П.* Роспись «изменников – бояр и думных людей», казненных и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы – Ленинскому юбилею. М., 1982. С. 113–118

чтоб впредь иные, помня ваше государское крестное целование, чинили правду»¹.

Строительство «столпа» началось немедленно. Делавший записи непосредственно в ходе событий очевидец – патриарший летописец Исидор Сназин² – впервые рассказал о памятнике на Красной площади в конце статьи под 5 июня 1682 г., перед статьей под 14 июня. «Зделали,– отметил Сназин,– стрельцы всеми приказы (полками.– А.Б.) у Лобнова места столп каменной и на том столпе со все четыре стороны прибили листы большия медные лужоные. А подписали, будто все то делалось по государеву указу, как бояр рубили и за что»³.

Однако завершён столп был не ранее, чем через неделю. «Того ж году,– записал Сназин без даты между статья-

¹ Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976. С. 38. Челобитная (с. 36–39) была полностью воспроизведена в **Жалованной грамоте**, утверждающей правомочность всех деяний и требований восставших (с. 40–46). Этот документ, имевший не меньшее (если не большее) пропагандистское значение, чем «столп», был размножен в основанной царем Федором по инициативе Симеона Полоцкого Верхней типографии: «Печатана нашего государства в царствующем граде Москве в Верхней типографии лета 7190-го июня в {...} день» (с. 46). См. рассуждение: *Лаврентьев А.В.* «Пропавшая грамота» 1682 г. (Неизвестное издание Верхней типографии) // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6.

² О нем см.: *Богданов А.П.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 14–62.

³ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 176 (вторая запись на той же стр.). Текст о Московском восстании ранее публиковался изучавшим памятник академиком: *Тихомиров М.Н.* Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. Т. XII. М.-Л. 1956; переиздание: *он же.* Русское летописание. М., 1979. А.В. Лаврентьев ссылается на одно и то же сочинение то по Тихомирову, то по ПСРЛ, что лишний раз подчеркивает его безразличие к происхождению используемых сведений.

ми от 14 и 25 июня,— июня в {...} день зделали стрельцы всеми приказы у Лобнова места столп каменной четверугольной, свершили шатром и покрыли черепицею мурамленою, и на нем прибили листы большия, подписаны со все четыре стороны. А подписали, будто все то делолася по указу великих государей, как бояр рубили и за что, и иныя подписаны были всякия многия статьи против их воли, как впредь чему быти».

Не сразу были укреплены вокруг четырехгранного сооружения под шатром и черные металлические «доски» с блестящими белым лужением буквами. Среди разрозненных записей, составивших своеобразное приложение к донесению католического агента в Москве папскому нунцию в Польше, есть заметка, свидетельствующая, что автор знал о событиях начала июня, но плохо владел русским языком: «На площади поставлен четверугольный столп; на нем выделаны два (так!— *А.Б.*) отверстия наподобие окон. В отверстиях будут вставлены черныя доски с надписями, начертанными белыми буквами. Теперь пока неизвестно, какое будет содержание этих надписей»¹.

¹ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу Коринфскому Франциску Мартелли, флорентинцу, нунцию апостольскому при Иоанне III, короле польском, найденное, переписанное с подлинника и изданное Севастианом Чьямпи / *М.П. Погодин* // ЖМНП. 1835. Ч. 5. № 1. С. 80. — Из содержания сведений Повествования очевидно, что автор, возможно, домашний учитель Матвеевых поляк Л.И. Подборский, «писал по сведениям, полученным после 29 августа 1682 г., когда царская семья отбыла из Москвы в Коломенское, но до 2 сентября, когда двор “странным путем” побежал по дворцовым селам» (*Богданов А.П.* Нарративные источники... Ч. 1. С. 81–84). Ссылающемуся на мою работу Лаврентьеву вздумалось датировать текст о столпе «концом мая» (с. 184), когда сообщение об отъезде двора из Москвы было немыслимо. В мае мог писаться основной текст, но не приписки к нему.

Содержание 4-х (а не 2-х, как полагал агент) луженых надписей было известно москвичам изначально. Оно было заложено в Челобитной, составлявшейся активистами восстания коллективно, и процитировано в утвердившей правоту восставших Жалованной грамоте. Как заметил вполне правдивый в данном случае Сильвестр Медведев, «все служивыя люди, присовокупили же к себе в челобитье и многий чины, и били челом в. г. ц. и в. кн. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю (т). Подали челобитную глупости и неразумия полную: будто они бояр побили за дом пресвятые Богородицы, а за многия оных побиенных причины. И чтоб на знак того побиения поставити бы на Красной площади у Лобного места каменный столб, и на столбе побиенных вины и их, стрельцов, радение будущим родом в память написати. И то им ради их в то время дерзости все позволено. Даваны же им против их челобитья во все полки государевы жалованные печатные грамоты, утишая их свирепство и дерзость» (приводится грамота)¹.

После текста Жалованной грамоты (в котором о строительстве памятника специально не говорится, поскольку документ утверждает всю Челобитную в целом, включая прошение о «столпе») Медведев еще раз уточняет: «И по тому государскому указу и жалованной им грамоте поставиша они на Красной площади у Лобного места каменной столп, на железных четырех д(о)сках написав всю ту грамоту. На том столпе де д(о)ски со всех четырех стран прибили»².

И все же указание на полное приведение Жалованной грамоты на «столпе» сомнительно. При всем мастерстве

¹ Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / А.П. Богданов. М., 1991. С. 95 (Жалованная грамота с. 95–104).

² Там же. С. 104. Замечу, что Жалованная грамота издана в сб. «Восстание в Москве» именно по «Созерцанию» Медведева.

резчиков, даже при условии очень больших размеров памятника (которые нам неизвестны), уместить весь текст Жалованной грамоты на 4-х плитах невозможно: по крайней мере, так, чтобы он *читался* зрителем. А ведь цель строивших памятник восставших была именно в том, чтобы донести свою оценку свершившихся событий до максимального множества людей, живущих и будущих. Либо они серьезно ошиблись в замыслах, либо мы понимаем суждения современников не вполне точно.

Обращает на себя внимание, что текст Челобитной и Жалованной грамоты ясно делится на две части: общую, касающуюся непосредственно восстания, и весьма обширные частные требования служивых, удовлетворенные правительством. Первая, полностью отвечающая замыслу «столпа» часть составляет не более трети документа. Полагаю, что именно она и была вырезана и вылужена на медных досках (подобных тем, с которых печатались гравюры в Верхней типографии, но крупнее). Этот текст с первого русского светского монумента заслуживает цитирования.

Надписи «столпа» 1682 г.

«Божиею милостию мы, в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (т). В нынешнем во 190-м году июня в 6 день били челом нам, великим государем, нашего царского величества московских полков надворныя пехоты пятидесятники, и десятники, и рядовыя, и салдацких выборных и всех полков урядники и салдаты, и пушкари, и затинщики (стрельцы из крепостных пищалей), и гости, и гостиных сотен, и посацкие люди всех черных слобод, и ямщики всеми слободами. В нынешнем де во 190-м году мая в 15 день изволением всемилостиваго Бога и его Богоматере пресвятыя Богородицы в Московском Российском государстве учинилося побиение за дом пресвятыя Богородицы, и за нас, великих государей, и за все

наше царское величество от великих к ним налог, и обид, и от неправды, в царствующем и богоспасаемом граде Москве:

Бояром князь Юрью да князь Михаилу Долгоруково за многие их неправды, и за похвальные слова, и без нашего, великих государей, указов многих их братью безвинно бив кнутом и ссылали в ссылку в дальние города; да он же, князь Юрья Долгоруково, будучи у наших государских дел и в Стрелецком приказе, им учинил из нашей государской казны денежную и хлебную недодачу все в перевод. А думного дьяка Лариона Иванова убили за то, что он к нему ж, князь Юрью да князь Михаилу Долгоруково, приличен; да он же, Ларион, похвалялся, хотел ими безвинно обвешать весь Земляной город вместо зубцов Белого города; да у него ж, Лариона, взяты гадины змеиным подобием. А боярина князь Григорья Рамадановского убили за его к нам, великим государем, измену и нерадение – что он, будучи на наших государских службах у наших государевых служилых людей воеводою, город Чигирин турским и крымским людям с нашею государскою всякою казною и з служилыми людьми отдал, забыв страх Божий, и крестное целование, и нашу государскую к себе милость, и с турскими и с крымскими людьми письмами ссылался. А боярина Ивана Языкова убили за то что он, стакався с прежними их полковники, налоги им великия чинил, и взятки великия имал, и прежним их полковником на их братью наговаривал, чтоб они, полковники, их братью били кнутом и батоги до смерти. А боярина Артемона Матвеева, и Данила дохтура, и Ивана Тутменша, и сына ево Данилова побили за то, что они на наше царское пресветлое величество злое отравное зелие, меж себя стакався, составлявали. И с пытки он, Данило жид, в том винился. А Ивана да Офонася Нарышкиных побили за то, что он, Иван и Афонасей, применяли к себе наше царское пресветлаго величества порфиру и мыслили всякое зло на нас, в. г. ц. и в. кн. Иоанна Алексеевича (т). А и преж сего они же, Иван да Афонасей, блаженные памяти на брата нашего государева, в. г.

ц. и в. кн. Феодора Алексеевича (т) мыслили всякое ж зло, и за такое злое они умышление были сосланы в ссылку. А полковников Андрея Дохтурова и Григорья Горюшкина побили за то что они, будучи на наших государских службах, ругался их братье били кнутом и батоги без нашего государского указа до смерти. А думного дьяка Лариона Иванова сына Василия убили за то, что он ведал у отца своего на наше государское пресветлое величество злыя отравныя гадины, в народе не объявлял. А думного дьяка Аверкия Кирилова убили за то что он, будучи у наших государских дел, со всяких чинов людей великие взятки имал, и налоги народу, и всякую неправду чинил. А боярина Петра Михайловича Салтыкова сына его Федора Петровича умысля воровски они, бояря князь Юрья Долгоруково с товарищи, подменили вместо Ивана Нарышкина, хотя его от зломысленных дел и от смерти свободить, велели его, Федора, с крыльца бросить.

И они, побив их, князя Юрья с товарищи, за их всякие неправды и измены, ныне бьют челом и просят у нас, великих государей, милости – всего Московского государства все служилые люди, и гости, и гостиных сотен, и кадашевцы, и дворцовые, и конюшенные слобод, и посацкия люди, и ямщики всех слобод – чтобы за их многия службы и за верность пожаловали мы, великие государи, указали среди своего Московского государства учинить в Китае городе на Красной площади столб, и тех побитых злолихоиметелев, кто за что побиты, на том столпе имяны подписать, чтобы впредь иные, помняще наше государское крестное целование, чинили правду. И против того им, надворныя пехоты и в салдацкия во все полки, и пушкарям, и в Гостиные сотни, и в Кадашево, и в дворцовыя, и в конюшенные, и чернослободцом, и в ямския слободы дати им наши государские жалованные грамоты за красными печатями, чтобы на Москве, и на наших государских службах, и в городех их, надворную пехоту, и солдат, и пушкарей, и гостей, и гостиных сотен, и черных слобод посацких людей, и ямщиков Москов-

ского государства бояря, и окольные, и думные люди, и весь наш государский сигклит, и никто никакими поносными словами и бунтовщиками, и изменниками не называли, и без наших государских именных указов и бес подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылку напрасно не ссылали, и безвинно кнутом и батоги не били, и не казнили.

Потому что они служат искони бе нам, великим государем, со всякою верностью и без всякой измены, и нигде на наших государских службах измены, и прослуги (провинности), и городом от них здач не бывало. И складывают свои головы на наших государских службах за дом пресвятыя Богородицы, и за нас, великих государей, и за всю православную христианскую веру, и крови свои они проливают, и против наших государских неприятелей бьются не щедя голов своих. Но и ныне стоят, и служат, и радеют потому же за дом Богоматере и за нас, великих государей, и за все наше царское пресветлое величество. А грабительства де их и никакова злаго умышления на наш государский дом, и на наш государский сигклит, и на весь чин Московского государства думы нет и не бывало. А что кто ныне всякого неслужилаго чину грабительства чинил, и таким было по тому же наказание. А впредь обещаются они служить и радеги нам, великим государем, со всякою же верностью».

Деление текста на 4 части (соответственно 4-м «доскам») по смыслу – условно. Очевидно, короткая преамбула на 1-й доске продолжалась рассказом о «винах» конкретных злодеев, переходившим на 2-ю таблицу. Не исключено, что текст вообще не имел смыслового деления и разбивался мастерами по расчету объема и площади, просто продолжаясь на следующем листе металла при исчерпании площади предыдущего. Нашу реконструкцию подтверждает рассказ еще одного очевидца Московского восстания: сотрудника Чудовского летописного скриптория, завершившего свое сочинение только к концу 1690 – началу 1691 г.,

но использовавшего более ранние записи. Описание «столпа» дано им в контексте версии о «заговоре Хованского», пущенной негласно возглавленным царевной Софьей правительством из Троице-Сергиева монастыря после казни Хованских 17 сентября 1682 г.¹ В это время памятник стоял на Красной площади во всей красе и был в деталях известен заинтересованным москвичам. Поэтому автор охарактеризовал вид и содержание надписей весьма детально.

«Они же, мятежницы... – рассказал автор Летописца 1619–1691 гг., – избраша место на Красной площади, ископаша ров четвероугольный, сотвориша каменный столп и со всех стран прибиша, спаявши, железныя листы, написанныя по ним уставным писанием со златою прописью во царском именовании; подписание же подобно, яко цари пожаловаша их за сие, и подписавше на столпе, хотяще от народа себе похвалы и впредь чающе себе оправдания, написавше побиенных бояр, коегождо вины, кто за что убиен бысть, яко же и в жалованных их ложных грамотах написано бысть»². – Т. е. в надписи присутствовали «похвалы» и «оправдания», а не весь длинный список пожалований и льгот служивым, составивший 2/3 Жалованной грамоты.

В приведенном нами тексте основное место занимает описание «вин» людей, из-за которых «в Московском Российском государстве учинилося побиение». Это подчеркнул

¹ О событиях восстания наиболее полно см.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 87–362; об изменениях в правительстве: *Богоявленский С.К.* Хованщина // *ИЗ.* М., 1941. Т. 10; ср.: *он же.* Приказные судьи XVII века. М., 1946. О смене правительственных версий восстания: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские истории последней четверти XVII века. М., 1995. С. 233–289.

² ПСРЛ. Т. 31. С. 201. О сочинении см.: *Буганов В.И.* Повесть о Московском восстании 1682 г. // *Древнерусская литература и ее связи с новым временем.* М., 1967; *Богданов А.П.* Редакции Летописца 1619–1691 гг. // *ИИИ СССР.* М., 1982.

в донесении королю Кристиану V от 23 октября 1682 г. знакомый нам Гильдебранд фон Горн, вновь прибывший в Россию и явившийся в Троицу, чтобы предложить царям Ивану и Петру свою шпагу. Вместе с версией о «заговоре Хованского» придворные рассказали прекрасно говорившему по-русски датчанину, что по требованию восставших «было указано, чтобы справа от ворот замка (Кремля.– А.Б.) была воздвигнута колонна, на которой, в знак вечной памяти, были написаны все несправедливости, которые послужили причиной недавнему мятежу,— что также было немедля исполнено»¹.

Аналогично рассказал о содержании надписи на памятнике думный дворянин И.А. Желябужский – опытный дипломат и администратор, весной 1682 г. приводивший к присяге Петру украинскую старшину, а затем, как и Горн, приехавший с оружием в Троицу. Под впечатлением событий Московского восстания он начал вести свои замечательные Записки, продолженные до Полтавской баталии². Одна из первых записей гласила: «И стрельцы всех приказов сделали на Москве на площади столп каменной у Старых Пятниц, и на том столпе были учинены жестяные листы, а на тех листах было написано: кто за что которой боярин убит, и за какую вину, все написано было подлинно»³.

Впечатление, произведенное памятником на современников, было весьма велико. Весьма подробные известия о «столпе» дошли до Tobольска и были отражены в одной из редакций Сибирского летописного свода: «И зделали столп каменной с подписью у Троицы, где Пятницкие церкви

¹ *Богданов А.П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. С. 87.

² *Богданов А.П., Каган М.Д.* Желябужский Иван Афанасьевич // ТОДРР. М., 1985. Т. 39. С. 37–40; то же: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992.

³ Иван Афанасьевич Желябужский. Записки // Россия при царице Софье и Петре I. С. 205.

были, на рву, на площади (т. е. справа при выезде из Спасских ворот, как верно сообщил Горн), а подпись была на нем, кто (из) бояр за что убиты. Столп же повелением великих государей сокрушен»¹. – Именно так и произошло.

Народ держал власть в столице недолго. Уже осенью обманутые хитроумной царевной Софьей стрельцы и солдаты «утишились», приняли дары и позволили сломать памятник своей победе. Крушение «столпа» вызвало почти такой же сильный резонанс, как и его строительство. Во *всех* редакциях важного памятника патриаршего летописания – компиляции с Летописцем 1686 г.² – история «столпа» занимает около трети места в характерном для этого памятника афористичном описании Московского восстания 1682 г. (причем содержание надписи подтверждается, см. ниже: текст сопоставлен с Беляевским летописцем)³.

Легко заметить, что летописные рассказы о возведении (а затем крушении) первого светского памятника в России восходят к окружению **патриарха Иоакима**⁴: отнюдь не диктатора, как казалось прежде, но архиерея достаточно свободных взглядов, умевшего твердо отстаивать важные

¹ Книга записная. Томск 1973. С. 72–73. Ср.: ДРВ. 1774. Ч. VI. С. 375 (с добавлением после «убиты»: «А не на площади головы отсечена, и в подначальство разослаша»). О первичности Книги записной по отношению к списку ДРВ см.: *Тыжнов И.* Заметки о городских летописях Сибири. Ч. I. Летописи города Тобольска. СПб., 1898. Гл. II–III. С. 10–148.

² О нем см.: *Богданов А.П.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий. С. 64–89; кратко: *он же.* Летописец 1686 г. // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. М., 1993. С. 277–279.

³ РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 826 об.; ИРЛИ. Древлехранилище. Отд. пост. Оп. 23. № 257. Л. 975–975 об.; ГИМ. Синодальное собр. № 153. Л. 221–221 об.; РГБ. Ф. 256 (Румянцевское собр.). № 364. Л. 261 об.; РНБ. F.XVII.16. Л. 553–553 об. (цит. по всем спискам, выделено мной.– *А.Б.*).

⁴ *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1999. Т. 2. С.42–314.

для него позиции. Даже в Сибирском летописном своде отразился его взгляд на события 1682 г. (и, что для патриарха было важнее, 1686 г., когда Россия заключила Вечный мир с Польшей, а Киевский митрополит был поставлен в Москве). Утверждение взглядов Иоакима производилось путем рассылки по стране патриарших богомольных грамот с описанием и оценкой событий, а также за счет поддержки летописания в столице и провинции¹.

Яркий пример действенности последнего способа дает историческая компиляция с Беляевским летописцем, созданная светским московским автором под влиянием патриарших компиляций 1680–90-х гг.² Сообщение этого горожанина о «столпе» в контексте истории Московского восстания 1682 г. не восходит прямо к известным редакциям патриаршего Летописца 1686 г., но явно имеет общий с ним источник:

Летописец 1686 г.	Беляевский летописец
Того ж (1682) году мая в 15 день учинилась во всех пехотных [и] стрелецких приказах велие смятение. И пришли в Кремль в строитстве с пушка-	Тогожде 190(1682) году мая в 15 день в царствующем граде Москве во всех стрелецких полках пехота возмутися. И приидоша во град Кремль в 11-м

¹ Цитированная выше *Книга записная* сохранилась в рукописи Тобольского Софийского дома (Науч. б-ка Томского ун-та. ОКР и Р. В. 752. Л. 1–85), списанной во второй половине XVIII в. с манускрипта Тобольской архиерейской ризницы (о нем: *Абрамов Н.А.* Материалы для христианского просвещения в Сибири // *ЖМНП.* 1854. Ч. 81. Отд. V. С. 18, 22, 23, 25, 28 29, 32, 38). Ее заверченный в 1686 г. в окружении митрополита Сибирского и Тобольского протограф описывает события 1682 и 1686 г. сходно с Летописцем 1686 г., но не текстуально, а через оценки патриарших богомольных грамот.

² Беляевский летописец // *Россия при царевне Софье и Петре I.* О сочинении: с. 15–17. Текст: с. 27–44. Далее цит. с. 40–41.

ми и со всяким воинским оружием в десятом часу дни и учинили великое безстрашие, яже от века не слыхано: ходили в государские [вар. *царские*] хоромы безо всякаго опасения и страха, и во святяга Божия церкви с копья и [з] бердыши, и побили многих бояр и думных людей странным наругательством, и многое время мялись. *Да они же, стрелцы, на Красной площади близ Спасского мосту зделали столп каменной, а на нем подписали, хто за что побиты. И бысть тому столпу разрушение с поруганием, а себе учинили вечную укоризну и поругательство.*

часу дни с великим свирепством ратным собранием с копии и с бердыши, и с великим безстрашием дерзнуша ходити в верховыя церкви и царских чертогов в комнаты с копии и с бердыши. И бояр и думных людей, таская с Верху, на копия метали, и влекуще на Красную площадь копии кололи, и секоша на части. И как бояр и ближних людей побили, и *на Красной площади близ Спаского моста соделаша каменный столп четверугольный, и на железных досках побитых имена и вины их, за что кто убиен, написаха. Последи же той столп с великим безчестием указали великие государи им же пехоте разорити. И бысть столпу тому разрушение, а им, пехоте, вечное укорение.*

Своеобразный итог оценке восстания, привязанной к «столпу», дает Летописец Леонтия Боболинского: иеромонаха киевского Выдубицкого монастыря, в 1690-х гг. продолжившего работу в черниговской Троицкой Ильинской обители, а в начале XVIII в. – в Новгороде-Северском¹.

¹ *Богданов А.П.* Атрибуция «Черниговской летописи» 1587–1710 гг. // Комплексные методы в исторических исследованиях. Тезисы докладов и сообщений ученого совещания. М., 1987. С. 190–192. Цит. по: *Лазаревский А.* Черниговская летопись по новооткрытому списку (1587–1725 гг.) // Киевская старина. 1890. Апрель-июль. Приложение. С. 88.

«Того ж лета,— обобщил Леонтий патриаршую оценку Московского восстания 1682 г.— стрелцы московские много бояр погубили на месте своем столичном москве, на Красной площади. *Столи каменной там же поставили, а потым* (так! — А.Б.) *его до основания розбили*».

Патриаршая летописная версия производна по отношению к той, что ещё осенью 1682 г. выдвинуло правительство, *негласно* возглавляемое царевной Софьей. Казнив Хованских и объявив их организаторами Московского восстания, премудрая царевна добилась двойной выгоды: замаскировала народный характер мощного политического потрясения и получила основу для перемирия со служивыми по прибору, которые признавались жертвами честолюбивых планов аристократов. Сочетая устрашение с подкупом, правительство заставило восставших сложить оружие и 27 октября направилось в столицу, но прибыло в нее лишь в начале ноября, после того, как стрелеццы и солдаты всех полков 28 и 29 октября били челом о сносе памятника на Красной площади, в одной из челобитных признавая свое дело «дурным» и «неправым»¹:

И по неправому нашему, холопей ваших, челобитью,— писали стрельцы полка Л. Ермолова,— винных, ваши в. г. жалованные грамоты по полком даны. И по зловымышленому же богоотступника и святяты церкви противников и ругателей Алешки

¹ Восстание 1682 г. в Москве. С. 224–228. Опубликованные в сборнике документы, важнейшей частью вошедшие в «Созерцание» первого историка восстания Сильвестра Медведева, являют последовательность событий очень четко. В свете фактов вывод *А.В. Лаврентьева*, будто «противостояние стрельцов и правительства Софьи завершилось подчинением последних, ликвидацией завоеванных привилегий и казнью главы Стрелецкого приказа И. Хованского (Люди и вещи. С. 186), следует понимать *с точностью до наоборот*: сначала была внезапная казнь, затем ликвидация части новых привилегий, наконец,— подчинение московского гарнизона правительству.

Юдина с товарищи и названным их отцем и ко всякому злomu делу потаковщиком князь Иваном Хованским и сына ево князь Андрея против той вашей в. г. жалованной грамоты били челом вам, в. г., чтобы на Красной площади учинити столп, а на том столпе, подписать противу тех ваших в. г. жалованных грамот. И противу того злоумышленного челобитья воров и расколыщиков Алешки Юдина с товарищи и по приговору князь Ивана Хованского и сына [ево] князь Андрея на той Красной площади столп зделан.

И ныне мы, холопи ваши, видя свое неправое челобитье, что той столп на Красной площади учинен в вашем в. г. царствующем граде Москве не к лицу... Пожалуйте нас, винных холопей ваших, велите, государи, той столп с Красной площади сломати, чтобы от иных государств в вашем в. г. царствующем граде Москве зазору никакова не было, а о вашей в. г. жалованной грамоте, которые у нас, холопей ваших, в полку, вы, в. г., что укажете? Цари, государи, смилуйтесь!

В коллективной челобитной всех полков (№ 174) выражение вины служивых снято, но международный аспект памятника на Красной площади подчеркнут еще более:

В прошлом де во 190-м году по приговору вора и злоумышленника к[нязя] Ив[ана] Х[ованского] и которые с ним были во умышлении на их царское величество и на бояр и на думных и на ближних людей, и которые за то их злое умышление казнены, поставлен в Московском государстве в Китае городе на Красной а площади каменной столп с потписью. И тот де столп поставлен не к похваленью Московского государства, и ту де подпись чтут многих государств иноземцы и всяких чинов люди, и в иных де государствах о том поносно. И тем де они просят у них, в. г., милости, чтоб они, в. [г.] п[о]жаловали их, велели в царствующем граде Москве в Китае на Красной площади каменной столп с подписью искоренить, и тому столпу не быть, чтоб в том от ьных многих государств поношения и бесчестья не было, и их бы государственные неприятели о том не порадовались.

«Государские неприятели» радовались самой смуте в Москве¹, а ссылка на «поношение и бесчестье» от памятника понадобилась стреловцам и солдатам, чтобы не столь явно отказываться от своей «правды». Но слух о московском памятнике достиг не только западных деятелей, получавших донесения своих агентов из Москвы. В немецком «Кратком и новейшем из лутчих... московских времен и земель, гражданских чинов и церковном описании», изданном в Нюрнберге в 1687 г. (и переведенном в Москве около 1692 г.) отразилась версия объявительных грамот московского правительства осени 1682 г.²: «И тогда принуждены некоторые из начинателей бунту того, а особо воевода Хованской с двумя сыновьями своими главы потерять, и поставленной безчестной столп опровержен бысть»³.

«Опровержение» памятника было финалом долгой торговли с восставшими и их постепенных уступок. Оно стало заметным событием накануне въезда Государева двора в столицу. «Ноября в 2 день по указу великих государей перед их приходом к Москве, что зделали стрельцы всеми приказы столп каменной у Лобнова места, и по государеву указу сломали до подошвы. И камень, в чом зделан был,

¹ Польский король Ян III Собеский строил злоковарные военные планы, раскрытые русской разведкой, а Османская империя и Швеция пытались использовать ситуацию для решения в свою пользу дипломатических споров с Россией (*Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын. С. 199–203).

² Развернутую грамоту с объяснением событий восстания, в значительной мере списанных на скоропалительно выдуманную «измену Хованских», привел Медведев (Россия при царевне Софье и Петре I. С. 129–134). В ней говорилось, что кроме требования жалованных грамот восставшие «били челом... чтобы им на Красной площади учинити каменной столб, и тех побитых имена, и за что которые побиты на том столпе написать» (С. 131). О рассылке таких грамот см.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. С. 312.

³ БАН. 17.4.15. Л. 207 об. (сборник патриаршего скриптория).

тово же дни с площади от Лобнова места свожен к Земскому приказу»,— записал по ходу событий Исидор Сназин. «Преждереченный же оный мятежнический каменный столп разориша до основания; и сокрушен бысть, яко прах от ветра исчезе; и стрелецкия грамоты, их (же) даде князь Иоанн Хованской, огню предани быша и попалени»,— торжествовал спустя годы автор Летописца 1619–1691 гг.¹ Запись И.А. Желябужского была кратка: «столп каменной. что поставили было стрельцы, сломали до подошвы»².

История «опровержения» подробно рассказана Медведевым (по сравнению с трудом которого в историю Московского восстания и «столпа» в частности за 300 лет внесено, в сущности, мало нового,— одни уточнения³). Приведя челобитную полка Ермолова, первый русский ученый историк пишет: «И по тому их челобитью послана ис похода великих государей грамота к боярину (М.П. Головину, ведавшему Москвой): велено той столп сломати. Ноевриа де в 2 день послал боярин Михайло Петрович Головин стольника и полковника Леонтия Ермолова с стрельцами. И той полковник столп сломал. И весь бут, выломав до свай, и кирпич весь с Красныя площади свезен. А листы жестяныя, на них же была подпись, которые на том столпе были устроены, сажжены того же дня»⁴.

Не исключено, что, приведя одну (наиболее «винную») челобитную стрельцов о памятнике, Сильвестр, исходя из своего представления об обязанности историка максимально увязывать факты повествования, самовольно приписал снос памятника тому же полку Ермолова. Еще меньше сле-

¹ ПСРЛ. Т. 31. С. 179, 202.

² Россия при царевне Софье и Петре I. С. 206.

³ Принципиальное новшество связано лишь с пониманием концепции Медведева всего через 300 лет после ее создания, что позволило изъять из картины восстания подделанную им страницу об официальном признании регентства Софьи в мае.

⁴ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 174.

дует исключать возможность, сама челобитная висящихся стрельцов этого полка (отличная от архивного текста общей челобитной служивых – без извинений) была создана Медведевым-публицистом исходя из того, как с его точки зрения *должны были* протекать события. Но исказить сведения о конструкции «столпа» для Сильвестра не имело никакого смысла, т. е. было бы аморальным.

В этой связи абсолютно непонятно, почему *А.В. Лаврентьев* представил конструкцию памятника перевернутой, со сваями вверх от бута, хотя Медведев ясно пишет о выламывании бута «до свай»: «Фундаментом “столпа” послужила каменная забутовка, в которой были укреплены сваи; на них было поставлено “четвероугольное” сооружение из кирпича»¹. Если даже строительство вели не профессиональные каменщики², а стрельцы и солдаты, они по богатому опыту фортификационных работ должны были знать, что справа от Спасского моста (если встать спиной к башне) почва плывет в сторону Москвы-реки (так, что успешное строительство храма Василия Блаженного москвичи считали чудом). Ближе к Кремлю, «у Троицы, где Пятницкие церкви были, на рву» (Книга записная), «у Старых Пятниц» (Желябужский), – почва плыла еще и в сторону проходящего под стеной рва.

Выбор места определялся тем, что почти вся Красная площадь была застроена торговыми рядами, храмами и часовнями, а мимо Лобного места к Спасскому мосту оста-

¹ Люди и вещи. С. 186.

² *А.В. Лаврентьев* на основе сделанного через 20 лет доноса доказывает, что строительство вел бывший тогда «московский записной каменщик», а затем фискал М.А. Косой «с ыными каменщиками, всего 10 человек» (С. 185), хотя в доносе (которому автор склонен верить без серьезных подтверждений) говорится вовсе не о работе Косого над памятником, а о том, что в 1682 г. каменщики, подобно многим служивым, ходили к своему начальству «бунтом» и требовали денег.

вался проезд, оставлявший обзор на памятник. К тому же Спасский мост был бойким местом торговли книгами, рукописями и гравюрами (соперничая с Овощным рядом и Никольской улицей), так что любопытствующим было к кому обратиться, чтобы прочитать все надписи.

Строить на этом месте без надежно вбитых свай было бы вредительством, а восставшие желали устроить памятник на века. Поэтому они вначале «ископаша ров четверугольный» (Летописец 1619–1691 гг.), вбили сваи, укрепили фундамент бутом, и лишь затем «четвероугольно» вывели кирпичную кладку. Понравившееся Лавреньеvu смутное замечание католического агента об «отверстиях наподобие окон», в которые «поместили» металлические доски, приходится отвергнуть. Во-первых, агент пишет, что отверстий было всего «два», листов же, как мы знаем – четыре. Во-вторых – автор Летописца 1619–1691 г. уточняет: «со всех стран прибиша, спаявши, железныя листы». «И на том столпе со все четыре стороны прибили листы большия медные лужоные», – поддерживает коллегу в более ранней записи Сназин, – «столп каменной четверугольной свершили шатром и покрыли черепицею мурамленою, и на нем прибили листы большия, подписаны со все четыре стороны».

Шатер, подобный возведенным на памяти живших тогда людей глазуrowанным черепичным шатрам над башнями Кремля, подчеркивал монументальность «столпа». Однако, как заметил кузнец в фильме «Формула любви»: «Все, что один человек построил, другой завсегда может разобрать». В течение нескольких лет правительство Софьи и Голицына осторожно, под разными предлогами выслало из столицы «пущих завоtчиков» и удалило опасные подразделения стрельцов и солдат, заменив их частями, подкупленными привилегиями. Успокоившись, «верхи» избавились от излишне осторожного, на их взгляд, правительства. Для свержения царевны Софьи приближенные матери Петра,

царицы Наталии Кирилловны, ловко использовали старое стрелецкое пугало. Августовской ночью 1689 г. их агенты стучали в окна стрелецких домов, предлагая «по рублю денег в бумажке», чтобы служивые срочно бежали в Кремль¹. Жившего в селе Преображенское Петра напугали, что «всполох» 1682 г. повторился, и стрельцы хотят его убить. Бросив беременную жену, Петр в одной рубахе ускакал в Троицу, по стране был объявлен сбор ополчения, правительство задним числом обвинили в «заговоре» и свергли².

Ни запуганный царь Иван, ни спаиваемый приближенными матери Петр не мешали новым властителям установить такие порядки, что даже близкий к Петру аристократ, видный участник его преобразований князь Борис Куракин написал: «Правление оной царицы Наталии Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которые донныне продолжаютя со умножением»³.

Когда не подготовленный к правлению великой державой Петр дорвался, наконец, до полной власти, его деяния потрясли даже выдавших виды царедворцев. Многие кровавые расправы при дворе доселе остаются загадочными. 24 февраля 1697 г. по доносу был схвачен и подвергнут обожаемым им Петром пыткам думный дворянин Иван Елисеевич Цыклер. В муках он оговорил окольного Алексея Прокофьевича Соковнина, сына его Василия и еще несколько человек. «И с очных ставок они пытаны,— отметил

¹ *Второв Н.Н., Александров-Дольник К.О.* Воронежские акты. Воронеж, 1850. Кн. I. С. 80–91.

² *Аристов Н.Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. 126–149; *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. Ч. 249. № 1–2. С. 326–366; и др.

³ *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. I. С. 62.

в Записках И.А. Желябужский,— и винулись в воровстве и умысле на государское здравие, чево и в мысль человеку не вместится»¹. Расследование длилось всего 10 дней, но за 2 дня до его завершения, 2 марта «на Красной площади по указу великого государя зачат строить столб каменной. И марта в 4 день тот столб каменной доделан, и на том столбу пять рожнов железных вделаны в камень».

Гадать, зачем Петру понадобилось заменять «рожнами» шатер на стрелецкой «модели» памятника борьбе с заговорщиками, москвичам не пришлось, хотя самые интересные моменты церемонии главоотсечения заговорщиков 4 марта они пропустили: «потеха» происходила в Преображенском, куда на свиньях доставили выкопанный из могилы гроб И.М. Милославского, чтобы лить в него кровь казненных. Зато отрубленные головы были выставлены на всеобщее обозрение на «рожнах» «столпа».

Это жуткое сооружение, стоявшее на Красной площади с головами казненных еще в 1727 г., интересует нас постольку, поскольку свидетельствует об укорененности в 1690-е гг. представления о гражданском памятнике с обширным текстом на 4 «жестяных листах». Желябужский привел его с пояснительной запиской и преамбулой, помещавшейся, судя по объему текстов, на первом листе:

Список с последнева указу, что подписано на жестяных листах на площади у каменного столба:

«В нынешнем 205(1697) году марта в 6 да в 9 числех по указу в. г. ц. и в. кн. Петра Алексеевича (т) и по боярскому приговору воры, и изменники, и крестопреступники: окольников Аleshка Соковнин, думной дворянин Ивашка Цыклер, стольник Федька Пушкин, стрельцы Васька Филипов, Федька Рожин, донской козак Петрушка Лукьянов,— по розыску казнены смертию, а воровство их и крестопреступство явилось.

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 254. Дальнейший рассказ и текст с «жестяных листов» на «столпе»: с. 255–257.

1 лист.

Нынешняго 205 году февраля в 29 день Стремянного полку пятисотной Ларион Елизарьев в Преображенском великому государю извещал словесно: Ивашка де Цыклер умышляет ево, великого государя, убить; и призывая к себе в дом стрельцов о том убивстве им говорил; а слышал де он про то того ж полку от пятидесятника от Григорья Силина. А Григорей Силин сказал: великого государя на пожаре или инде где им, стрельцом, он, Ивашка, убить велел. И он, Ивашка, против того извету в роспросе и с пыток в том повинился и сказал про то именно, что ево, великого государя, на пожаре или на Москве стрельцом ножами изрезать он велел.

2 лист.

Он же, Ивашка, сказал: был де он в дому у Алешки Соковнина для лошадиной покупки, и он, Алешка, ево, Ивашку, спрашивал, каково де у стрельцов? И он, Ивашка, ему сказал, что у них, стрельцов, не слыхать ничего. И к тем де ево, Ивашковым, словам он, Алешка, говорил: Где де они, блядины дети, передевались?! Знать де спят! Ведь де они пропали же. Мочно де им ево, государя, убить, что ездит государь один, и на пожаре бывает малолюдством, и около Посольскаго двора ездит одиночеством. А после де того, в два ево ж, Ивашкова, к нему, Алешке, приезда, он же, Алешка, говорил ему, Ивашке, про государево убивство и про тех стрельцов: Ведь де они даром погибают и впредь им погибнуть же. А он, Ивашка, ему, Алешке, говорил: Естьли де то учинится, кому быть на царстве? И он де, Алешка, ему, Ивашке, сказал: Царство де без тово не будет; чаю де они, стрельцы, возьмут по прежнему царевну (Софью), а царевна возьмет царевича; а как она войдет (в правление), и она возьмет князь Василья Голицына, а князь Василей по прежнему станет орать. И он де, Ивашка, ему, Алешке, говорил: В них де, стрельцах, он тово не чает, что возьмут царевну. Алешка ему молвил: Если де то учинится над государем, мы де и тебя, Ивашка, на царство выберем! И по тем ево Алешкиным словам он, Ивашка, тем стрельцом о возмущении тово дела к убивству ево, великого государя, и говорил.

3 лист.

Да он же, Ивашка, сказал: Научал де он государя убить за то, что ево, Ивашка, он, государь, называл бунтовщиком и себе-седником Ивана Милославскаго, и что ево ж, Ивашка, он, государь, никогда в дому ево не посетил. Он же, Ивашка, говорил: Как он будет на Дону у городского дела Тагана-рогу, и он, оставя тое службу, с донскими козаками хотел итти к Москве для московского разорения и чинить тож, что и Стенька Разин. Алешка Соковнин у пытки говорил: После де Ивашкова приезде Цыклера приезжал к нему зять ево Федька Пушкин и говорил про великого государя: погубил де он, государь, нас всех; мочно де ево, государя, за то убить, да для тово, что на отца ево ево государев гнев. А Федька де сказал такие де слова, что государь по губил их всех и за то ево, государя, и за гнев ево государев ко отцу ево, и что за море их посылал – чтоб ево, государя, убить – он, Федька, говорил. Да он же, Федька, сказал: Накануне де Рождества Христова нынешняго 205 году был он, Федька, у него, Алешки, в дому. И он, Алешка, ему говорил – хочет де государь на святках отца ево Федькина ругать и убить до смерти, а дом ваш разорить. И он, Федька, говорил: Естьли так над отцом ево учинится, и он, Федька, ево, великого государя, съехався убьет.

4 лист.

Да он же, Федька, в дому своем стрельцам Ваське Филипову и Федьке Рожину говорил про убийство великого государя: Как бы ему, Федьке, где-нибудь с ним, государем, съехаться, и он бы с ним не разъехался, хотя б он, Федька, ожил (остался жив) или пропал. А они, Васька и Федька, слыша от них, воров и изменников Ивашки Цыклера и Федьки Пушкина, такие их воровские и умышленные слова про то государево убийство ему, великому государю, не известили. А после тех их воровских слов сами они, и Васька, и Федька, да донской козак Петрушка Лукьянов, меж себя говорили о бунте и к московскому разоренью, и как бы к их воровству иной кто пристал, и им было таковой бунт и Московскому государству разоренье чинить: козаком было Москву разорять с конца, а им, стрельцом, с другога

конца. И в том своем воровстве они, Алешка, Ивашка, Федька и Васька, и Федька Рожин, и донской козак Петрушка Лукьянов, в роспросе, и с пыток, и с огня во всем винились».

С началом самостоятельного правления Петра в 1694 г. народ связывал много надежд. Даже на «пьяный» Азовский поход 1695 г. стрельцы не роптали, а на следующий год взяли турецкую крепость под командой боярина А.С. Шеина. «Наградой» победителям стало отсутствие жалования, голод и холод. А тут еще Петр уехал за границу – и надолго исчез! В отчаянии, исполненные самых черных подозрений несколько стрелецких полков без приказа двинулись к Москве, были обстреляны из пушек и взяты в плен армией Шеина. Петр из Вены слал страшные указы, но даже кровавой работой своего любимца Ромодановского остался недоволен. Вернувшись, царь *лично* пытал и рубил головы, истребив с подручными 799 человек, но ещё не насытился: стрельцов доставали из застенков по всей стране и казнили в Москве все новыми и новыми партиями, даже когда остались одни «малолетки».

Казни начались в сентябре 1698 г., но только 3 марта 1699 г. Петр разрешил похоронить их тела в 12 общих могилах «за заставами» по 12-ти московским дорогам. Именно здесь, «по дорогам», на могилах «воров бунтовщиков» указом 15 марта велено было возвести 12 каменных «столпов» в ознаменование конца «стрелецкой Руси». А 13-й, главный «столп», 17 апреля 1699 г. вознесся на Красной площади, в 1700 г. завершилиobelisks по дорогам, сократив их число до 10¹. По сторонам четырехугольных каменныхobelisks прикрепили на литых скобах мощные прямоугольные (55 на 138 см.) чугунные доски с описани-

¹ *Казакевич А.Н.* Новые документы по истории монументальной пропаганды при Петре I. (Восстание московских стрельцов 1698 г.) // *Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры. Сб. статей.* М., 1984. С. 54.

ем преступлений казненных¹. Одна из подлинных досок до сих пор хранится в Государственном историческом музее, другая представляет собой копию 1771 г., но не менее ценна²: они обе раскрывают тайну расположения известных нам текстов на более ранних памятниках³.

Более новая доска передает начало текста и обрывается на середине фразы. Надпись на подлинной доске начинается с середины фразы и сообщает конец текста. Таким образом, длинные тексты передавались без всякой разбивки, сколько входило на доску (а помещалось, при высокой плотности славянского шрифта, очень много), и продолжались на другой доске с любого следующего слова. На петровской чугунной доске уместилось 27 строк. Для нас важно отметить, что даже при очень крупных буквах грубого (по сравнению с резьбой на камне и тем паче меди) чугунного литья на доску шириной в 55 см. уместилась бы *любая строка стихотворной эпитафии*.

Но не доски стали главным «украшением» памятников Петровской эпохи, а прибитые на крюках человеческие головы. Царь явно гордился своим изобретением и, хотя казненных по новому «делу» было гораздо больше прежнего, велел «на тех же столпах зделать по 5 спиц железных, на чем воткнуты будут их стрелецкие головы». По свидетельству очевидца, «на тех столпах торчали головы» даже в 1727 г., четверть века спустя; на Красной площади на двух обелисках их висело 10, причем стрелецкие черепа были уже заменены на головы Кикина, архиепископа Игнатия

¹ Отливка из чугуна «по образцу» на тульских заводах Л.К. Нарышкина была вызвана необходимостью быстрого тиражирования памятников. Текст этих досок, не уступающий по объему реконструированному нами тексту 1682 г., восстановлен: *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. С. 198–200.

² ГИМ. Новодевичий монастырь. Инв. № 103816, КП–3318; инв. № 103806, КП–3319.

³ Тексты опубл.: *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. С. 201–202.

Ростовского, духовника царевича Алексея и др.¹ Въезды в Москву и Кремль походили на врата царства Кошея. Аналогичным памятников Петр I «украсил» «вызженный и разоренный» после мятежа И.С. Мазепы г. Батурин.

Особые усилия император приложил к убранию столпами с отрубленными головами и частями тел своей новой столицы – Петербурга. Лишь Петр II указом от 10 июля 1727 г. повелел уничтожить в Петербурге «на площадях каменные столпы, на которых выставлены тела и головы казненных». Он же в преддверии коронационных торжеств распорядился разобрать ужасные «столпы» в старой столице. Но петровские памятники оказались на диво крепкими. На одном из них, на Можайской дороге, доски заново отлили на железном заводе Баташовых в 1771 г. Лишь в Отечественную войну 1812 года страшные «столпы» ушли в историю. Осенью 1837 г., когда император Николай I заинтересовался снятыми со «столпов» досками в Оружейной палате и попросил прочесть ему надписи – никто из служителей уже не мог разобрать старинного текста...

Интересно отметить, что кровавые памятники Петра I нашли очень слабое отражение в сочинениях русских современников, очевидно, молча ужасавшихся их бесчеловечию. Из немногих русских авторов, вообще упоминавших о петровских «столпах», выделяется граф Андрей Артамонович Матвеев. Сын ненадолго вернувшегося к власти в 1682 г. и казненного стрельцами боярина А.С. Матвеева с удовольствием описал в составленных после 1716 г. Записках поставленные «над дорогами» «столпы» с головами казненных стрельцов, и с особой ненавистью – памятник временной победе Московского восстания. Политик острого ума прямо раскрывает смысл подчеркивания темы «стол-

¹ *Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого // *Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записки, анекдоты.* СПб., 1993. С. 136 (дата сноса «столпов» на с. 163).

па» 1682 г. в патриаршем летописании: «столб» поставлен «по вавилонскому примеру» (с погоне за недостижимой целью). Но склонный всюду видеть мифические происки своих врагов маньяк приписывает замысел обелиска лицам, обвиненным во всех грехах в 1690-х гг.: «Столб тот указом ея царевниным был позволен, и та его архитектура к созданию оному тогда поручена была их же стрелецким собеседникам тайным подполковникам Цыклеру и Озерову, которые вскоре с великим поспешением оный сделали»¹.

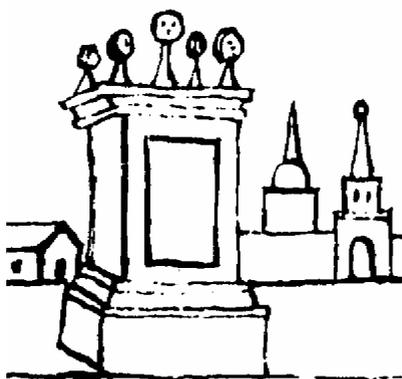

Рисунок из книги Крек-

Впечатления петровских времен наложили сильный отпечаток на восприятие сравнительно недавнего прошлого. Как справедливо заметил А.В. Лаврентьев, именно петровский «столп» с пятью «рожнами» или «спицами» изображен в иллюминированной рукописи «Жития Петра Великого» Н.П. Крекшина, созданной в 1740-х гг. Однако рассказ в тексте ведется о Московском восстании 1682 г. и художник, следуя за автором, стремился изобразить тот, запомнившийся всем памятник народному «столпотворению».

¹ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого / И.П. Сахаров. СПб., 1841. С. 34–35.

Подписи на «столпах» 1680–1690-х гг. трудно назвать литературной эпитафией, хотя в широком смысле это были именно эпитафии. Основным содержанием надписей на памятнике 1682 г. были нелестные характеристики казненных: «кто за что побит», – это и отметили в первую очередь все, особенно русские пишущие современники, а многие из них постарались «привязать» обелиск к месту казней. Петровские «столпы» также свидетельствовали о преступности покойников и своеобразно отмечали место их праха, демонстрируя народу отрубленные головы, – а на дорогах из Москвы памятники стояли прямо на братских могилах.

Развернутые отрицательные эпитафии восходили к приказной «прозе» и не имели явных жанровых черт инвективы, да и создатели их были весьма далеки от литературы. Но для нас надписи на «столпах» имеют огромное значение, поскольку до крайности ярко свидетельствуют о гибкости и пластичности русской культуры «переходного времени» в самой, казалось бы, косной и традиционной «заупокойной» области. «Столпы» дают нам крайнюю черту прослеженного выше многообразия русских памятников XVII – начала XVIII вв., которая позволяет, наконец, поверить последнему придворному поэту Московского царства, что не только новая форма, но и новое сочетание текстов эпитафий было отнюдь не отвлеченным литературным экспериментом, а реальной потребностью жизни.

СТОРОНЫ ИЛИ ВАРИАНТЫ?

Изобилие вариантов эпитафий – одна из загадок зарождения этого жанра. Можно было предположить, что на Кариона Истомина и его заказчиков повлиял пример Сильвестра Медведева, предоставившего выбор из многих вариантов эпитафии на могилу «отца Симеона» царю Федору Алексеевичу, и самого государя, посчитавшего себя впра-

ве решить вопрос о форме и содержании стихов путем сравнения вариантов. Обобщая сделанные выше наблюдения, мы убеждаемся, что в нескольких вариантах Карион написал эпитафии монаху своего монастыря, подьячему, стражу астраханской церкви и старушке, точно так же, как время от времени подавал один единственный вариант богатому и влиятельному заказчику (хотя чаще такие получали несколько текстов). В 14-ти случаях из 62-х Истомин представлял вместе со стихотворным(и) и внешне более традиционный, но содержательно новый для русских погостов прозаический вариант, а однажды написал эпитафию только в прозе.

Многообразие вариантов эпитафии одному персонажу поставило автора (и, надеюсь, вдумчивого читателя) перед весьма сложным выбором. Естественное побуждение признать труд Кариона Истомина целесообразным, а написанные им тексты – реальными надписями над захоронениями россиян, разбивалось вдребезги об отчетливое представление, что такие эпитафии на погостах Московского царства невозможны. Немыслимо было представить себе, где они могли уместиться, на чем собственно, могли быть высечены?! – Образно выражаясь, известные науке могильные плиты встали на пути новой эпитафии стеной.

Легче было допустить, что заказчики просто выбрасывали не понравившиеся им красиво переписанные Карионом варианты эпитафии, чем признать, что на одной могиле могло появиться две, три, а то и четыре разных по содержанию, но равно пространных, вызывающих с точки зрения традиции надписей. И это при том, что стихи Истомина, завершившего создание нового метода русского стихосложения – силлабо-ритмической просодии – были в полном смысле слова уникальным, редкостным товаром. Надо полагать, довольно дорогим. Только проделав обширную работу и наглядно представив себе *все виды* строившихся в

России того времени памятников и надгробий, мы можем снять это противоречие – в пользу придворного поэта.

Помимо лежащей на земле традиционной плиты, – во второй половине XVII в. уже значительно приподнятой над поверхностью, – мы видим на русских кладбищах изучаемого времени довольно высокие объемные «саркафагообразные» надгробия. У памятников в форме саркофага верхняя плоскость теряет надпись и даже (по заключению Л.А. Беляева) «окончательно утрачивает значение», а боковые плоскости наоборот, богато украшаются, как правило – перекрестно. Это, в частности, означает, что **эпитафия высечена дважды**: на двух торцах, покрытых каждый своей навесной каменной плитой. Только из-за тесноты кладбища, когда ряды могил между проходами сведены, текст временами пишется на одном, видимом торце.

Та же теснота в сочетании со стремлением отметить место погребения и приблизиться к святому месту диктует распространение того, что археологи именуют «памятными досками». Эти каменные плиты с высеченной эпитафией и дополнительным указанием на положение погребения (вроде «против сей таблицы») помещаются на стене храма (снаружи или внутри) и дают **третий экземпляр** эпитафии. Парсуна царя Федора Алексеевича на стене Архангельского собора в Кремле с обширной *прозаической эпитафией* (фактически политической декларацией государя-реформатора, созданной, как мы выяснили, еще при его жизни) – яркий и убедительный пример возможностей применения «памятных досок» в рамках нового жанра.

Классическим примером нового по содержанию и форме текста на «памятной доске» является эпитафия Кариона Истомина на некрополь Никоновых (1702), погребенных «при сем святем храме». Она могла быть помещена в качестве знакомой археологам «таблицы» у погребения самого Кузьмы Фомича Никонова, который «зде телом положися»,

но стоящий выше предлог «при» свидетельствует, что отец семейства погребен у храма в отличие от жены, «детей и сродников», которые были положены «около храма в монастыре». Замечательно, что поэт счел необходимым прямо указать дату, когда именно «сие написася». – Археологи предполагают, что значительная часть найденных ими «памятных досок» создана значительно позже захоронений, и очень редко имеют к этому фактические основания¹.

Погребение в самом храме, видимо, не всегда подразумевало необходимость «памятных досок», буквально усеявших внутренние и внешние стены храмов в последней трети XVII в.². Обычно они использовались, когда некрополь располагался в белокаменном подклете (и торцевые плиты каменных, кирпичных или деревянных «надгробниц»-саркофагов с эпитафиями были рядовым прихожанам малодоступны). Хорошо известные археологам фамильные погребальные «палатки» с захоронением как бы в стенах подразумевали эпитафию на каменной плите, закрывающей нишу. Плита с надписью на полу, характерная для храмовых захоронений в западных странах и часто дублирующаяся «таблицей» на стене, в России XVII в. еще не привилась, если судить по крайне неполным данным археологии. Но в любом случае мы и тут имеем одну, две или три плиты с эпитафией одному и тому же человеку.

Эпитафия Симеону Полоцкому, высеченная **на двух** плитах, вделанных в стену храма в Заиконоспасском монастыре над могилой просветителя, убедительно доказывает возможность использования нескольких «таблиц» для рас-

¹ Например, в случае со старейшей из памятных плит князей Воротынских во Владимирском пределе собора Кирилло-Белозерского монастыря, датированной 1503 г. по дате переноса в обитель последних из упомянутых князей (*Кочетков И.А., Лелекова О.В., Подъяпольский С.С.* Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. М., 1994. С. 19–20).

² *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. С. 173.

положения весьма обширного текста. Царь Федор Алексеевич серьезно нарушил традицию самим заказом литературной эпитафии, которая в принципе не могла размещаться на стандартной «доске». Более того, государь выбрал не только наиболее содержательный, но и наиболее пространный вариант. – Самодержец мог себе это позволить, – скажет вдумчивый читатель. Но то, что делал в XVII в. любой европейский государь, было не просто доступно окружавшей его элите: повсеместно сюзерен был *примером для подражания* со стороны аристократии, высоких чиновников, дворян и просто богатых людей. Исходящая с самых «верхов» мода расходилась, как круги на воде, захватывая все более широкие слои населения.

«Таблицы» над гробом Симеона Полоцкого и парсуна близ саркофага Федора Алексеевича уже сильно отличались от обыкновенного способа отметить место погребения. Но этих примеров, как и представления о двойном-тройном дублировании «гробных надписей» недостаточно для объяснения смысла и расположения *нескольких связанных вариантов* эпитафий, сочиненных Карионом Истоминым. Исходя из выявленных выше представлений поэта (и его заказчиков) о наборе обязательных данных, обращают на себя внимание неполные с фактической стороны варианты.

Имеющиеся в литературе представления о русских надгробиях XVII – начала XVIII в. также не позволяют объяснить *отсутствие* каких бы то ни было дат в 3-м варианте стихов И.В. Трубецкой и 2-м варианте стихов Клобукову, месяца и дня смерти в 3-м варианте его эпитафии, а также любых дат в 1-м прозаическом варианте сочинения на смерть Колачаникова. Лишь последний текст можно, в крайнем случае, признать наброском, полностью замененным затем 3-м прозаическим вариантом.

Не менее поразительно отсутствие фамилии в 1-м и 3-м из четырех вариантов стихов Евдокии Ивановой. При этом

странно «урезанные» – без фамилии – варианты переключаются, начинаясь с предложения прохожему остановиться и помолиться, продолжаясь указанием на лежащее «под камнем» тело благочестивой старушки Евдокии, завершаясь надеждой на вечное для нее блаженство и датой. Расположение текстов в рукописи по смыслу крест-накрест невольно наводит на мысль о четырехугольных памятниках-столпах с обширными текстами на каждой стороне, первый из которых появился в столице во время Московского восстания 1682 г., а иные расплодились после подавления «заговоров» и «бунтов» в 1697 и 1699–1700 гг.

Маловероятно, чтобы памятник над могилой старушки Евдокии мог соревноваться с казенными монументами и их литыми чугунными досками. Это было и не обязательно. Текст (значительно более краткий) можно было вырезать на камне или, еще проще, на дереве, наконец, его можно было просто написать краской. Главная проблема состояла в самом **трехмерном памятнике** и идее пространной надписи на нем, противоречившей традиционной и повсеместно принятой краткой эпитафии на **плите**.

Эпитафии Епифанию Славинецкому и Симеону Полоцкому на больших (в последнем случае – двойных) плитах стали прорывом в сфере обширности текста, присущей литературе. Идея потрясшего современников в 1682 г. столпа на Красной площади также не могла произрасти в головах восставших москвичей, ежели они ничего не знали о памятниках, отличных от традиционно горизонтальной, а во времена Истомина вертикальной могильной «дски». Лишь осознав важность трехмерного восприятия **объемных** памятников, с конца XVI в. все более обретающих черты архитектурного сооружения, мы можем объяснить существование связанных между собой, прямо продолжающих и дополняющих друг друга вариантов эпитафии, даже **про-нумерованных**, как в стихах митрополиту Маркеллу.

Три линейно связанных между собой варианта эпитафии ученому митрополиту живо напоминают приведенную в Записках Желябужского надпись «на жестяных листах на площади у каменного столба». Но почему же тогда текстов три? – Любое объемное сооружение того времени на Руси имело как минимум четыре угла и четыре боковых плоскости. Однако малое сооружение *с входом* как раз четвертой плоскости для аналогичной трем другим «доски» было лишено! Такие сооружения-«рундуки» – часовни или, как выразился Л.А. Беляев, «беседки», – известны по изображениям на рисунках и гравюрах путешественников¹.

Беляев подчеркивает, что «все известные изображения показывают нам окраинные, открытые и просторные некрополи, сельские по типу, а не тесные городские», на которых наблюдалась «совершенно иная картина»². Но эпитафии придворному поэту нередко заказывали лица, способные по своему социальному положению, состоянию, месту жительства или фамильной обители найти достаточно места для сооружения в форме «часовни или беседки» с круговым обзором памятника.

Более того, по письменным и изобразительным памятникам хорошо известно, что вместо часовни (подразумевающей внутреннее пространство) в России второй половины XVII в. нередко строились (особенно при недостатке места на городских перекрестках) монолитные «столпы» с вделанными в них иконами. В зависимости от пространства обзора на такое объемное сооружение на погосте можно было повесить четыре большие «доски» с вариантами литератур-

¹ Например, на кладбище с Панорамы Москвы в издании «Путешествия в Московию» 1661–1662 гг. имперского посла барона Августина фон Мейерберга (гравюра сопровождавшего посольство И.Р. Сторна). См.: Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века / *Аделунг Ф.П., Ловягин А.М. СПб., 1903. Т. I.*

² *Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. С. 168.*

ной эпитафии, три «доски» (когда закрыта задняя часть), две разных по содержанию боковых «таблицы» (если лицевая сторона занята, например, иконой).

Таким образом, мы имеем право снять *все возражения* против принципиальной возможности одновременного использования вариантов каждой эпитафии, отнюдь не напрасно предлагавшихся придворным поэтом заказчику. **Варианты публикуемых литературных эпитафий** конца XVII и начала XVIII в. следует рассматривать как равноправные **надписи** на мемориальных сооружениях: торцевых плитах надгробных памятников, «памятных досках» на стенах храмов и сторонах объемных сооружений – часовен, «беседок» или обелисков.

Как правило Истомин, если предлагал варианты, составлял два или три, не повторяющихся, но содержащих всю основную информацию, чтобы путник, к которому поэт регулярно обращается, мог внять призыву помолиться о душе усопшего, с какой бы стороны он не зашел. Сравнение вариантов-сторон любопытно не только в контексте развития представлений об объемном памятнике, но и в связи с увлекательной возможностью изучения составленных из вариантов литературных композиций, подобных композициям картин и текстов, обильно создававшихся Истоминим для царских и патриарших дворцов, палат знати и школьных строений. Однако при общей полноте содержания каждого варианта особенно интересны исключения.

Несмотря на то, что *данные о возрасте* сообщаются больше, чем в половине сочинений, они **могли быть опущены**, например, в третьем (стихотворном) варианте эпитафии Бутурлину: либо поэт считал их необязательным элементом текста и не использовал всегда, когда знал, что маловероятно, либо третий вариант писался для использования **совместно** с первым (стихотворным) и/или вторым (прозаическим) вариантом. В этой связи уместно вспом-

нить, что во втором (стихотворном) варианте эпитафии Вассе Строгановой (княжне Мещерской) *нет даты смерти*, так что приведенные в ней количественные данные понятны лишь **вместе** с развернутым третьим (прозаическим) вариантом (первый прозаический не завершен). В каждом из четырех вариантов последней по хронологии эпитафии (Евдокии Ивановой) есть дата смерти, однако точный возраст (74 года) указан лишь в последней; в остальных Карион ограничился указаниями «старая жена», «жена в старых летах», «престарелая». Это должно быть истолковано однозначно: поэт предполагал использовать **все** варианты.

Общий взгляд на то, *когда* писались эпитафии, связан с вопросом, *куда* их намерены были помещать. Эпитафии патриарху Иоакиму и царице Наталии Кирилловне Нарышкиной (возможно также смелая эпитафия митрополиту Маркеллу) не могли быть вырезаны на их обусловленных жесткими рамками традиции надгробиях. Они, как большинство стихов Кариона, предназначались для публичного чтения на самой церемонии, как разновидность теста «на погребение», а возможно и для временного украшения гробницы надписями на бумаге или холсте. Очевидно, поэт, как обычно, был способен написать тексты к моменту похорон (что в случае с Маркеллом и другими персонажами, тела которых долго перевозились, было не затруднительно).

В 1-й главе мы уже говорили, что по некоторым признакам поэт очень спешил написать эпитафии стольнику полковнику П.Д. Стремичевскому и княжне В.И. Строгановой. Противоположный случай представляют эпитафии, написанные, судя по содержанию или палеографическим признакам, много позже погребения тел. Это сочиненные много позже успения покойных тексты на семейную усыпальницу козловского дьякона Василия и некрополь Никоновых, а также эпитафия Пелагее Родостамовой, заказанная супругом года через три после ее смерти.

То, что профессиональный придворный поэт *мог* написать текст «к случаю», не означает, что это требовалось. Многие литературные эпитафии совершенно точно писались Истоминым *не к похоронам*. Эпитафия княгине Ирина Васильевне Трубецкой написана более чем два месяца по ее кончине 27 февраля 1690 г., после смерти княгини Татьяны Стефановны 8 мая 1690 г. Эпитафия Феодосии Лабозной, умершей 6 мая, была написана Карионом после текста Т.С. Трубецкой. Три варианта текста на могилу Василия Клобукова, судя по палеографическим данным, написаны не после кончины подьячего 13 июля 1691 г., а не ранее 25 декабря (скорее всего – с мая до октября 1692 г.). Умерший 4 декабря 1695 г. князь М.И. Куракин получил эпитафию только после смерти сына, В.М. Куракина, 6 июня 1696 г. Эпитафия скончавшемуся 10 мая 1700 г. гостиному сыну И.И. Исаевичу приурочена к его тезоименитству 26 сентября и была написана никак не ранее 1 сентября.

И здесь следует подчеркнуть, что значительная пауза между похоронами и украшением надгробия литературной эпитафией была не обязательна, даже когда речь идет о скончавшихся с небольшим промежутком родственниках. Не связанные палеографически эпитафии окольничим братьям Леонтьевым, умершим с интервалом всего в 6 месяцев, не связаны и содержательно: вторая подчеркивает любовь Василия к скончавшемуся ранее брату, а первая о ставшей вдруг значительной братской связи не упоминает.

Отсутствие жесткой зависимости между датой похорон и временем украшения надгробия литературной эпитафией легко объяснимо. Как справедливо отметил Л.А. Беляев, в XVIII в. существовало обыкновение отмечать могилу временным, «черновым» надгробием с традиционным лапидарным текстом, которое впоследствии заменялось памятником с надписями, составленными профессиональным литератором. «Углубление» такого (всем нам известного)

метода в XVII столетие лишь соответствует общей тенденции современной науки к выявлению происхождения якобы «новых», «петровских» явлений культуры, на самом деле зародившихся в «допетровском» времени.

КЛАССИФИКАЦИЯ НАДПИСЕЙ

Исходя из новых представлений о русских надгробиях конца XVII – начала XVIII в., мы можем не только дать четкую классификацию материальных памятников с литературными эпитафиями, но и наполнить ее вполне реальным содержанием. То есть распределить рукописные тексты, написанные в одном, двух, трех и четырех вариантах (с более тонкими вариациями) по реконструированным типам мемориальных сооружений, для которых они предназначались автором и заказчиками. В результате мы получаем следующую классификацию **надписей** (рубрики выделены заглавными цифрами/буквами полужирным шрифтом).

1 А–Б–В

- 1 **А**. На стене над местом захоронения;
- 1 **Б**. На стене храма в качестве «поминальной таблицы» (в дополнение к надгробиям над расположенными на расстоянии захоронениям);
- 1 **В**. На «саркофагообразном надгробии», имеющем: 1 В I – один видимый торец;
1 В II – оба видимых торца с досками, когда литературная эпитафия на одной сочетается с традиционной лаконичной надписью на противоположной плите.

Первая группа эпитафий включает все варианты, когда в память о покойном был написан *один литературный текст*. Исходя из представлений о традиционной для Москвы и России горизонтальной белокаменной плите, нали-

чие одной эпитафии представляло собой ясный случай. Но в реальной жизни эти плиты уже ушли с надгробий лиц, сколько-нибудь следящих за модой и просто идущих в ногу со временем. Лежащие чуть не вровень с землей плоские плиты-надгробия еще могли употребляться ревнителями старины на не слишком престижных погостах. Но невозможно представить себе, чтобы столь вызывающе старообразную форму придали надгробию любимого человека заказчики, обратившиеся за эпитафией новейшей формы и содержания к прославленному придворному поэту.

Любая литературная эпитафия, безусловно, высекалась *на вертикально установленной плите*: так, как царь Федор Алексеевич повелел сделать на двух плитах (с продолжающимся стихотворным текстом Сильвестра Медведева), укрепленных на стене над могилой **Симеона Полоцкого** в церкви Всемилоственного Спаса в Заиконоспасском монастыре, на Никольском крестце за Иконным рядом.

В эпитафии столь же «просвещенному» митрополиту **Маркеллу**, подобному Симеону ученостью и неустанными трудами, к тому же приятному «всем человеку гражданскому», Карион Истомина постарался буквально повторить опыт Сильвестра Медведева: развернутая эпитафия в трех частях последовательно прославляет личные качества и заслуги почившего (1698 г., 3 раза по 5 11-сложных двустушией). Очевидно, поэт учёл склонность камнерезчиков и литейщиков делить текст произвольно, сколько входит на плиту, не взирая на смысл и весьма важную для творчества Кариона композицию. Текст на каждой плите завершён по смыслу, но неполон по обязательным с точки зрения поэта данным, следовательно, плиты должны были обязательно обзреваться все вместе. Наилучшей для этого была линейная композиция, как у висевших рядом плит Полоцкого, хотя полностью исключить круговой вариант (часовни) нельзя. Указания «в сем месте в гробе» и «на сей гроб смотря» подчер-

квивают сходство захоронения Маркелла и Симеона в храме и, вместе с тем, указывают на выделение могилы митрополита «саркофагообразным надгробием».

Санкционированный царем Федором вариант вертикальной плиты при захоронении в храме (**1 А**) с высокой степенью вероятности представлен рядом эпитафий членам аристократических родов.

Вряд ли можно сомневаться, что на почетном месте в храме была похоронена княгиня **Т.С. Трубецкая**, урожденная Татева (1690 г., 5 13-сложных двусиший, указание «зде тело положенно»), властная свекровь которой удостоилась трех надписей на «беседкообразном» памятнике, выделяющемся среди надгробий этих знатнейших князей¹. Сходное указание (менее определенное, чем на самих надгробиях) было помещено на памятных досках князей **Куракиных** 1696 г.: 5-летнего **Василия** и отца его стольника **Михаила Ивановича** (2 и 7 11-сложных двусиший): «вспочи на сем месте» и «тело же его зде есть погребено, В обители сей Троицкой явлено». Последнее указание («в обители») позволяет сопоставить доску старшего Куракина с «поминальной таблицей» на некотором расстоянии от погребения.

К хорошо известным археологам «поминальным таблицам» на стене храма, указывающим на расположение захоронений в некотором удалении (**1 Б**), безусловно, относится прозаическая эпитафия на некрополь **Никоновых** (1702 г., указание «при сем святем храме... и около храма в монастыре»). Эпитафия на семейную усыпальницу козловского **дьякона Василия** (1689 г., 13 13-сложных двусиший), несомненно, тоже писалась в качестве «поминальной таблицы», но поэт предусматривал возможность размещения текста на плите общей усыпальницы или объединившем захоронения «разных лет» памятнике супруге

¹ См. ниже. О других их плитах см.: *Левенюк В.П.* Надгробия князей Трубецкий // Советская археология. 1960. № 1.

дьякона Марии: указание «там погребеся» является в рукописи вариантом к указанию, что она «зде погребеся».

Указание на «гроб сей» – вполне довольное основание отнести надпись к собственно «саркофагообразному надгробию» (1 В), если оно не помещалось на таблице непосредственно над подлежащим осмотру гробом (как у митрополита Маркелла). Это эпитафии: чудовскому монаху **Тарасию Авушеву** (1689 г., 4 11-сложных двустишия, указания «кто гроб сей узрит», «зде... телом в земли сокровенный»); видной купчихе **Феодосии Лабозной** (1690 г., 5 11-сложных двустиший, указания «смотрев гроб сей» и «зде тело... положися»); стольнику полковнику **П.Д. Стремичевскому** (1690 г., 7 13-сложных двустиший, указания «тело его зде землю покрыся» и «на гроб сей возрите»); горожанке **Евдокии Мырминой** (1690 г., 3 13-сложных двустишия, указания «зде землю одета» и «зрящий гроб сей»); келарю Чудова монастыря **Герману Лутохину** (1692 г., 6 11-сложных двустиший, указания «телом зде склонися, Всяк узрев гроб сей»); царице **Наталии Кирилловне** (1694 г., 10 13-сложных двустиший, указания «гробно ей здесь ложе» и «всяк зрев гроб сей»)¹; супруге подьячего **Ксении Стефановой** (1694 г., 7 11-сложных двустиший, указания «зде лежит в гробе», «погребенна И на месте сем телом положенна»); окольничим **Т.Б. Юшкову** (1695 г., 9 11-сложных двустиший, указания «гроб сей узревай», «телом... положенный»), **И.И. Чаадаеву** (1696 г., 7 11-сложных двустиший, указание «на сем месте телом положися, Зря гроб его») и, возможно, **В.Ю. Леонтьеву** (1697 г., проза и 1 дисметрическое двустишие, указание «его тело на сем месте в гробе положено»²); подьячему **А. Велинскому** (1700 г., 6 11-сложных

¹ То, что эпитафия государыне, скорее всего, на ее гробницу не была помещена, не мешает нам классифицировать тип надписи соответственно *намерению* автора.

² Аналогичное указание сделано в сходной прозаической эпи-

двустий, указание «тело его zde в гробе положися. Зрящего гроб сей»); подъячихе **Пелагее Родостамовой** (1700 г., 4 11-сложных двустий, указания «зде тело си спрята», «гроб зрящий»), и почти с теми же указаниями – гостю **К.П. Калмыкову** (1701 г., 6 11-сложных двустий, указания «на сем месте тело свое спрята» и «зрящий гроб сей»). На гробницу думному советнику **П.Б. Возницыну** (1702 г., 6 11-сложных двустий) Истомин придумал более замысловатый вариант указания:

Телом в гробе zde   церковне сложися_(,)
К Богу молитвен   *зрящий се* явися.

Немногим менее четкие указания относят к типу **1 В** эпитафии: ефремовскому сыну боярскому **Федору Мартынову** (1691 г., 4 11-сложных двустий, указание «телом zde вкопая») и гостинному сыну **И.И. Исаевичу** (1700 г., 7 11-сложных двустий, указание «телом zde лежит»)

Размещение надписи на «саркофагообразном надгробии» (**1 В**) неизбежно ведет нас к проблеме «двух торцов»: ведь в свете новых (блестяще сформулированных Л.А. Беляевым) представлений текст ко времени появления литературной эпитафии давно уже перекочевал с верхней плоскости высоко поднявшегося над землей памятника на вертикальные плиты, крепившиеся на узких сторонах надгробия. Теоретически очевидно, что на плотно застроенных центральных городских погостах одна эпитафия должна была украшать единственный торец (**1 В I**), видимый с прохода между надгробиями, довольно тесно сомкнутыми боковыми и задними сторонами (в сдвоенные ряды, как наблюдается до сих пор). Но обязательность сдвоенных рядов сомнительна, и мы обязаны допускать возможность обзора надгробия с *двух* торцевых сторон. В этом случае (**1 В II**)

тафии его брату, И.Ю. Леонтьеву (см. ниже), в стихах которому сказано точнее: «тело положися Зде, зрящий гроб сей».

текст должны были нести оба видимых торца с досками, причем логично предположить, что второй торец украшала традиционная лаконичная надпись.

При одном варианте эпитафии различия между I В I и I В II мы по имеющимся источникам выявить не можем. Однако склонность эстетики барокко к разнообразию заставляет думать, что созданные в одном варианте эпитафии **на могилу** с саркофагообразным надгробием использовались именно **в сочетании** с традиционным текстом.

Об этом свидетельствуют подгруппы I второй группы эпитафий, ясно указывающие на «саркофагообразное надгробие». Вторая группа в рукописях представлена двумя типами надписей:

2 А–Б

- 2 А. Два стихотворных варианта на торцах (I) или на одном торце и таблице (II);
- 2 Б. Стихотворный и прозаический варианты на торцах (I) или на одном торце и таблице (II).

Историки материальной культуры в первую очередь распределили бы надписи по расположению (А – на торцах или Б – на надгробии и таблице), но мы исходим в первую очередь из литературных особенностей источников. Состав 4-х подгрупп в любом случае одинаков, а разделить подгруппы I и II на практике весьма трудно. Прекрасным примером типа 2 А является эпитафия чудовскому иеромонаху **Феодосию** (1690 г., 6 + 4 11-сложных двустушия). Пространный первый вариант более «литературен» и указывает на погребение чуть более отстраненно («лежим зде плотски»), чем краткий, прекрасно подходящий к надгробию второй вариант («зде тело честна мужа положено»). Оба текста могли помещаться на торцах, но если надгробие находилось в подклете или было придвинуто к наружной стене, первый вариант мог служить и в качестве «поми-

нальной таблицы» (типа **1 А** или **1 Б**) на стене храма (тогда второй соотносится с типом **1 В**).

Сравнительно редкий, трудно определяемый по рукописям тип **2 А II** отмечен блестящей парой стихотворных эпитафий стольнице **М.Т. Зиновьевой** 1701 г. Первая, – всего из 2-х 13-сложных двустиший с «перекладной» – короткой нерифмованной строкой окончания, – предназначалась для таблицы на стене храма и не содержит никаких указаний на погребение. Вторая имеет обычный размер (6 13-сложных двустиший) и точное указание: «на сем месте тело ея положено. Всяк зрев гроб сей».

В чистом виде подгруппа **I** типа **2 А** отражена двумя прочувствованными стихотворными эпитафиями дьяку Патриаршего Казенного приказа **П.Т. Семенникову**. Оба варианта содержат полную информацию, но достаточно различаются литературными подходами, чтобы «путник» с интересом прочел каждую. В первом варианте даны обычные для литературных текстов «саркофагообразного надгробия» указания: «на сем месте тело положиися, Гроб его зрящий» (см. выше примеры типа 1 В). Начало второй смело можно отнести к классике жанра:

Всякий путствующий zde гробу присмотрися,
В нем разумен муж дьяк телом положиися.

Не столь внушительно (но Карион никогда не повторял своих шедевров) звучит начало стихотворной эпитафии типа **2 Б I** павшему в Азовском походе стольнику **Ф.И. Троекурову**, которого отпевал патриарх и хоронил в декабре 1695 г. чуть не весь Двор во главе с царем Петром. Стихотворный вариант из 22 строк (10 11-сложных двустиший) содержит прямое указание на гробницу: «Зри человеце гроб сей умилися, О лежащем в нем Богу помолися»; «тело превезеса... оно погребеса» в родовой усыпальнице Троекуровых в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре.

Прозаическая эпитафия еще более подробна, но при всем объеме (более 900 знаков без пробелов) примерно равновелика стихотворной и составляет ей контрастную пару.

Сходным образом, но из более кратких текстов (6 11-сложных двустиший и чуть менее 400 знаков прозы) построена пара эпитафий **2 Б I** на гробницу окольного **И.Ю. Леонтьева** (1696 г.), имеющая безапелляционные указания (в стихах: «тело положиися Зде, зрящий гроб сей»,– в прозе: «Его же тело на сем месте в гробе положиися»). Очевидно, надгробие Ивана Юрьевича было расположено удобно для осмотра с двух концов: написанная Карионом в следующем году эпитафия его брату Василию имеет только один вариант (**1 В**), хотя поэт постарался «вписать» его в семейный некрополь, соединив в одном тексте прозу и стихи.

Эпитафиями типа **2 Б I** Карион Истомин ранее почтил выдающегося насельника Донского монастыря, его наместника схимонаха **Иова** (в миру думного дьяка **А.Я. Кириллова**). Равно обширные эпитафии 1693 г. (прозаическая более 800 знаков без пробелов, стихотворная – 9 11-сложных двустиший, т. е. 18 строк) точно указывают на надгробие: «всяк зряй гроб сей» (проза), «на сем месте телом положиися, Да всяк зрев гроб сей» (стихи).

Вариант **2 Б I** представлен и одной неудавшейся попыткой. Стихотворная эпитафия Кариона Истомина патриарху **Иоакиму** (1690 г., 10 13-сложных двустиший) по своей обширности и торжественности явно следовала примеру, данному Сильвестром Медведевым в эпитафии «отцу Симеону». «Всяк зде гроб его зри»,– указывал Карион Истомин, рассчитывая разместить стихи на доске в соборе Новоспасского монастыря. Но в прозаической эпитафии на надгробие поэт вынужден был вставить над строкой в сведения о погребении: «в велицей соборной церкви»,– т. е. в Успенском соборе Кремля, где Иоаким был похоронен вместе с прежними патриархами без выделения надгробия

литературной эпитафией. Автор еще одной литературной эпитафии Иоакиму (ее текст опубликован в гл. 1), друг покойного новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков вообще не ориентировал текст на конкретный памятник. Знаменитый знаток античности написал скорее *книжную* эпитафию, указав лишь, что «над пастырем чет некто пасом, негли монах», – т. е. что у праха архипастыря совершается заупокойная служба и поминовение.

К 1702 г. относятся две почти одинаковые по конструкции пары эпитафий типа **2 Б**, которые трудно отнести к определенной группе. На саркофаги столынику И.А. **Вельяминову-Зернову** и князю **Ф.Ф. Бельскому** Истомин написал 6 и 5 11-сложных двустиший с очень похожими указаниями: «на сем месте телом положися, Всяк гроб сей зрящий о нем помолися» и «Тело zde в гробе его положися, Зрящий о душе Богу помолися». Однако краткие, в 150 и 170 знаков прозаические тексты можно отнести и к саркофагу, и, весьма вероятно, к настенной храмовой доске. Указания этот вопрос не вполне проясняют: «Зде в гробе лежит телом» и «зде тело его погребено» (сравни текст на некрополь Никоновых: «При сем святем храме zde телом положися», а далее – «и около храма»).

Третий – новейший – **тип** погребальной надписи состоял из трех литературных текстов на гробницу «беседкообразного» типа или часовню¹. Возникает некое мистическое

¹ Представить себе три доски, повешенные на доступный для обозрения с трех сторон памятник кубической формы на погосте того времени трудно: хотя могилы могли выходить на проход только «фасадом» (почти смыкаясь задней частью), они не имели таких явных признаков «своей территории», как современные нам оградки (их следов археологи не обнаруживают вовсе), и были весьма стеснены по бокам. Зато отдельно стоящий памятник вроде часовни, одна сторона которого имела вход или киотец, был возможен для очень богатых людей или на не слишком «перенаселенном» кладбище (такие часовни

чувство, когда обнаруживаешь, что Карион Истомина написал *одну* группу эпитафий первого типа, *три* – второго и *две* – третьего. Ещё более поражает настойчивость, с которой поэт подчеркнул, что все варианты эпитафии каждому лицу *предназначены для его могильного памятника*.

3 А

- 3 А. Три стихотворных эпитафии;
- 3 Б. Две стихотворных и прозаическая эпитафии;
- 3 В. Две прозаических и стихотворная эпитафии.

Тип **3 А** представлен эпитафиями властной княгине **И.В. Трубецкой** (1690 г.) в 13-сложных стихах (с редкими для Кариона грубыми переборами размера¹) из трёх, шести и пяти двустиший. Зато указания на гробницу даны весьма четкие. В первом случае: «смотрев гроб сей», «княгини... zde тело... лежати приспело». Во втором: «телом в гробе спит». В третьем: «Зри... гроб сей... о лежащем в нем».

Горе сыновей княгини, потерявших почти одновременно всю жизнь распорядившуюся в их дворце мать и одну из своих жен (Т.С. Трубецкую), было весьма велико, как и родных юного посольского подьячего **Василия Клобукова**, решивших украсить могилу своего «цвета» не менее пышной гробницей (1692 г.). Его эпитафии образуют как бы переход от типа **3 А** к **3 Б** (5 и 6 11-сложных двустиший и проза с 2-мя двустишиями), хотя строго говоря относятся к **3 Б**, поскольку в третьем варианте горестная эпитафия, со-

стоятельные люди «вписывали» на самые престижные погосты столицы даже в XIX – начале XX вв.).

¹ В первом тексте последняя строка вместо правильных 7[^]6 ударений дает 6[^]7; во втором мы встречаем 8[^]6, 6[^]6 и даже 5[^]6 (как в 11-сложнике); в третьем – дважды 5[^]6 и один раз 6[^]6 ударений (знаком ^ обозначена задающая ритм цезура). Для 28 строк это крайне много. В силлабике Истомина сбой равносложия в среднем не превышает 10 %, а цезуру он позволяет себе специально сдвинуть не чаще, чем 1 раз на 200 строк.

общив почти всю информацию в прозе, продолжается эмоциональным (но еще информативным) заявлением («Яко бо во цветех во младых летех zde склонися, и востания мертвых ждет»), а завершается не встречающимся более в творчестве Кариона Истомина, но таким знакомым нам по современным погостам восклицанием неясного размера:

О любезный мой ты Василий,
Бежал еси суетных насиллий.
Господи, покой его в жизни,
Где душам небесны отчизны!

Тем не менее поэт в стихах точно указывает: «зри тело zde лежимо... в гробе содержимо»; «в гробе сем тело его обретеса»,– и в сбивчивой прозе не забывает упомянуть, что человек именно «zde склонися».

Второй образец типа **З Б** менее эмоционален. В первом стихотворном тексте на гробницу стольника **И.А. Бугурлина** (1696 г., 6 11-сложных двусиший с «поперечиной») автор указывает: «телом в месте сем в гробе положися. Долг всяким зрев гроб». В довольно крупном прозаическом тексте (почти 500 знаков): «Тело же его погребено на сем месте». И в обширном стихотворном тексте, написанном в конце работы (9 11-сложных двусиший), выражается не менее определенно: «Тело его zde в гробе положенно».

Последние надгробные надписи типа **З Б** Истомин посвятил в 1700 г. княгине **А.Е. Волконской**. «Телом zde в гробе спит княгиня Анна»,– говорит поэт в первом тексте из 5 11-сложных двусиший. «Зряц гроб сей»,– добавляет во втором таком же. И в прозе (текст из почти 400 знаков) указывает оба варианта: «успшая на сем месте лежит телом», «зрящий гроб сей».

Тип **З В** включает два комплекса надгробных текстов: княжне **В.И. Мещерской**, супруге именитого человека Г.Д. **Строганова** (1693 г.) и стражу астраханской соборной

церкви **И.В. Колачникову** (1702 г.). «Зде тело ея положиися во опочение»,– указывает Истомин в первом прозаическом тексте княжне (до 300 знаков); «зде в гробе каменном погребеся»,– уточняет во втором тексте в прозе, написанном в конце работы (свыше 600 знаков). В стихах (8 13-сложных двустиший) поэт выражается еще более определенно:

Злоядна зде смерть в гробе с плачем положила,
Камнем тяжким тело ея привалила.
Приходяй семо всяк зри, о ней умилися,
Да вселит ю Бог в небо прошу помолися...

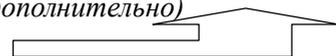
В обоих прозаических текстах Колачникову (470 и 780 знаков) автор указывает и на погребение тела, и на гроб: «Погребено же тело его на сем месте... зрящий гроб сей»; «погребено тело его во гробе на сем месте». В стихах (6 11-сложных двустиший с «поперечиной») также указаны оба признака надписи для самого *памятника*:

Успе блаженно, телом зде сложися,
Гроб его зрящъ кто, просит помолися.

Четвертый тип надгробной надписи – максимально отвечающий воплощенной в «столпах» потребности эпохи и устремленный в будущее – был создан Карионом Истоминим на склоне его творческой деятельности, в последние годы существования самого Московского двора. Символично, что адресованы *четыре* стихотворных текста *на один памятник* были не аристократу, не блестящему представителю Двора, не государеву чиновнику и даже богатею, а неизвестной старушке **Евдокии Ивановой** (1705 г.). 11-сложные строфы из трёх (с «поперечиной»), четырёх и еще дважды трёх двустиший образуют любимую поэтами барокко пространственную композицию.

Строфы сочетаются крестообразно, причем 1-я и 3-я сходны даже удивительным для Истомина пропуском обя-

зательного элемента: *отсутствием фамилии* (или отчества) персонажа. Третье двустишие 1-й строфы раскрывает мысль о вечной жизни Евдокии, которую в 3-й строфе Каррион афористически выразил в одной, второй строке 2-го двустишия. В результате дату смерти в 1-й строфе пришлось дать «перекладиной», но 1-й текст имел и преимущество перед литературно совершенным третьим, включив в последнее двустишие молитву не только автора, но и прохожего (что для Истомина было важно). Сравните:

О человеке, при сем гробе стани. ⇔ Зде преходниче стани присмотрися,
 Зде тело лежит от смертныя дани. ⇔ Под камнем с костыми тело положиися
 Старыя жены Евдокии честны, ⇔ Престарелыя Евдокии жены,
 Яже возьмем в вере дела крестны. ⇔ Да будут тоя грехи отпущены.
 О душе ея помолися Богу, ⇔ *(дополнительно)*
 Да в небо вселит, даст ей радость многу.
 1705-го лета. Марта 9 дне. ⇔ { Тысяща седмьсот пятаго зде лета
 Марта девята дне отыде света.

Сопоставление двух других «лучей» крестообразной композиции нового памятника-«столпа» еще более показательно (см. публикацию). 4-я строфа начинается указанием даты смерти, которое завершает 3-ю строфу; второе двустишие в этих «перекрестных» текстах аналогично по содержанию (имя покойного и «положение» тела); третье двустишие 3-й строфы дополнительно (но для Истомина – почти обязательно) дает, помимо молитвы автора, молитву «всякого зревшего» памятник, причем заключенная в ней молитва автора отражена в последнем двустишии последней строфы, сообщаемом дополнительно (единственный раз в этих надписях) точный возраст Евдокии.

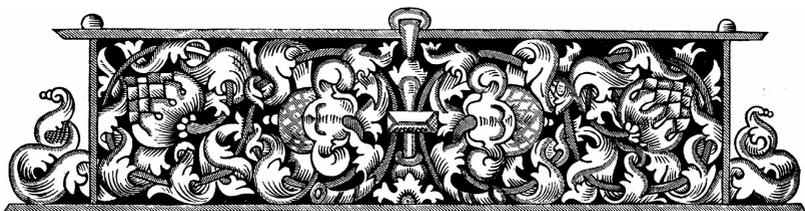
Автор как бы соревнуется сам с собой, делая вторые (по времени написания) варианты «перекрестных» текстов (строфы 3 и 4) более краткими, емкими и содержательными исключительно силой своего поэтического таланта.

* * *

При работе над стихотворными и прозаическими надгробными текстами Карион опирался не только на первые для Руси опыты литературного «надписа» Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, но, в значительной мере, на уходящую в века до конца XV в. традицию надписей на белокаменных могильных плитах. Вместе с тем создаваемый придворным поэтом новый жанр русской литературной эпитафии был оригинален не только по форме и содержанию, – и в своем исполнении на надгробных камнях он использовал новейшие подходы того времени к памятникам, в значительной мере уже тогда изменявшим традиционный вид русских погостов. Именно по проложенному Истоминым пути жанр развивался в России XVIII–XX вв.

Относительно распространения нового жанра ясно одно: по обыкновению, мода шла сверху – в прямом смысле, от поэта-«творца», и в переносном, с «верхов» Московского двора. Обратившись к публикуемому своду эпитафий, мы убедимся, что известные сегодня сочинения отражают уже *существовавшую* моду, когда усилия придворного поэта по привитию обществу вкуса к новому жанру встречались с интересом к нему в самых различных кругах. По имеющемуся материалу, о массовом и, похоже, целенаправленном спросе на стихотворные эпитафии среди высоких чинов Двора можно говорить только для 1695–1696 гг., но зародившийся интерес не угасал и существует доселе, все так же не превратившись в *господствующую* моду.

Часть II

ПОЭЗИЯ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Глава 1

МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА
ДЛЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Глава 2

НОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
ПРИ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ

Царевич Алексей Петрович

Глава 1

МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА ДЛЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Исследователи русской стихотворной культуры последней четверти XVII в. отмечают ее сильную просветительную направленность. Поэты при Дворе не просто сочиняли стихи: они ощущали себя и действительно были учителями читателей и слушателей. Выпускник Виленской академии и Киево-Могилянских коллегий Симеон Полоцкий просвещал Москву с миссионерским пафосом. Его ученик Сильвестр Медведев сначала и в поэзии ощущал себя учеником, способным разве что приспособить сочинения «отца Симеона» к «случаю». Лишь жаркая схватка за Московскую Академию в середине 1680-х побудила его смело и мощно выразить требование просветить Россию высшим образованием в стихотворной орации царевне Софье при поднесении ей «Привилея» Академии.

Собственно московским придворным поэтом, профессионально работающим на заказ, стал свойственник и ученик Медведева Карион Истомин. Справедливо названный «пестрым»¹, не принадлежащим до конца ни к одной из противоборствующих при Дворе и в Церкви группировок, он чутко воспринимал потребности аудитории и заказчи-

¹ *Брайловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902.

ков¹, создавая для них понятные, уместные и приятные во всех отношениях стихи. Стих Истомина был не оружием в борьбе идей, а зеркалом, отражающим самые разные мнения так, как их видел просвещенный поэт.

Тем более значительно, что просветительный пафос в стихах Кариона не угас; став менее агрессивным, он вспыхнул еще ярче, осветив значительно большее пространство духовных проблем России, настоятельно требующих образования. Достигнув непревзойденного для конца XVII в. владения русским стихотворным словом, поэт ощутил способность выразить в нем больше знаний для органичного обогащения более широкой и требовательной аудитории.

Сам решительно утвержденный Симеоном Полоцким равносложный стих со строгим размером и рифмой был плодом учености. Каждое звучавшее при Дворе правильное стихотворение было реализацией регулярного образования в форме и содержании, следствием и показателем торжества «семи свободных мудростей» (последовательного изучения дисциплин тривиума и квадравиума).

Но только смиренный Истомин смог поставить и решить поистине грандиозную задачу: сделать стих и образ главным способом и орудием регулярного, правильного, последовательного познания мира в свете всей системы знаний (включающих и «свободные мудрости»). Хотя не все его сочинения были изучены и поняты, прорыв Кариона столь бросался в глаза, что их не первое столетие сравнивают с произведениями старшего современника: «учителя народов» Яна Амоса Коменского (1592–1670).

¹ Это естественно для личного секретаря двух патриархов, Иоакима и Адриана, навязывать которым свои взгляды было бы смешно, если не сказать – глупо. В то же время чуткий к людям и ситуации Истомин мог выразить их взгляды в отточенной и содержательной литературной форме, т.е. положительно для заказчика использовать свой талант и знания.

Это сравнение справедливо¹ и чрезвычайно важно для понимания места российского просвещения в европейской культуре XVII в. Однако правильное его употребление требует снять разрыв между научными дисциплинами: историей культуры, педагогикой и филологией, — образовавшийся в ходе специализации гуманитариев к концу XIX в. и с тех пор основательно углубленный. Читатель, не заинтересованный в трудном пути преодоления заблуждений, может пропустить 5 параграфов и обратиться позитивному изложению с раздела: Триптих «Материнской школы».

«УЧИТЕЛЬ НАРОДОВ» В РОССИИ XVII в.

Ученый гуманист и педагог Ян Амос Коменский составил целую эпоху в истории европейской педагогики. Воздействие его трудов было настолько велико, что педагогику как науку смело можно делить на время «до Коменского» и после него. Издания и интерпретации сочинений гениального чеха, осмысление и применение его педагогических идей в разных странах сделали «комениану» одним из ярких феноменов культуры Европы XVII в.²

Изучение влияния идей и сочинений Коменского на мысль и практическую деятельность прогрессивных европейских педагогов еще далеко от завершения. Но общий вывод из сотен томов библиотеки по «комениологии» оче-

¹ *Богданов А.П.* Карион Истомина и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // *Acta Comeniana. Revue internationale des études coméniologiques.* 8 (XXXII). Praha, 1989. S. 127–147.

² Труды Коменского и воздействие его идей на педагогику разных стран изучались всегда, однако стимуляции этих работ и объединению их в научную «комениану» в XX в. более всего способствовал *Pedagogický ústav J.A. Komenského* в Праге (Чехословацкой, ныне Чешской Академии наук).

виден. Вся Европа второй половины столетия, где читали по латыни и учили детей началам наук, была единым образовательным пространством, живо откликавшимся на свежие и полезные для преподавания педагогические идеи.

Россия отнюдь не была исключением. Таков вывод чехословацких ученых, наиболее глубоко изучивших влияние «учителя народов» на педагогику разных стран. Он весьма ценен, хотя мы располагаем ограниченными сведениями о «ряде произведений Коменского», которые «во второй половине XVII в. в России становятся известными» и даже «начинают проникать в школьную практику»¹.

Сведений действительно немного. Еще в 1913 г. В. Родников, поддержанный позже М.П. Алексеевым и Б.Н. Митюровым, указал на сходство некоторых идей «Обеда» и «Вечери» Симеона Полоцкого с мыслями, изложенными в «Великой дидактике» (*Didactica magna*) Я.А. Коменского². А.А. Чума предположил также влияние «Физиики» (*Physikae ad lumen divinum reformatandae synopsis*) Коменского на текст трактата «О первых учениях физического фундамента»³, но не привел необходимых аргументов и хотя бы приблизительной даты этой рукописи⁴. В свою очередь Алексеев опроверг сходное предположение относительно влияния «Правил поведения» (*Praecepta morum*) Коменского на сочинение⁵, русский текст которого приписывается

¹ Чума А.А. Ян Амос Каменский и русская школа (до 70 годов 18 века). Bratislava, 1970. Цит. с. 24; и мн. др.

² Родников В. Два темных места в нашей педагогической литературе 16-17 вв. // Труды Киевской Духовной академии. 1913. Кн. VI. С. 231–245; Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века // Славянская филология. Сб. статей. Ч. I. М., 1958. С. 307; Mitjurov B.N. Jan Amos Komenský a Simeon Polockij // Pedagogika. Praha, 1964. № 4. S. 473–480.

³ БАН. 26. 3. 28. На русском языке.

⁴ Чума А.А. Указ. соч. С. 17.

⁵ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 275–330.

другому известному педагогу и литератору XVII в.,– учителю Полоцкого Епифанию Славинецкому.

О проникновении сочинений Коменского в «школьную практику» России конца XVII в. свидетельствуют, по мнению исследователей, особые сборники, состоящие из разъятых на страницы книг чешского педагога, переплетенных со вложенными между ними листами чистой бумаги. Один из сборников представляет собой «Обозрение реформированной во славу божию физики» лейпцигского издания 1633 г., с примечаниями на латинском языке, время и место составления которых неясны¹.

В основу трех других сборников легло одно произведение Яна Амоса, что свидетельствует о его особой популярности. Это «Мир чувственных вещей в картинках» (*Orbis sensualium pictus*). Действительно, это учебное пособие было одним из популярнейших в Европе XVII в. Оно много раз переиздавалось для учеников разных стран. Принадлежащий Отделу редкой книги БАН сборник включает «Мир чувственных вещей» в издании 1667 г.², с упражнениями, возможно, русского ученика в латыни и немецком.

Два других экземпляра использовались в московской школе: оба они на вставных листах содержали русские упражнения, написанные почерком конца XVII в. В погибшей в пожаре 1812 г. библиотеке Ф. Г. Баузе хранился кодекс с пятиязычным изданием 1679 г.³ Экземпляр Научной библиотеки РГАДА (Типографское собрание, СТ 3877) восходит, по-видимому, к одному из учеников братьев Лихудов. Он включает нюрнбергское издание 1682 г., а рус-

¹ БАН. ОРК. № 2029.

² *Vratislaviae*, 1667. На латинском, французском, немецком и польском языках.

³ Каталог славянорусским рукописям профессора Баузе. М., 1862; *Шляпкин И.А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. С. 88; *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 306; и др.

ские записи содержат дату «1695 г.» За то, что Лихуды после смерти патриарха Иоакима (1690) начали преподавать латынь в московских «елленославянских схолах», они были в августе 1694 г. переведены на Печатный двор, где частным образом учили желающих, как они выражались, «итальянскому языку»¹. Эта находка была оправдана: с 1697 г. указом Петра чинам Двора велено было отдавать детей учить итальянский, а Лихуды получили казенное содержание и приличный статус среди духовенства². Так что в 1695 г. мы можем говорить о чьих-то индивидуальных занятиях с Лихудами латынью по Коменскому.

Бесценные сведения о русской «комениане» XVII в. дало изучение творчества Кариона Истомина. Как известно, он был связан с первыми московскими гимназиями: учился в греческой и преподавал в латинской (в XVIII в. он также учил детей и в первой новгородской гимназии), работал книжным справщиком и в течение нескольких лет возглавлял Государев печатный двор. Уникальный авторский архив Истомина содержит десятки поэм, неисчислимое множество больших и малых стихотворений, написанных придворным поэтом для царевны Софьи, Петра I и других представителей царского дома, по приказам высших государственных деятелей, дворян и горожан. Творчество одного из наиболее продуктивных русских писателей XVII в. охватывало весь жанровый спектр поэтики и риторики: он писал прозаические и стихотворные жития святых, проповеди и панегирики, праздничные орации и обличения, приветствия и эпитафии, эпиграммы и т.п.

Перу Истомина принадлежал целый ряд учебных сочинений. В составившей целую библиотеку специальной литературе обычно говорится о лицевых букварях, созда-

¹ РГАДА. Ф. 52. Греческие дела. Св. 7202/1694 г. № 37. Подробно: *Богданов А.П.* Московская публицистика. С. 323–329.

² *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 295–331.

вавшихся Карионом в 1692–1696 гг. не только для членов царской семьи и крупнейших придворных родов, но для широкого распространения: автор добился трех изданий этих замечательных памятников русской педагогической мысли¹. Следует, однако, отметить, что признаваемая буквально всеми близость букварей Истомина к «Миру чувственных вещей» Коменского не так уж очевидна.

В России, как и в других странах Европы, иллюстрирование учебных пособий (например, букварей, арифметики, некоторых азбуковников) было распространено и ранее. Для облегчения усвоения и запоминания в русских пособиях широко применялась как использованная Коменским вопросо-ответная форма изложения, так и стихотворные тексты: здесь Истомин далеко не оригинален на Руси².

Сочинение Коменского основано на логическом принципе расположения материала. Автор тщательно выстроил определенную систему понятий, усвоение которой учеником было не менее важно, чем изучение соответствующих латинских слов и выражений. В русских пособиях второй половины XVII в. подобная последовательность текстов применялась в отдельных учебниках по конкретным дисциплинам (грамматике, риторике, поэтике и т. п.). Но более распространенным был еще алфавитный, азбучный принцип передачи материала. Как правило он состоял в том, что разделенные по буквам алфавита прозаические или стихотворные «главизны» начинались с соответствующей буквы.

¹ *Брайловский С. Н.* Один из «пестрых»... С. 283–297; и мн. др. (библиографию см.: *Днепров Э. Д.* Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России. М., 1979. С. 36–40).

² Лучший доселе обзор русской учебной литературы XVII в. дан в коллективной монографии, собранной *О. Е. Кошелевой* (без указания составителя): *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в.* М., 1989. Гл. III–IV. С. 165–264.

Даже в лучших пособиях этого типа содержание разделов (поучения или правила разных школьных наук) не соответствовало присвоенной им литературе¹.

Истомин пошел значительно дальше, но не по стопам Коменского. Для букварей Кариона характерен продуманный синтез традиционных средств отечественной педагогической литературы, направленных на облегчение учащимся усвоения материала. В отличие от Коменского, Истомин избрал одну, а не две цели – обучение учеников буквам алфавита и сложению из них слов; систему понятий, как в «Мире чувственный вещей», эти слова не образуют. Под изображением каждой буквы помещено несколько картинок – предметов или сцен – с подписанием соответствующих слов на эту букву (Б; барабан, битва и т. п.). Слова повторяются в следующих далее стихах, заставляющих запомнить и их, и соответствующие буквы.

Истомин понимал новизну своего труда. «Приношу перво первую книжицу», писал он, «зовомую букварь языка нашего словенскаго, юже счиних ново ради удобства и охоты учиться хотящим писати писмена и слоги, с вещественными видообразовании и со нравоучительными стихами». В заглавии сочинения Карион четко обозначил суть своих методов наглядного обучения: «Ныне начертах букварь славенских писмян, предложих вещественных видов образы, коим словом кая вещь начинается глаголати. Под всяким писменем, ради любезнаго созерцания, и названия видов удобнаго в складе, да что видит – сие и назовет слогом писмене достолепнаго начертания тех»².

¹ Мордовцев Д.Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862; Медынский Е.Н. Азбуковники XVII в. как памятники русской педагогики. // Научная сессия 1–4 июля 1946 г. Тезисы докладов. М.;Л., 1946. С. 19–23; Довгалло Г. Азбуковник XVII века. // Искусство книги. Вып. 1. М., 1960. С. 80–82.

² Брайловский С.Н. Указ. соч. С. 292–294.

Синтез текстовых и изобразительных образов с целью действительно наглядного обучения, несмотря на все формальные различия, сближает сочинения Коменского и Истомина. Но был ли первый идейным вдохновителем второго, или мы можем говорить лишь о параллельном развитии педагогической мысли разных стран? Как отметил С.Н. Брайловский, «стремление к наглядности, стремление облегчить детям усвоение трудной и суровой в XVII в. науки» было присуще и другим сочинениям Кариона¹, не находящим прямых аналогий среди трудов Яна Амоса.

Ярким примером является так называемая «Малая грамматика», знакомившая царевича Алексея Петровича с основами науки, которая считалась «руководительницею до всех мудростей». Брайловский показал, что в сравнении с другими грамматиками славянского языка Карион, во-первых, очистил основной материал от множества затруднявших понимание частностей; во-вторых, «стремясь к ясности и доступности, он всюду за правилом предлагает примеры, что не всегда находим в школьных грамматиках того времени»; наконец, «если он не отрешился окончательно от обычая... употреблять иностранные грамматические термины, то у него заметно старание вслед за иностранным словом дать русское его объяснение»².

К этому следует добавить особую заботу Истомина о наглядности *расположения* материала, опирающуюся на большой опыт придворного автора «подносных» похвальных сочинений. Наиболее важные тексты «Малой грамматики» расположены «лесенкой», а ключевые слова дополнительно выделены **киноварью** (у нас полужирным шрифтом), например:

Греческим речением
орфография

¹ Брайловский С.Н. Указ. соч. С. 316.

² Там же. С. 312.

По славянски же толкуется:

началописание...

Орфография же учит

трия знати:

1 естество писмен;

2 ударение гласа;

3 препинание словес.

Перво начнем толковати

О естестве писмен.

Яко же вопрошает

Что есть естество писмен?

Естество писмен есть

буквица или азбука,

Яко: **а, б, в, г** и прочая:

Азбучная же слова

по славянски нарицаются

Писмена¹.

Таким образом, мы имеем дело с опиравшимися на русскую традицию поисками педагогических средств для более успешного усвоения знаний всеми, как писал Карион, «имущими учиться отроками и отроковицами, мужеми и женами». Очевидно, что на основании приведенного в литературе материала ещё нельзя говорить о том, что «идеи прогрессивной зарубежной педагогики, в частности идеи Яна Амоса Коменского, оказали большое влияние на педагогическую мысль и школьную практику в Московском государстве»². Тем не менее в нашем распоряжении *есть* материал, исследование которого показывает, что идеи Коменского уже в конце XVII в. нашли в России своего сторонника и продолжателя. Им стал, как можно было предположить, Карион Истомин.

¹ РНБ. Эрмитажное собр. № 89. 2°. Л. 3 и сл.

² Константинов Н.А. Ян Амос Коменский. Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 50. С. 555.

«РАЗДРОБЛЕННОСТЬ» КУЛЬТУРЫ ТРУДАМИ ИСТОРИКОВ И ФИЛОЛОГОВ

Рукописи, содержащие действительно сопоставимый с «Миром чувственных вещей в картинках» Я.А. Коменского Поэтический триптих Кариона Истомина¹, были хорошо известны, а сам памятник – нет. Это загадочное на первый взгляд явление теряет свою уникальность, а вместе с ним и таинственность, в контексте общей раздробленности историко-филологического знания о России «переходного периода». Начну с общих черт этой раздробленности, переходя к ее практическим результатам.

Педагоги, как мы видели, не сомневаются, что изучаемая ими научная и практическая мысль в Европе XVII – начала XVIII вв. имела исторически обусловленный интернациональный характер. Собственно, это касается всего ученого мира эпохи Научной революции², не знавшего границ и социально замкнутого, говорившего и писавшего на латыни и потому еще не вхожего в салоны и будуары (что знаменовало наступление «Века Просвещения»). Существованию этого мира не мешали смещавшиеся государственные и не устоявшиеся национальные рамки. Европейским исследователям оказалось невозможным заключить в них эстетические влияния, литературные и иные стили и даже многие произведения, становившиеся культурным достоянием обширных регионов и Европы в целом.

На игнорировании этих особенностей формирующейся общеевропейской культуры отечественными учеными была построена концепция «заимствования» как осново-

¹ *Богданов А.П.* Памятник русской педагогики XVII века (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1989. С. 96–144.

² Подробно: *Кирсанов В.С.* Научная революция XVII века.

го источника культурной динамики в России XVII – начала XVIII вв. Возникшая в условиях разрыва «двух культур» (верхов и остального народа со второй четверти XVIII в.), эта концепция не выдерживает ни конкретно-исторического, ни методологического рассмотрения. Но она все еще здравствует и процветает благодаря сохранению своей гносеологической основы.

Рассмотрим ее изложение в монографии нашего уважаемого коллеги, обладающего глубокими знаниями и патриотизмом¹. Автор утверждает, что «деятельность ряда придворных поэтов, учителей, мыслителей, насаждавших новые идеи, пропагандировавших книгу и знание, учение и образование среди правящей верхушки общества того времени» развернулась в России потому, что «двор и придворные круги в силу своего положения в государстве оказались восприимчивой средой к **явлениям западноевропейской культуры**» (выделено мной.– А.Б.).

Слова о заимствовании «явлений» и исключение из культурного взаимодействия большей части Европы (Восточной, Южной и Центральной, части Северной) не являются оговоркой. Хотя на бытовом уровне принято говорить «на Западе» (как в Италии и Испании – «в Европе», в Англии – «на континенте»), отечественные историки культуры *на деле* имеют обыкновение «не замечать», скажем, старейший к востоку от Рейна Карлов университет в Праге, обращая взоры действительно на запад континента. Автор точно выразил принцип раздробления объекта (общеевропейской культуры), элементом которого в противном случае пришлось бы рассматривать и Россию.

Вторым условием существования концепции «заимствования» является отсутствие целостного восприятия рус-

¹ *Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 157, 158, 200, 201.

ской культуры в ее историческом развитии. Выделить «необыкновенную чуткость и восприимчивость к всевозможным влияниям их чужих стран» в качестве основной черты «придворной» культуры второй половины XVII в. можно лишь при одном условии. Если допустить, что лишь с этого времени международные связи «начали» активно воздействовать на развитие России, что лишь тогда воспринимались «мысли, взгляды, высказывания... из произведений зарубежной литературы, становившиеся в то время доступными русскому читателю». Словом, требуется отсечь историю русской культуры от ее «особого», а на деле исторически сложившегося, состояния в некий период.

С какого момента ни начинай «культурный отсчет» для России, последующие события будут все более вытекать из внутренних потребностей развивающейся культурной системы, взаимодействия ее собственных элементов. Через некоторое время все равно придется изучать функционирование национальной культуры, ее собственные, а не заимствованные «явления». «Выходом» из этого затруднения издавна служит «персонификация культуры», дробление целого на изолированное (но не от иноземного влияния) творчество отдельных личностей, что в итоге позволяет исключить целое.

Вот пример такого итога, относящегося к интересующей нас области: «Многие придворные общественно-политические деятели второй половины XVII в. (среди них назван и Карион Истомин.— *А.Б.*) ощущали себя проповедниками культуры в темной, непросвещенной стране, своеобразными апостолами знания, науки (так ощущали себя ученые в любой стране.— *А.Б.*); С. Полоцкий так писал об этом» — в следующем далее стихе говорится, что «естество» равняет человека со скотом, а «философия» уподобляет ангелу. — Мысль настолько общая для схоластической педагогики Европы, что ее «русификация» свидетельство-

вала бы об ошибке автора, если бы его логика не была столь стройна.

В самом деле: культурная преэминентность отрицается не только в прошлом и настоящем России второй половины XVII в., но и в будущем. Ведь читатель мог бы предположить, что отдельные «апостолы знания» «в темной, непросвещенной стране» могли содействовать становлению собственной культуры формирующейся нации. Во избежание подобных толкований значение трудов русских литераторов и просветителей сводится к «созданию предпосылок для позднейшей “европеизации” России, перестройки ее жизни и быта “по образу и подобию” Европы».

Помимо классического изложения концепции, монография Л.Н. Пушкарёва отражает характер ее практического приложения с использованием крайне узкого круга случайно взятых источников¹. В большинстве исследований «персонафикация культуры» порождена не столько общей концепцией, сколько недостатком эрудиции и методической слабостью. Сосредоточившись на анализе узкой проблемы, специалист редко может наблюдать явления более широкого порядка, тем более, что значительная часть материала для необходимых сопоставлений труднодоступна (если вообще введена в научный оборот).

Это касается главным образом восточнославянских и отчасти центрально-европейских источников Нового времени, поэтому не следует удивляться преобладанию хронологически и регионально удаленных сравнений. Но и они не могут обычно компенсировать сравнительной скудости познаний исследователя в областях приложения умственных усилий крупных мыслителей прошлого, произведения которых представляют наибольший интерес для

¹ *Богданов А.П., Чистякова Е.В.* Некоторые проблемы изучения истории общественно-политической мысли в России второй половины XVII века // *ВИ.* 1988. № 4. С. 47–56.

истории русской культуры. Фактически это способствует восприятию представителей глубокой культурной традиции как уникальных носителей культуры. Точнее говоря, способствовало бы, проникни исследователь во внутренний мир мыслителя.

Но концепция этого и не требует: фрагментируя культуру, она позволяет своим адептам цитировать *отдельное* произведение *отдельного* автора, произвольно соотнося высказывание с неким якобы известным общим процессом. Метод воистину золотой для его адептов, которым нет нужды выяснять основы размышлений старинного автора и тем паче их следствия. К тому же горы их работ не могут повредить излюбленным «общим местам» в силу своей принципиальной фрагментарности, а значит – несопоставимости. Последствия плачевны: после столетия упорных исследований мы понимаем культурный процесс «переходного времени» от «старой Руси» к «новой России» не лучше, чем в конце XIX – начале XX в. (сама формулировка об этом свидетельствует).

Ситуация, когда произведения русской литературы Нового времени прочтены, но не поняты, традиционно осложняется раздробленностью самого источника авторского сообщения. Казалось бы, очевидно, что замысел автора наиболее полно и отчетливо выражается в созданных им комплексах (сериях, подборках) произведений, в законченном сочинении, отражающем определенную систему идей и эстетических приоритетов, что вне авторского замысла уловить и тем более истолковать мысль затруднительно.

Но поскольку фрагментарная концепция такой цели и не ставит, специальная литература не балует нас примерами целостного анализа не только комплексов произведений, но и отдельных памятников. Источником изучения мысли авторов второй половины XVII – начала XVIII вв. обычно являются высказывания, понимаемые как цитаты,

литературная форма представляется в отдельных указанных «чертах» (как будто автору известно целое), наблюдения над взаимосвязью формы и содержания редки.

Наконец, само познание авторского замысла требует изучения комплекса содержательных и формальных признаков. Для классической филологии и источниковедения аксиоматично, что значение каждого из признаков определяется его местом в системе. В практике исследования памятников русской культуры XVII и XVIII вв. мы обычно сталкиваемся с использованием отдельно взятых признаков не установленного значения. Следует еще раз подчеркнуть, что первоисточником всех перечисленных заблуждений является пренебрежение целостным (системным) подходом к объекту изучения.

Поэтический триптих Кариона Истомина корректно демонстрирует нецелесообразность такого пренебрежения в историко-культурном исследовании (если целью является познание). Все материалы, необходимые для реконструкции, изучения и оценки этого выдающегося памятника были известны и достаточно доступны. В то же время сам памятник культуры фактически пребывал для нас «во тьме исчезновения». Такую судьбу Триптиху уготовили его филологические злоключения, начатые первым основательным исследователем рукописей Истомина С.Н. Брайловским и продолженные в XX столетии.

ОТКРЫТИЯ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Более столетия назад известный филолог С.Н. Брайловский, изучая авторские рукописи Кариона Истомина в Чудовском собрании (ГИМ), наткнулся на запись о книгах, которые были «написаны и поднесены» поэтом членам царской семьи в начале 1690-х гг. Одно из сообщений записи заслуживало особого внимания (пунктуация моя):

Книга Едем си есть сладость;
Книга Екклесиа си есть церковь;
Книга Град царства небесного
и школ изображение, колико их есть;
сочинены вновь с лицами и лица
описаны в них стихотворными мерами¹.

Речь шла об иллюминированных картинками стихотворных книгах, которые Истомина счел нужным объединить по крайней мере по времени написания и форме. Однако ученый, обратившийся к изучению названных Карионом сочинений, не нашел оснований для такого соединения.

Выявив черновой автограф «Едема» в одном из сборников авторского архива Истомина, Брайловский охарактеризовал текст как учебное сочинение, дающее детям начальное представление о религии. По его мнению, «Едем» знакомил читателя с характером комнатной стенописи XVII столетия и его «можно причислить к очень многочисленным сочинениям Кариона, носящим название “надписей” на иконах и на разных предметах религиозного почитания» (см. Главу 2). В книге Брайловского были приведены выдержки из «Едема», которыми и ограничивалось знакомство исследователей с этим сочинением.

Ученый не установил основного текста «Екклесии», но изучил предисловие к ней по черновому автографу и опубликовал его фрагмент. По этому предисловию он заключил о сходстве характера и функций «Екклесии» и «Едема»: обе книги были предназначены для обучения юного царевича Алексея Петровича, в обеих речь шла об «иконах», как о том сообщают предисловия и говорят пометы в черновике «Екклесии». Это отличало «Едем» и «Екклесию» от «Града», к которому Брайловский целиком отнес указание Истомина на сочетание стихотворного текста с миниатюрами

¹ ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 325, автограф. Публ.: *Брайловский С.Н.* Указ. соч. С. 423.

и который учёный отказался сопоставлять с двумя первыми книгами¹.

Разъединение «Едема» и «Екклесии» с одной стороны и «Града» – с другой, стало камнем преткновения в изучении поэтического Триптиха Кариона Истомина. Оно не было аргументировано Брайловским, но мотивы его решения поддаются изучению, демонстрируя слабость довольно обширных, но не систематизированных исторических знаний, опасность произвольных ассоциаций.

Легко догадаться о причинах, побудивших Брайловского соотнести упомянутые в «Едеме» и «Екклесии» иконы с сюжетами комнатной стенописи, а не собственно православными иконами, на которые Карион действительно (и вполне традиционно) написал ряд стихотворений.

Для ученого конца XIX – начала XX в. было до банальности очевидным, что православная иконография не знала отдельного изображения небесных «чинов», которым в «Едеме» посвящены отдельные строфы, что сюжет «Богородица – покровительницы школ» был свойствен не русской иконописи, а польской и украинской аллегорической гравюре, наконец, что изображений Христа с Богородицей в саду или Марии, Елизаветы и Христа Иоанном Предтечей в саду не было в православной иконографии, и посвященные им строфы ясно указывают на католическую гравюру как источник миниатюр «Едема».

Близким примером в творчестве Кариона, следовавшего по стопам Мардария Хоникова, Симеона Полоцкого и иных отечественных стихотворцев XVII в., была серия стихов на библейские сюжеты гравюр (46 строф, охватывающих сюжеты от погребения Авраама до пришествия Христа к рыбакам, Бытия 25, 9–10 – Иоанна 21, 9), сохранившаяся среди бумаг его архива в Чудовском собрании ГИМ (№ 302. Л. 108–109А об.).

¹ Брайловский С.Н. Указ. соч. С. 273–277, 312–316, 419–425, 464, 465.

В еще большей мере это относилось к «Екклесии», в которой Карион, по словам Брайловского, «объясняет значение Церкви для христиан». Как доказывает Беловик, ее содержание составляли те самые строфы о церковных таинствах и обрядах, которые были отнесены ученым к третьей части «Града». Соотнести соответствующие миниатюры с иконописной традицией весьма затруднительно. Однако для иллюстрации этих сюжетов гравюрами или красочными картинками в XVII в. препятствий не было.

Уже известные Брайловскому тексты должны были подвести его к предположению, что «иконами» Истомин именовал сюжеты религиозного содержания вообще, а не только традиционные православные иконы. Присмотревшись к стихам Кариона в авторском архиве (даже не трогая Беловиков), ученый мог бы заметить, что сочинения придворного поэта в жанре «надписаний» распространялись как на предметы (иконы, резные «дщницы», печати, «питейные сосуды» и прочее), так и на картинки (например, красочные «подносные листы»).

Но известная культурная традиция, связывающая понятие «икона» с чем-то более предметным и монументальным, нежели книжная картинка, создавала в сознании исследователя порог восприятия, который он не смог перешагнуть. Игнорируя книжные «лица» (миниатюры и гравюры), он в поисках «предмета» для «надписаний» «Едема» и «Екклесии» обратился к монументальной живописи.

Суждение ученого было ошибочным, но отнюдь не безосновательным. Высокая эстетика интерьера в России конца XVII в. подразумевала смысл, содержание, раскрытое изобразительными и литературными средствами. Оформление интерьера все чаще требовало содружества художника и литератора. И придворный поэт Истомин плодотворно работал в этой области. В то же время проектирование интерьера не являлось во времена Истомина каким-то осо-

бым родом деятельности литератора. Оно было одним из применений «Эмблематической поэзии» – искусства составления аллегорических изображений (включавших текст и сопровождавшихся текстом), входившего неотъемлемой частью в курс схоластической поэтики. В России она находила применение в миниатюре и гравюре (в том числе политической), служила важным элементом авторских печатных и рукописных книг, особенно в жанре панегириков, которые считалось уже неприличным подносить без глубокомысленной и яркой миниатюры, отражающей основное содержание, символический смысл текста¹. Как придворный поэт, Карион обязан был выступать знатоком и ценителем «Эмблематической поэзии».

Мне до сих пор кажется странным, с каким упорством филологи не читают учебных пособий хотя бы по поэтике и риторике, служивших руководством для изучаемых авторов и хорошо известных историкам педагогики. С таким же успехом от коллег можно требовать приобрести собственный опыт в написании и оформлении литературного произведения, прежде чем судить о чужих сочинениях.

Учитывая, что «надписи» на предметах и картинках, и проекты «комнатной стенописи XVII столетия» были частными проявлениями общих эстетических канонов, ученый XIX в. должен был внимательнее отнестись к заключению о литературной и изобразительной форме «Едема» и «Екклесии». Но ассоциативная связь понятия «икона» с представлением о монументальности оказалась столь сильна, что Брайловский писал об отношении стихов этих книг к стенописи *не взирая на мнение самого Истомина*.

¹ Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей за 1981 г. М., 1982. С. 225–246; *он же*. Царевна Софья в современных поэтических образах // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 305–325.

В предисловии к «Едему» Карион пояснял малолетнему царевичу Алексею Петровичу, что предлагаемая книжица воздействует вкупе на чувства и разум: «В ней же зря иконы твоим царственныма очима телесными, духовне стихословием улаждайся». Усвоит содержание книги «смотрящий ю, и чтущий, и вразумляющийся стихописанми», – говорит автор, и далее: «созерцавающе сию книгу Едем», а не просто «чтуще». Посмотреть и прочесть, понять и усвоить («вразумиться»), – таков предложенный Истоминим принцип обучения, ориентированный, как поэт отмечает в предисловии к «Екклесии», именно на ребенка: «Тем сию книгу Екклесию, си есть церковь, тебе великому государю... в созерцание ради юности твои лет... приношу».

Об отношении стихов к помещенным в самой книге картинкам дают представление авторские ремарки в черновике «Едема». «Описание икон, каковы суть в книге Едем наз(наменованны)», – отметил Карион в начале стихотворного текста. «Сия строки две – едина сверху, вторая снизу около каждой иконы», – указал он относительно номинативных двустий, называющих образ, духовный смысл которых раскрывается в строфе из 5 толкующих содержание темы двустий.

Как видим, и не располагая беловиками стихотворных книг, Брайловский имел возможность установить, что в готовом виде «Едем» и «Екклесия» представляли собой иллюминированные книги, аналогичные «Граду». Заблуждение ученого стало следствием одностороннего подхода к литературным объектам, заменяющего целостную картину одним показателем не взвешенного значения. Та же причина не позволила видному филологу атрибутировать основной текст «Екклесии», который был ему хорошо знаком.

Черновик этого текста сохранился в авторском архиве Истомина рядом с черновиком основного текста «Града». В соответствии с известным Брайловскому предисловием,

строфы «Екклесии» были посвящены церковным таинствам. Это заметно отличало памятник от «Града», стихи которого знакомили с основными учебными дисциплинами, понятиями о времени и пространстве.

Но формально тексты были схожи. Они представляли собой ряд из одиннадцатисложных стихов, где номинативное двустипишие предшествовало толковому десятистишию. Расположение стихов в черновике «Едема» было иным: двустипишие следовало здесь *после* десятистишия (это наглядно представлено в завершающей Главу 3 публикации). И ученый сопоставил стихи «Екклесии» не с «Едемом» и обнаруженным им предисловием, а с «Градом», сочтя их просто продолжением текста «Града царства небеснаго».

Между тем, формальное различие в расположении стихов было не существенно: цитированная выше ремарка Истомина в «Едеме» указывает, что в беловике строки двустипишия должны были обрамлять сверху и снизу картинку, толкуемую пятистишием. Не показательное и случайное распределение в сборниках авторского архива палеографически тождественных отрывков трех стихотворных книг:

ГИМ. Чудовское собр. № 300

- л. 279–283 об. «Едем» основной текст, предисловие, 2-й черновой вариант заглавия;
- л. 323–323 об. «Екклесия» предисловие;
- л. 324 об. «Едем» 1-й черновой вариант заглавия, «Екклесия» заглавие;

ГИМ. Чудовское собр. № 302

- л. 17–20 об. «Град» основной текст;
- л. 21–23 об. «Екклесия» (не установленный Брайловским) основной текст;
- л. 26 об. «Град» заглавие.

Однако именно расположение черновиков оказало определяющее влияние на позицию Брайловского относитель-

льно взаимосвязи трех книг, упомянутых в записке Истомина. Учитывая случайность произведенного филологом разделения текстов, мы должны особенно высоко оценить в целом верное определение им «Града» как учебного пособия, сочетающего в себе изобразительные и стихотворные средства образования.

«Легко убедиться после знакомства с содержанием “Полиса” (так Брайловский неверно именовал «Град», – А.Б.), что наш писатель желал в этом сочинении дать читателю самые общие сведения о всех науках своего времени, причем стихи его служили как бы объяснением к лицевым изображениям». В действительности прямые указания на наличие картинок в стихах «Града» отсутствуют. Они есть только в предисловии к книге, Брайловскому не известном. Ученый экстраполировал на содержание «Града» указание записки Кариона о поднесении книг, кое были «сочинены вновь с лицами и лица описаны в них стихотворными мерами», оставив без внимания лишь употребленное автором множественное число.

Среди условий такой превосходной экстраполяции были важны знания о лицевой литературе XVII в., знакомство с материалами И.Е. Забелина и Д.А. Ровинского о «потешных листах» и «русских народных картинках»¹, с изданием лицевой Космографии (в ОЛДП) и т. д. Филолог указал на распространенность в России XVII в. «фряжских или потешных» печатных листов, которые (по мнению Забели-

¹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1872. Ч. I. С. 177–178; *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881 (многотомн.). См. также: *Снегирев И.М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861; *Крип'якевич Р.Я., Луцик Ф.Ф.* Народні гравюри XVII ст. // Українське мистецтвознавство. Київ. 1971; *Свенцицкая В.* Украинская народная гравюра XVII–XIX вв. // Народные гравюры и фольклор в России XVII–XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д.А. Ровинского). М., 1976; и др.

на) «были тем, что в наши дни называется популярными книгами» и «имели довольно широкое распространение среди людей, прилежавших книжному учению». Отсюда Брайловский заключил, что «книга “Полис” должна быть отнесена к разряду учебных книг, в роде Лицевой Космографии и лицевого глобуса небесного, описанных г. Ровинским... Разница та, что “Полис” обнимает все современные науки, представляя, так сказать, особаго рода научную энциклопедию... ясно, что автор желал в стихотворной форме, весьма любимой детьми и легко запоминаемой, сообщить царственному питомцу всевозможные научные сведения, которые он потом мог расширить по другим более специального рода источникам»¹.

К этому моменту у читателя, очевидно, назрел вопрос, стоит ли нам уделять столько внимания «делам давно минувших дней»? Монография видного филолога конца позапрошлого – начала прошлого века носила, как сказали бы сейчас, «обзорный характер». В условиях подъема историко-филологической науки, она знакомила ученый мир с широчайшими возможностями изучения творчества Карриона Истомина и должна была стать началом более глубоких исследований. Этого не произошло.

Ученые не устремились по стопам Брайловского. Вопреки расхожему мнению, историко-культурные исследования не «шагнули на значительно более высокий методологический и методический уровень». Как мы уже отмечали, в определенной области историко-культурных исследований сложилась парадоксальная ситуация. Для конкретного случая – изучения творчества крупного русского поэта XVII в. – парадокс заключается в том, что вводная монография Брайловского стала итоговой. Она и в количественном, и, что еще печальнее, в качественном отношении является *самой* современной.

¹ Брайловский С.Н. Указ. соч. С. 313–314, 316.

В ТЕНИ БРАЙЛОВСКОГО

Высоко оценив содержание «Града», Брайловский привел в монографии лишь отдельные его строфы (1–4, 7, 28), полагая, что историки литературы, педагогики, общественной мысли не смогут пройти мимо столь интересного памятника. Вряд ли ученый думал, что приведенные им достаточно произвольно фрагменты до 80-х гг. XX в. останутся единственными материалами для исследователей и переиздателей¹, а такие яркие книги, как «Едем» и «Екклесия», вообще не привлекут внимания.

Достаточно показательным является пример с наименованием «Града». Черновик показывает, что вначале Истомин назвал свое сочинение «Полис си есть Град Царства небеснаго», – и тут же, со свойственным ему вниманием к оттенкам смысла, понял, что Царство небесное – отнюдь не полис. Автор решительно вычеркнул первые три слова заглавия: «Полис си есть»². Брайловский произвольно восстановил эти слова и не заметил своей ошибки, поскольку не был знаком с авторским беловиком предисловия книги Кариона в рукописи Уваровского собрания № 73 (ныне в ГИМ), описанной в конце XIX в. архимандритом Леонидом (Л.А. Кавелиным)³.

В предисловии (расположенном рядом с беловиками «Едема» и «Екклесии») Истомин подробно разъяснял маленькому царевичу Алексею Петровичу, чего «ради книга сия наречется Град царства небеснаго». Автор много гово-

¹ См.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985. С. 277–280 (сочинение ошибочно датировано 1694 г. и помещено в «библиотеку при Чудовском монастыре»); и др.

² ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 26 об.

³ *Архимандрит Леонид*. Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А.С. Уварова. М., 1894. Ч. IV. № 2098. С. 499–501.

рил о «Граде» и, в соответствии со своей волей, выраженной еще в черновике, не употреблял слова «полис». Беглый взгляд на рукописи позволил бы исследователям исправить ошибку Брайловского, однако... в научной литературе сочинение Кариона доселе зовется «Полисом».

В статье «Карион Истомин», написанной для фундаментального «Словаря книжников и книжности Древней Руси», современный нам исследователь творчества поэта утверждает, что «Книга К(ариона) “Полис си есть град царства небеснаго имущий учение, моление и премудрость” представляет собой свод научных знаний (светских и духовных) конца XVII в. В ее стихах дается характеристика 12 наук, излагается космография, описываются страны и части света, времена года, церковные таинства»¹.

Приведенное резюме емко выражает две характерные ошибки. Первая является следствием снижения среднего уровня исторических знаний, уже не позволяющих оцени-

¹ Сазонова Л.И. Карион Истомин // ТОДРЛ. Т. XXXIX. Л., 1985. С. 49. Об «Едеме» и «Екклесии» см. там же. С. 50–51. После моего немалого возмущения и издания текста «Града» (1989) автор внес в переиздание статьи поправку: «Сочинение К. “Град царства небеснаго имущий учение, моление и премудрость...” (25 марта 1694 г.) известно в научной традиции под названием “Полис” (первоначально в рукописи “Полис си есть град ...”)... В стихах его дается характеристика 12 наук, излагается космография, описываются страны и части света, времена года». – // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. И–О. СПб., 1993. С. 146–147. Сама Сазонова упорно именует памятник «Полисом» (С.143, 145), на исследование и даже полное издание текста не ссылается, «Едем» и «Екклесию» с «Градом» не связывает и настаивает, что «в историю русского просвещения К. вошел» исключительно «как автор букварей и учебно-педагогических сочинений “Полис” (1694 г.) и “Домострой” (1696 г.)» (С. 145). Иными словами, ни авторская воля Истомина, ни правила науки современного филолога не стесняют.

вать культурные явления за пределами узкой специализации. Утверждая, «что “Полис” обнимает все современные науки, представляя, так сказать, особаго рода научную энциклопедию», Брайловский был лишь не вполне точен, поскольку умолчал о наличии в XVII в. научных знаний за пределами схоластики. Принять за «свод научных знаний» минимальные сведения, предназначенные для 4-летнего ребенка, ученый рубежа XIX–XX вв. не мог. В ту пору, когда россияне радовались бурному развитию наук, нельзя было даже представить, что в светлом будущем, через сто лет, утверждение, что Истомин старался сообщить ребенку «всевозможные научные сведения», которые царевич «потом мог расширить», будет понято как *все возможные* сведения: «свод научных знаний (светских и духовных)».

Другая ошибка современного исследователя на первый взгляд труднообъяснима. За исключением единственной строфы о теологии среди прочих «свободных мудростей», «Град» не сообщает читателю «духовных» знаний и ничего не говорит о «церковных таинствах». Они освещаются в «Екклесии», черновик которой был ошибочно слит Брайловским с черновиком «Града». Можно допустить, что новейший автор повторил эту ошибку, хотя каждый из черновиков завершается «Благодарением» и подписью Кариона. Но на следующей странице «Екклесия» рассматривается (по беловику в Уваровском списке) как самостоятельное, ни в коей мере не связанное с «Градом» произведение. Не заметить тождества 22 строф (274 стихотворных строк, включая «Благодарение») можно лишь при полном равнодушии к мысли Истомина, равнодушии, которое и является корнем большинства рассмотренных заблуждений.

Отсутствие интереса к замыслам самого поэта пронизывает современное исследование его творчества. Мы читаем, что «книги стихов К(ариона) “Едем си есть сладость, прохлаждающая и вразумляющая человека зрением ду-

ховным”, “Рай умный”, “Екклесия си есть церковь в небесно житие собирающая”... (опускаю ссылки на рукописи.– А.Б.) – религиозно-дидактические поэмы. В них обрабатываются евангельские мотивы с добавлением апокрифических элементов, утверждается необходимость соблюдать заповеди»¹. Все это не имеет почти никакого отношения к названным произведениям.

Элемент дидактики (поучения), вообще присущей поэтике барокко, отразился в названных книгах примерно в той степени, что и в большинстве поэм Кариона. «Едем» и «Екклесия» выделяются из этого большинства не поучительностью², а познавательностью. По содержанию это учебные книги. Обратившись к публикуемым текстам, легко убедиться, что «Едем» давал читателю развернутое изложение символа веры, а «Екклесия» знакомила с церков-

¹ В новой редакции статьи (1993) не вполне избежавший благотворного влияния критики автор уточняет, что поэмы «дидактическо-просветительные». При этом «Эдем» «представляет собой стихотворный парафраз библейской истории от сотворения мира и Адама и Евы. Основное содержание поэмы составляет описание жизни Христа, расцвеченное несколькими апокрифическими мотивами. В поэме “Екклесия” ... излагаются церковные таинства». «Рай умный» из данного контекста исключен (С.147), но оставлен вместе с «Едемом» и «Екклесией» при ложных утверждениях, что он также был предназначен «для юного царевича» (С. 143) и аналогичен им по «конструкции эмблемы» (С.149). – С одной стороны приятно, что моя так и не изданная в «Памятниках культуры. Новых открытиях» работа была прочитана, с другой – печально, что даже прямые указания на ошибки не помогли Л.И. Сазоновой внимательно их исправить.

² Преимущественно дидактическую нагрузку несли такие сочинения, как «Книга Вразумление» и подобные, некоторые праздничные орации и, конечно, проповеди, черновики которых хорошо представлены в авторском архиве, беловики – в сборнике «Веселеил» (ГИМ. Чудовское собр. Л. 1–147 об., черновик; РГБ. Ф. 299. № 634, беловик).

ными таинствами и чинопоследованием (обрядами). Найти «евангельские мотивы» в символе веры можно, но способ отыскать их в «Екклесии» мне неизвестен. Нужно ли говорить, что в предназначенных для царевича книжках обращение к апокрифам было исключено? Не характеризуются названные современным автором произведения и «утверждением необходимости соблюдать заповеди».

Книга «Рай умный» имела иного адресата – царя Петра I, иное содержание и иную литературную форму. Написанная, по словам Кариона, для царской «душеспасительной забавы», она открывалась предисловием-панегириком Петру со всем его родом и царевичем Алексеем в частности. Далее следовали: «Святаго Алексия человека божия личное (иллюстрированное.– А.Б.) действие изображенное, со словом жития его... К сему при изображении Рая в сей книзе о прекрасном Рае святаго Василия Великаго беседу изрядну приложих. Последи убо слово о дивном существе души человеческия обретенное, на наш словенский язык переведенное». Имеющийся в беловике текст состоит из 4-стишного заглавия и 4 обширных строф (всего 124 строки). Стихи о красоте Рая и житии Алексия органично включают призывы к святому молиться за царское семейство и благопожелания царю, царицам, царевнам, царевичу Алексею, патриарху Адриану и всему росску священному чину.

Сим вашу милость   присно поздравляю.
Наслаждатися   в Бозе всем желаю.

– Так заключает Истомин свое сочинение в соответствии с указанием, что оно приурочено к празднику святого.

Кратчайшее описание *реального содержания* показывает, что перед нами праздничный панегирик, каковых придворным поэтом писалось великое множество. Даже если отбросить стихотворные орации на Рождество, Пасху и большие Богородичные праздники, в которых автор исполь-

зовал красоты Рая вкупе с рассказами о земной жизни Иисуса Христа и Богоматери, а также применение сходных конструкций в стихах на браки и рождение детей в царской семье, и обратиться к панегирикам «от житий» святых, круг аналогий «Раю умному» останется достаточно широк.

Многие стихи с рассказами о житиях святых относятся к подлинным поэтическим вершинам. Среди них нельзя не назвать обращенные к монахиням Вознесенского монастыря «Стихи краткого изъявления» о св. Евдокии (Ефросинии) Суздальской (1690), поздравление «На день святого Николая» царям, патриарху, Евфимию Чудовскому и «всем господам» (1690), полные душевной теплоты «Стихи о святем Тихоне чудотворце епископе амафунском» и «Стихи о святей великомученице Екатерине» с поздравлениями боярину Тихону Никитичу Стрешневу и его супруге Екатерине Богдановне «с детми и мужем избранным» (1692).

Потрясающее искусство стихосложения проявилось в горьких словах Кариона о череде братоубийственных «войн и браней», поднимающих повествование об одном лишь чуде Богородицы в Новгороде, посвященное близким Истому людям, на подлинно философскую высоту (1694). О житии св. Ирины рассказывают дети своим родителям в полифоническом тексте панегирика Ирине Васильевне и Лукьяну Ивановичу (Голосовым. 1702). Жизнь св. Марфы дает слова для «всеобщего» поздравления царевны Марфы Алексеевны. Наконец, лиричное повествование о земном пути св. Евстафия Плакиды завершается изображением мученика, просящего Бога «даровать радость» людям¹.

Впрочем, установление жанровой принадлежности «Рая умного» не требовало от исследователя архивных поисков.

¹ Черновые автографы: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 139 об.; 78–78 об.; 164–164 об.; 99 об.–100; 147–149. Списки Феофана Чудовского и Исайи Толского (1697): ВСМЗ. В–5715. Л. 1–1 об.; 1 об.–2 об.

Похвалы супруге канцлера В.В. Голицына и царице Евдокии Федоровне Лопухиной от жития св. Евдокии и панегирик царице Натальи Кирилловне от жития св. Адриана и Натальи (1689) давно опубликованы¹, есть аналогичные сочинения и в самом Уваровском сборнике. В то же время сопоставление «Рая умного» с «Едемом» и «Екклесией» очевидно, противоречит их содержанию, форме и мнению самого Кариона Истомина, выраженном в расположении текстов белого Уваровского сборника.

Перед нами просто результат попытки «пристегнуть» памятники к неким общим темам, разобраться в которых от специалиста не требуется. Это гораздо легче, чем выяснять, что на самом деле хотел сказать автор, почему и в какой форме. Это легко, но смертельно скучно. Для таких «исследований» не нужны тексты источников, более того, они им противопоказаны. Интересно, что с 1902 г. новые тексты сочинений Истомина филологами почти не издавались.

Для адептов фрагментарности не менее опасны археографические описания, показывающие истинный состав авторских сочинений (его богатство не вяжется с рисуемой убогой картиной) и их соотношение *в глазах автора*. В этом легко убедиться, рассмотрев Уваровский сборник.

БЕЛОВОЙ АВТОРСКИЙ СБОРНИК

Ученым давно известно, что состав так называемых «сборников постоянного состава» и тем более авторских беловых сборников был далеко не случаен. Сборник Уваровского собрания ГИМ № 73 (2°, 150 л.) был написан рукою Кариона к середине 1690-х гг.² Истомин включил в него тексты подносных сочинений для членов царской се-

¹ Богданов А.П. Памятники. № 30, 31, 33.

² Наиболее позднее сочинение датируется 1694 г. (л. 99–103); полистное описание филиграней см.: Там же. С. 37–38.

мы (за исключением панегирика на л. 105–105 об.), составленных с конца правления царевны Софьи (1689) по конец правления царицы Наталии Кирилловны (1694). Он имеет простую двухчастную структуру.

Первую часть составляют учебные сочинения, написанные самим Истоминым и, в небольшом объеме, (л. 71–93 об.) переписанные им у других авторов. Сюда вошли:

1. л. 1–26 об. Букварь (1692), полный лицевой список¹ (опубликован)²;
2. л. 27–29 «Град» предисловие (публикуется ниже);³
3. л. 32–54 «Едем» полный текст (публикуется ниже);
4. л. 55–69 об. «Екклесия» полный текст (публикуется ниже);
5. л. 71–72 Школьные стихи «Подарок учащимся детям во младости»; «На сложение нравов»; «Во тринадцать слогин» (списки);

¹ Судя по внешним признакам, список был выполнен Карионом ранее других и помещен в сборник уже в готовом виде.

² *Тарабрин И.М.* Лицевой букварь Кариона Истомина. М., 1916 (с описанием подносных экз. ММК. КН–202. № 47307; ГИМ. Уваровское собр. № 92; черновика ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 1–16 и нашего беловика, текст которого, по заключению археографа, лег в основу печатного издания (М. 1694).

³ Далее в сборник включен прежде сложенный в 8°, затем исправленный до размера Уваровской рукописи (2°) лист 1° (л. 30–31), содержащий (л. 30 об.–31) заказные «Стихи» для некоей женщины: «1. О страсти Христа Господа; 2. О Воскресении Его; 3. Богородице, и о иконе ея Одигитреи; 4. Богородице, и о иконе ея Казанской (над строкой исправлено киноварью: *Владимирской*); 5. Богородице. О избавлении печали; 6. Богородице, от наведения клеветы; 7. Ангелу хранителю; 8. Господу Иисусу и о памяти усопших; 9. Богородице в молитву; 10. Святей мученице Татиане». Последний текст заставляет предполагать, что заказчицей этих произведений выступала видная строительница и меценатка царевна Татьяна Михайловна.

6. л. 72 об.–93 об. «Гражданство обычаев детских», список русского перевода «De civilitate morum puerilium» Эразма Роттердамского (публиковано)¹; Чистыми оставлены листы: 6 об., 9–9 об. (вставной новый), 29 об–30, 31 об., 32 об., 58, 70–70 об.

Складывая вторую часть сборника, Истомин некоторое время испытывал колебания с определением жанра сочинений. Он написал вначале (7) л. 95–98 об. предисловие (прозаическое приветство) к книге «Сладость богомысленная души в разглагольстве с Господом Богом», посвященное царевне Наталии Алексеевне². Затем взялся за текст (8) л. 99–103, Акафист деве Марии, с посвящением царевичу Алексею Петровичу, сочиненный в сентябре 1694 г. для обучения 5-летнего царевича церковному пению.

Наподобие «Едема», «Екклесии» и «Града», заглавие и текст предисловия к Акафисту объясняют значение предмета («Акафист, си есть неседальное пение» и т. д.) и форму книги, текст которой должен быть снабжен картинками – «иконами явления действия богочеловека Иисуса Христа», которые автор «стихотвори описанием» (стихотворное описание есть лишь на одну картинку). Замысел Карион внятно объяснил ребенку³: «Да в ползе твоей государской имаша то пение со иконами, к радостному зрению телесных очес, к сердечной же сладости умная души, мыслию непрестанно содержать». Далее, в отличие от книг Триптиха, автор впадает в безудержное восхваление царевича и столь «смирено» приносит себя под его «чистыя и красныя... стопы», что сочинение можно было отнести и к похвальным, в ряду которых его поместил Карион.

¹ *Алексеев М.П.* Указ. соч. С.255–330.

² Черновики книги: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 97 об.–99.

³ Но не современному исследователю, не усвоившему его даже после моего объяснения на современном языке (*Богданов А.П.* Карион Истомин и Ян Амос Коменский. С. 142–143).

Далее ряд панегириков однороден:

9. л. 105–107 об. «Стихи на изъявление Крымского похода вкратце», из книги-похвалы Богородице «Радуйся благодатная Господь с тобою», посвященной супруге канцлера В.В. Голицына Евдокии Ивановне, 1689 г. (опубликованы)¹;
10. л. 108–109 «Приветство стихотворное в краткости» царю Ивану Алексеевичу ко дню ангела новорожденной дочери его Феодосии 29 мая 1690 г.²;
11. л. 109 об.–110 об. «Стихословие в день обновления» к дню ангела Петра I 29 июня 1690 г.;
12. л. 110 об.–111 об. «Приветство желательное в перелетии» царевичу Алексею Петровичу 29 июля 1690 г.;
13. л. 111 об.–113 об. «Стихословие в краткости о жизни святого», посвященное Петру I в день ангела царевича Алексея Петровича 17 марта 1691 г.;
14. л. 113 об.–115 «Краткословие стиховное о святей великомученице Екатерине» с желанием здоровья многолетна царю Ивану Алексеевичу, супруге его Прасковии Федоровне и дочери Екатерине в годовщину ее рождения 24 ноября 1692 г.;
15. л. 115–117 об. «Приветство с поздравлением похвално» царевне Татьяне Михайловне на освящении трапезной церкви в Воскресенском (Новоиерусалимском) монастыре 13 декабря 1692 г.³;
16. (л. 117 об.–119) «Приветство стихотворно» царице Прасковии Федоровне «в день рождения ея» на память преподобной Параскевы, с образом Богородицы с Младенцем с предстоящими царем Ива-

¹ Богданов А.П. Памятники. № 28.

² Черновик: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 75 об.–76.

³ Беловик: ГИМ. Чудовское собр. № 301. Л. 226–229.

- ном и царицей Прасковьей, и стихами к нему 13 октября 1692 г.¹;
17. л. 119 об.–121 «Желательное приветствие» царице Евдокии Федоровне (Лопухиной, супруге Петра) в день ангела 4 августа;
18. л. 121–123 «Стихи в день пресветлый Воскресения» с приветствием царевне Наталии Алексеевне и всей царской семье (по матери Нарышкиным), 1692²;
19. л. 123–127 «Поздравление желательное» с Житием св. Адриана и Наталии царице Наталии Кирилловне (Нарышкиной) ко дню ангела (по случаю победы ее семейства в борьбе за власть), со стихами к образу, 26 августа 1689 г. (опубликовано)³;
20. л. 129–139 об. «Стихи на Воскресение Господа нашего Иисуса Христа», школьная орация из 22 строф⁴ с приветствиями патриарху Иоакиму, царям Ивану и Петру и царевне Софье Алексеевне;
21. л. 142–148 **«Рай умный**, в нем же край желаний всем богоугождающим всетворцу Богу», поздравительная (в подносном варианте – лицевая) книжица царю Петру I с семейством и всем священным чином ко дню св. Алексия человека божия, 17 марта 1693 г.⁵;
22. л. 149–151) «От великаго царя отца господаря» Петра I приветствие поучительное царевичу Алексею Петровичу «и иным не в скуку кто любит науку», около 1692 г.

¹ Черновик: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 162–162 об.

² Черновик: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 159–159 об.

³ *Богданов А.П.* Памятники. № 33.

⁴ С неравным количеством строк: 20, 18, 20, 24, 22, 66, 20, 24, 22, 20, 22, 22, 24, 24, 24, 22, 28, 26, 28, 26, 29 (так!), 24. Черновик: ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 109 Б–112 об.

⁵ Черновик предисловия: ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 475–477.

Л. 94–94 об., 104–104 об., 127 об.–128 об., 140–141 об., 148 об., 151 об. – чистые.

С кодикологической точки зрения сборник представляет собой конволют, составленный из беловых списков. Однако его содержание ясно показывает, что автор задавался целью составить именно тематический сборник¹.

В первую его часть Истомин включил учебные сочинения. Сборник открывается роскошным списком Лицевого букваря с посвящением царице Наталии Кирилловне (бабке царевича Алексея), датированным 1692 г. Затем следует предисловие к «Граду». Далее – написанные автором вместе списки книг «Едем, си есть сладость» и «Екклесия, си есть церковь»². Завершается первая часть подборкой традиционных школьных стихов и списком «Гражданства обычаев детских» (л. 72 об.–93 об.).

Во второй части сборника помещены подносные книги и орации панегирического содержания, посвященные Карионом членам царской семьи. Переход между частями осуществлен через дидактико-панегирические тексты «Сладости» и Акафиста деве Марии. Следует отметить, что конец второй части (№ 20–23) поэт написал после некоторых раздумий, на иной бумаге. Целостность сборника требовала не только (и не столько) плавного переливания жанровых границ в линейном расположении текстов (например, между № 6 и 9), сколько целостного *круга* мысли.

¹ Наподобие его же сборника «Веселеил»: РГБ. Ф. 299. № 634. 2°. 225 л. 1698 г. См.: *Богданов А.П.* Памятники. С. 18, 38 и др.

² Книги списаны одним почерком и чернилами, с одинаковыми киноварными буквами и расположением стихов (на развороте листов: слева по две подписи к миниатюрам, для которых оставлено место, справа по две стихотворные строфы). Текст начат на бумаге с филигранью «Семь провинций» с литерами *SJ* (л. 32–57), на которой написан текст «Едема» и начало «Екклесии», и продолжен на бумаге со знаком «Голова шута» IV типа с контрамаркой *IDM* (л. 58–69).

Поэтому Истомина завершил ряд поздравительных, приветственных текстов сочинениями, вновь обращавшими мысли читателя к школе: школьной орацией и произносившимся после нее приветствием Иоакиму, затрагивающим вопросы строения училищ¹, «Раем», предисловие которого желало царю Петру, чтоб его сын Алексей не только был здоров, но «и в премудром учении, яко сын царев и наследник вашего царствия пребывая, присное утешение... родителем да сотворит»; отцовским приветствием царевичу Алексею, в дидактическом содержании которого настойчиво звучит мотив познания – грамоты («писмен»), Бога и морали, церковного благочиния и манер поведения, «гражданской» науки. Так читатель, придя к концу сборника, обнимает мысленно его начало, отдавая должное целостности литературного замысла поэта.

Впервые приведенное в печати полное описание авторского сборника Кариона Истомина в собрании Уварова № 73 показывает, сколь большой интерес представляет он для специалистов самого разного профиля. Наличие описания имеет и методическое значение: оно является серьезным препятствием на пути произвольных ассоциаций исследователя.

Использование этого нехитрого, но действенного приема позволило бы современному филологу увидеть более близкие аналогии «Раю умному» (читатель может сделать это сам) и хотя бы не оставить без внимания поразительное сходство выстроенных в ряд «Града», «Едема» и «Екклесии». Мало того, археографические наблюдения могут многое прояснить в авторском замысле.

Мы уже говорили, что все три книги были иллюминированы, и беловики подтверждают этот вывод. В беловиках «Едема» и «Екклесии» материал расположен на разво-

¹ И в черновой, и в белой рукописи они писались последовательно, одна за другой.

роте страниц: слева¹ оставлено место для картинки, обрамленной сверху и снизу номинативным двустийшем (изображение, к сожалению, отсутствует), справа – стихотворная строфа с толкованием. От беловика «Града» сохранилось лишь предисловие; не увидев пустых мест для картинок, современный исследователь не отнес «Град» к числу иллюстрированных книг².

Мы должны, однако, вспомнить прозрение Брайловского, предполагавшего в «Граде» именно такое соотношение текста и миниатюр, какое предлагают беловики «Едема» и «Екклесии». Мысль ученого подтверждается беловым предисловием к «Граду». По словам Кариона, книга посвящена «схолным обучениям»: «Во известие же их **образы** стихописанми к ползе **зрения** предложиша сокращенне» (выделено мной.– А.Б.).

Итак, «Едем», «Екклесия» и «Град» были написаны в одной форме. Изучение бумаги и особенностей почерка подтверждают, что Истомин работал над книгами примерно в одно время. Две из них были датированы ноябрем («Едем») и декабрем («Екклесия») 1692 г. Примерно в конце 1692 – начале 1693 г. была завершена и работа над «Градом». Судя по предисловию «Едема», автор хотел поднести книжки царевичу, «в юности четверолетие уже достигающую бытностию», то есть немного загодя дня рождения Алексея Петровича 19 февраля 1693 г. Это вполне соответствует обычным срокам оформления подносных книг.

Как в практике придворного поэта, так и с точки зрения современных Кариону эстетических норм, вручение одному адресату тождественных по форме сочинений, да

¹ В соответствии с указанием в черновике «Едема».

² Сазонова Л.И. Указ. соч. С. 49; в ред. 1993 г. – с. 146–147. В последней сочинительница все же включила «Град» в список иллюминированных книг, но тождества его конструкции с «Едемом» и «Екклесией» узреть не смогла (С. 149).

еще близко по времени, было исключительным случаем. Столь серьезное отступление от традиций объяснимо в одном случае: если все три книги были элементами единого комплекса, составляли в глазах современников одно целое, представленное в трех частях – ипостасях. Вспомним, что именно так объединил «Едем», «Екклесию» и «Град» зам Карион в записи о книгах, которые «сочинены вновь с лицами и лица описаны в них стихотворными мерами»¹. Естественно, что и в Уваровском сборнике мы видим аналогичную группировку списков.

Но в беловом сборнике тексты помещены в ином порядке: предисловие «Града» предшествует здесь «Едему» и «Екклесии». Виной тому была случайность. В привычках Кариона было не спешить с переплетением своих рукописей, что позволяло при желании вынимать их и пользоваться текстами отдельных сочинений. Так было и с беловиками Триптиха.

Три одинаково написанные и оформленные рукописи не только имели одного адресата и были одна за другой ему вручены, но в беловом «макете», остававшемся у автора, образовали единую книжицу. В сборнике Уварова № 73 списки «Едема» и «Екклесии» выделяются не только бумагой и почерком, но и водяными пятнами, образовавшимися до того, как они были объединены с другими педагогическими сочинениями (по крайней мере, до вложения в сборник Букваря). Рукопись книги подмокла спереди (сверху); от начала к концу «Едема» большое пятно постепенно уменьшаются, а к концу «Екклесии» почти совсем исчезает, но не настолько, чтобы его нельзя было обнаружить на первых листах «Града».

¹ Упоминаемую в записях Истомина о его сочинениях выше «Книгу Вразумление» нельзя отнести к этой конкретной записи, поскольку она не была «сочинена вновь с лицами» (*Богданов А.П.* Памятники. С. 252–260).

По следам уже едва заметного пятна можно сделать ясный вывод, что список «Града» находился *в конце* кодекса, завершая серию иллюстрированных сочинений, пока от него не осталось одно предисловие, помещенное автором *перед* «Едемом» и «Екклесией»¹. Куда Истомина дел текст, Бог весть: известно, что он позволял широко пользоваться своей библиотекой читателям и давал переписывать рукописи любознательным книжникам². Книги и рукописи не всегда возвращали. Не выбрасывать же было из сборника предисловие к «Граду», которое неплохо смотрелось и как предисловие ко всему Триптиху?!

ТРИПТИХ «МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЫ»

Культурологическое значение поэтического Триптиха «Едема», «Екклесии» и «Града» несоизмеримо даже с самыми высокими оценками трех отдельных учебных книг со стихами и картинками, как общий смысл «Войны и мира» не соизмерим со значением отдельных его книг. Впрочем, даже взятые в отдельности части Триптиха не заняли сколько-нибудь заметного места в культурно-исторических исследованиях, будучи ограниченно известны лишь по отдельным, случайно извлеченным из них высказываниям русского стихотворца XVII столетия. Между тем, Триптих является ключом к проблеме участия России предпетровского времени в развитии европейской педагогической мысли в сфере начального образования³.

¹ Вместе со стихами на вставном л. 30–31.

² *Богданов А.П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1986 г. Л., 1987. С. 105–114; и др.

³ Споры вокруг повышенного образования, в которых принимал участие и Карион Истомин, рассмотрены: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. Гл. 4: Борьба за просвещение. С. 279–334.

За прошедшее столетие состояние этой проблемы мало изменилось. До сих пор речь шла о все более широком распространении в России начального образования и ускорявшемся с XVI в. усвоении схоластических дисциплин как по переводной, так и по появившейся со временем оригинальной учебной литературе. Исследования последнего времени свидетельствуют также об успешном развитии в XVII в. профессиональных и домашних училищ¹. Все это говорит лишь о постепенном сближении русской школьной традиции со средневропейской нормой.

Причастность России к развитию педагогической мысли все еще сводится к уже рассмотренному тезису о восприятии на Руси в XVII в. идей и трудов Я.А. Коменского. Объективный взгляд на предложенные к изучению педагогические артефакты, включая Букварь Истомина, всеми сопоставляемый с «*Orbis sensualium pictus*» Коменского уже во времена А. Яцимирского², приводит нас к полному отрицанию канонического тезиса о «большом влиянии» идей европейского просветителя «на педагогическую мысль и школьную практику в Московском государстве».

И это не удивительно, поскольку содержание все упоминаемых «идей А.Я. Коменского» исследователями не затрагивалось³. Выдающимся достижением чешского педагога было не изложение, и тем более не более полная реа-

¹ Очерки истории школы... Раздел I. Гл. III–IV; раздел II. Гл. III.

² Яцимирский Я. Важнейшие труды в области изучения древней литературы // Педагогическая мысль. Киев, 1904. Вып. I. С. 220; ср.: Киселев Н.П. О московском книгопечатании 17 века // Книга. Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 169.

³ Хотя секрета они не составляют: Альт Р. Прогрессивный характер педагогики Коменского / Пер. А.И. Пискунова. М., 1959; Лордкипанидзе Д. Ян Амос Коменский. М., 1970; Hofman F. Jan Amos Comenius Lehrer der Nationen. Leipzig, 1975; Čapková D. Některé základní principy pedagogického myšlení J.A. Komenského. Praha, 1977.

лизация принятых схоластической педагогикой принципов наглядности и постепенности обучения¹, но научное обоснование необходимости соответствия содержания и средств обучения этапам развития детской психики.

Практическим результатом исследований Коменского стала разработка программ и учебных пособий для каждого такого этапа, первым из которых была «Материнская школа» (*Scholae Infantiae*): дошкольная подготовка, призванная сформировать у ребенка систему представлений об окружающем мире и подготовить его к началу школьных занятий. Популярнейшим учебным пособием для «Материнской школы», призванным создать у ребенка продуманную систему образов и понятий (на латинском языке), тем самым заложив научный фундамент познания окружающего мира и микрокосма, был как раз «*Orbis sensualium pictus*», российским аналогом которого является поэтический Триптих Кариона Истомина.

Отличием книг Триптиха от сочинения Коменского является стихотворная форма заглавий и текстов, объяснимая как русской педагогической традицией, так и личной склонностью крупнейшего московского поэта конца XVII в. Отбор понятий имеет, соответственно принципу Яна Амоса, концепционный характер. Однако если брать книги Истомина по отдельности, их образы и понятия не складываются в законченную систему, аналогичную «Миру чувственных вещей в картинках».

Обратившись к публикуемому тексту легко убедиться, что объединение «Едема», «Екклесии» и «Града» придает им новое значение. Образный строй в Триптихе становится универсальным, то есть приобретает основное качество, позволяющее сопоставить его с «Миром» Коменского. Ка-

¹ *Schuller K.* Die Pädagogik des Johann Amos Comenius und die Anfänge des pädagogischen Realismus im 17 Jahrhundert. Hdlb., 1962.

рион сообщает ребенку законченный цикл понятий об окружающем мире, мире прежде всего не предметном, но интеллектуальном, духовном «граде царства небеснаго», сознательно «сограждаемом» в человеке-микрокосме.

Именно этот внутренний мир Истомин считал основной ценностью и достойнейшим предметом познания. Поэтому строительство храма премудрости Карион начинал преимущественно с понятий духовного мира человека, который «по телу – земен, по душе – небесный».

Вся убо вещи	Богом сотворенны
В разсмотрителство	людем положенны,
Да благомыслно	тыя созерцают,
Всетворца Бога	присно восхваляют.
Ангели, небеса́(,))	на Земли чудеса,
Моря, реки, воды	Зри колики роды,
Но паче всего	человек избранный,
Рукою Бога	в жизнь сию созданный!

Так писал Карион в «Приветстве» царице Прасковии Федоровне (1692 г.)¹. Это не означает, что Истомин считал возможным сосредоточить познание мира (и, соответственно, обучение) исключительно на микрокосме. Рассматривая мир с онтологической точки зрения, просветитель находил в нем три подлежащих познанию предметных области, три «листа», которые просвещенный человек должен «читать в разуме».

Небо лист первый,	слова на нем – звезды,
Солнце и луна	имут своя гнезды.
Солнце – точкою,	Луна – запятою
День и ночь делят	по своему строю.
Поясов небес	дванадесать – строки,
Разумному в тех	успешны оброки. –

¹ ГИМ. Чудовское собр № 302. Л. 162.

Утверждал Карион в стихах, обращенных к патрональному святому царевича Алексея (1691 г.). Второй «лист» книги мирового знания – Земля и ее обитатели (которым Истомин посвятил немало стихотворений):

Вторый лист – Земля, и на ней вся вещи,
Приклады моря во отдел потещы.
Яко писмена – страны, царства, грады...

Наконец, третий «лист» – человек, созданный для познания природы замыкающий в себе «небо» и «землю»:

Третш лист человек – малый мир зовеся,
Вещь боготворна в нем зренно сомкнеся.
По телу – земен, по душе – небесный,
Славою венчан к Богу зритель десный.
Поклонник умный, образом почтенный,
В райской красоте бысть той насажденный¹.

Но задача человека и состоит в *познании* мира; лишь благодаря познанию это нелепейшее из животных, которое «терпит и от блох обиды», возносится «к небесам»²:

Человек мал мир всю тварь назирает,
Благого Творца гласом восхваляет...
Человек мал мир в твари всей владеет,
Богопоставлен да благо всем деет³.

Лишь «словесноумием», способностью к познанию человек отличается от других животных. Отсюда Истомин

¹ ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 112–112 об.

² Подробно: *Богданов А.П.* Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги».* Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 260–279.

³ ГИМ. Уваровское собр. № 908. Л. 6 об–7; Чудовское собр. № 99/300. Л. 249, 263 (ср. № 100/302. Л. 71, 75 об.); ВСМЗ. И–5715. Л. 12, 40.

заключает, что именно развитие интеллекта, мудрости, является основной целью воспитания:

Возводит она	люди вечну царству,
Научает же	всякому изрядству.
Граждански дела	мудростью судимы,
Небо и Земля,	вся вещи в ней зримы.
Забавляются	сладко в той пригоже,
Ничтоже бо есть	мудрости дороже!...
Лучше всяких дел	Богу угодиши,
Аще россиян	тою просветиши!

Так писал Карион царю Петру в 1690 г.¹

Части триптиха давали ребенку представление об основах «небесной мудрости» земного человека: развернутое изложение символа веры («Едем»), христианских таинств и обрядов («Екклесия»), удобопонятную этимологию научных дисциплин², земного времени и пространства («Град царства небеснаго»). Обратившись к тексту «книг» триптиха, мы неизбежно придем к заключению о сознательном стремлении автора заложить в неоформившемся еще сознании ребенка фундамент будущего «небесного града».

Этому представлению об универсальном образовании, необходимо предшествующем изучению специальных дисциплин, соответствует особая форма передачи материала. Принцип образного обучения ребенка в книгах триптиха реализуется ярко и последовательно. Соотношение миниатюр с текстом и пояснения Кариона в предисловиях говорят о том, что усвоение каждого из предложенных понятий начиналось со зрительного, «телесного» восприятия картинки.

Далее изображение называлось, связывалось с определенным понятием в номинативном двустиишии, которое не

¹ ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 223.

² Ср. с этимологией Кариона Истомина для школы: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 434.

случайно располагалось по верхнему и нижнему краю картинки, как бы вбирая ее в себя и растворяясь в ней. Затем, увидев и назвав, ребенок получал пояснения в маленьком стихотворном рассказике, наполняя открытую в его сознании страничку культурным содержанием. В тонко продуманном единстве, картинки, номинативы и толкования достигали основной цели Триптиха: образного обучения маленького ребенка.

В вопросе о соотношении элементов текста и миниатюр вновь сталкиваются два подхода к памятнику культуры. Рассматривая их как литературные и изобразительные средства автора, мы убеждаемся в неразрывном единстве картинок, номинативов и толкований, поскольку именно в таком сочетании они достигали цели: образного обучения ребенка. Вне своей функции эти средства просто не существовали как культурное явление, и их можно рассматривать лишь как источники, непосредственно отражающие, например, манеру стихосложения или словоупотребления. Истомин ни в коей мере не являлся здесь Колумбом: высокая функциональность и многочисленные примеры литературно-изобразительного единства (как частного случая целесообразности) в хорошо известны Древнерусской литературе¹.

В цитированном нами исследовании Л.И. Сазоновой выражен, однако, другой подход. «Двустушия, заключающие строфы поэм, должны были служить подписями к миниатюрам», – пишет автор об «Едеме» и «Екклесии», с первых строк вводя нас в заблуждение, поскольку номинативные двустушия не заключали строфы толкований и не являлись их частями, а рассмотренный в этой связи «Рай умный» имел иную форму. «Подписи функционируют в поэмах как особый жанр, но если прочитать их вместе, то из них складывается параллельный к основному тексту вари-

¹ *Лихачев Д.С.* Поэтика Древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979. С. 22–23 и сл.

ант. Происходит как бы переливание, одного жанра в другой: заключительные части строф становятся подписями, а затем последовательный ряд подписей образует поэму. Все элементы многочастной композиции – изображения, подписи, строфы – находятся в поэмах во взаимодействии друг с другом, но одновременно обладают и относительной самостоятельностью: каждый из них можно изъять, не нарушая общего замысла произведения»¹. Попытавшись это сделать, читатель легко убедится в ошибке филолога.

Взятые отдельно номинативные стихи образуют не более связный текст, чем оглавление в книге. Десятистишные толкования без указания темы нередко совершенно теряют смысл, как словарная статья, толкующая неизвестное слово или имя. Они не образуют связного текста, поскольку их последовательность определяется не внутренним содержанием, а составом внушаемый ученику понятий. Соответственно, и безгласная картинка остается не осмысленной, взятая в одиночестве или вкупе с одним из компонентов текста, как это предлагает современный автор.

«Восстановить» смысл разъятой как труп композиции нельзя ни обращением к восходящей еще к византийской литературе традиции «мозаичного» текста, ни апелляцией к характерной для некоторых направлений западного барокко идее «мировой дисгармонии» (отрицаемой русской литературой того времени в целом и оптимистическим творчеством Кариона в особенности). Наиболее дробной частью «Едема», «Екклемии» и «Града», сохраняющей свою «жизнь» в литературе, остается триада (подсистема) картинка-номинатив-толкование, несущая единый смысловой и функциональный заряд.

Функциональность, соответствие авторскому замыслу является критерием в исследовании литературных форм, отказавшись от которого специалист «без руля и без вет-

¹ Сазонова Л.И. Указ соч. (1985). С. 51.

рил» носится по волнам произвольных ассоциаций под флагом с девизом «могло бы быть». В самом деле, можно читать все стихи задом наперед, но это будет правильно лишь в том случае, когда автор создал полиндром; можно читать стихи только по первым буквам – но не все они содержат акrostих. Можно совершить непростительный для филолога теоретический кубрет, определяя отдельные фразы из целостного сочинения как «особый жанр», а затем опровергнуть себя выводом, что «в переливах, переходах от одной жанровой формы к другой внутри одного произведения скрыт один из принципов барочной поэтики – единства в многообразии», – но этот вывод будет тривиальным.

Произвольно изъятые из целого части не имеют никакого значения, поскольку не дают представления о целом: о замысле автора и способе его осуществления. Последствия же такого изъятия сугубо отрицательны, ибо оно ведет к уничтожению целого. Разъяв части Триптиха, мы уничтожаем его как памятник культуры. Раздробив каждую из частей – лишаем себя литературных произведений, а по мере дальнейшей измельчительной деятельности¹ отказы-

¹ Лишь от последней вивисекции образа на «надпись, картинку и подпись» современный специалист отказался, признав пользу «восприятия всех компонентов в единстве» (Сазонова Л.И. Указ соч. 1993. С. 149) для «Едема» и Екклесии». Это говорит о том, что филолог научился читать (если не то, что писал Карион Истомина в 1692–93 гг. и напечатал я в 1989 г., то, по крайней мере, современный текст). Следующим прогрессивным шагом должна была стать попытка осмыслить написанное (или хотя бы дочитать до конца). Это не позволило бы совершить нелепую ошибку, утверждая, что «Град», «Едем», и «Екклесия» имеют «в основе композиции» ту же «конструкцию эмблемы, складывающейся из надписи, картинки и текста», что «Книга любви знак в честен брак» и «Рай умный». Я неоднократно разъяснял конструкцию барочного панегирика на основе зрительного образа, «небесного» аналога земной ситуации; иногда литератор использовал в

вается от познания художественных средств поэта. После чего огорчаемся сравнительной бедностью изучаемых культурных явлений и обращаемся к новым проблемам.

СОДЕРЖАНИЕ И ТРАДИЦИЯ

Синтез текстовых и изобразительных средств образного обучения сближает поэтический Триптих Истомина с «Миром» Коменского. Общим в этих произведениях был и концепционный отбор понятий, которые должны были складываться в определенную ориентирующую систему. Но как использованные в Триптихе литературные и изобразительные формы, так и его содержание тесно связаны с уже существовавшими в России вкусами и традициями. Истомин сам обращает на это внимание, разделяя, в отличие от Коменского, свое учебное пособие на три части: при книги, три тематические группы, объединенные единым замыслом, функцией и формой.

одном тексте несколько тонко связанных образов разного уровня (даже не сопровождая их картинкой). Но композиция Триптиха и каждой его части построена на логической организации ряда равноправных образов, лишь внутри которых можно говорить об «эмблематичности». Ср.: *Богданов А.П.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // ИОИ за 1981 г. М., 1981. С. 225–246; *он же.* Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // ПКНО за 1982 г. Л., 1984. С. 45–52; *он же.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 6. М., 1993. С. 227–228; *он же.* София-Премудрость божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Там же. Вып. 7. М., 1994. С. 399–428; и др. Л.И. Сазонова могла бы прочесть достаточно для понимания композиции ложно сопоставленных с Триптихом поэм в том же томе «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 3. XVII в. Ч. 2. СПб., 1993. С. 28), но «филолог» еще не полюбил чтение.

Благодаря публикации, восстановившей полный текст книг Триптиха по авторским рукописям, легко убедиться, что все книги имели одинаково организованные заглавия с указанием названия, места и времени создания, именем, чином и должностью автора. За ними следовали сходные предисловия, разъяснявшие царевичу Алексею Петровичу тему каждой книги. В «Екклесии» Карион подписался еще два раза (после предисловия и в конце текста), в двух других книгах – нет. В черновике «Едема» номинативные двустишия идут после соответствующих строф, в двух других книгах – перед ними (это неважно, т.к. в беловике номинативы должны были располагаться над и под картинкой).

Подбор материала в книгах следует единому замыслу, его передача воплощена в одной форме: серии образов, складывающихся из картинки со стихотворным названием и толкованием. Их последовательность и число в каждом случае определяется представлением автора о содержании темы серии и возможностях ребенка по усвоению понятий. Последнее особенно важно с точки зрения этапа развития педагогической мысли, которого, как мы хотим показать, достиг Карион Истомин.

В «Едеме» автор дал образное изъяснение основ вероучения. Книга сообщала ребенку понятия о Христе-Премудрости, Сотворении мира, первоначальной райской обители и грехопадении Адама и Евы, Рождестве Богородицы, ее Введении во храм, Благовещении, Обручении девы Марии, Рождестве Христовом, бегстве Марии с Христом в Египет и возвращении в Вифлеем, о Христе-младенце, пророчестве Симеона, о сюжетах Богородицы с младенцем в саду, Марии, Елизаветы, Христа и Иоанна в саду, отроке Иисусе в Иерусалимском храме, а также о крещении Христа, Преображении на горе Фавор, Христовой проповеди, шествии во Иерусалим, Тайной вечере, Страстях Христовых, Воскресении Иисуса, Вознесении, о небесных чинах – ан-

гелах, архангелах, началах, властях, силах, господствах, херувимах, серафимах, престолах (каждый чин охарактеризован отдельно), о сошествии Святого духа на учеников, Успении Богородицы, ее прославлении, предстоятельстве перед Сыном, покровительстве школам, о разлучении человеческой души с телом и восхождении её с ангелами, о Страшном суде, о Горнем Иерусалиме. 39 образов «Едема» завершались стихотворным Благодарением.

Мы не будем останавливаться на глубокой традиции доступного изложения основ вероучения, отразившейся в «Едеме», как и в нескольких десятках стихотворных праздничных ораций Кариона. С распространением гравюр на библейские сюжеты в московскую моду вошли и «подписания» к ним. Достаточно вспомнить силлабические подписи-разъяснения к 24 гравюрам на темы Апокалипсиса (1670-е гг.), широко известные подписи Мардария Хоникова и других поэтов к лицевой Библии Пискатора, два цикла «подписаний» на темы Ветхого Нового заветов в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого (над аналогичным сочинением трудился и сам Истомин¹). Нас волнует скорее отбор сюжетов, чем их общая популярность.

К пяти годам царевич Алексей не был «чистым листом»: образы православной веры и ритуалы Церкви были для него весьма предметны, стали частью жизни. Истомин поставил целью объединить «зримые» представления о вере через ее приятнейшее (и наиболее полезное для воспитания ребенка) свойство – *сладость*. И сказал об этом

¹ ГИМ. Чудовское собр. № 100/ 302. Л. 108–109 А об. В черновике сохранилось 46 строф с рассказом от погребения Авраама (Быт 25, 9-10) до пришествия Христа к рыбакам (Ин 21, 9). Следующая далее (л. 109 Б–112 об.) пасхальная орация в 22 строфы содержит рассказ от Сотворения мира до Воскресения и искупления. Ср. список 35 иконописных сцен и стихи на некоторые из них, а также стихи на изображение Бога Отца (л. 95, 119).

прямо в заглавии. Едем, созданный Богом для человека после Сотворения мира сад, по древнееврейски буквально означает сладость, блаженство¹.

Качество сладости, уже в заглавии связанное с «прохлаждением и вразумлением человека зрением духовным», развернуто в линию от Сотворения до Спасения, исходящую из Едема и возвращающую в него праведников. На первое место естественно выдвигается Иисус Христос, без которого возвращение в Едем невысказано, к тому же в контексте популярного в России иконографического сюжета «Премудрость созда себе дом» (Притч 9, 1). В отличие от Медведова, использовавшего сложные литературные взаимосвязи канона Премудрости в обращении к ученице Симеона Полоцкого царевне Софье², Истомин в этом образе «Едема» предельно прост и доходчив: в Христе, «доме Мудрости», непременно опочит душа «умная», когда

В мудрости наук	знанством просветится,
О миротворстве	будет размышляти,
Всетворцу Богу	славу воздавати.

¹ Заменявший *Едем* в Септуагинте греческий *параδείзос* (*παράδεισος* – ограда, плодовый сад) пришел в русский язык через немецкое производное *парадиз*, хотя *смысл* его был известен и употреблялся в литературе как очевидный (напр., знаменитый поэтический сборник Симеона Полоцкого назван «Вертоград многоцветный»; «Огородок Марии Богородицы» – заглавие популярной учебной книги Антония Радивиловского, Киев, 1676). Общеупотребимое на Руси славянское слово *Рай* (др.-инд. и др.-иран. *богатство, владение, дар, счастье*) точно передавало смысл понятия *Едемский сад* и одновременно указывало на блаженную, чаемую христианином обитель будущего, *Небо*. В нем не было лишь важной для ребенка *новизны* и *сладости*, которую подчеркнул поэт.

² *Богданов А.П.* Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала. 1988. С. 48–65.

Явившийся на сцене Всетворец в следующем образе щедро и добро творит мир и человека, который «законно» придет к Богу и спасется, раз получил «душу умнословна слога». Третий образ – Адама и Евы в сладком рае – призывает ребенка к добру и «измлада» отвращает от грехов. Грехопадение преодолевает своим рождением «одушевленно небо» – дева Мария, дав возможность людям «благоразумно» славить ее и вновь веселиться. Как Всетворец у Истомина не грозен, так и смерть, реализация первородного греха, кратка и незаметна.

Ребенку следовало *знать* историю жизни Богородицы, но Карион стремился еще и связать каждый ее канонический эпизод с определенным чувством и вытекающим из него стремлением. Введение во храм, связанное с теплыми чувствами к отцу, матери и архиерею, призывает юную душу искать чистоту в церкви. Радостное Благовещение – с весельем Христа от чтения книг отроками и девами. После Обручения Мария «умудряется» в храме по книгам же, читать которые старому и малому полезно всю жизнь. Умиленное Рождество и нестрашная история бегства в Египет говорят о радости спасения, зовут к благодарности, почитанию Господа и Богородицы.

Христос с Марией в колыбели зовет «мудро» приобщиться к чистой святине. Ужасное для Матери пророчество Симеона, «что умрети Сын за люд изволяет» требует встретить свой конец с Господом, обретя вечную милость и любовь. Добрейший образ Богородицы с сыном в саду предлагает юным спешить «к мудрости в оград», набираться ума у «старых». Популярнейший образ Ренессансной живописи – Мария с Елизаветой и юные Иисус с Иоанном в саду – связывает «сладость» материнской любви с «утехой», которые дают родителям умные, возвышенные душой дети.

«Образ изрядства» отрока Иисуса во храме естественно показывает, какую гордость испытывают родители от

детей, устремленных «к вышню знанию». Освободившее нас от грехов Крещение столь же очевидно зовет к соблюдению себя от «скверн греха». Торжественное Преображение утешает человека и требует возвышенности жизни. Проповедь Христа призывает ребенка утолять духовную жажду из чистого источника учения.

Вход в Иерусалим обыгран более сложно: торжественная встреча вызвала у Христа слезы, ибо за ликованием в этом городе не увидел он «любви к нему знака». При жизни думай о душе! – Призывает поэт. В сюжете Тайной вечери Карион, кажется, забегает вперед, в «Екклесию», говоря о тайнах пресуществления и исповеди, чтобы призвать к причастности божественным тайнам. Но без этого сюжета жизнь Иисуса не описывается. Ужасные Страсти Христовы, горе Матери и учеников естественно вызывают у человека «плачь» и зовут к смирению, а ученик должен извлечь урок: «мыслить умиленно». И вновь горе кратко: Воскресение Христа – воскресение и светлый праздник всех, кому он вернул рай. Вознесение естественно связано с восхождением стезей добродетели к спасению.

Краткое и емкое изложение Священной истории в объеме, необходимом для понимания Никео-Цареградского символа веры (его Алексею пришлось бы произносить при коронации¹, не будь он уничтожен отцом), дополняется образами всех небесных чинов, начиная с хранящих людей и учащих их добру *ангелов*. *Архангелам* у Истомина подобает молиться, ибо они заступаются у Бога Отца, и особенно царевичу,– ведь они «началствующих всех управляют». Еще более важны Алексею *начала*, хранящие «цари и князи, царства же и роды» и правящие умами. Небесные *власти* защищают от страстей и искушений, а *силы* учат терпению,

¹ Символ веры включен в чин венчания на царство с 1676 г. (Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., 1995. С. 219).

учат получать блаженство от подвига. *Господства* поощряют «господствовать» – над чувствами и страстями, олицетворяя высокую добродетель разума. *Херувимы* связаны с просвещением и учат людей мудрости. *Серафимы* отличаются не только блеском, но «усердием в дружбе» и покровительствуют святым, призывая души зажигаться огнем божественной любви. Наконец, высочайший чин «умных» *престолов* учит «право судить».

На первый взгляд, образы небесных чинов менее яркие и уместны, но авторский замысел понятен: через них Карион представил хорошо запоминающуюся иерархию царских добродетелей. Некоторый «разрыв» Священной истории преодолен через следующий образ схождения Духа Святого на Марию и учеников, объясняющий спасение через вразумление Божьей волей.

Успение и погребение Богородицы у Кариона «прекрасно», – ведь душа ее отлетела к Сыну, дав людям право молиться своей доброй заступнице. Далее дева Мария царит на небе и в образе предстоятельницы вечно хранит верных от бед и напастей. Прославление Венчанной Матери вполне традиционно для учебной литературы связано с общим для европейской и русской схоластики сюжетом «Богородица – покровительница школ». Поэт подчеркивает теплоту этого покровительства: Дева Мария «любит» учеников, просвещающих себя мудростью. Еще один образ Богородицы-Предстоятельницы разъясняет, что к стопам ее «припадают» не только ученики, но цари и патриархи. А она сама, как повествует еще один сюжет, сходит с неба в училища и «смотрит там юных кто чист ум приплодит». Небесной деве любезны те, кто хорошо учится, а неразумные ни на что не годятся!

Вероятно, в картинку включался ряд понятийных пар: ум – земля, смысл – вода, мнение – огонь, мечтание – воздух, чувство – душа. Последнее понятие справедливо со-

отнесено с реальными стихиями, ибо для верующего душа существует не менее очевидно, чем огонь и земля. Возможно, этот логический ряд служил в тексте отбивкой, поскольку тема серьезно переменялась от божественного к человеческому.

Смерть праведника, по Истомину, означает восхождение на небо, «ибо человек создан тамо быти»! Так что «разлучение души с телом» более, чем утешительно. «Благо пожившего человека» навеки ждут радости и блаженства. Когда святыми людьми заместятся все падшие ангелы, наступит «сей жизни кончина». Страшный суд у Кариона не страшен, но благонадежен: на муки пойдут лишь грешники, верным в Христе вреда не будет! Завершением Священной истории станет небесный град божий, еще более прекрасный и веселый, чем прежний Едем, люди там будут наслаждаться любовью к Богу, в руки которого все себя с надеждой предают. В конце следует Благодарение.

Отбор сюжетов в следующую книгу Истомина был проще вследствие относительной узости темы и большей определенности в литературной традиции. Обращение к святым таинствам опиралось на глубокую традицию *Sacramenti ecclesiasticorum* в средневековой европейской, в т.ч. византийской, церковной поэзии¹. В Новое время на Западе подобные тематические подборки отразились, например, в пьесах иезуитского школьного театра². Тема таинств нашла отражение в творчестве Эразма Роттердамского: ей посвящена брошюра *Enchiridion militis Christiani* (1503 г.)³. В

¹ *Raby F.J.E.* A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1957; Памятники византийской литературы IV–IX веков. М., 1968. С. 215 и сл.

² *Резанов В.И.* Из истории русской драмы. Школьные действия XVII–XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910; *он же.* К истории русской драмы. Экскурс в область театра иезуитов. Нежин, 1909.

³ См: *Эразм Роттердамский.* Стихотворения. *Иоанн Секунд.* Поцелуи. М., 1983.

Восточной Европе теме было отдано должное в стихах столь известных авторов, как Себастьян Грабовский¹ и Кирилл Транквиллион-Старовецкий², на которые непосредственно откликнулся Симеон Полоцкий³.

Тема развивалась в известных на Руси «Лексиконах»: Свиды (из которого немало переводил Максим Грек⁴), Зизания (1596 г.), Берынды (1627 г.), в сборнике «Зерцало духовное»⁵ и других сочинениях⁶, среди которых выделяется, безусловно, серия стихов о таинствах Церкви в «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого, во многом повлиявшая на содержание стихов Кариона⁷.

Святые таинства ортодоксальной Церкви (равно православной и католической) есть священнодействие, в которых под видимым обрядом тайно сообщается верующим невидимая благодать, спасительная сила божия. В широком смысле таинства есть система включения человека в Церковь через единение христиан с Богом, равно как и друг с другом. Великих таинств семь: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, священство, брак и соборование. Каждое имеет собственный, а также общий смысл, без которого верующие авторы не пытались их толковать: присутствие Бога, образующее Церковь, или, как справедливо выразился Истомин, «собрание верных людей своих».

¹ Sentyk Rymów duchownych, 1590; см. публ.: Kraków, 1893.

² См.: Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Старовецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. С. 72–81.

³ ГИМ. Синодальное собр. № 130. Л. 199–204 об.

⁴ См.: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 173–181.

⁵ ГИМ. Синодальное собр. № 760. 1652 г.; № 429. 1558 г.; и др.

⁶ Подобные темы затрагивались и в Hortus Reginae немецкого проповедника XV в. Маффета – энциклопедическом сборнике, в 1652 г. переведенном Арсением Сатановским специально для царя Алексея Михайловича (АЮЗР. Т. III. С. 480).

⁷ ГИМ. Синодальное собр. № 288.

Карион мог бы назвать книгу просто: «Церковь», – но понятие «Екклесиа», по-гречески – собрание, Церковь, в отличие от церкви-храма (*kiriaké* – дом божий), подчеркивало истинную тему сочинения. В России XVII в. слово церковь очень прочно отождествлялось с храмом. Это хорошо видно по воинским клятвам насмерть биться «за святых божия церкви, за святую православную веру и государево крестное целование», а если уж требовалось защитить «церковь», то в контексте ясно виден патриарший Успенский собор Московского Кремля, откуда благодать растекалась по всей Руси.

Употребив понятие «Екклесиа», Истомин уже в заглавии уточнил, что речь пойдет о той Церкви, что собирает в небесное житие и святит всех благоверных благодатью Св. Духа. Он объясняет царевичу, что своими образами книга познакомит его с тайной «оживотворения» от первородного греха и спасения на небесах всех православных, душами своими составляющих храм, – дом божий, царство божие на земле. Эта Церковь, говорит Карион словами Златоуста, «таин святых и молитв благоприятных сокровище».

Автор подробно растолковывает, что Церковь – ограда от ересей и «злобожия», что вне ее «никто же спасется», что она «и судилище, и лечебница, и любомудрия училище», источник радости и утешения и т. д. Но главное уже сказано: Церковь есть объединение людей действием «таин» и «молитв», т. е. не только семью таинствами, но и ритуалами. Для Русской Православной Церкви XVII в., унаследовавшей и развившей старинную византийскую и югославянскую обрядность, было важно такое не строго-каноническое отношение к традиционному культовому действу, вызывающему у верующих ощущение святости, как к таинству. Разумеется, назвать обряд таинством иеродьякон и справщик Карион не мог, но не мог он исключить «честные» русские обряды из рассказа ребенку о Церкви.

В «Екклесию» вошли статьи о церкви (как храме), о крещении, миропомазании «в царство и священство», причастии (евхаристии), покаянии и исповеди (два образа одного таинства), тайне священства, поставлении священнослужителя-архиерея (хиротонии), супружестве, второбрачестве, помазании елея,— т. е. великие таинства истолкованы подробнее, чем минимальные 7 образов.

Далее следуют статьи о глубоком духовном смысле ритуалов, которые должны быть знакомы каждому православному и понятны даже ребенку: об освящении храма, пострижении в монахи и монахини, празднике «нового лета» (1 сентября), водосвятии, крестном ходе, отпевании и поминовении мертвых, о «правде христиан» (державшихся «чинов» Церкви) и благочестивых соборах на еретиков (во избежание раздоров), наконец, о «походе в воинство... за веру и царство» (в духе писавшихся Истоминым проповедей патриарха Иоакима). Завершается текст из 24 образов еще одним стихотворным Благодарением и (третий раз в книжице) — подписью автора.

Размышляя над заглавием завершающей книги Триптиха, Карион, как уже говорилось, хотел сделать его двойным, аналогично первым книгам: «Полис си есть град»,— но передумал. Греческий термин «полис» по меньшей мере ничего не прибавлял к русскому «град», и был вычеркнут. Какой же «Град Царства небесного» был «согражден словообразне в царствующем граде Москве»?

«Изначала убо Миротворения лета,— начинает Карион предисловие к «Граду»,— самем Богом жизнь сия добра воспета». «Все создание божие, еже есть на земли, добро»,— внушает царевичу поэт, а более всего — введенный Богом во Вселенную человек. Но для этой Богом благословленной, умудренной и прославленной «паче всякого животна» твари нет отрады в жизни, «аще божия мудросотвореннаго града не наследстит».

С одной стороны, это «град спасения вечного», рай небесный. С другой – этот град украшает и земную жизнь, когда создается в душе человека «чрез премудрое учение, и познание самага себя, и всего видима сего на земли, и невидимаго на небесех сотворения». На земле, в человеке «созидаемый душевный наш град», – это и есть условие Града вечного, Царства божия. А строится он трояко. Во-первых, молитвой (см. «Едем»). Во-вторых, «учением заповедей» («Екклесия»). «По сем», премудростью всех «схольных обучений», которые сокращенно представлены в книге «образы стихописанми», – говорит Истомин.

Вводное стихотворение характеризует содержание «Града» настолько точно, что его прозаический пересказ был бы более пространным:

Зде зри школ обучение
По степенем хождение_(,)
Двадесять числом тыя
Дела гласят си благия.
День_(,) часы_(,) времена_(,) годы,
Страны_(,) части знати в роды
Умство сими: вера в Бога
Вся постигнет. Радость многа.

В «Граде» объединены два поэтических сюжета. Один охватывает стихи о схоластических дисциплинах, предлагая читателю образы основных школьных наук того времени. Отдельные статьи посвящены грамматике, синтаксису, поэтике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии, философии, астрономии, теологии, музыке и медицине. Второй сюжет посвящен понятиям времени и пространства. В его образах представлены меры времени (день, ночь, часы, весна, лето, осень, зима, год), стороны и части света (восток, юг, запад, север, Европа, Азия, Африка, Америка). Завершало текст стихотворное Благодарение.

Первый сюжет более традиционен: веками содержание «семи свободных мудростей» обыгрывалось в разного рода школьной литературе. В России популярное «Сказание о семи свободных мудростях» появилось в конце XVI – начале XVII в.¹, а в конце столетия его переписывал, например, ближайший знакомец Истомина, книжник Евфимий Чудовский². Учитывая развитые литературные связи в тесном кружке дворцовых литераторов, можно уверенно утверждать, что Карион был знаком и с переводом «Книги избранной вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах», сделанным Николаем Спафарием в 1672 г.³

Стихи, последовательно трактовавшие содержание схоластического тривиума и квадравиума, помещены в первой части панегирика студентов Киевской коллегии Петру Могиле; за стихотворными заглавиями в нем следовали строфы о грамматике, риторике, диалектике, арифметике, музыке, геометрии, астрономии и, наконец, «корене и верхе всех наук и уместности» – теологии. Во второй части сочинения («Парнасс, албо сад умеетности») аналогичную характеристику получили «леторосли наук» (Клио, Мельпомена и т. п.)⁴. Стихотворное сочинение Симеона Полоцкого *Siedm Nauk Wyzwalonych* («семь свободных наук») кратко характеризовало грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрологию и музыку⁵. Оно переписывалось в Москве и вряд ли могло ускользнуть от вни-

¹ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 169, 170.

² РГБ. Собр. Румянцева. № 376; см. также: ГИМ. Чудовское собр. № 296 и др. списки.

³ *Михайловский И.Н.* Важнейшие труды Николая Спафария // Сборник историко-филологического общества при институте им. кн. Безбородко. Нежин, 1899. Т. II. С. 41–45; и др.

⁴ Евхаристион, албо вдячность. Киев, 1632.

⁵ *Симеон Полоцкий.* Вирши / *В.К. Былинин, Л.У. Звонарева.* Минск, 1990. С.120–121.

мания свойственника Сильвестра Медведева, литературного душеприказчика Полоцкого¹.

Понятия о времени и пространстве раскрывались в обширнейшей космографической, в том числе лицевой литературе, весьма любимой на Руси. Приводились они и в ряде учебных книг (букварей и азбуковников). Аллегии, связанные с временем суток и временами года, наполняли стихотворные произведения, им было посвящено довольно много отдельных стихов (например, в «Вертограде многоцветном» и ранних трудах Полоцкого²). Но они не составляли отдельного сюжета, как в «Граде».

Большой популярностью в московской придворной поэзии пользовались и географические сведения. Например, основой Рождественской орации 1688 г. Карион сделал перекличку частей света и континентов; обширные строфы были посвящены востоку, западу, югу, северу, Российскому царству, Европе, Азии, Африке и Америке. Заявляя в конце, что в его стихах

Страны, части днесь земли объявленны,
Народы, вещи дивно сотворенны
И малым словом но в разуме мнозе...³,—

автор достаточно точно передал основное содержание.

Естественнонаучные аллегии вообще были в моде при Дворе и широко использовались Карионом⁴. Литературная практика Истомина не объясняет, однако, причины, заста-

¹ РГАДА. Ф. 381. № 1800. Л. 116 об.; ГИМ, Синодальное собр. № 731. Л. 147–148. Сочинение 1650-х гг.

² *Симеон Полоцкий*. Вирши. С. 110–111 («Четыре части дня»), 111–112 («О четырех временах года»), 127–130 («Следуют 12 месяцев»), 176–177 («Переменчивость и многообразие времени»), 342 («Время»), 349 («Год века образ»); и др.

³ ВСМЗ. В–5715. Л. 3–8 (список 1697 г.); ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 218–219 об. (автограф, черновик).

⁴ *Богданов А.П.* Естественнонаучные представления. С. 260–279.

вившей автора «Града» продолжить «школ изображение» 16-ю строфами с сильным естественнонаучным и историко-географическим элементом. Педагогическая логика в этом была: вместе с ориентацией в мире знаний, ребенок системно ориентировался во времени и пространстве. Разумно предположить, что вслед за Коменским, вводившим в план гимназического обучения не только «свободные мудрости», но и естествознание, историю, географию, Истомин дополнил «схол изображение» в «Граде» образами естественнонаучных и географических знаний исходя из своих представлений о путях необходимой царевичу учебы.

«Вслед за Коменским» еще не означает «руководствуясь им». То же можно сказать и об иллюстративной части сочинения Истомина. Как и у Яна Амоса, картинки «Едема», «Екклесии» и «Града» отличались от обычных иллюстраций – они несли равную с текстом смысловую нагрузку, более того, с них должно было начинаться ознакомление с содержанием, а текст служил пояснением к ним (хотя и имел самостоятельное значение). В России такие картинки, бытовавшие зачастую отдельно от книг¹, в розницу или подборками, иногда переплетенными в тетрадки, пользовались немалой популярностью. Привозные и отечественные эстампы как религиозного, так и светского (в том числе политического) содержания уже с 1630-х гг. широко распространялись в Москве². Отпечатанные на бума-

¹ Впервые гравюры на дереве, служившие не украшением к тексту, а распространявшиеся в виде отдельных листов (в основном образы святых), стали печататься в типографии Киево-Печерской лавры, вероятно, с 1620- гг. Самые ранние из них датируются 1626–1627 гг.: *Крип'якевич Р.Я., Луцик Ф.Ф.* Народніи гравюры XVII ст. С. 151–152.

² Они продавались в центре Москвы в Овощном ряду и на Спасском мосту: *Алексеева М.А.* Торговля гравюрами в Москве и контроль за ней в конце XVII–XVIII вв. // *Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв.* М., 1976. С. 141.

ге и материи иконы получили столь широкое распространение, что около 1683 г. патриарх Иоаким даже увидел в них конкурента иконам на досках и подготовил проект указа об их запрете¹.

Как и западнее в Европе, подборки эстампов играли в Великой и Малой России роль «книг для бедных»², но использовались также для обучения и развлечения детей, в том числе царевичей. Известно, например, что «потешные листы» в 1634 и 1637 гг. покупались для царевича Алексея Михайловича, которого боярин Борис Морозов учил посредством гравированных картинок, «изображавших разные достопамятные предметы в мире»³. И.Е. Забелин уточнил, что в 1634 г., когда Алексею было 6 лет, ему были куплены в Овощном ряду «немецкие печатные листы», а в 1635 г. – «тридцать два листа писанных (раскрашенных.– А.Б.) немецких и русских».

«Во дворец,— сообщает И.Е. Забелин,— их покупали для государевых детей, вместе с игрушками. Малолетние царевичи и царевны, забавляясь с этими листами, вместе с тем получали из них сведения о некоторых предметах естественной истории, географии, всеобщей истории и проч. Таким образом, например, в комнатах царевича Алексея Алексеевича, умершего в 1670 году, висело «пятьдесят рамцов со листами фряжскими» (итальянскими). «Так обиты были фряжские листы по стенам в комнатах царевен в 1680 г. и в деревянных хоромы царя Федора в 1681 г.». В 1682 г. гравюры были ещё более широко использованы на стенах палат Петра. «В том же 1682 г. в хоромы царевича

¹ ААЭ. Т. 4. № 200; *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Т. 5. СПб., 1881. С. 340–341.

² *Коллинс С.* Нынешнее состояние России. М., 1846. Гл. XXIV; *Ровинский Д.А.* Указ. соч. С. 2–3; *Альбовский Е.* Харьковские казаки. Т. 1. Ч. 1. Харьков, 1914. С. 83; *Свенцицкая В.* Украинская народная гравюра XVII–XIX вв. С. 64.

³ *Снегирев И.М.* Лубочные картинки русского народа. С. 10.

Петра Алексеевича взято *сто листов фряжских*»¹. Аналогично на стены вешались чертежи и географические карты «всего света», его «частей» (континентов) и «царств». «Картины, эстампы, географические чертежи... не составляли принадлежности одного дворца, но проникали, хотя и редко, и в боярские дома». «Потешные бумажные листы» имелись и в палатах царевича Алексея Петровича².

«Эмблематическая поэзия» – искусство создания аллегорических изображений, передающих основное содержание разнообразных литературных и научных текстов – в XVII в. входила неотъемлемой частью в курс поэтики. Нет ничего удивительного, что такими аллегорическими картинками в последней четверти столетия украшалось большинство изданий Киевской и Черниговской типографий. В Москве они появились в рукописных книгах (одна из замечательнейших – в «Вертограде» Симеона Полоцкого), изданиях Верхней типографии, наконец – в подавляющем большинстве панегириков³.

¹ По сведениям *Н.П. Крекшина* учитель царевича Петра Алексеевича Н.М. Зотов «для впечатления в памяти своего питомца предметов из географии и истории» велел наклеить на стенах его комнаты «виды знатнейших городов Европы и изображения разных достопамятностей на свете» (*Сахаров И.П.* Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841).

² *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 1915. С. 80, 617; Ч. I. М., 1895. С. 219–223.

³ См. выше, прим. 29, а также: *Каменева Т.Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды ГБЛ. Т. 3. М., 1959. С. 228–284 (со сводным каталогом изданий); *она же.* Орнамента и иллюстрации черниговских изданий XVII–XVIII вв. // Книга. Исследования и материалы. Т. 29. М., 1974. С. 171–181; *Голенченко Г.Я.* Белорусы в московском книгопечатании // Там же. Т. 13. М., 1966. С. 110 и сл.; *Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII – начала XVIII в. // Русское барокко: Материалы и исследования. М., 1977. С. 7–29.

Сам Истомин, судя по сохранившимся подносным экземплярам его «похвальных» сочинений, являлся знатоком и ценителем «эмблематической поэзии». Не ограничиваясь одной или двумя картинками – символами, он уже в 1689 г. в панегирической «Книге любви знак в честен брак» царя Петра I поместил их перед каждой строфой¹. В том же году Карион составил стихотворные подписи к серии эстампов, образовавших панегирик, преподнесенный патриарху Иоакиму гетманом Мазепой². Но и здесь он не был новатором: достаточно вспомнить работы Кариона и его предшественников в жанре «подписаний» к гравюрам (см. прим. 77), стихотворный Гербовник Российского государства и другие русские сочинения второй половины XVII в. Тенденцию к объединению эстампов в «гравированные книги» отметил С.А. Клепиков³. Аналогичный вывод может дать и изучение рисованных аллегорических картинок. А стихотворная форма подписей соответствовала эстетическим требованиям времени.

КОНЦЕПЦИЯ КОМЕНСКОГО НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ

Таким образом, содержание и форма книг Триптиха имеют в отечественной (и более широко – схоластической) книжной традиции глубокую основу, связанную с дидактическими целями лишь постольку, поскольку дидактика являлась вообще функцией литературы и изобразительного искусства. «Едем», «Екклесия» и «Град» сами по себе и в контексте российской культуры того времени не предполагают

¹ *Богданов А.П.* Памятники. № 20; *Карион Истомин.* Книга любви знак в честен брак / *Л.И. Сазонова.* М., 1989.

² *Богданов А.П.* Памятники. № 22.

³ *Клепиков С.А.* Русские гравированные книги ХУП-ХУШ веков // Книга. Исследования и материалы. Т. IX. М., 1959. С. 142.

необходимости влияния несомненно известного автору сочинения Коменского «Мир чувственных вещей в картинках». Скорее, как это не покажется странным, можно говорить о влиянии *концепции* Коменского, подтолкнувшей Истомину воплотить ее на русской почве своими средствами.

Триптих, как и «Мир», воплощал идею универсального образования ребенка с помощью системы чувственно воспринимаемых содержательных образов (когда чтение следует за зрением, а запоминание – за усвоением). Если предположить, что талантливый московский поэт-просветитель сам изобрел эту систему (как он сумел ее самостоятельно воплотить), следует сделать следующий вывод: что Истомин независимо от Коменского понял необходимость систематического, притом ориентированного на восприятие малыша, дошкольного образования.

Но триптих Кариона – лишь часть комплекса учебных сочинений, отразивших его представления о задачах, содержании и методах начального обучения. В *Informatorium školy mateřské* и ряде других трудов Коменский советовал начинать обучение в семье как можно раньше, чтобы завершить его примерно к 6 годам.

В 1692 г., когда сыну Петра царевичу Алексею шел 3-й год, стихотворец создал для него первую учебную книгу – Букварь – и вручил ее воспитывавшей царевича вдовой царице Наталии Кирилловне (матери Петра), справедливо полагая, что в царской семье учебой царевича более способна заниматься не мать, а бабка. «Приношу перво первую книжицу,– писал царице поэт,– зовомую Букварь языка словенскаго, юже счиних ново ради удобства и охоты учиться хотящим писати писмени и слоги, с вещественными видообразованием и со нравоучительными стихами».

Как первая учебная книга, цель которой была не только «удобно» начать учить, но привить любовь к учению, Букварь максимально опирался на непосредственное вос-

приятие. Ученик видел барабан, говорил «барабан», усваивая звучание и многократно приведенное начертание буквы «Б», а затем уже закреплял усвоенное внятными и простыми силлабическими стихами, удобными для обучения «правильному» чтению «по складам» (см. прим. 42).

Овладение родным, а затем и другими письменными языками, было ключевым элементом педагогики Коменского (опирающейся, разумеется, на солидную схоластическую традицию). Согласно заглавию, изданный в 1694 г. Государевым печатным двором Букварь должен был познакомить ученика не только с русским, но и с греческим, латинским и польским алфавитами¹. В предисловии автор дал четкие инструкции по использованию этой новой в европейской педагогической практике (и не устаревшей доныне) учебной книги. Отличный лицевой список Букваря открывает авторский сборник в собрании Уварова №73, следуя непосредственно перед книгами Триптиха.

Следующее сочинение Истомина, поднесенное, согласно записи самого автора, царевичу Алексею – «Книга Вразумление умнаго делания», традиционная дидактико-панегирическая поэма². Ее содержание близко соответствовало взглядам Коменского на нравственное воспитание как весьма важную часть педагогики. В частности, среди по-

¹ См.: *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881. С. 484–503; *он же.* Материалы для русской иконографии. СПб., 1890. Вып. 7, 9; Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публ. б-ке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / *В.И. Лукьяненко, М.А. Алексеева.* Л., 1981.

² Так следует из приведенной *С.Н. Брайловским* белой записки Истомина «Книги написаны и поднесены» (см. прим. 27). Очевидно, это переделка книги, написанной в 1683 г. для юного царя Петра Алексеевича. Об истории текста см.: *Богданов А.П.* Памятники. № 1, 3-4 (текст и комментарии).

ложительных качеств Карион особо выделял склонность к полезному труду (для царевича это было в основном учение) и выполнение правил поведения. В Уваровском сборнике сочинения о правильном поведении следовали за списками Букваря и Триптиха. В отличие от учебных, назидательные книги часто не иллюстрировались – их разъясняла сама жизнь. «Книгу Вразумление» царевич мог изучать (ряд текстов, вероятно, наизусть) со слов воспитателя, а уже книги Триптиха, как говорил автор в предисловиях к ним, он должен был не только смотреть, но и читать сам.

Изучение Триптиха было приурочено к достижению Алексеем Петровичем четырехлетнего возраста. Адресованный царевичу «в юности четверолетие уже достигающую бытностию» «Едем» датирован автором ноябрем 1692 г., «Екклесия» – декабрем. «Град» (судя по палеографическим признакам) писался примерно в то же время. В обычае Истомина было скорое и самостоятельное (за свой счет, включавший приглашение художника) оформление книг для поднесения. Таким образом, Триптих был подан до дня рождения Алексея 19 февраля 1693 г. Из опубликованных И.Е. Забелиным записей дворцовых расходов видно, что книги понравились царевичу и изучались более года: 13 декабря «Едем» (все сочинение часто называлось по первому разделу) был заказан художнику Оружейной палаты Тихону Иванову, а 27 числа готовая книга была без промедления подана в хоромы царевича¹.

¹ «7202 (1693) г. Декабря 13. В хоромы царевичу и великому князю Алексею Петровичу окольниковей Иван Юрьевич Леонтьев приказал написать в тетратях в полдести (в 2°, – А.Б.) о притчах из Библии царя Давыда и о Вирсавии, да о Едеме сладости, а писать Оружейной палаты жалованному иконописцу Тихону Иванову самым добрым мастерством наспех. И декабря 27 Тихон Иванов, написав, принес в Оружейную палату, в хоромы подал дьяк Кирило Тиханов».– *Забелин И.Е. Домашний быт. Ч. II (1915). С. 620.*

На пятом году жизни царевич Алексей все еще учился по лицевым книгам. В этом возрасте Истомина вручил ему указанную в записке «Книги написаны и поднесены» большую Библию в картинках-иллюстрациях, сопровождавшихся специально сочиненными поэтом стихами¹. Затем царевич получил отмеченный в записке следующим иллюстрированный Акафист деве Марии² – пособие для обязательного в русском начальном образовании обучения пению. Его список также находится в Уваровском сборнике и датирован сентябрем 1694 г.

В Акафисте значительная часть учебной нагрузки была перенесена с картинки на текст, а иллюстрации должны были лишь привлечь внимание ребенка, включить его в игровой контекст. Упомянутый далее в записке Кариона «Букварь малый» картинок уже не имел. Граничное значение «Акафиста в лицах» можно связать с тем, что изучение церковного пения завершало традиционный русский цикл овладения грамотой.

В 5-6-летнем возрасте ученик приступил к освоению навыков скорописного письма по «Букварю малому», единственными картинками в котором были «образцы» – прописи (техника русского письма XVI–XVII вв. требовала, чтобы ученик изучал не траекторию выведения литер, лигатур и выносных букв, а их характерное начертание, вид). Обучение письму, составлявшее в русской школе особый этап (отличный от изучения чтения и пения), не было так уж необходимо царевичу, однако еще дети Михаила Федоровича учились писать. Царь Алексей Михайлович любил писать собственноручно; его сыновья писали по всякой личной надобности, диктуя лишь тексты государственные.

¹ Какую «Библию большую в лицах» поэт, согласно записке, «подписал вновь виршами», пока не установлено.

² В записке «Книги написаны и поднесены»: «Акафист в лицах пресвятой Богородице, мерочисленными стихами написан».

Особенность обучения царевича Алексея состояла в том, что писать он учился раньше обычного, в возрасте «материнской», а не традиционной начальной школы. На шестом году жизни царевич мог приступить уже к изучению наук тривиума и квадривиума с рекомендованными Коменским дополнениями (по известным лицевым космографиям и атласам, гравированным картам и видам, а также лицевой истории¹ – в отличие он неиллюстрированных учебников по основным предметам).

Однако Коменский рекомендовал продолжать «Материнскую школу» до 6-летнего возраста, – и «в седмое лето возраста своего» (1696) царственный ученик придворного поэта взял в руки «Большой букварь» без картинок, но зато с многочисленными грамматическими сведениями². Этот Букварь, изданный тиражом в 20 экз., являлся как бы переходной ступенью от «материнского» обучения к схоластическим наукам, первое известие о которых царевич получил в раннем детстве из последней книги Триптиха.

Изучение поэтического Триптиха показало, что он и есть то недостающее звено, которое объединяет учебные сочинения придворного поэта в стройную систему и дает нам возможность проследить динамику педагогических приемов Кариона Истомина в зависимости от степени развития ученика.

¹ «Лицевой хронограф» (часть «Лицевого летописного свода») был поднесен Истоминным царевичу Алексею Петровичу 3 марта 1699 г. См.: *Пентковский А.М., Богданов А.П.* Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 77–78.

² Он восходит к Букварю *Симеона Полоцкого* (М., 1679) и, частично, к Грамматике *Мелетия Смотрицкого* (М., 1648). Авторский корректурный экз. исследован: *Киселев Н.П.* Указ. соч. С. 169–184. Об издании: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 171–173.

Его первая книга – рукописный «Лицевой Букварь» – не имела прямых аналогий в европейской педагогике в целом. Это оригинальное учебное пособие, увенчавшее развитие национальной традиции, опиралось прежде всего на непосредственное восприятие. От узнавания изображенного предмета ученик переходил к его называнию по буквам, запоминая их звучание, начертание и сложение по «складам». С минимальными изменениями этот комплекс средств обучения грамоте (и частично – языку) используется в русской школе до наших дней¹.

Задуманный первоначально как учебник для «материнской школы», Букварь был ориентирован прежде всего на человека, не обладающего навыками чтения, «бесписьменного» индивида. Это определяло более широкие возможности его применения: при последующем издании Каррион прямо предлагал Букварь всем «имущим учиться отрокам и отроковицам, мужем и женам». Поэтический Триптих представлял следующий этап обучения человека, способного уже не только к непосредственному восприятию и запоминанию, но к чтению и «разумению», усвоению содержания образно представленных, системно взаимосвязанных идей и понятий.

В центре педагогической системы Триптиха находится поэтому не чувственно воспринимаемый через изображение предмет, а образ, рождающийся в совместном усилии телесного и духовного зрения, в сочетании изображения и стихотворного текста, сочетании элементов книги, книг в Триптихе. Аналогией произведению Истомина был «Мир чувственных вещей» Я.А. Коменского. Разными литературными и изобразительными средствами, отразившими не

¹ Периодически возникающие тенденции отказа от первичного чтения «по складам», как выяснили психологи, становятся стимулятором функциональной неграмотности, и уже взрослых «больных» приходится учить сложению слогов.

вполне совпадающие (хотя равно восходящие к античности) культурные традиции, оба автора стремились сообщить ученику *систему* знаний, а не отрывочные сведения о мире, знаний наиболее общих, которые стали бы фундаментом дальнейшего обучения и познания¹.

Функционально «Мир» стоит между Букварем и Триптихом, т. к. уже предполагает наличие навыков чтения (на родном языке) и предлагает изучить систему латинских понятий, переходя от частного к общему. Букварь по сути частен: единство букв дает только алфавит. В книгах Триптиха ученик идет от изучения образов к пониманию их четко прописанной системы, настолько важной для автора, что между книгами прослеживается движение от общего к более частному (вера ⇔ церковь ⇔ знания). На уровне микрокосма «Едем» определяет предназначение человека в божьем мире, «Екклесия» – его поведение, причастность к сообществу верных на земле; «Град» представляет знания о земном мире, над которым человек поставлен царем, и познание которого есть его благое предназначение.

Данная Богом способность познания применима, вполне канонично считает Карион, ко всему вызывающему восхищение Творению: земному и небесному. Поскольку «умное» познание Творения раскрывает замыслы Творца, путь

¹ Напомню, что идеи *единства* и *гармонии* мироздания, в центре которого Богом поставлен человек, – «избранная», наделенная способностью познания земная тварь, – были краеугольным камнем мировоззрения *всех творцов* Научной революции, энциклопедистов и просветителей XVII в. Могучими мотивами их творчества были радость познания законов мировой гармонии, счастье внутренней гармоничности и гордость от соответствия своей деятельности божественному предназначению человека. Впоследствии ядовитые певцы дисгармонии не испытывали свойственных творцам мук неудовлетворенности пройденным путем потому, что не ходили создательными путями и не знали восторгов понимания мира.

к знанию есть путь к Богу. По Истомину, восторг перед «дивно сотворенным» укрепляет веру, а познание мировой гармонии вместе с верой убеждает в естественности единства в лоне Церкви. К этому времени было вполне доказано, что укрепление Церкви требует знаний, хотя сохранялись опасения, что «внецерковные», не контролируемые Церковью знания могут быть опасны для «верных». Карион таких опасений не разделял. В этом смысле мы можем поставить в схеме Триптиха возвратные стрелки:

В этом смысле естественным выглядит возврат царевича Алексея Петровича к истрепанной им, но заново созданной художником Оружейной палаты книге в конце 1693 г., даже если это была одна «Екклесия» (а не Триптих под одним названием).

Последовательно реализованная в Триптихе (аналогично «Миру») идея образно-универсального обучения была взаимосвязана с его точной (более узкой, чем у Букваря) педагогической ориентацией: не только на этап обучения, но и на возраст ученика, определенную стадию развития сознания ребенка. Сравнив Триптих с «Orbis sensualium pictus», легко убедиться, что работа Истомина даже более специализирована для «Материнской школы»¹. В этом отношении и форма его за счет продуманного использования стихотворных средств более функциональна.

По составу текста Триптих ближе не к «Миру чувственных вещей», а к бытовавшим в России энциклопедическим сборникам, в особенности к «Вертограду многоцветному» (именно так в буквальном смысле трактовавшемуся Симеоном Полоцким). Стоит, однако, заметить, что энцик-

¹ Ср.: *Ioh. Amos Comenii. Orbis sensualium pictus. M., 1957.*

лопедическая традиция в XVII в. была общеевропейской, и реализованная в «Мире» идея универсальной системы знаний была тесно связана с традицией энциклопедических сборников. Созданием такого сборника («Театр всех вещей», 1614–1627) сам Коменский начинал свою творческую деятельность.

Оригинальный поэтический Триптих Кариона Истомина имел однородную культурную основу с «Миром чувственных вещей», с тем различием форм, которые характерны для культурных явлений в Центральной и Восточной Европе на протяжении XVII в. Это объясняет саму возможность усвоения русским поэтом системы педагогических взглядов «учителя народов» и тем более – способность Кариона творчески применить оригинальные идеи великого чеха в российской учебной практике.

В то же время отечественная педагогическая традиция была достаточно своеобразной, чтобы исключить прямой перевод или адаптацию учебных пособий Коменского, как это делалось тогда во многих странах Центральной и Западной Европы (или в России с прикладной литературой военного, технологического, географического и т.п. естественнонаучного содержания).

Новому этапу обучения соответствовал иной подход Истомина к учебным средствам, отразивший постепенный перенос основной познавательной нагрузки на смысловое восприятие. В лицевой Библии¹ сочетание картинок со стихами помогало ученику наглядно представить и запомнить важнейшие события. Основное содержание «Акафиста в лицах» было представлено в стихах, а картинки служили иллюстрациями, призванными прежде всего заинтересовать, привлечь ученика к тексту, показать ему роль церковного пения. Вот как выглядела, согласно ремарке автора

¹ Если судить по сохранившимся в черновиках Кариона «подписаниям» (см. прим. 77).

в Акафисте, одна из таких картинок с подписанием (она весьма напоминает картинку в традиционном панегирике¹:

Лист 1, Богородица держит Иисуса на руках, перед ними стоит царевич и вопиет:

Помилуй мя Господи, яко к тебе воззову весь день.
Псалом 82.

От Христа же над него²:

Се отрок мой, его же изволих. Возлюбленный мой, нань же благоволи душа моя.

Исайи глава (42, 1).

Царевич Христу	ум свой простирает,
Алексий Петрович	хвалу приношает.
И Богоматерь	Марию он молит
Да спасти его	в мудрости изволит.

Мы видим, как стихотворец постепенно, от Букваря к Триптиху, от Триптиха к Библии и «Акафисту», затем «Малому букварю» и Букварю 1696 г., переносил центр тяжести с непосредственного, «телесного», на логическое, «умное» восприятие материала.

Новому – школьному – этапу обучения соответствует новый подход Истомина к учебным средствам. Первый учебник гимназической программы – «Малая грамматика» – как мы говорили в начале главы, начисто лишен иллюстраций и стихов. Карион по-иному проявляет здесь заботу об облегчении усвоения материала, в соответствии с новым этапом развития сознания своего ученика. В отличие от современных поэту аналогов, текст последовательно очищен от множества затрудняющих понимание частности, каждое правило подкреплено примером, число иноязычных терминов сокращено, всем оставшимся дано русское разъяснение. Важнейшие тексты выделены расположением матери-

¹ ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 99.

² Т.е. идущая от Христа надпись размещается над царевичем.

ала и киноварью¹. Аналогичный подход прослеживается и в других «гимназических» сочинениях Истомина, например – в сохранившихся среди черновигов его архива отрывках «Этимологии» и «Синтаксиса»².

Таким образом, перед нами сознательная, продуманная и квалифицированная реализация русским автором принципа поэтапного обучения (соответствующего основным этапам развития детской психики), выдвинутого Яном Амосом Коменским. Триптих Истомина, ставший органической частью комплекса его учебных сочинений, показывает, что русский просветитель хорошо понял не только «Мир чувственных вещей в картинках», но и теоретические сочинения великого педагога. Предположение о самостоятельной разработке Истиминым подобного учения теоретически маловероятно (поскольку отраженные в сочинениях Истомина идеи были лишь элементами концептуальной системы Коменского), практически же неприемлемо ввиду полного отсутствия в богатом архиве поэта следов каких-либо размышлений по теории педагогики.

В то же время прослеженные нами связи новаторского творчества Кариона с отечественной педагогической и литературной традицией не позволяют по старому поставить вопрос о влиянии трудов великого педагога на русскую «педагогическую практику». Мы имеем право и должны говорить о более высоком уровне взаимодействия педагогической мысли России с остальной Европой, чем «заимствование» явлений иностранной культуры или «использование» готовых пособий.

¹ *Брайловский С.Н.* Указ. соч. С. 298–301, 439–449 (публ. отрывка). рукопись: РНБ. Эрмитажное собр. № 89 (2°).

² ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 434; № 302. Л. 118–121. Фрагменты опубл.: Там же. С. 459–464. Истомуину приписывается также московское издание арифметики (1700): *Филарет архим. (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. С. 267.

Очевидно, что использование Карионом Истоминым разнообразных учебных средств не сводится к приверженности принципу наглядности. Оно соответствует наиболее передовым в XVII в. представлениям об особенностях начального образования, научно разработанных «учителем народов». Сочинения русского просветителя – плоть от плоти культурных (литературных, учебных, изобразительных) традиций. В то же время их невозможно рассматривать в отрыве от главного наследия А.Я. Коменского – его педагогических идей, глубоко усвоенных и творчески примененных Истоминым.

Поэтический Триптих и понятая благодаря ему система поэтико-изобразительных учебных пособий Кариона для начального образования является выдающимся памятником русской культуры «переходного времени», отразившим ее закономерные, подготовленные всем предшествующим развитием достижения. Труды Истомина свидетельствуют также и о нормальном функционировании педагогической мысли России в системе европейской педагогики.

В XVII в. россияне (как и подавляющее большинство иных европейцев) не достигли уровня, когда смогли дать континенту «учителя народов». Однако творчество Истомина не стоит недооценивать. В свое время он был одним из немногих, кто смог столь последовательно, полно и органично реализовать на оригинальном учебном материале революционные и еще недостаточно усвоенные педагогами идеи Коменского. Букварь и Триптих Кариона по примененным в них средствам обучения стали в полном смысле шагом вперед в европейской педагогической практике.

Глава 2

НОВАЯ ПЕДАГОГИКА ПРИ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ

Рассмотрев поэтический Триптих и используя его как ключ ко всей системе сочинений Кариона Истомина для начального образования, мы констатировали, что не позднее конца XVII столетия в России имелись условия, позволяющие придворному поэту мыслить в русле передовой педагогической мысли.

Обращение к сложным поэтико-изобразительным источникам наглядно продемонстрировало и камни преткновения, зачастую не позволявшие коллегам видеть и понимать реальные ценности русской духовной культуры Нового времени: начиная с замысла отдельного памятника, продолжая творчеством автора, кончая обусловленностью этого творчества функционированием культуры складывающейся нации в системе культурно-исторических связей.

Не менее печальной по своим последствиям ошибкой «фрагментирования» истории является игнорирование социальной среды культурного явления, заказчиков и потребителей, в нашем случае, передовых педагогических работ. Система учебных сочинений Истомина предназначалась, прежде всего, царской семье, а также составлявшим московский Двор верхним слоям российского дворянства.

Источники пока не дают возможности ясно представить взгляды конкретных заказчиков Кариона на образование, но мы можем прояснить общую ситуацию, идя от общего к частному: от просветительных аспектов самосознания дворянства «переходного времени» к традициям и новым явлениям в образовании подрастающего поколения царской семьи. Так мы можем понять, на какой почве возросло новое явление в российской педагогике, как оно было воспринято и что с ним стало.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ДВОРЯНСТВО

Заблуждения относительно культурных и образовательных запросов дворянства в период преобразований, начало которого справедливо отнесено С.М. Соловьевым к царствованию Федора Алексеевича, отчасти объясняются быстрым ростом общего уровня грамотности и образованности россиян в «бунташном веке». Именно стремительность перемен в культуре России делала большинство сравнительных суждений ложными, поскольку сопоставлению подвергались хронологически не весьма удаленные, но качественно уже несравнимые явления.

Наименее грамотным в городах были посадские, но в Москве за последнюю четверть XVII в. уровень их грамотности повысился *втрое* и достиг примерно 52 % (в Соликамске чуть ранее – 49 %). Внимание привлекают не только сами цифры, для Европы XVII в. довольно высокие, а тенденция быстрого роста грамотности. Священство и купечество были к концу столетия грамотными практически поголовно, а дворянство, которое нельзя вполне отнести к горожанам, примерно наполовину¹. Это соотношение соответствует профессиональным интересам и отмеченной множественностью разрозненных источников образовательной актив-

¹ См. выше, часть I, гл. 1, прим. 56.

ности социальных групп¹. Если белое духовенство прилежало к чтению служебной литературы и преподаванию в начальных школах приходов, то купечество усердно вбивало в своих отпрысков математику и живые иноземные языки, а монашество, овладевшее грамотой уже три четверти, поставляло преподавателей «свободных мудростей» и профессиональных литераторов, пользовавшихся языками классическими (греческим и латынью). Сложнее с дворянством.

Сословие служилых людей по отечеству до реформ Петра считается столь неорганизованным и отсталым, что сами эти дворянские преобразования можно объяснить разве что могучей личностью Отца Отечества и тяжестью его дубины. Разумеется, это миф или *историческая легенда*, которую мы определяем как *устойчивое убеждение, игнорирующее известные факты*. Вкратце факты сводятся к тому, что ещё до сосредоточения власти в руках Петра дворянство в основной массе служило, а служба в последней четверти XVII в. была основана на письменном делопроизводстве. Не научив ребёнка читать и писать, дворянин при царе Фёдоре, царевне Софье и царице Наталии Кирилловне в принципе не мог рассчитывать на его карьеру в руководящей должности. Результатом был быстрый рост дворянской грамотности. Известный точностью высказываний и уже цитированный нами Н.В. Устюгов писал, что «в первой половине XVII в. встречаются неграмотные воеводы. Дворяне, посылаемые для выполнения правительственных поручений, были либо неграмотными, либо малограмотными, и потому ездили с подьячими... Во второй половине XVII в. неграмотных или малограмотных воевод не встречается»².

¹ Кошелева О.Е., Морозов Б.Н. Грамотность и образованность различных сословий [XVII в.] // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 55–66.

² Устюгов Н.В. Научное наследие. С. 212.

Однако среди историков более популярно голословное утверждение Г.К. Котошихина, что «многие» бояре «грамоте не ученые и не студерованные», в Думе сидят «брады свои уставя, ничего не отвещают»¹. Воспоминания беглого подьячего, записанные во второй половине 1660-х гг. в Швеции, относятся к 1645–1664 гг. Чтобы проверить их, достаточно взять в руки многократно изданное Соборное уложение 1649 г., под которым из 29 бояр не смогли собственноручно расписаться лишь двое.

Между тем, умение писать долго рассматривалось аристократией как занятие «подлое», и даже в конце XVII в. в школах учили отдельно читать, затем – писать, наконец – петь по нотам. Сам царь Алексей Михайлович писал – к ужасу ревнителей старины – своей рукой, когда хотел особо поощрить корреспондента, а его сыновья – ученики Симеона Полоцкого Симеон, Федор, возможно, Иван – и дочери (в особенности Софья) писали по всякой личной надобности. Учившийся по старинке Петр, писавший в традиции семьи каракулями, вывел своей рукою в общей сложности целые тома писем и записок.

Судя по личной переписке канцлеров А.Л. Ордина-Нащокина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына и подобных князю представителей высших аристократических родов, старинные предрассудки были во второй половине XVII в. забыты. Образование, которое давали своим детям царь Алексей и упомянутые государственные мужи, включало «свободные мудрости» (дисциплины тривиума и квадривиума) вкупе с церковнославянским, польским и латинским языками, на которых полагалось читать, говорить и писать.

Прославленная ученица Симеона Полоцкого царевна Софья не была исключением среди московских женщин высшего круга. Изрядная образованность требовалась, чтобы

¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4, доп. СПб., 1906. С. 24.

вести огромные хозяйства и учить своих детей – будущих государственных лидеров и их жен – когда мужа развезжали служить по бескрайней империи и за море. Во-вторых – для того, чтобы писать личные письма мужьям и детям¹. В-третьих, образованность, начитанность, владение красотами риторики и версификации с последней четверти XVII в. были при дворе в такой моде, что дама, неспособная разразиться по всякому случаю стихами или изящной орацией, могла сойти за деревенскую простушку.

Если в конце 1670-х – начале 1680-х гг. стихотворных эпитафий удостаивались редкие книжники, то спустя десятилетие стихи буквально заполнили надгробия бояр и дворян, архиереев и монахов, дьяков, подьячих, купцов и т. п. В Москве 70-х литературные приветствия и поэмы адресовались разве что царям; в 80-х их посвящали и крупным государственным деятелям; в 90-х дети приветствовали родителей по великим праздникам и в день ангела, гости со стихами поднимали чаши за хозяев, а те заказывали оформление новых палат литератору, чтобы яркая роспись соответствовала премудрому замыслу, разъясненному изящными надписями на стенах, оконных проемах и потолке.

Не удивительно, что все при дворе, по замечанию В.Н. Татищева, «заговорили стихами». За двором, где зарождалась мода, тянулись остальные россияне: гости и верхушка посада, служащие приказов и казенных мастерских палат, иноки и инокини привилегированных монастырей, а также мелкое дворянство (в большинстве не входившее в московский список). Вряд ли следует пояснять, кто именно в дворянских семьях наиболее следил за модой. Хотя щего-

¹ А то стольник кн. П.И. Хованский, например, тревожно вопрошал сына о последнем письме из дому: «Да отпиши ко мне, для чего не материна рука?!» – Частная переписка кн. П.И. Хованского, его семьи и родственников // Старина и новизна. М., 1905. Кн. 10. С. 316.

ли (нешадно ругаемые добропорядочными старцами то за «горлатные» шапки, то за красные каблуки, ибо вечна истина, что «молодежь нонче не та») всегда были на виду, спрос на их старания всегда определялся красными девами и женами: именно последние заботились о наряде мужей.

Конечно, выручали придворные литераторы, вроде Кариона Истомина, мгновенно писавшего стихи и речи всем и на всякий случай. Но само женское увлечение высоким литературным стилем вовсе не было диковиной: умная и красивая речь, даже согласно злобному памфлету Котошихина, издавна считалась на Руси важным признаком «доброй» невесты. От мужчин этого не требовалось: в результате еще в Древней Руси премудрые женские речи воспринимались нашими богатырскими предками с трудом, да и новейший исследователь ужасается многозначительности выражений прекрасного пола XI–XIV вв.¹

Так что не нужно было иметь маму из рода Гамильтон, как у А.А. Матвеева, чтобы юный дворянин был часто отрываем от коней, оружия и прочих интересных вещей и принуждаем корпеть над книгами. Единственное отличие обучения девочек состояло в том, что им по традиции, отраженной еще «Домостроем», не рекомендовалось впаривать науку через седалище. Действительно ли «розга ум встряла, память изощряла», или вколачивание знаний требовалось для преодоления отставания юношей от девушек в природной склонности к учению – тайна велика есть. Однако же учились равно те и другие, а Карион Истомин без всяких сомнений адресовал учебник «хотящим учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам».

В авторском архиве придворного поэта сохранилось огромное количество заказных литературных произведений на

¹ Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 47–51; *он же*. Ужасное и саркастическое // Чтения по истории русской культуры. М., 2000. С. 83–89.

все случаи жизни равно для мужчин и женщин, учениц и учеников. Черновики поэта показывают, что обоего пола придворные, а за ними мелкие дворяне и приказные, гости и купцы, монахи и певчие мнили себя знатоками изящной словесности. Да и как иначе, когда жизнь человека начиналась стихотворными поздравлениями друзей счастливым родителям, проходила под литературными девизами и эмблемами, а завершалась выбитым на надгробии силлабо-ритмическим 11-ти или 13-ти-сложником...

Обращаясь к содержанию окказиональной литературы, расцветшей в Москве после Симеона Полоцкого (†1680), следует констатировать весьма высокий, сравнительно с господствующими в литературе представлениями, уровень общих познаний Государева двора и его среды о мире, природе и человеке, составе и содержании схоластических научных дисциплин, не говоря уже о богословии¹.

Знания, на которые были ориентированы аллегорические конструкции придворных литераторов, распространялись частью благодаря познавательной направленности самой придворной литературы, а в основном – вполне традиционной рукописной и печатной книжностью. Именно дворянство, составлявшее небольшую часть населения России, было едва ли не главным потребителем продукции Государева печатного двора (за изъятием из подсчетов церковно-служебной литературы).

Дворянами и дворянками раскупалась немалая часть бесчисленных тиражей Букваря, почти вся беллетристика (особенно Верхней типографии). Ими было выкуплено не только 66,7% «Книги о хитростях ратного строя», но 60% Соборного уложения и даже 25,9% Миней месячных. Обладатели крупных библиотек русской и иностранной литературы и собственных книгописных мастерских, вроде Н.И. Романова, Б.И. Морозова, Н.И. Одоевского, Ф.М. Ртищева

¹ Богданов А.П. Естественнаучные представления. С. 260–278.

и В.В. Голицына, были постоянными покупателями Печатного двора, коих не смущала высокая цена изданий¹.

Если не мог прожить в провинциальном монастыре без книг ученый монах Сильвестр Медведев, то таким же образом слезно молил из-за границы о присылке новых книг и будущий канцлер А.Л. Ордин-Нащокин, адресуясь к боярину Ф.И. Шереметеву и князю М.П. Пронскому². Надо учесть, что о дворянских и других частных библиотеках мы знаем в основном по материалам конфиската, когда на изъятое или выморочное имущество составлялась опись.

Очевидно, что книг и библиотек у представителей сословия служилых по отечеству было значительно больше, но главное, что можно утверждать наверняка – они функционировали более интенсивно, чем частные дворянские библиотеки впоследствии. Не стараясь привести рассыпанные в частной переписке просьбы о покупке, присылке и передаче книг, тем более не пытаюсь охватить море свидетельствующих об их бытовании владельческих и читательских маргиналий, ограничусь одним примером.

Случайно сохранившийся в архиве Кариона Истомина листик записей свидетельствует, что за пять месяцев он выдал «почести» из своей сравнительно небольшой библиотеки 27 книг 26-ти представителям разных слоев общества, главным образом высшего, в том числе 9-ти читательницам. Княгиня М.Ю. Трубецкая брала у поэта Лицевой Букварь для своих чад, а княгиня М.Ф. Голицына – «Слово о послушании и военном деле» (неведомо для кого: может, сама желала знать воинский устав?). Другие дамы высшего света, П.И. Пушкина и кн. Е.А. Куракина, читали друг

¹ Подробнее см.: *Луппов С.П.* Книга в России XVII в. Л., 1970; *он же.* Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.

² *Галактионов И.В.* Ранняя переписка А.Л.Ордина-Нащокина. Саратов, 1968. С.23.

за другом свежую сентябрьскую миную Дмитрия Ростовского, князь П.И. Хованский – Скрижаль Симеона Полоцкого, дворяне Глебовы – новый Истоминский перевод «Книги Иулия Фронтинна, сенатора римскаго, о случаях военных» и печатную грамматику, дворянин Ф.В. Наумов – Библию в переводе Елифания Славинецкого.

Книжные интересы читателей, согласно этому маленькому срезу библиотечного быта, не выходят за рамки общей статистики грамотности. Купцы лучше знали живые языки – и гость Андрей Филатьев просил почитать немецкий Календарь Фогта. Монахи отличались в изучении языков классических – и «иеродиакон Иов, что по гречески и по латине умеет», брал у Кариона Атлас Меркатора. Монахиня явила склонность к беллетристике, взяв изысканно изданную Верхней типографией Историю о Варлааме и Иоасафе Симеона Полоцкого. А жена не попавшего в статистику певчего дьяка не посрамила сословную группу, бывшую при дворе в чести, и осилила довольно сложный теологический трактат Григория Богослова¹.

Кажется очевидным, что профессиональные интересы принуждали к образованию сильнее, нежели придворная мода. Для дворянства в целом после военно-окружной реформы царя Федора требования регулярной службы серьезно возросли, но не только потребности государства определяли уровень грамотности сословия служивых по отечеству.

Государственное делопроизводство, включая военную документацию в центре и на местах, в том числе в полках, базировалось на нескольких тысячах профессиональных чиновников, дьяков и подьячих, получавших помимо общего образования еще и специальное² (благодаря чему можно с первого взгляда отличить документацию Поместного при-

¹ *Богданов А.П.* Известия Кариона Истомина. С. 105–114.

² См.: Профессиональное обучение при московских приказах // Очерки истории школы... С. 103 и след.

каза от Посольского и т. п.). К ним надо прибавить прослойку площадных подьячих и стряпчих, служивших для связи частных лиц с казенным дело- и судопроизводством.

Казалось бы, что для дворянской конной части регулярной армии и даже для исключительно дворянского офицерского состава всех полков и рот само умение читать и писать не было «зело нужнопотребным». Тем не менее, введение обязательной службы, обыкновенно ошибочно приписываемое Петру I, было серьезным фактором роста грамотности¹ в связи с другим важнейшим делом дворянина: поместно-вотчинным управлением, которое все чаще приходилось осуществлять на расстоянии, в письменной форме.

Для XVII в. ученым давно известны были крупные дворянские архивы Б.И. Морозова, А.И. Безобразова и др.², из коих явствовало, что хороший хозяин лично и детально следил за поместно-вотчинной документацией. Ныне, благодаря изысканиям Б.Н. Морозова, мы располагаем сведениями более чем о 300 дворянских архивов «бунташного века», отразивших хозяйственную деятельность и культурные интересы всех (а не только высших) слоев служилых по

¹ Профессиональные офицеры, вроде генералов Г.И. Косагова, А.А. Шепелева, М.О. Кровкова, потому и выслуживались из низших дворянских чинов, что отлично разбирались в фортификации, картографии, новейших методах и средствах войны. См.: *Малов А.В.* Государевы выборные полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 14. № 2. С. 2–7.

² *Забелин И.Е.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. Кн. 1–2; Переписка стольника А.И. Безобразова 1687 года // ЧОИДР. 1888. Кн. I; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. I. Л., 1933. Ч. II М.:Л., 1936.; Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. М.:Л., 1940–1945. Ч. I–II; *Новосельский А.А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А.И. Безобразова). М., 1965; *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.

отечеству¹. И исторические материалы, тесно связанные с обоснованием дворянского родового права, занимают в этих архивах весьма видное место².

ДВОРЯНЕ В ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ

Общий интерес россиян к истории в период преобразований, когда представители всех слоев общества, включая приказных служащих и даже крестьян³, искали в историческом опыте ответ на вопрос о путях дальнейшего развития страны, усиливался у дворян профессиональным интересом. Ведь для служилого по отечеству сохранение памяти об этом самом «отечестве», месте своего рода в исто-

¹ *Морозов Б.Н.* К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дюктябрьский период. М., 1981; *он же.* Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине XVII в. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981; *он же.* Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982; *он же.* Записная книжка помещика XVII в. // СА. 1983. № 5; и др.

² *Морозов Б.Н.* Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дюктябрьского периода. М., 1982; *он же.* Летописцы на столбцах в частных архивах XVII века // История и палеография. М., 1993; *Кошелева О.Е., Морозов Б.Н.* Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII в. (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. М., 1994. Ч. I.

³ См.: *Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной технической книги в последней четверти XVII – начале XVIII в.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып.2; *он же.* Архив торговых крестьян Шангиных // СА. 1980. № 1.

рии было составляющей процесса добывания средств к существованию, особенно важной в момент консолидации класса служилых феодалов, отбрасывавшего от себя промежуточные и деклассированные слои. Между тем летописи и вообще «старинные книги» с историческими известиями, так или иначе отражавшими службу дворянских родов, еще в XVI в. признавались достоверными свидетельствами (наравне с царскими грамотами и разрядными книгами) не только широкими кругами дворян, но и судьями в местнических спорах (которые были дворянами же)¹.

Такое уподобление не удивительно, учитывая изобилие «частных» редакций разрядных книг² и удобных тому или иному роду «списков» государевых грамот, поминальных записей и т. п. Важно, что и в конце XVII в., при мобилизации фамильных архивов для составления росписей в Палату родословных дел, исторические сочинения употреблялись для доказательства родовых притязаний³. Благодаря этому появилась замечательная «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова, основанная на десятках фундаментальных античных источников по изданиям XVI–XVII вв., а также на ученых трудах того времени⁴.

Очевидно, что от российского дворянства Нового времени следовало ожидать историографической активности, далеко превосходящей долю этого сословия в населении страны и даже в относительном уровне его образованности⁵. Во второй половине XVII в. дворянство делило ведущую позицию в летописании с духовенством и приказными людь-

¹ См.: *Маркевич А.* О местничестве. Киев, 1879. Ч. I. С. 296.

² *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 1962; и мн. др.

³ См., напр.: *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 148–151.

⁴ *Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогия / *А.П. Богданов.* М., 1994.

⁵ Подробно: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

ми¹, не считая даже того, что ряд видных авторов – монахов и приказных – относился к дворянским родам². По интересу к истории дворяне резко превосходили купечество, что говорит о высоком уровне их общественного самосознания и отчасти объясняет грядущее поражение торгово-промышленного города перед феодальной реакцией.

Дворянские редакции летописных памятников выделяются особым интересом к военно-политическим событиям и делам «службы», ярко выраженным сословным и личностным отношением к событиям. Про этом дворяне, избравшие приказную, «бюрократическую» карьеру, были отнюдь не столь смелы в обращении с источниками и литературной формой, как оставшиеся на «старой» лестнице чинов Государева двора³. Подчеркнуто личностный подход делал дворянские редакции летописей столь индивидуальными, что им свойственно было «выпадать» из развития памятников в рукописной традиции.

¹ *Богданов А.П.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // *Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма.* М., 1989. С. 197–220.

² Среди монахов, помимо Игнатия Римского-Корсакова, довольно вспомнить сотрудника патриаршего летописного скриптория Исидора Сназина, автора Мазуринского летописца и др. сочинений, происходящего из новгородских дворян. *Богданов А.П.* Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 14–62.

³ Отделив произведения служилых феодалов (в приказном или дворцовом облиции), создававшиеся «по службе», от личных произведений дворян, выразивших их частную позицию, мы можем поставить задачу комплексного изучения «административной историографии», представлявшейся до сего дня лишь не вполне завершенной работой сотрудников Записного приказа, а также сочинениями дьяка Ф.А. Грибоедова и окольников А.Т. Лихачева (*Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...» С. 3–12, 30–40.

Еще ярче личный взгляд на историю выражался в оригинальных сочинениях дворян, даже написанных в традиционной форме, вроде летописцев видных государственных деятелей боярина князя Ф.Ф. Волконского и думного дворянина А.Я. Дашкова¹. Оригинальные дворянские летописи развивались по особому пути и явились предшественниками других жанров: монографического, мемуарного и дневникового. Их объединяющей чертой стал ярко выраженный личный взгляд на события, претендующий на историческую правду вне зависимости от традиции, общественного мнения и прочих старинных критериев истинности суждений. Если патриарший летописец из дворян Сидор Сназин маскировал свои смелые суждения в традиционной форме летописания «без гнева и пристрастия», то дворяне не бывшие, а сущие, выражались с лавинообразно нараставшей в XVII в. откровенностью.

Даже форма «жалобницы» не мешала дворянам выражать свой взгляд на события с неукротимым публицистическим запалом. Замечательные воспоминания о событиях 1663–1668 гг. оставил вяземский дворянин М.М. Сафонов, сосланный в Соль Камскую после осуждения отца и казни брата по навету и вынужденный хлопотать перед царем о восстановлении справедливости². Превосходна по содержательности суждений автобиографическая записка принявшего постриг опального канцлера А.Л. Ордина-Нащокина.

¹ *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 13–29; *Богданов А.П.* Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Т. 16. М., 1990. С. 100–110; *он же.* Волконский Федор Федорович. Дашков Андрей Яковлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 184–185, 251–253 (последняя статья – в соавт. с *О.А. Белобровой*).

² *Сафонов М.М.* Света сего жизнь недоступная... // Атений. 1858. Ч. 3. № 5/6. С. 130–135.

В 1678–1679 гг. инок Антоний вспоминал историю внешней политики России и, подкрепляя рассуждения документами, доказывал новому царю Федору правильность своих решений 1650–1660-х гг.¹

Множество тайн Двора 1670 – начала 1680-х гг. раскрывает «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...»² – следующего после Нащокина опального «премьера». Это уже почти современные мемуары, включающие похвалы друзьям и поношение противников, личные впечатления и сугубо индивидуальный взгляд на события, приведшие к казни боярина Матвеева восставшим народом в мае 1682 г. Вероятно, что «История» принадлежит перу сына казненного – благо Андрей Артамонович Матвеев составил на рубеже веков похожие по тональности и позициям (но отличающиеся, соответственно новым политическим веяниям, в некоторых деталях) Записки о политической борьбе 1680–1690-х гг.³

Московское восстание 1682 г. заставило дворян задуматься о судьбе России и способствовало популярности сочинений о более ранних народных выступлениях. Боярин Григорий Никифорович Собакин старался найти объяснение трагедии 1682 г. в своих воспоминаниях и сообщениях других очевидцев о событиях Соляного и Медного бунтов⁴. К

¹ *Копреева Т.Н.* «Ведомство желательным людям» // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 343–349.

² История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева... / *Н. Новиков.* М., 1776; 2-е изд. М., 1785.

³ Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // *Сахаров И.П.* Записки русских людей. СПб., 1841. С. 1–94.

⁴ *Собакин Г.Н.* Описание Московского восстания 1648 г. / *В.И. Буганов* // Исторический архив. 1957. № 4. С.227–230; *Собакин Г.Н.* [Записки] / *В.И. Буганов* // Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1962. С.448–453; *Буганов В.И.* Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 годов // АЕ за 1958 г. М., 1960. С.99–114.

1680-м гг. относится широкое распространение «Сказания» астраханского дворянина Петра Алексеевича Золотарева¹. Несмотря на название, памятник довольно далек по форме и содержанию от летописи или сказания².

Начатки мемуарного жанра не принадлежали исключительно дворянской среде. События личной жизни и индивидуальные наблюдения записывали в конце столетия и дьячек Благовещенского погоста на р. Ваге Аверкий, и московское семейство площадных подьячих Шантуровых³. Крупнейшая заслуга в «очеловечивании» исторического повествования принадлежит «огнепальному протопопу» Аввакуму, его товарищам-староверам – Епифанию, дьякону Федору, Савве Романову, выдающимся женщинам раскола и их биографам⁴. В ярко выраженном личностном восприятии и откровенно субъективном изображении событий они шли дальше светских мемуаристов.

¹ Изданного *Л.З. Мильготинной* в 31-м томе ПСРЛ. М., 1968. С. 206–233. О ходе работы автора свидетельствуют его дополнения к беловику: *АИ. Т. II. СПб., 1841. № 202*. Помимо отдельных списков памятник включался в современные летописи: *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 27–44.

² *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явление...». Гл. 3. С. 41 и след.

³ *Тихомиров М.Н.* Заметки земского дьячка второй половины XVII века // Исторический архив. Т. 2. 1939. С. 93–100; *он же.* Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 444, 456–457.

⁴ Жизнеописания Аввакума и Епифания / *А.Н. Робинсон.* М., 1963; «О послании в заточение и о нестерпимом мучении дьякона Федора...» // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. С. 117–120; *Романов Савва.* История о вере и челобитная о стрельцах // Там же. С. 111–148; Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой // Материалы для истории раскола. Т. 8. Ч. 5. М., 1886. С. 137–203.

Напряжение идейной борьбы повсеместно ломало традиционные литературные рамки, довольно расшатанные к XVII в. (вспомним хотя бы житие Юлиании Лазаревской, созданное сыном преподобной). Патриарший протодьякон Иван Корнильевич Шушерин принужден был фактически отказаться от житийной формы, написав подлинное исследование о жизни и обстоятельствах деятельности Никона. В свою очередь монах из дворян Игнатий Римский-Корсаков, блестящий знаток житийного жанра в его классических традициях, важнейшую часть «Жития» патриарха Иоакима изложил в форме письма к своему приятелю Афанасию, архиепископу Холмогорскому и Важескому¹.

И произведения, появившиеся в ходе жаркой богословской полемики о «пресуществлении святых даров», оказали заметное влияние на развитие приемов рациональной исторической критики в России, как другие богословские разногласия и проблемы способствовали развитию источниковедения на Западе, в частности, обществом болландистов. Важно, что и эта полемика содержала в качестве важнейшей идею о праве человека «разсудати себе» – убеждение, лежавшее в основе дворянских сочинений «переходного времени» (не распространяемое ими на «чернь»).

Но староверы и никониане, просветители и мудроборцы самыми личными эмоциями и глубокими аргументами служили неким отвлеченным идеям, объединявшему их общему делу. Литературная традиция «переходного времени» все же оставляет основной вклад в развитие личностного начала за дворянством. Это нетривиальное для нашей историографии утверждение требует пояснения.

¹ Известие о рождении, и воспитании, и житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. Изд. 2-е. М., 1908; Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Н.П. Барсуков. СПб., 1879.

Да, Аввакум мог сосредоточиться на личной жизни как никто другой, поскольку историческая истина, правота его дела представлялась автору объективной реальностью, не требующей ни исследования, ни доказательств. У «огнепального протопопы», в отличие, например, от князя Ивана Андреевича Хворостинина¹, не возникало потребности в мучительных размышлениях о нравственном смысле событий. Аввакум не оплакивал собственных заблуждений и не сострадал гонителям, вынужденным, как и сам Хворостинин, болезненно пересматривать смысл истории и искать оправдания собственным поступкам. Аввакум с попадшей и детками страдал за правду – князь и его герои, начиная с патриарха Гермогена, мучились в поисках личной истины и силились определить *свое* место в трагических событиях русской истории (подобно А.М. Курбскому, невзирая на обличительный пафос его сочинений).

Именно у представителей служилого сословия раньше и ярче других проявляется личный, не связанный со служением некоей надчеловеческой идее, взгляд на действительность. Реальная служба занимала дворян достаточно, чтобы не отдавать ей и досуг, а главное – это была мирская, редко связанная с духовностью работа.

Тем не менее о событиях, связанных с собственной службой, авторы рассказывали много и живописно. Помимо называвшихся сочинений, следует вспомнить повествование о приключениях стольника В.А. Даудова, вернувшегося с успешной посольской службы в Константинополе, Азове, Хиве и Бухаре (1669–1675)². Близкие по типу записки будущего дипломата графа П.А. Толстого сообщают впечатления от путешествия через Австрию и Германию в

¹ См.: *Богданов А.П.* Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 64–100; библиогр. с. 455–458.

² Выезд из Персии и службы стольника Василия Александровича Даудова... // *Русский архив.* 1889. Кн. 2. Вып. 5. С. 5–20.

Италию для обучения морскому делу по приказу Петра I (1697–1699)¹. Развитию новой, отличной от «хожений», формы записок путешественников помогала разработанная стилистика посольской отчетности, в коей даже доносы временами выглядели поэтически. Недавно удалось выяснить, что и знаменитейшие, популярные едва ли не более всех последующих публицистических сочинений староверов, «Прения с греками о вере» первоначально создавались Арсением Сухановым как донесение Посольскому приказу².

На рубеже веков популярность приобретает и несколько иная (но не принципиально отличная) журнальная форма повременных записей. Она широко известна по так называемому «Журналу» Великого посольства 1697–1699 гг., составленному загадочным автором от первого лица. Уже по тому, что ученые бесплодно спорят об авторстве сего памятника, можно понять, что личностный фактор в петровском окружении несколько меркнет по сравнению с яркими страницами предшествующей эпохи³.

В сходной форме писались дворянские записки эпохи Северной войны⁴. Думный дворянин воевода С.П. Неплюев рассказал о поражении своего отряда в сече со шведами у Клецка (1706), а неизвестный автор поведал о разгроме шведов под Лесной (1708), сопроводив рассказ рассуждением о войне в целом⁵. «Журнал» – фактически дневнико-

¹ Путешествие стольника П.А. Толстого / *Д.А. Толстой*. М., 1888.

² *Богданов А.П.* Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // ИОИ за 1989. М., 1989. С. 175–205.

³ Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии 1697–1699 гг., веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы / *И.Ф. Горбунов* // Русская старина. 1879. Т. 25. № 5. С. 101–132; и мн. др.

⁴ Что объясняется, возможно, влиянием официального «Журнала или поденной записки» (СПб. 1770).

⁵ Бой со шведами у местечка Клецка, журнал С.П. Неплюева 19-го октября 1706 г. / *Н.Н. Оглоблин* // Русская старина.

вые записи о службах 1714–1727 г. с отдельными развернутыми описаниями событий, например, Прутской катастрофы 1711 г., – довольно регулярно вел секретарь придворной конторы капитан-поручик А.А.Яковлев¹. Интереснейшие наблюдения о войне на Балтике оставил в своих Журналах вице-адмирал Наум Акимович Синявин². Также остановившийся на событиях Северной войны граф Г.П. Чернышев рассказал о своей и родственников службе за 1672–1739 гг. в форме «автобиографических записок», весьма напоминающей сочинения XVII в.³ Впрочем, и форма «журналов», производящих впечатление новизны названия, в первой четверти XVIII в. не ушла далеко от повременных летописных записей, а рассказы о событиях, свидетелями и участниками которых являлись авторы, были в «бунташном столетии» важными источниками летописцев⁴.

Классическим примером дворянских повременных записей, в русле которых происходило зарождение мемуарных жанров, являются Записки окольничего Ивана Афанасьевича Желябужского. Видный администратор и дипломат вто-

1891. Т. 72. № 10. С. 25–32; «Записка о войне шведской...» // Военный журнал. 1833. № 3. С. 41–53.

¹ Выписка из журнала Александра Андреевича Яковлева, находившегося при императоре Петре Великом во время сражения под Прутом, в 1711 году // Отечественные записки. 1824. Ч. 19. С. 15–24; Карманный журнал Яковлева // Там же. 1824. Ч. 20. № 54. С. 74–91; 1825. Ч. 23. № 63. С. 85–102;

² Морские журналы Н.А. Синявина 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1852. Ч. 10. С. 326–359.

³ Записки Г.П. Чернышева / Ф.К. Опочинин, М.И. Семевский // Русская старина. 1872. Т. 5. № 6. С. 791–802.

⁴ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С.11–205; Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // СА. 1979. № 2. С. 34–37; он же. Редакции Летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 124–151.

рой половины XVII в. начал писать под впечатлением Московского восстания 1682 г. и завершил повествование статьей о Полтавской баталии¹. В ранних статьях Записки подобны Летописцу московского служилого человека 1636–1689 гг., писавшегося по личным впечатлениям за 1668–1682 и, после перерыва, за 1689 г.²

К своему концу сочинение отставленного после свержения Софьи (1689) Желябужского сопоставимо с трудами видного петровского дипломата князя Бориса Ивановича Куракина. В его Записках (1676–1712) и путевом Дневнике (1705–1708), в рассказе о взятии Нарвы (1704) и основанном в значительной части на личных впечатлениях сочинении о Северной войне (1700–1710) представлен практически весь спектр сюжетов ранней дворянской мемуаристики петровского времени³. Хотя Желябужский бывал в Венгрии, Польше, Курляндии, Германии, Австрии, Англии, Флоренции и Венеции, а Куракин вообще значительную часть жизни провел за границей, на форме их записок это сказалось мало⁴. Пожалуй, генерал русской службы Патрик Гордон внес больше московского в свой подробный Дневник⁵, чем «европеизировавшиеся» (согласно традиционной версии) отечественные мемуаристы почерпнули при близком

¹ См. новейшую публикацию: *Богданов А.П.* Россия при царице Софье и Петре I. С. 201–327.

² ГИМ. Уварова 44. 41 л. Текст издан с пропусками среди «Записок приказных людей»: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 254, 256–261.

³ Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890; Кн. III. СПб., 1892.

⁴ Не считая редких интимных высказываний Куракина.

⁵ Дневник генерала Патрика Гордона... / *М.А. Оболенский, М.Е. Поссельт.* Ч. 1–2. М., 1891–1892.; Дневник Гордона во время пребывания его в России / *П.М. Майков* // Русская старина. 1916. Т. 165–166, 168; 1917. Т. 169–171; 1918. Т. 174–175; Патрик Гордон. Дневник, 1635–1659 / *Д.Г. Федосов.* М., 2001; он же. Дневник, 1659–1667 / *Д.Г. Федосов.* М., 2002; и др.

знакомстве с Западной Европой. Даже от «Гистории» Куракина параллели следует проводить не к западной литературе, а к «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского, завоевавшей популярность в России как раз в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.¹

Две тенденции русской аристократии в отношении к Европе, порожденные «затворением» границ еще при Иване Грозном, хорошо известны. Одни, вроде князя Хворостинина, рвались уехать в просвещенную Италию. Другие горько рыдали, отправляясь по царским указам «в немцы», где нет ни истинного благочестия, ни даже бани. Но к восприятию западноевропейской *книги* обе эти крайности не относились. Так называемые «западники» критиковали многие положения западной ученой литературы, не говоря уж о неприятии чужой веры, политического устройства, обычаев и нравов. При этом идея «собрать и сжечь» иноземные книги посещала лишь очень немногих мудроборцев.

В XVII в. не было сколько-нибудь заметной библиотеки, где отсутствовали бы книги западноевропейской печати. Знание латыни и польского позволяло читать значительную часть произведений в подлинниках и иностранных переводах; дворяне читали также на немецком, греческом, реже французском языках. Для менее образованных некоторые светские книги переводились за четверть века по три, пять, восемь и даже более раз!² Круг чтения знатока язы-

¹ Логично предположить, что не благостное влияние просвещенного Запада (переживавшего расцвет абсолютизма), а отсутствие окрест специфических отечественных прелестей вроде псов-опричников или Преображенского приказа способствовало остроте историко-публицистического пера двух русских аристократов, разделенных более чем столетием трагического опыта государственного строительства *a la russ*.

² *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1861; и др.

ков мог быть достаточно произволен, но работа переводчика являлась почти исключительно следствием общественного интереса. Подавляющее большинство западноевропейских книг принадлежало дворянам.

Для тех, кто не мог обладать библиотекой, стоившей целое состояние, существовали многочисленные рукописные сборники, которые часто были личными библиотеками их составителей. Например, суздальский архиепископский сын боярский Иван Нестерович Кичигин почти 20 лет собирал в свой сборник интересные для него исторические материалы (указывая их источники). Так появились у него выписки из замечательных отечественных исторических сочинений, а почетное место было отведено «Избранию вкратце из книги глаголемыя Космографии, еже глаголется описание света», «Римским деяниям» и переводным повестям¹.

Два сюжета помогают понять взаимосвязь русских и иностранных историко-публицистических сочинений конца столетия, характеризующую включенность русской книжности в европейскую. Поляк составитель «Дневника зверского избиения московских бояр в столице в 1682 г.», написанного «в нынешнем 1683 году»², изложил версию событий, исходившую из окружения юного А.А. Матвеева³ и уже сообщенную 11 октября 1682 г. в Варшаву, а оттуда по тайному каналу в Рим⁴.

¹ РНБ. Погодина 1953. 4°. 155 л. Оригинал. Описан.: *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII века. С. 257–261.

² Публ. *А. Василенко* по польскому рукописному оригиналу: *Dziariusz zaboystwa tiranskiego senatorow Moskiewskich w stolicy roku 1682 y o obraniu dwoch carow Ioanna y Piotra.* М., 1901.

³ Отражена в его Записках и «Истории о невинном заточении».

⁴ *Narratio rerum, quae post obitum Alexii Mikalowiez, Russorum Imperatoris etc...* edita a *Sebastiano Ciampi.* Florentiae, apud Guilelmum Piatti. 1829; *Monuments historiques, relatifs aus regnes d'Alexis Michailowitsch, Feodor III et Pierre le Gran czarz de Russie, extraits des archives...* par *Augustin Theiner.* Roma, 1859.

В 1686 г. «Дневник» был издан на немецком языке¹ и через год использован автором «Краткого и новейшего, из лучших описателей в место снесенного и до нынешних времен продолженного, московских времен и земель, гражданских чинов и церковного описания» (Нюрнберг, магазин И. Гофмана. 1687). «Краткое описание», изданное по случаю вступления России в Священную лигу против Османской империи (1686), было вскоре переведено на русский².

В 1687 г. само московское правительство «было крайне озабочено» изданием в Амстердаме резидентом бароном Иоганном Вильгельмом фан Келлером на латинском, немецком и французском языках «Истинного и верного сказания» об успехах России в составе Священной лиги. Текст был разослан дипломатической почтой в Австрию, Испанию, Францию, Англию, Швецию, Данию, Польшу, Венецию и обратно в Россию, где переведен на русский³.

Между тем, рассказом «Краткого описания» воспользовался в «Дневнике путешествия в Московию» (1698 и 1699 гг.) секретарь немецкого посольства Иоанн Георг Корб⁴. Его сочинение, вышедшее в 1700 г. в Вене, оказало заметное влияние на европейскую (русскую и западную) историографию⁵. Немного опередивший Корба английский историк Крюль в 1699 г. изложил другую версию собы-

¹ Kurtze und grundliche Relation, wie die vornehmste moscovische Hurren in der Stadt Moscow anno 1682 jammerlich seyn niegehauen und die beyden Printzen Ioannes und Petrus zu zaren erwelt woren. 1686.

² БАН. 17.4.15. Л.170-208. Указания на время работы над кодексом см. на л. 57, 76.

³ *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57–84.

⁴ СПб. 1906. С. 198–201.

⁵ *Korb J.G.* Diarium itineris in Moscoviam... Vienhae Austrial, 1700.

тий, полностью основываясь на «письме» анонимного россиянина¹, так что получилось в большей мере русское, нежели английское сочинение.

В целом взаимовлияние отечественных и зарубежных сочинений в описании Московского восстания 1682 г. оказалось столь велико, что мы не можем без большого ущерба разделить летописцы, повести, дипломатические реляции, книги путешественников и авантюристов, памфлеты и письма русских и иностранных авторов конца XVII – первой четверти XVIII в.² А ведь речь идет о довольно опасной для российских подданных теме, связанной с судьбой многих власть имущих, начиная с Петра, воцарившегося в результате дворцового переворота 27 апреля 1682 г.

Наличие и свободное обращение западной литературы, восполнявшей пробелы в русских источниках, было важнейшим условием зарождения монографических исследований и создания накануне петровских преобразований таких фундаментальных трудов, как «Генеалогия» и первая обобщающая научная работа: «Скифская история» стольника Андрея Ивановича Лызлова (1692)³.

Сказанного достаточно для пояснения, что ни восторги, ни тем паче изрядные опасения, связанные у дворянства «переходного времени» с Западной Европой, ни в коей мере не распространялись на обмен сведениями и знаниями. В самом деле: в Боярской думе регулярно (со времен царя Федора Алексеевича – еженедельно) слушались доклады Посольского приказа о международных (в основном европейских) делах. Несколько раз в месяц докладывались

¹ *Crull J.* The present conditions of the Moscovite Empire, till the year 1699, in two letters. London, 1699.

² Подробно см.: *Богданов А.П.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 года. Часть 1 // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 77–108; Часть 2 // Там же. М., 1996. С. 39–62.

³ *Андрей Лызлов.* Скифская История / *А.П. Богданов.* М., 1990.

и «Куранты» – переведенные в Посольском приказе выдержки из свежих западных газет. Если заглянуть в документы приказа, окажется, что значительная часть московских дворян побывала за границей в составе посольств, некоторые ездили туда многократно, некоторые, вроде участников посольств П.И. Потемкина и Я.Ф. Долгорукова, проезжали Европу насквозь, до Англии и Испании. Не попавшие в посольства имели большие шансы угодить в пограничные комиссии или, на худой конец, участвовать в приёме иностранцев в Москве, где с 1670-х гг. работали постоянные представительства одних европейских стран и почти все время сидели эмиссары других. Не общавшихся с иностранцами среди московского дворянства не было: после военно-окружной реформы реформы 1679 г. доля иностранных офицеров в регулярных полках составляла 15%, плюс множество выходцев из Центральной и Западной Европы работало в гражданских учреждениях (Аптекарском приказе, Оружейной палате, на Пушечном дворе и казенных заводах).

Анекдотичность представлений об «оторванности» России от Европы и «консерватизме» московских бояр иллюстрирует пример заслуженного полководца и дипломата Бориса Петровича Шереметева (1652–1719). В весьма зрелом возрасте боярин (с 1682 г.) испросил у Петра дозволения отправиться за свой счет в чужие края, «чтобы обогатить ум свой новыми сведениями, в особенности по части военной» (1697–1699)¹. Он был прекрасно принят польским королем, императором, римским папой, дожем Венеции, польской, имперской и итальянской аристократией, наслышанной о заслугах боярина как в создании Священной лиги, так и в ее войнах. Мальтийские рыцари вручили Шереметеву алмазный крест командора и доверили командование двумя галерами в походе против турок.

¹ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1–2. М., 1991. С. 37, 47.

Приятно и с пользой проводя время в Кракове, Вене, Венеции, Риме, Флоренции, Неаполе, на Сицилии и Мальте, боярин временами из любезности одевал «немецкое платье». Но хозяева хорошо воспринимали русский его наряд и манеры, весьма обширные исторические и естественнонаучные знания (заметные по интересу к достопримечательностям)¹. Встретившись в Венеции со своим родичем и разминувшись с занятым «метрессой» князем Б.И. Куракиным, Шереметев 12 февраля 1699 г. на банкете у Ф.Я. Лефорта явился Петру в немецком платье, с мальтийским крестом и бриллиантовой шпагой от императора. Петр, как полагают историки, «старался тогда уничтожить в боярах древние предрассудки и обыкновения», а потому принял Шереметева с «восторгом». Ошибка двойная.

Сцена возвращения из Великого посольства, когда Петр утром 26 августа 1698 г. резал боярам бороды, говорит не о ненависти Петра к «предрассудкам». Первым Петр бросился на московского наместника, «князя кесаря» Ф.Ю. Ромодановского, за ним – на командующего войсками А.С. Шеина, которых обвинял в недостаточно жестоком подавлении стрелецкого бунта. Глава «всепьянейшего собора» Ромодановский впрямь не желал ни брить бороду наголо, как было модно при Дворе в 1670-х гг., ни стричь её в виде эспаньолки, как повелось при Дворе с 1680-х. Но длиннобородым был (и остался) и Т.Н. Стрешнев, остановивший тогда Петра. Указы «о платье французском и венгерском» появились лишь в августе 1700 г., а военнотружашаго-дворянина впервые наказали за небритые бороды в конце 1704 г.²

В 1698 г. вельможи свели дело к шутке: 1 сентября на пиру у Шеина бороды и длиннополые одеяния гостям, под общий хохот, резал шут. Над боярами висела более страш-

¹ *Шереметев Б.П.* Записки путешествия... в европейские государства. М., 1773.

² *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье и Петре I. С. 286, 313.

ная опасность. В ночь по приезде царь затребовал материалы стрелецкого розыска, и понял, какая ненависть к нему стоит за недовольством «немцами». Петр был уверен, что следствие проведено поверхностно, зачинщики казнены поспешно: значит, Шеин со товарищи хотели что-то важное скрыть! Ведь признавались же обвиняемые по старому делу полковника Цыклера, что А.С. Шеин «человек добрый», а Б.П. Шереметев удачлив «и стрельцы его любят»: любого из них можно звать на царство...

14 сентября на пиру у Лефорта, в присутствии почти 500 вельмож, генералов и дипломатов, Петр сначала язвил польского посла, а потом переключился на Алексея Семеновича: почто тот «наделал» офицеров из рядовых!? Распалившийся царь бросился на Шеина со шпагой, рубанул по пальцам Ромодановского, по голове – своего учителя «князя-папу» Н.М. Зотова, ранил Лефорта, постепенно позволил себя успокоить и пировал до утра.

В сентябре знатнейшие бояре должны были руководить пытками, каждый в своем застенке. В октябре царь заставлял вельмож, генералов и полковников в присутствии иностранных дипломатов собственноручно рубить головы. Ромодановский превзошел всех в свирепости и оправдался, Шеин так и не вышел из опалы. А Шереметев тотчас после своего триумфального явления в «немецком платье» был выслан в Архангельск. Как записал в дневнике 13 марта 1699 г. И.Г. Корб, поводом стало предложение бояря оставить его управлять Москвой в отсутствие царя¹.

Если отбросить домыслы и следовать только источникам, приходится заключить, что российское и в особенности московское дворянство в последней четверти XVII и первой четверти XVIII вв. сохраняло одни и те же черты. Дворяне в целом были склонны к высокой самооценке, смело выражали свои личные взгляды, внимательно относи-

¹ Каргалов В.В. Полководцы XVII в. М., 1990. С. 488–490.

лись к известиям из-за границы и были готовы использовать западные знания, нисколько не смущаясь их «иностранностью». Высокая самооценка, подтвержденная в государственной идеологии на высшем уровне¹, как раз и объясняет спокойное отношение к достижениям Запада, в котором дворяне видели научно-технически более развитое, политически и религиозно более слабое, но все же сходное общество. Республика для дворян была немислима, религиозные «схизмы» их, в отличие от деятелей церкви, ни мало не пугали, а знания и искусства манили: настолько, что для получения образования годились все средства.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ «ПОТЕХИ»

В области педагогики, как и общественной мысли в целом, в XVII в. мы имеем дело с влиянием тех или иных *идей* передовых ученых на творчество прогрессивных представителей русской мысли, при этом лишь тех идей, восприятие которых было подготовлено предшествующим культурным развитием и мотивировано общественными потребностями.

Последнее утверждение, в частности, подтверждается тем фактом, что Истомин, как педагог и общественный деятель, активно борющийся за организацию Московской Академии, воспринял в творчестве Коменского и реализовал в своих сочинениях идеи, благотворные для наиболее развитого в России начального образования. О нем мы традиционно судим по бытовавшей учебной литературе, оценкам уровня грамотности и разрозненным упоминаниям об отдельных школах, полученном тем или иным лицом учителях, образовании. На самом «верху» дворянского сословия, в царской семье, дети учились так же, как и во всех домах знати: с помощью приставленных к ним воспитателей и

¹ *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 13–76.

учителей, специально приобретенных и изготовленных учебных пособий. Вместе с тем царские дети учились как бы за государственный счет, и все расходы отражались в документах дворцового ведомства. Хотя эти источники сохранились фрагментарно и изучены не полностью, исследования и выписки И.Е. Забелина позволяют восстановить общую картину учебного мира первых Романовых применительно к тому новому, что внес в него Карион Истомин.

Михаил Федорович Романов тяжело пережил любовную драму и женился довольно поздно. Величину его как политика определить сложно, но несомненно, что царь воплотил свою созидательную энергию в устройстве жизни дворца и передал это свое увлечение сыну Алексею¹. Начиная с детей Михаила, московские цари и царицы жили как в Раю, имея для игр и развлечений все, что только мог вообразить изощренный ум россиян XVII в.

В символически поднятом над брэнной землей «Верху» дворца и красивейших местах Подмосквья мальчики и девочки царственной семьи имели свои детские комнаты и прекрасно оснащенные игровые площадки. Их оформление, мебель и бесчисленные «потешные» предметы изготовлялись из золота и серебра, драгоценных пород дерева, тканей и мехов, изысканно расцвечивались камнем, жемчугами и красками. Внутри «потешек» были скрыты механизмы, благодаря которым они звучали и двигались.

¹ Судя по воспоминаниям Ивана Грозного, детство Рюриковичей не было столь безоблачным. Они не имели отдельных хорошо оснащенных помещений для игр и развлечений, мало развлеклись в специально подобранных компаниях сверстников и вынуждены были проводить время среди взрослых, часто не обращавших на них внимания. Замечания Грозного легко экстраполировать на условия жизни его детей, и они вряд ли сильно отличались от традиций двора его сурового деда. До Ивана III, при котором сформировался Двор, княжичи не могли жить в «царских» условиях со времен Ярослава Мудрого.

Вносимые «в Верх» «потешки» представляли лучшие достижения мастеров России, Востока и Запада. Даже чиновники дворцового ведомства, писавшие документы об оплате, хранении и реставрации предметов детского обихода первых царей Романовых, писали о них с явным восторгом и умилением, отмечая множество лишних для дела деталей и излагая в казенном тексте свои никому не нужные тогда, но бесценные для нас впечатления. Удивляться лирическому настрою многих поколений суровых приказных дельцов не следует. – В России XVII в. обожали игрушки и не жалели на них денег, свидетельством чему был особый «Потешный» (игрушечный) ряд на Красной площади, в рядах самых ходовых и ценных товаров¹.

Разноцветные сафьянные, бархатные и шелковые мячики с бубенчиками внутри, расписные волчки, вертушки и кубари со шнурами для запуска из шемаханского шелка с золотыми прядями, мягкие или движущиеся и звучащие зверушки и человечки, всевозможные музыкальные инструменты, кони и качели, санки и возки, широчайших набор кукол и игровых предметов служил развлечению и физическому развитию ребенка, выработке у него полезных в жизни навыков и знакомству с огромным миром за пределами двора, а у царских отпрысков – двorca.

Ряженные куклы, как хорошо известно историкам моды, веками служили для демонстрации новых стилей платья².

¹ По свидетельству *И.Е. Забелина*, игрушки продавались также в Овощном и Пряничном рядах «и в лавках у иноземцев»: Домашний быт. Ч. II (1915). С. 77. Далее со ссылками на страницы в тексте использован материал этого издания.

² Еще римляне для демонстрации столичной моды рассылали по провинциям «фигурины» (раскрашенные глиняные куклы ростом от 8 до 25 см.). Французские куклы-«маркизы», перевозившиеся по Европе в особых каретах для показа мод, известны в XVII–XVIII вв., но стремительное распространение новых стилей можно начинать с бургундской моды середины

Московский двор при Михаиле Романове позволял себе закупать и шить для популярных тогда «ряженных» актеров иноземные костюмы (их хранилось в казне до 200 комплектов), но не всегда приличные представления с их участием мало касались детей. С внешним видом разных народов и социальных групп царских отпрысков знакомили куклы, в том числе механические, часто изображавшие живые сценки жизни «немцев» и российских подданных.

Самые богатые куклы были у девочек: одни двигались и издавали звуки сами, других надо было сажать в креслица и за стол, укладывать в кроватку или колыбельку. Взятая наугад запись 1640 г. рисует куклу, которая «на кровати лежит на перине, одета одеялом бархат червчат, около одеяла каймы объярь вишнева». Другие «две куклы сидят в креслах, около их травки червчеты, на травех цветки белые, головами, и руками, и ногами шевелят». О тонкости их изготовления говорит запись того же года, что у куклы «девка сидячая в креслах зеленых, на ней платно тафта ала, у рук по персту переломлено, – рука испорчена», надо починить. Ремонтные записи вроде той, что у куклы «на голове череп выломан», свидетельствуют, что объёмные твёрдые части могли быть пустотелыми (С. 100, 132).

Над кукольной мебелью, столовой утварью и украшениями (включая серьги и зеркала) трудились лучшие мастера Оружейной палаты. В царской и царицыной Мастерских палатах изготовлялись «съёмные» игрушечные одеж-

XV в., в считанные годы, как молния поразившей Европу к западу от Эльбы. Манекены (от фламандск. *maeneken* – чело-вечек) утратили антропоморфность и обрели натуральные размеры в XIX в., а люди-манекенщики завоевали подиум лишь в прошлом столетии. Процесс смены европейской моды в период, когда о ней не принято было писать, показан по образательным и музейным источникам Чехии, входившей в состав империи Габсбургов: *Кибалова Л., Гербенкова О., Ламарова Е.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986.

ды: летники, шубки, телогреи и пр., а также кукольные головные уборы, скатерти, коврики и полные комплекты постельного белья. Принимая эту роскошь, царевны с воспитательницами и подружками шили и сами: все XVII столетие в терема шел поток «лоскутов» драгоценных тканей «на куклы» или «на потешные куклы».

Не исключено, что именно сестры-царевны позаботились о необычной в палатах царевичей кукле, подаренной 14–15-летнему наследнику престола Федору Алексеевичу в 1675 г. Ему была «сделана потешная баба деревянная нарядная, в кике низаной с камнем и с пелепелы и с рясы; и серьги, и ожерелье низаное с камени ж, и зарукавье низаное с камени ж, в летнике и шубке» (С. 84). Нравы двора в это время заметно смягчились, с легкой руки мачехи Федора царицы Наталии (Нарышкиной) устраивались даже танцы, а единокровные сестры царевича (по матери Милославского) были заинтересованы, чтобы он несколько оторвался от наук и обратил внимание на дам.

Не исключено, что будущий государь, проведенный в начале 1680-х гг. реформу придворной мужской и женской одежды на западный образец, искренне заинтересовался именно платьем русской куклы-«маркизы». По крайней мере, в разгар реформ в ноябре 1680 г. для него за большую цену в 15 руб. был куплен «потешный человек, сделан из яраго воску в немецком платье с соколом» (С. 84).

Мальчики любили не одевать (или вооружать), а передвигать человечков. Единственным, да и то пришедшим из старины предметом со всеми «живыми» деталями в их игровых комнатах были кони, дарившиеся каждому царевичу в годовалом возрасте и остававшиеся при них даже в школьные годы. Большие деревянные кони на доске, катавшейся на железных потайных колесиках, выполнялись из крашеного дерева с точным воспроизведением мельчайших деталей сбруи (лишь железо иногда заменялось сере-

бром), так что царевичи с детства учились их взнуздывать и седлать. Последний такой конь был сделан для царевича Алексея Петровича в 1691 г. (С. 82–83).

Приобретенные на втором году жизни навыки мальчики примерно с 3 лет могли применять на пони «ростом с английских догов», скача на них верхом или запрягая в «потешные» маленькие кареты и сани. В этих играм детям служили карлики: кучер, ямщик и алебардчики. Подросшие мальчики смело управлялись с конями, что иногда приводило к травмам. Рассказывали, что царевич Федор Алексеевич, «будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Федор сел на нее, желая быть возницей у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но встала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всей своей тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 г.– *А.Б.*) чувствует непрерывную боль в груди и спине»¹.

Тяжелая травма не отбила у Федора любви к лошадям, которых он увлеченно разводил и использовал, в том числе для охоты с ловчими птицами². К боевым птицам мальчиков подпускали, лишь когда они переходили от «мамок» к «дядькам» (с 3 лет). Но и тогда им не сразу давали в руки птиц, как опасных боевых, так и хрупких маленьких. На 4-м году жизни царевичу Петру лучший живописец Богдан Салтанов явно с познавательными целями расписал «гнезда» голубей, ракитянок, канареек, щеголят и чижей, а ба-

¹ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к архиепископу коринфскому Франциску Мартелли... / ЖМНП. 1835. Ч. 5. № 1. С. 72.

² *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998. С. 40–42.

рашков ему велено было «сделать, чтоб была будто шерсть на них сушая» (С. 638–639). Комнатные певчие и декоративные птички (в т.ч. попугаи) окружали детей с младенчества и впоследствии были украшением их «домовного» сада, который имелся у каждого члена царской семьи (С. 92, 117, 119, 121 и др.).

С малых лет царевны и царевичи хвалились искусством выращивания цветов, трав, овощей и фруктов; в зрелом возрасте цари, царицы и царевны прекрасно умели хранить и применять в пищу отечественные и экзотические растения. В 1637 г. 8-летнему царевичу Алексею Михайловичу немецкий прапорщик «делал из воску и в красках, каковы бывают виноградные цветы, и винограды и лимоны» (С. 84). Уже в зрелом возрасте «Тишайший» государь (1645–1676) заказывал у купцов виноград и лимоны бочками, а также старался выращивать их под Москвой.

Мальчики играли в охоту (для чего 6-летнему Алексею Михайловичу была в 1635 г. сделана «потешная свора»), а более всего – в войну. В солдатики пускались даже художественно выполненные из слоновой и моржовой кости тонко расписанные шахматные фигурки. У каждого царевича было несколько комплектов шахмат, но шестилетнему Алексею Алексеевичу в 1660 г. понадобилось еще 12 коней, которых пришлось изъять из запасов: «из розных шахмат польскаго дела». Почему «выбрать» пришлось из польских шахмат, догадаться легко: фигурки изображали всадников, а царевичу не хватало кавалерии (С. 87, 88).

Пушки для игры в комнатах делались деревянные (повидимому, для стрельбы мячиками) и расписывались красками, золотом и серебром, так же, как огромные запасы игровых ружей, пистолетов и карабинов, бердышей, алебард, копий, топорков и буздуганов. Липовые булавы золотились сплошь, у мечей, сабель, палашей, тесаков и шпаг золочеными были перекрестья и рукояти: клинки повелевалось

«присинить» под цвет оружейной стали. Царевич Иван Михайлович с двух лет (1635) имел свое знамя из тафты червчатой, лазоревой и белой, как триколор. И его последователи долго строили товарищей по играм под один «великий стяг». Лишь для двухлетнего царевича Петра Алексеевича его брат Федор велел в 1674 г. изготовить еще пять «знамен маленьких» и четыре «прапорца» для более дробного устройства «потешного» полка. Число барабанов было доведено до шести, а набатов (конных литавр) – до двух. Судя по 12 бердышам и 40 копьям, которые в июле 1674 г. расписывал один живописец Богдан Салтанов, войско юного Петра было не маленьким (С. 94–95, 639 и др.).

При всей «военизированнойности» воспитания царевичей, настоящего стального оружия они почти не видели. Выставленный в Оружейной палате маленький шлем «заправского дела» (а не потешный) подарил 3-летнему царевичу Ивану Ивановичу в 1557 г. его не вполне нормальный отец Иван Грозный. Экспонируемый там же полный рыцарский доспех для пятилетнего царевича Алексея Михайловича – мечта любого мальчишки – был изготовлен немецким мастером в 1634 г. в Москве (С. 93). Но это были исключения. Документы свидетельствуют, что даже воинственный царевич Петр использовал «пистолы, карабины, пищали винтованны, – замки и стволы деревянные», а мастера «сабельного дела» изготовляли русские и иноземные клинки «из клену и из липы» (С. 207–208).

Несколько бóльшую опасность представляли ярко расписанные луки, из которых любили стрелять даже вышедшие из детского возраста цари и их комнатные люди. В ноябре 1634 г. свита тешила Михаила Федоровича «в поле»: «стреляли из луков и из пистолей по шапке задворного конюха Степанка и шапку его изстреляли» (С. 97). В 1670-х гг. царь Федор Алексеевич устраивал «в пути» массовую стрельбу из луков с изображением исторических сцен. Стрела-

ми с орлиным опереньем и костяными наконечниками стреляли в войлочные колпаки на подставках, а в комнатах – также и по золоченым голубям¹. В отличие от оружия из мягкого дерева, луки не направлялись на людей.

Мужчины обожали технические тонкости. Еще царь Михаил в 1630 г. не смог пройти мимо немецкого потешного сада из черного дерева с «птичками всякими»: купив игрушку, он послал «потеху» жене для 3-летней царевны Ирины. К 8 годам у царевны, помимо обычных игрушек, накопилась груда ценных подарков от отца, матери, брата Алексея, деда – патриарха Филарета, и даже суровой бабки, инокини Марфы Ивановны. Среди них был золотой крылатый змей: «у змея в голове изумруд четверуголен, а очах две искорки яхонтовыя, во рту держит человечью голову». Из золоченого серебра были выполнены «немки», держащие в руках разные сосуды, вплоть до таза, и «мужик с лошадью и сохой». Из ювелирных зверей царевна имела попугая, тельца, птичек, оленя, «левика» и барашка. Золоченый серебряный кораблик на колесах был в 1633 г. подарен царевичу Алексею, а уж тот вручил его сестрице.

Щедрость будущего государя объяснялась тем, что у мальчика были и более сложные серебряные кораблики, в том числе трехмачтовый, с цветными знаменами и литыми матросиками: 10 ходило по полубе, 6 карабкались на ванты и 2 следили за горизонтом на верхушках мачт. О качестве игрушек, подносимых царским детям в праздники, говорит его же «пистолетик золот, навожен финифты, на цепочках с кольцом, осыпанных червчатыми яхонтиками; на ложе, и на яблоке, и у ствола в гнездах искорки яхонтовыя». Часть «подарочных» игрушек предвосхитила изящные работы мастерской Фаберже: например, птица с туловищем из страусиного яйца, у которой голова и конечности были выполнены из резного серебра.

¹ Богданов А.П. В тени Великого Петра. С. 37–38.

В первой половине столетия механические игрушки были диковинкой и не отличались сложностью. Так, царевич Иван Михайлович играл стеклянным «кубочком», в котором на винтике поворачивался барашек. Другая «скляница потешная» представляла собой музыкальную шкатулку: «в ней люди играют в мусики, да виноград (сад) и птицы». Раскрашенная восковая «немецкая рота» в ящике не двигалась (С. 82). В 1666 г. 9-летнему царевичу Федору за огромную цену в 30 руб. был куплен у немецкого купца механический медведь, «который бьет в барабан» (С. 84).

Музыкальные шкатулки и инструменты с механическими приспособлениями покупались царским детям с 1630-х гг. Первоначально «хитрые» инструменты были народными, в основном украинскими, вроде «рыле»: скрипки с колесом вместо смычка и клавишами. У детей Алексея Михайловича появляются «самоигральные потешные» западные инструменты, в том числе механические со «стальными иглами» (для считывания мелодии с диска): органы, цымбалы и клавикорды «немецкого дела» (С. 89–91).

Массированная закупка познавательных механических игрушек отражена в документах последних лет жизни царицы Наталии Кирилловны (1693–1694), занимавшейся воспитанием царевича Алексея Петровича. В 1693 г. она подарила 3-летнему внуку «городок» с движущимися людьми, «на кругу строй мужиков» и «строй стрелецкий с барабаны и знамены», а также маленькую коляску, мельницу, «лошадку с мужиком» и «шатрик с беседкою» (С. 85, 578). Судя по тому, что упомянутая последней «потешная беседа» из «семи личин разных деревянных» потом дважды починивалась (С. 580), ребенок играл в нее активно.

Механические игрушки, в которых действующие лица и группы вроде военного строя пространственно взаимодействовали, составили по воле царицы целый класс «потешек» ее внука (имевшего и весь ассортимент традицион-

ных игрушек). Сначала их изготавливали русские умельцы. За «городок с проходячими мужиками» Василий Крылов получил 3 руб. (цену рабочей лошади), а «потешный городок» стрельца Алексея Васильева был оценен в 4 руб. 16 алт. 2 д. (4 р. 50 коп.). 7 ноября 1693 г. иноземцу Ивану Гану было приказано сделать для царевича «городок костяной с боляски, в том городке беседа кукол немецких», причем «на дело тех кукол» мастер купил «лент и кружев немецких» на 60 коп. 25 ноября «токарного дела мастер» принес работу и она была внесена «в хоромы» (С. 579).

К этому времени царевич, ездивший с бабкой в Преображенское, был одарен новыми механическими игрушками, купленными за 2 руб., надо полагать по дороге¹: шатриком с коньками, собачкой ходячей, толкущей в ступе немкой и еще двумя «немочками с лоточками» (9 ноября). 29-го числа было выплачено за «потешки», купленные «в комнату» царевича в Преображенском: «за мельницу с толчеями 3 руб.; за мельницу ж с коровками и голубями 2 руб. 16 алт. 4 д.; за беседку, что учатца грамоте, 23 алт. 2 д.; за городок с беседкою ж, что посеред городка вертитца вкруг, 3 руб... да за коретку с конями да с людьми 3 руб.». Цены говорят в пользу отечественного производства игрушек: за иноземные «потешные вещи» иноземному купцу Яну Балтосу было выдано 10 декабря аж 40 руб.! (С. 580).

По возвращении в Москву Наталия Кирилловна взялась за переустройство Потешной комнаты царевича. Царским плотникам велено было «денно и ночью с поспеше-

¹ Закупка игрушек во время царского выезда отмечена еще 31 января 1635 г., когда царица Евдокия Лукьяновна ездилась молиться в Новоспасский монастырь с детьми: 6-летним Алексеем, 1,5-летним Иваном, 8-летней Ириной, 4,5-летней Анной и 4-месячной Софьей. На розданные членам свиты 97 коп. они накупили «птичек коженных, и баранчиков деревянных, и жбанцов, и горшочков, и мечиков, и колокольчиков, и иных потех в хоромы на потеху государским детям» (С. 78).

нием» работать над деревянным домиком 2х2 аршина, высотой 2,5 аршин (ок. 178 см.). У него была двускатная крыша, навесная дверь, на трех сторонах по 2 слюдяных окошка в наличниках, внутри – лавки с опушками. Игрушка понравилась, и 4 января 1694 г. царевичу была заказана вторая «потешная избушка» того же размера (С. 580–581).

Среди закупленных в декабре и январе механических игрушек были «бьющиеся» козлики и «бабы пряжи», два «городка с беседкою», «башня с тремя беседками», «потешный городок с башнями» и «беседка с попом». В феврале царевич получил «городок с полковники и с кузнецами», а также играющего музыку «мужика» с движущимися куклами. В марте – «городок с конками», «кузнецов», «коляску с немками» и псарей с движущимися собаками. В июне – «потешный городок с полком», в августе – игрушечный домик с мельницей, приводящей в действие толкушку, и «кузнецов» (С. 581).

В сентябре 1694 г. в поле зрения руководства Мастерской палаты попал мастер Огородной слободы Петр Иванов. У него был куплен целый ассортимент механических «потешек» в народном духе, на современный взгляд то ли не вполне педагогичных, то ли слишком продвинутых. Кроме псарей с бегающими собачками, ткачихи, двух прях, «городка с медведем», бегающих на колесе секачей и мельницы с жерновами, мастер натурально изобразил роженицу и для нее «потешную родильницу с чердаком». За все это мастер получил солидные деньги – 20 руб. (С. 582).

После смерти Наталии Кирилловны записи об игрушках для царевича Алексея резко сокращаются. Из явно механических «потешек» от получил в 1695 г. «беседу свадебную» и пряжу с ткачихой. Тогда же потешная изба, призванная демонстрировать народный быт, превратилась в маленький дворец: на новом матерчатом потолке были написаны звезды, над крышей появилось золотое яблоко с ор-

лом, дверь была «пристойно» раскрашена с изображением Адама и Евы. В 1696 г. царевич получил игровой ало-желтый шатер и три потешных колодца: с журавлем, колесом и воротом, на которых шелковым шнурков опускались и поднимались маленькие расписные ведерки (С. 583–584).

Игрушки XVII в., как и широко применявшиеся в игровом обучении царских детей картинки, не сохранились. 4 марта 1764 г. действительный статский советник М. Собакин велел сохранившиеся оправы снять, а «простыя крашенныя детскиея игрушки» из Мастерской и Оружейной конторы выбросить (С. 584).

МИР В «ПОТЕШНЫХ» КАРТИНКАХ

Как и игрушки, представляющие разные стороны окружающего мира картинки предлагались царским детям с младенчества. И.Е. Забелин, собрав по дворцовым расходным записям немало сведений о «потешных листах», подчеркнул их особенное значение: «Дети государя, проходя описанный курс учения (чтению, письму и церковному пению.— *А.Б.*), в то же время, и даже *еще раньше* (выделено мной.— *А.Б.*) знакомились посредством картинок с отечественною историею и со многими предметами повседневной жизни, то есть с полезными знаниями селянина, ремесленника, промышленника и проч. ... Вообще нужно отметить, что увеселение детей, а потом и обучение посредством картинок было весьма обыкновенным приемом нашей древней педагогики и составляло лучшую и единственную ее сторону, которая своим практическим, действенным смыслом выкупала всю односторонность и все недостатки остальной *науки*» (С. 166–167).

Изучение по картинкам отечественной истории Забелин несколько преувеличил, не вполне корректно интерпретировав сведения о бытовании при Дворе XVII в. Книги цар-

ственной («Лицевого летописного свода»), а свои выписки о «потешных листах» и «книгах» в контексте образования царских детей не систематизировал. Учитывая наши предыдущие наблюдения над ситуацией с изучением русской культуры XVII в., читатель не удивится, что до последнего времени данные Забелина (С. 169–171)¹ о формировании современных томов сочинения, которое А.Е. Пресняков ещё в 1893 г. назвал «Московской исторической энциклопедией», не были уточнены и даже оказались неизвестны ряду «исследователей» памятника. Материалы о «лучшей стороне» «нашей древней педагогики» почти не используются хотя бы в том виде, в который привел их готовивший неоконченную рукопись Забелина к печати И.М. Тарабрин.

Самое раннее упоминание о покупке иностранных акварелей и гравюр для царских детей относится к 1632 г. Живописные картинки и эстампы сами по себе были уже довольно знакомы россиянам и свободно продавались на Красной площади, в Овощном ряду, где их и брали дворцовые чиновники. О 20 «листах», купленных царевне Ирине Михайловне на 5-м году жизни, 8 февраля, и о 30 «листах», приобретенных для нее 17 сентября (в 5,5 лет) говорилось, что они «бумаги немецкой писаной», т. е. живописной (С. 100, 167, 616). О том, что это была не обычная писчая бумага, говорит цена (от 1 до 1,5 коп. за лист). Вероятно, речь шла о раскрашенных акварелью эстампах, которые ходили по рукам на Западе и в России еще и в XIX в.

Все 50 картинок были «взяты царевне Ирине Михайловне в хоромы для потехи», так же, как прежде и позже ей дарились всевозможные игрушки, в том числе крохотная немецкая каретка и «возочик серебрян на санное дело невелик же, а в нем сядят немчин да немка, перед возком стоил немчин же», «четыре девки немки деревянные по-

¹ Ср.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей прежнего времени // Отечественные записки. 1854. Т. 97. № 12. С. 108–109.

тешные» и т. п. (С. 124–125). Об учебе царевны в это время записей нет, но в любом случае она не могла начать ее раньше 1 декабря 1633 г., на «пророка Наума» – покровителя всех учащихся¹. С торжественного молебна 1 декабря начинали учиться все царевны, которым исполнилось 6 лет. Специальные «учительницы» обучали их, как «учителя» мальчиков: чтению, письму и церковному пению. Учеба царевен продолжалась по меньшей мере до 11 лет (С. 156–158).

При закупке гравюр 16 июня 1634 г. было записано, что 20 алтын (60 коп.) отдано «за немецкие за печатные листы». Значительная покупка объемом от 40 до 60 листов предназначалась для 5-летнего царевича Алексея Михайловича и его сестер-царевен: 7-летней Ирины и 4-летней Анны (С. 100–101, 103, 127, 167, 616–617). Кому из царевен достались эти картинки, приказная запись не уточняет. Хотя Ирина уже должна была заниматься с учительницей, «потешные листы» не обязательно предназначались Анне.

9 января следующего, 1635 г., «в хоромы» царевича Алексея (ему исполнилось 5 лет и 10 месяцев) были взяты еще 32 «листа писанных немецких и русских», для чего чиновникам пришлось обойти в Овощном ряду многих «торговых людей», заплатив в сумме 50 коп. (См. там же и с. 89, 104). Будущий «Тишайший» государь под руководством учителя Василия Прокофьева уже несколько месяцев изучал буквы и слоги по заблаговременно подготовленной его воспитателем Борисом Ивановичем Морозовым Азбуке.

Забелин предположил (С. 146), а позднейшие историки педагогики были уверены, что речь идет о замечательном печатном Букваре Василия Бурцова. Это не совсем так. В описи книг царевича Алексея Михайловича значится «Аз-

¹ Как отмечено в Азбуковниках того времени; книжному учению покровительствовали также св. Козьма и Дамиан, письму – Иоанн Богослов. См.: *Мордовцев Д.* О русских школьных книгах XVII века // ЧОИДР. 1861. Кн. IV. С. 13–24, 37.

бука, большая печать, у Азбуки на столбце указ, сверху речь золочена; благословлена им же патриархом (Филаретом Никитичем. – А.Б.) царевичу в [7]141 (1632/33) году» (С. 592). Поскольку иной Азбуки или Букваря среди книг царевича не отмечено, следует предположить, что именно предсмертный дар деда (Филарет умер 1 октября 1633 г.) готовился для учения Алексея весной-летом 1634 г. 11 мая по указу боярина Морозова на фугляры к Азбуке и Часовнику был выдан рудожелтый шелк, 25 мая – оплачен золотой «приклад» в Азбуке, а 12 июня отпущен шемаханский шелк на кисти к ее застежкам (С. 155).

Общеизвестный Букварь Бурцова, также именуемый издателем Азбукой, действительно набранный крупным шрифтом в формате малой осьмушки (М., 1634), был отпечатан позже. В его послесловии сказано, что книга «начата печатанием» 6 июля, а окончена 20 августа 1634 г., т. е. *после изготовления Азбуки для царевича Алексея*. На первый взгляд, это опровергает мнение, что издание было предпринято для обучения царевича грамоте¹. Однако вернее заключить, что Бурцов изготовил роскошный Букварь для царевича Алексея, а когда тот был одобрен при Дворе, – издал его «малым детям в научение», подобно тому, как Истомин в 1692 и 1693 гг. поднес лицевые списки своего революционного Букваря царским детям, а в 1694 г. напечатал его с гравюрами Леонтия Бунина. Правомерность такого вывода подтверждают наблюдения современного археографа, что до известного издания Букваря Бурцов в 1634 г. печатал его еще дважды, так же, как его Часовнику от 30 сентября предшествовало издание 14 апреля 1633 г.²

¹ *Хмырев М.Д.* Царь Алексей Михайлович и его время. 1629–1676: Нравоописательный очерк // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. Сб. 9. С. 30.

² Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: Первая половина XVII в. В помощь составителям

Вполне оправданным выглядит в этом контексте и замечание дворцового чиновника в описи книг царевича, что Азбука, по которой учился Алексей Михайлович, «благословлена» его дедом Филаретом. Именно он в 1632/33 г. приказал выдать Бурцову из Патриаршего разряда огромную сумму в 1132 руб. 15 коп. на устройство новой типографии для высококачественных изданий¹, а первыми книгами Василия Федоровича стали Часовник и Азбука (Букварь), которые были роскошно переплетены для царевича Алексея по распоряжению Б.И. Морозова.

Таким образом, запросы царственной семьи вызвали появление в Москве первого печатного Букваря в 1634 г., так же, как и лучшего Букваря XVII столетия в 1694 г.² Во втором издании «книги Азбуки» Бурцова, отпечатанном 29 января – 8 февраля 1637 г., впервые в московской учебной книге появилась гравюра (с изображением училища, л. 1 об.) и впервые были напечатаны русские стихи:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитница
Напечатана бысть по царскому велению
Вам младым детям к научению...

Издание Букваря 1637 г. не было столь очевидно связано с событиями в царской семье. Царевна Анна Михайловна «села грамоте учиться» по Азбуке 1 декабря 1636 г. (в 6 лет и 4,5 мес. С. 157). Ее 9-летняя сестра Ирина в тот день

сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов / *И.В. Поздеева*. М., 1986. С. 16. № 67–68; С. 34. № 61.

¹ *Поздеева И.В., Пушков В.П., Давыдкин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гобели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 423–426.

² *Богданов А.П.* Учёба царских детей и издания государевых типографий // *Фёдоровские чтения*. 2003. М., 2003. С. 224–256.

получила «влагалище» (футляр) на Псалтирь, а в сентябре следующего года – на Апостол (Часовник она начала читать в конце 1634 г., освоив к этому времени Азбуку. С. 158).

Точно также проходила учеба Алексея Михайловича. 6 сентября 1635 г. его учитель, как полагает Забелин, получил награду за освоение царевичем Азбуки к 6,5 годам. На это у Алексея, как и его сестер, ушло около года (С. 154)¹.

Учитывая, что наказывать царевича было затруднительно, а бить девочек не рекомендовал еще «Домострой», нам следует пересмотреть взгляды на якобы ужасные трудности азбуки в XVII в.

Предположив, что известное издание Букваря Бурцева 1634 г. не слишком отличалось от того, по которому учились Ирина, Алексей и Анна, откроем его². Азбука предлагала прежде всего выучить наизусть буквы-звуки (расположенные в алфавитном прямом и обратном порядке и вразбивку), затем «склады»: двух, трех и четырехбуквенные слоги («ба, ва, га, да; бла, вла, гла, дла; и т. п.). Названия букв (аз, буки, веди) не должны были путаться с их произношением: они приведены для заучивания наизусть далее, перед обозначавшимися этими буквами славянскими цифрами. Следом указаны надстрочные знаки и знаки препинания (запятая, точка и точка с запятой).

Грамматические знания сводятся к алфавиту изменений глаголов, запоминанию сходным по смыслу, но разных по значению глаголов и имен с разным ударением, наконец, склонению наиболее употребимых существительных, большинство которых писалось в XVII в. сокращенно (под

¹ За 5 следующих месяцев, с сентября 1635 по февраль 1636 г., царевич закончил чтение Часовника, через 3 месяца освоил Псалтирь и 28 мая начал читать Апостол (С. 154, 611).

² Забелин использовал для иллюстрации «сухости и тяжести» учебного труда Букварь Бурцева 1637 г. и Букварь Симеона Полоцкого 1679 г. (С. 148–153).

титлами). Алфавитное расположение материалов облегчало их нахождение при частом повторении «задов», необходимым для твердого запоминания. В конце книги помещены материалы для практических навыков складывания слогов в слова: сначала короткие изречения по алфавиту, затем вероучительные тексты, наконец, Сказание черноризца Храбра «Како состави святыи Кирилл философ азбуку». Навыки правильного чтения текста с усвоением содержания закрепились в XVII в. последовательным изучением Часовника, Псалтири и Апостола.

На «зубрежку», особенно на обучение чтению «по складам», еще в XIX в. в России были вылиты море чернил, а в «прогрессивной» школе XX в. ее отменили. В результате к началу XXI в. функциональная безграмотность стала настоящим бичом «цивилизованных стран», превратившись из болезни психической (ею страдал и Уинстон Черчилль) в социальную. Лекарство от нее врачам известно: больных вновь учат читать – «по складам»! Опыт царевичей и царевен из дома Романовых показывает, что если старая русская традиция обучения грамоте и была плоха, то не сама по себе, а лишь от дурных нравов учителей. Правда, и во дворце учебу удавалось окончить не всем.

В сентябре 1638 г. начал учиться по особой Азбуке царевич Иван Михайлович: в книге в полдесть (4^о) заглавные слова были прописаны золотом (С. 156). В описи имущества царевича 1655 г. книга значится среди печатных. Следовательно, перед нами неизвестное ученым издание Букваря для царской семьи. Возможно, это было то же издание, что «Азбука большой печати золотом прописывана», которую переплетал царевичу Алексею переплетчик Печатного двора Иван Федоров 31 марта 1642 г. (С. 146, 155). В этом случае первоначально изданная для царевича Алексея в 1634 г. «Азбука, большая печать» имела не только крупные буквы, как в известном издании Бурцова, а необычный

для Азбуки (всегда печатавшейся в 8 долю листа) солидный формат в 4°. Полагаю, именно так следует интерпретировать указание: «большой печати»¹.

Для Ивана Михайловича был приготовлен богатый комплект учебных книг, в том числе и еще одна печатная «литовская» Азбука в 8° (С. 594–596). Но в начале 1639 г., пяти лет и семи месяцев от роду, царевич умер.

Последняя запись о купленных в 30-х гг. картинках говорит о приобретении в Овощном ряду 9 «листов потешных» за 25 коп. 29 ноября 1636 г.², видимо, для царевен: приобретал их царицын сын боярский Прохор Перепечин, а «приняла в хоромы крайчая Соломонида Мезецкая» (боярыня С.П. Мезецкая была приближенной царицы Евдокии, с. 534). И.М. Снегирев, впервые указавший на обучение царских детей «посредством гравированных в Германии картинок», отметил в расходных книгах Царицыной Мастер-

¹ В любом случае эти **печатные** книги царевичей Алексея и Ивана не могли относиться к особым Азбукам для изучения письма, которые очень долго оставались исключительно **рукописными**. Начертания и особенно принятые сочетания скорописных букв в сложном узоре (лигатуре) очень отличались от печатных. В 7–8 лет, окончив учиться чтению, дети брали в руки скорописные азбуки, выполнявшиеся обычно на столбцах – свитках из разрезанных вдоль и склеенных короткими сторонами листов бумаги. Изучив рисунок строчных и выносных букв и лигатур, царские отпрыски, как дети по всей России, учились читать составленные из них предложения: короткие изречения и загадки. Само скорописное письмо, с характерными для разных школ (напр., Поместного и Посольского приказов) особенностями, было загадочным, и древние педагоги нашли способ учить его разгадывать. В практике письма царских детей, по обычаю, не учили следовать определенной траектории движения пера, от чего всё написанное руками членов царской семьи выглядит весьма своеобразно.

² Так в архивных выписках *И.Е. Забелина* (С. 617) и перечне покупок для царевен (С. 129); в тексте исследования даты варьируются: 29 ноября 1635 г. (С. 101) или в 1637 г. (С. 169).

ской палаты запись о покупке «потешных листов» еще и под 8 марта 1637 г.¹, но И.Е. Забелин ее не обнаружил. Скорее всего, такие записи еще можно найти и за последующие годы. Царевна Татьяна Михайловна, будущая видная меценатка и строительница, которой посвятил поэму Карион Истомина, приступила к учебе только в конце 1642 г., когда недолго осталось до 7-летия (С. 157).

После того, как дети Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны подросли, записи о покупках «потешных листов» почти исчезают, возможно, потому, что личные расходы подростков проходили по другому ведомству. «Немецкий лист» для 14-летней царевны Анны Михайловны, купленный 8 июля 1644 г., отмечен в расходах Мастерской палаты потому, что предназначался в наклейку на ее коробочку². Затея царевны понравилась, и 16 мая 1654 г. фаворит царя Алексея Михайловича «постельничий Федор Михайлович Ртищев взял девять рублей и записать приказал, что те деньги плачены за фряские (итальянские.– А.Б.) листы, а теми листы оклеиваны походные сундуки и тележные верхи» (С. 617).

Между тем, новое поколение Романовых ждало своих «потешек». 27 февраля 1652 г. 2-летней царевне Евдокии Алексеевне было куплено в Овощном ряду «десять листов знаменных» (рисованных), «на них писаны звери, птицы и травы» (С. 101, 135). Но с годами все более богомольный «Тишайший» государь смотрел на воспитание детей серьезно, если не сказать строго. Даже его надежда, царевичи Алексей (род. 5 февраля 1654 г.) и Федор (род. 8 июня

¹ *Снегирев И.М.* Лубочные картинки русского народа в Московском мире. М., 1861. С. 9 (ранее опубл: Исторический и статистический сборник. М., 1845).

² «Это одно из первых указаний того обычая,– заметил *И.Е. Забелин*,– который существует и до сих пор – наклеивать на ларцах, коробьях и сундуках внутри на кровлях подобные же листы» (С. 101).

1661 г.), имея все возможные игрушки, ни разу не получали «потешных», упаси Боже иноземных гравюр.

В 1663 г. 2-летний царевич Федор получил иллюстрированную книгу, « а в ней писаны жития Алексея Человека Божия, да Марии Египетские, да житие царевича Иосафа, в лицах, в дествь». Книга о святых, тезоименитых отцу и матери, и заморском царевиче так заинтересовала Федора, что в сентябре 1665 г. царь приказал ее реставрировать и заново переплести. В 1668 г. по заказу царицы Марии Ильиничны (Милославской) с книги были сделаны две лицевые копии, видимо, для родившегося в 1665 г. Симеона и появившегося на свет в 1666 г. Ивана (С. 171–172).

К весне 1664 г. государевыми живописцами были изготовлены и мастерами переплетены четыре «потешные книги» для «меньших царевен»: дочерей Алексея и Марии: Феодосии двух лет, Марии четырёх, Екатерины шести и Софьи семи лет¹ (С. 101, 178–179). Опыт так понравился государю и государыне, что 8 декабря 1664 г. художникам велено было создать «потешную книгу, чтоб перед прежнюю была болши вдвое, и писать на ней иным образцом, инья прибылыя статьи» (С. 174). Сохранившиеся наброски тематики рисунков, к которым художники почти печатными буквами («установом добрым мастерством») писал подписи («речи»), говорят о том, что *Большая потешная книга* была настоящей живописной энциклопедией.

Первой темой книги было военное дело. Её открывал прапорщик со знаменем, на следующем листе были по два барабанщика и трубача, далее – сержант с двумя мушкетерами. На следующих картинках демонстрировались разновидности пехоты, кавалерии, артиллерии и сцены инженерных осадных работ. Второй темой служил быт города с работой, времяпровождением и развлечениями населения,

¹ 12-летняя Марфа и 14-летняя Евдокия уже вышли из возраста «потех».

в том числе охотой. От охоты логично совершался переход к птицам и зверям средней полосы, юга (со львами, крокодилами и обезьянами) и севера. После кита, моржа и белого медведя ребенок видел корабли и труды человека на море, морскую войну. Затем – большую серию этнографических картинок жизни и внешнего вида людей разных народов (от немцев до арапов). Наконец – сцены их русского быта, вплоть до разных видов мельниц, изготовления хлеба и раздачи его нищим. Завершающей темой были дети: на картинках они учатся грамоте и мастерству, едят, гуляют в саду, путешествуют на корабле, в рыдване и телеге, на конях и т. п. (С.174–177).

В 1665 г. государев живописец Степан Рязанец возглавил масштабную работу по рисованию царским детям красочных книг, в которой приняли участие Симон Ушаков, Федор Евтихеев и др. выдающиеся художники, всего 9 человек. 13 декабря они получили жалование: по 7 коп. в день каждому за 67 дней работы над «потешной книгой» (С. 173–174). В другой сходной работе, по наблюдению Забелина, участвовало 17 царских живописцев (С. 178). Тогда же Федор Матвеев и с ним 10 человек 76 дней писали «потешную книгу в четверть листа» для царевича Федора Алексеевича (С. 179). В октябре «книжного дела мастер» Савва Афанасьев переплел «книгу потешную в четверть» в палаты царя, а в декабре – «книгу потешную в четверть листа» в хоромы царицы Марии Ильиничны (С. 617–618). Наконец, сохранилась еще одна роспись сюжетов потешных рисунков. Не столь масштабная, как Большая потешная книга, эта книжица содержала массу картинок из русской и экзотической жизни: от обороны вилами от медведя до «мужика на верблюде», «птицы грифа» и охоты с собаками на льва (С. 178).

Живописные книги, рисовавшиеся с использованием западных гравюр, надолго заменили царским детям потешные картинки. К концу 1668 г. живописец Федор Матвеев создал

потешную книгу для «меньших царевен». В 1672 г. Петр Афанасьев нарисовал царевичу Федору две потешные книги на тему «люди с боем», а в 1675 г. Иван Филатов – еще одну «потешную книгу» для Федора. В то время как этими книжками увлекался царевич, уже получивший хорошее образование у Симеона Полоцкого¹ и приглашавший «книгописцев» в свою «учительную полату» писать красками², в 1675 г. две потешных книги получила достигшая двухлетнего возраста царевна Наталия (С. 101, 117, 136, 179)³.

Красочный рассказ Н.П. Крекшина, как будущий «князь-папа» Никита Моисеевич Зотов учил маленького Петра путем рассматривания «книг с кунштами зданий, и взятие(м)

¹ С учителем Афанасием Федосеевичем Ивановым Федор закончил изучение Азбуки в мае 1667 г., Часовник и Псалтырь освоил к июню 1669 г. С 21 ноября 1670 по 24 ноября 1674 г. Памфил Тимофеевич Белянинов «выучил... царевича... писать» (С. 144, 156, 613, 616). Симеон Полоцкий, как полагают, стал его наставником в «свободных мудростях» после кончины своего воспитанника (с 1667 г.) Алексея Алексеевича в 1670 г. Современникам было известно, что Федор Алексеевич, подобно рано умершему Алексею, владеет латынью и польским; в библиотеке царя Федора была хорошо представлена ученая литература, в том числе по военному делу, истории, дипломатии, медицине, риторике, архитектуре и астрономии, современные сочинения русских и украинских авторов (Богданов А.П. В тени Великого Петра. С. 57–60).

² В августе 1674 г. для них были куплены 50 разных кистей, 50 горшочков и краски (С. 616).

³ Иллюстрированными книгами увлекались не только дети. В 1670 г. царь Алексей заказал живописцам Троице-Сергиева монастыря копию иллюстрированной книги «Лекарство душевное». В 1674 г. для пожилой уже царевны Ирины Михайловны была расписана книга «Начаток о Сотворении света» (С. 172). Популярным среди придворных изданием Печатного двора была иллюстрированная книга «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей» (М., 1647), – полный перевод труда И. Вольгаузена «Военное искусство пехоты».

городов, и боев, и прочих наук», картинок и гравюр¹, имеет реальную основу. Задолго до появления Зотова для 11-месячного царевича 6 костромских иконописцев делали с 10 по 13 мая 1673 г. «потешную книгу», которая уже 16 мая была переплетена. 8 января 1675 г. живописец Тимофей Рязанец сделал для 3-летнего царевича «потешную книгу» в 4°. 2 июня 1676 г. живописец Никифор Бовыкин написал ему книгу шафраном на толстой и гладкой доброй бумаге, а 20 июня живописец Федор Матвеев нарисовал 4-летнему Петру еще одну «потешную книгу», расцветив ее золотом. 19 декабря 1679 г. выдающийся живописец Карп Золотарев нарисовал царевичу на большом «александрийском листе красками и золотом: двенадцать месяцев и беги небесные, против того, как в столовой (палате) в подволоках написано». 15 января, 17 февраля и 12 октября 1680 г., когда Петр уже более двух лет занимался с Зотовым, иконописец Тимофей Рязанец писал и расцветивал шафраном «потешные тетради» царевича (С. 89, 167, 179, 228–229)².

Ирония истории видится в том, что имевшаяся во дворце «Книга царственная в лицах», в которой И.Е. Забелин видел главное подтверждение обучению Петра по иллюстрированным пособиям (что подвигло ученого собрать массу материалов о «потешных листах» и «потешных книгах»), в руки царевича и царя Петра вовсе не попала!

Уточнив наблюдения Забелина и дополнив их значительным количеством архивного материала, мы с А.М. Пент-

¹ *Сахаров И.П.* Указ. соч. С. 21. Под «Книгой с кунштами зданий» может иметься в виду «книга Архитектура строельная немецкая в лицах», которую брали в Оружейную палату из Воскресенского монастыря и 19 июня 1680 г. вернули (С. 610). Однако архитектурой очень увлекался и царь Федор.

² Видимо, это было связано с обучением 8-летнего Петра письму: «царевичевы буквари» (прописи) были переплетены 15 марта 1680 г. (С. 224). Другую «азбуку учебную» и чернильницу царю Петру купили 19 февраля 1684 г. (С. 615).

ковским проследили всю судьбу «Лицевого свода» с XVII до первой трети XIX в. (когда его части оказались в современных местах хранения)¹. В частности выяснилось, что царь Федор Алексеевич велел реставрировать Книгу царственную и раскрасить «не выцвеченные» в XVI в. миниатюры вовсе не для школьных занятий младшего брата.

Подобно своему отцу, заботившемуся о сохранности бесценного памятника истории и приказавшему сделать для огромной рукописи сафьянные футляры (1671), Федор велел мастерам привести ее в порядок: 1072 миниатюры раскрасить, а изветшавшие листы начальной части реставрировать. Царь внимательно читал Свод и высоко ценил его миниатюры: в 1679 и 1680 гг. покои Федора и «новые деревянные хоромы государынь царевен» были украшены «живописными притчами» «из Царственных книг». Работы выполнялись лучшими живописцами: Карпом Золотаревым, Богданом Салтановым, Иваном Безминым и Питером Янглосом. Ни о какой передаче не переплетенных листов ребенку не было и речи!

Перед скоропостижной смертью 27 апреля 1682 г. Федор Алексеевич успел распорядиться о передаче Книги царственной из своей «комнаты-книгохранительницы» в Мастерскую палату. Свод избежал постигшего библиотеку Федора разграбления родичами Петра. Он был заперт царевной Софьей в Мастерской палате и дважды там зарегистрирован, причем к нему вернулся изыятый и переплетенный Никоном Хронографический сборник. Лишь после свержения правительства регентства в 1689 г. Книга царственная была, наконец, растащена, причем Хронографический сборник попал-таки к Петру и был подарен им в 1724 г. его дочери Наталье. По другой части листов свода учил царевича Алексея Петровича Карион Истомин, лично (а не через

¹ Подробно см.: *Пентковский А.М., Богданов А.П.* Сведения о бытовании Книги царственной («Лицевого свода»). С. 61–95.

окружение Петра) взяв эту рукопись и затем вернув на Печатный двор. Основная же часть памятника была просто разворована и осталась Петру неизвестной...

Отправная точка поисков Забелина оказалась ошибочной, зато собранные им материалы о значении «потешных листов» в воспитании царских детей – бесценны. При жизни Федора, 11 марта 1680 г., царевичу Петру было куплено потешных листов всего на 10 коп., зато сразу после его смерти, 29 апреля 1682 г., стольник Т.Н. Стрешнев принес новоиспеченному царю сразу «сто листов фряжских» (С. 229)¹. Скорее всего, гравюры предназначались для покрытия стен, как это было сделано в 1680 г. в комнатах царевен и новых помещениях над Царицыной Мастерской палатой, в 1681 и 1682 гг. – в хоромы царя Федора.

Это украшение, с восторгом описанное Крекшиным в рассказе об обучении Петра, оказалось столь дешево, что в 1685 г. в «верхних каменных чердаках» Теремного дворца гравюры наклеили на стены, хотя раньше прибывали лужеными гвоздиками на основу – «дорожник»². Но Крекшин в повествовании, как Зотов водил юного Петра по комнатам, разъясняя историю и географию по заинтересовавшим царевича изображениям и чертежам, в большей мере имел в виду «писанные по полотнам» карты стран и частей света (континентов), особенно историко-аллегорическую живопись и портреты-парсуны, вошедшие в моду при дворе в 1660-х и сплошь покрывшие стены дворцов в 70-х гг.³

Некий парадокс истории представляла ситуация, когда в Москве, в Верхней типографии, устроенной царем Федо-

¹ Кроме того, для Петра забрали немало иллюстрированных книг из библиотеки покойного Федора, в том числе «О луне и всех планетах небесных» и «Персонник на латынском языке» с портретами исторических лиц (С. 604–605; и др.)

² Забелин И.Е. Домашний быт... царей. Ч. I. М., 1895. С. 220–221.

³ Там же. С. 215–219, 221–222.

ром во дворце, завели станок для печати с медных матриц и стали сами издавать «фряжские листы» не хуже голландских гравюр, – а познавательное значение эстампов для царских детей сходило на нет. Хотя гравюры изданий Верхней Типографии¹ создавались лучшими мастерами, начиная с Симона Ушакова, и воспринимались как произведения искусства, эстампы считались недостаточно красивыми для царских детей², которым художники, в том числе опираясь на гравюры, рисовали уникальные «потешные книги».

Прекрасно изданный Верхней Типографией «Букварь языка словенска» с новомодными стихами Симеона Полоцкого (М., 1679) не понадобился Петру, уже выучившемуся читать³. Вероятно, эта удобная книга пригодилась ца-

¹ Официально Верхняя типография работала с ноября 1677 по февраль 1683 г., неофициально – на оставшихся от закрытого учреждения станках «листы» печатали по меньшей мере до конца столетия. О ней см.: *Покровский А.А.* Древнее новгородско-псковское письменное наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911 г. М., 1916; *Киселев Н.П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга. Исследования и материалы. Т. 2. М., 1960; *Голенченко Г.Я.* Белорусы в русском книгопечатании // Там же. Т. 13. М., 1966.

² Может показаться, что на исключение эстампов из воспитания царских детей оказало влияние выступление патриарха Иоакима против печатания изображений святых на бумаге и торговли иноземными гравюрами (см. его грамоту: ААЭ. Т. 4. № 200). Но торговля эстампами в Москве, насколько известно, продолжалась невозбранно, а в хоромах искавшей союза с патриархом царевны Софьи висели на стенах в золоченых рамах именно те священные изображения «немецкой печати» (Спасителя, Распятия, Богородицы Ченстоховской и др.), против которых выступал Иоаким (*Забелин И.Е.* Домашний быт... царей. Т. I. М., 1895. С. 221). Запрет чего-либо не есть повод думать, что «запретный плод» стал менее употребим!

³ См. ниже. Видимо, царевичу предназначался популярный «Тестамент (Завет) Василия царя греческаго к сыну Льву Философу», изданный Верхней типографией в январе 1680 г.

ревне Наталии Алексеевне (род. в 1673 г.), которая как раз должна была начать учиться чтению¹. После выхода Грамматики Мелетия Смотрицкого (М., 1648) количество дополнительных сведений в Букварях сокращалось. Букварь Симеона в 2,5 раза короче, чем московские Буквари 1657 и 1664 гг., и еще более светский, чем Буквари 1667 и 1669 гг. Выход «Считания удобного» (М., 1682) и «Сошного письма» (М., 1685) с прикладными знаниями по арифметике и геометрии позволил автору нового Букваря сосредоточиться исключительно на проблеме наилучшего, т. е. легчайшего обучения ребенка буквам и слогам².

Этот простой и предельно наглядный Букварь (как элемент системы новейших учебных пособий) был создан Карионом Истоминым в процессе размышлений о методах первоначального обучения царевича Алексея Петровича, в воспитании которого использовался, как мы видели, максимум объемных и движущихся игрушек, а также «потешные книги» и отдельные картинки. Сведения о них выявлялись не столь тщательно, как это было сделано при изучении детства Петра, но общая тенденция вполне ясна.

7 апреля 1692 г., когда Алексею только исполнилось 2 годика, ему была подарена «потешная книга, переплетена в доски»; 6 мая – в картон «переплетена потешная книга солдатского строю». 14 октября в хоромы к царевичу по-

¹ С 6 лет. В документах отмечено жалование ее учительницы Федору Петровны Волковой (С. 158).

² Обучение письму царя Петра и его сына Алексея проходило по старому, с помощью прописей, с той разницей, что роскошная скорописная азбука царевича включала великолепные образцы *славянской вязи* (С. 164–165), употреблявшейся в книжных заглавиях, а больше всего – на изображениях (фресках, картинах) и надписях на предметах (от кубка до колокола и могильной плиты). С опозданием было осознано, что царевичу необходимо читать и такие сложносвязанные буквы, пропущенные в Букваре Кариона Истомина.

ступили еще две «потешные книги». В этом году, как известно, Истомин поднес царевичу «первую книжицу Букварь», за которой последовал Триптих и другие сочинения. Как видно, о развитии мальчика серьезно заботились¹.

2 октября 1693 г. «для письма потешные книги... в лицах розными цветными краски» в хоромы царевичу, которому исполнилось 3 года 7 месяцев, было куплено 3 дести бумаги книжной», а 22 октября заказанная с «верху» книга была раскрашена и поднесена Алексею. 13 декабря окольных И.Ю. Леонтьев приказал в хоромы царевичу «написать в тетрадах в подлести о притчах из Библии царя Давыда и о Вирсавии, да о Едеме сладости (т. е. переписать первую часть или весь Триптих Истомина.— *А.Б.*), а писать Оружейной палаты жалованному иконописцу Тихону Иванову самым добрым мастерством наспех». 27 декабря иллюминированные тетради были готовы и поднесены.

2 января 1694 г. царевичу, как некогда его отцу, изобразили на полотнах в гладких золоченых рамах модные при дворе «беги небесные»: «живописным письмом солнце, луну, кругом 12 месяцев золотом и... чернилы». Художники не торопились, и 10 января их подогнали, возложив работу на Луку Смольянинова. Заказ живописцу Василию Иванову «написать иконописным писмом на четырех листах четыре стихии да двенадцать месяцев», данный 5 июля, был выполнен уже 6-го. В июне-июле царевичу было специально написано и переплетено «пять книг потешных»: одна из них, написанная «розными цветными красками против прежних», была в десть (2°, примерно формат А 4), другая такого же формата содержала цветные изображения «птиц и зверей». Наконец, 13 декабря в хоромы к Алексею Петровичу была заказана картина «на полотне живописным писмом перспективно»; ее 20 числа подал художник Иерофей Елина.

¹ Материал до конца параграфа см. в публикации документов *И.Е. Забелина* (С. 617–620) и его первом томе «Домашнего быта русских царей» (М., 1895. С. 216–217).

2 сентября 1696 г. «для письма и ознаменок» (рисования) «в хоромы... Алексея Петровича... потешных книг и листов» была куплена целая стопа (пачка) «бумаги книжной» (более дорогой, чем для письма в приказе). 30 октября к «потешному бумажному листу, которой лист написан и подклеен холстом в хоромы... царевичу» была сделана черная деревянная рама, на которой лист был в комнаты подан Алексею (С. 617, 619). В 1697 г. «для писма и ознаменок в хоромы царевича... потешных книг и листов» потребовалось 5 стоп бумаги книжной и еще запас писчей. Тогда же Иерофею Елине было велено написать для царевича на полотне Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, на нем «преоспективно – медведя с медведицею и волка и зайцов». В конце года одну из «потешных старых» книг 7-летнего Алексея заново переплели.

Почва для появления при Московском дворе последней четверти XVII в. *системы наглядного обучения* была вполне подготовлена. Но именно потому, что ее создатель Карион Истомина ориентировался на царских детей, его затея была бы обречена на провал без весьма могущественного покровителя. Таким прогрессивно мыслящим властным членом царской семьи оказалась царица Наталия Кирилловна (Нарышкина). Удивительно, но это она дала толчок педагогическому творчеству Кариона, а не красноречивый поэт убедил царицу в пользу «материнской школы».

НАЧИНАНИЯ ЦАРИЦЫ НАТАЛИИ КИРИЛОВНЫ И ИХ СУДЬБА

Опираясь на знания источников педагогической мысли и практики в конкретных странах, мы можем ставить и решать вопросы их взаимосвязи в Европе того времени: эпохи Яна Амоса Коменского в педагогике, Научной революции в естественных науках и энциклопедизма в ученом сообществе (не путать с Энциклопедизмом для салонов XVIII в.).

В частности, мы уже сейчас может ответить на вопрос, **когда** идеи скончавшегося в 1670 г. Коменского достигли России. По традиции, с **пятого** возраста дети на Руси начинали систематическое обучение. Учение на Руси было очень разное у различных сословий, но в основе своей профессиональное. Сыновья дворян и, разумеется, царевичи переходили в этом возрасте из рук «мамок» к «дядькам», садились на коня и брали в руки оружие, как сыновья ремесленников – инструмент. Впрочем, во второй половине «бунташного века» было вполне осознано, что оружием и инструментом представителей податного города так же является общее образование, грамота.

В контексте сложившейся системы начального, в том числе домашнего образования, особенно заметно отступление от неписаного правила, обнаруженное Забелиным. В отличие от учившихся до него царевичей, Петр Алексеевич официально, с традиционного молебна 27 ноября 1675 г. приступил к учебе по Азбуке и Часослову¹ **в три с половиной года!** До этого времени, как мы показали, было в обычае, что царевичи и царевны с младенчества (Петр – уже в годик, его сестра Наталия – в полтора) получали красочные и гравированные «потешные листы» и «потешные книги». Но к изучению Азбуки все, включая глубоко образованного впоследствии Федора Алексеевича, приступали на шестом году жизни, и именно в этом возрасте 12 марта 1677 г. начал систематически учить Петра Н. М. Зотов².

¹ Их в октябре и ноябре изготовил «в хоромы у государю» подьячий Приказа тайных дел Григорий Гаврилов, который 26 ноября, накануне начала учебы Петра, был вознагражден 10 рублями (РИБ. СПб., 1904. Т. 23. С. 1392).

² К этому торжественному дню ему были вновь специально изготовлены Азбука и Часослов (С. 221–222; ср. с. 80, 154–158, 223–228, 613). Необычность такого «двойного» начала образования Петра побудила Забелина заметить, что его мнение о начале петровского учения в 1675 г. «требуется еще более креп-

Кто же начал учить Петра гораздо раньше положенного срока, в возрасте, отведенном А.Я. Коменским для «Материнской школы»? – Ответ очевиден: его мать, вполне культурная для светской дамы своего времени царица Наталия Кирилловна, в девичестве Нарышкина, добивавшаяся от мужа и не таких пожертвований традициями. Поэтому в документах нет обычных записей о «пожалованиях» учителю Петра с конца 1675 по начало 1677 г. (жалования на таком уровне не платили, но награждали примерно и в расходные книги суммы заносили исправно).

Взгляды царицы, воспитанной в интеллигентном доме Артамона Сергеевича Матвеева и его супруги из рода Гамильтон, не могли быть *крайне* реакционными, как нередко изображают их историки. Выданная 22 января 1671 г. замуж за вдового царя Алексея Михайловича, безутешно оплакивавшего нежно любимую жену Марию Ильиничну¹, двадцатилетняя Наталья быстро привела жизнь двора в соответствие со вкусами нового поколения. Всю жизнь находившийся под чьим-либо влиянием, разменявший четвёртый десяток царь Алексей души не чаял в молодой царице. Когда же Наталия 30 мая 1672 г. осчастливила его сыном, власть царицы во дворце стала бесспорной.

Смехотворны часто встречающиеся в литературе утверждения, что пожилой, страдавший хронической цингой и крайне богомольный царь по своей воле вдруг завел при Московском дворе театр, светскую музыку и танцы. Ната-

ких подтверждений», и выразить недоверие Крекшину, описавшему начало учения в 1677 г. (с. 223). Сомнения объяснялись тем, что ученый не исследовал аналогичное обучение царевича Алексея Петровича, хотя с обычной обстоятельностью сделал о нем выписки в архивах, изданные Тарабриним.

¹ В девичестве Милославскую. Она была выдана замуж по политическим замыслам всесильного воспитателя царя боярина Б.И. Морозова в 1648 г. и, прожив с царем душа в душу более 29 лет, скончалась в 1669 г.

лия, как прекрасно показано И.Е. Забелиным, даже заставила мужа отказаться от давно взятого им обычая держать свою семью чуть не запертой «в Верху» и открыто показывалась народу¹. Ее «чудесное» освобождение от «теремного затворничества» не слишком показательны с точки зрения русской традиции, подразумевавшей ограничение прав женщины, а вовсе не ее заточение². Но то, что слово Наталии в быту было для Алексея Михайловича таким же весомым, как решение властного канцлера А.С. Матвеева (1671–1676) в политике – не вызывает сомнений.

Как Наталье Кирилловне пришла идея «Материнской школы» – неведомо. Она могла прочитать об этом (на чешском языке или в переводе), услышать в доме Матвеева или от образованных придворных дам, внять совету допущенного ко двору книжника, самым ярким из которых был в это время Симеон Полоцкий. По рассказу Н.П. Крекшина, именно Симеон экзаменовал учителя для Петра перед царем Федором в 1677 г., а затем Зотова представили царице Наталии, которая и «вручила» ему сына для «научения божественной мудрости, и страху Божию, и благочинному житию, и писанию»³. Симеон, как известно, учил «свобод-

¹ См.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Гл. II и III (любое издание).

² Расхожие суждения о «веригах домостроя», как известно, являются историографической легендой. В тексте Домостроя (XVI в.) «государь» (хозяин) лишь главнее «государыни» (хозяйки), сфера ответственности и степень бытовой свободы которой весьма широки. В XVII в. условия жизни и нравы московских дам мало отличались от большинства стран Европы. Исключением были нравы части женского населения городов верхней половины Италии и дворов Франции, особенно парижского, так и не оправившегося от мощного воздействия жизнелюбивых королев-итальянок Екатерины и Марии Медичи. Замечу, что унаследованные с их времен нравы ужасали даже королей Людовика XIII и Людовика XIV.

³ *Сахаров И.П.* Указ соч. С. 19–20.

ным мудростям» объявленного наследником, но не пережившего отца царевича Алексея Алексеевича, царевича Федора и, предположительно, царевну Софью,— но все они начинали учиться с 6 лет! Полоцкий был знаком с некоторыми сочинениями Коменского, но не настаивал на начале обучения детей именно в «Материнской школе».

Не столь очевиден, как принято считать, был и политический смысл раннего начала обучения царевича Петра для реализации властных планов канцлера Матвеева, не ждавшего ничего хорошего от воцарения сыновей Алексея от Милославской и мечтавшего видеть на престоле юного Петра. После смерти официально объявленного наследником престола (1667) царевича Алексея Алексеевича (1670), всему государству был объявлен новый наследник, Федор (1674). В случае его смерти наследником становился царевич Иван. Оба унаследовали хроническую болезнь отца (неусвоение витамина «С») и вполне могли помереть при его жизни. Это знали в Аптекарском приказе, возглавляемом с 1672 г. Матвеевым. Сам Алексей правил столь долго и, несмотря на болезнь, был столь крепок, что, казалось, способен был пережить *всех* старших сыновей.

Логично предположить, что Матвееву хотелось, чтобы Петр был готов взять власть, но к чему было в этой связи так торопиться с образованием? На известную в литературе версию о заговоре Матвеева, якобы старавшегося посадить четырёхлетнего Петра на трон вместо совершеннолетнего Федора в 1676 г., в построениях опираться нельзя. За ней не стоит ничего, кроме суждений о характере канцлера и бродившего среди поляков слуха¹. Несмотря на лютую ненависть придворных к «временщику», спокойно воцарившийся Федор удалил от себя канцлера лишь спустя полгода, после полного провала его внешней политики, а сослал

¹ См: *Богданов А.П.* Царь-реформатор Фёдор Алексеевич Романов. Старший брат Петра I (1676–1682 гг.). М., 2004. С. 14–43.

еще через год, за чрезмерное казнокрадство. Не более обоснованными выглядели обвинения братьев царицы Наталии в подготовке убийства государя (1677): приговоренных боярами к смерти Федор, скорее для их безопасности, отправил в недалекую ссылку, а попытку выселить Наталью из хором пресек, запретив и думать об ущемлении прав брата.

Вообще, слухи о «заговоре» Матвеева (а с ними и версия о необыкновенных способностях Петра, оправдывавших его раннее обучение) обрели смысл лишь после 27 апреля 1682 г., когда добившиеся ссылки канцлера бояре, не желавшие продолжения реформ царя Федора, во главе с патриархом Иоакимом осуществили дворцовый переворот, посадили на престол десятилетнего Петра вместо не объявленно-го наследником Ивана и вернули Матвеева из ссылки. Видную роль в новом правительстве стали играть Нарышкины, но их группировка была разгромлена народным восстанием, а власть взяла в руки «утишившая» бунт Софья¹.

С тех пор, как молодая царица начала учить своего маленького сына, прошло немало тяжких для Наталии Кирилловны лет. К свержению Софьи она стала пуглива и богомольна, забыла развлечения и окружала себя юродивыми. Но до подчеркнутой старины в домашнем обычае, наподобие патриархального дома «князя-кесаря» Федора Юрьевича Ромодановского, царице-матери было далеко. Никого из прежних «мамок» и «дядек» царицыных детей на дворцовых должностях к 1690-м гг. уже не осталось. Тем не менее обучать родившегося 18 февраля 1690 г. внука Алексея Петровича Наталия начала так же, как Петра, *с трёх лет*.

Правившая страной с осени 1689 г. до своей кончины 25 января 1694 г. вдовая царица стала в историографии символом реакции, олицетворением «старой Руси», противостоящей «молодой России», не только потому, что не позволяла править своему сыну Петру. Общепризнанно, что

¹ Богданов А.П. В тени Великого Петра. С. 74–76, 257 и сл.

именно она занималась воспитанием замученного Петром и его камарильей в 1718 г. царевича Алексея, в целях оправдания злодейства представленного главой «реакционной боярской оппозиции, противостоявшей петровским реформам и связанной с враждебными иностранными кругами»¹. Мировоззрение 52-летней бабушки-царицы, через которую в 1692–1693 гг. Карион подносил царевичу учебные книги, тем более любопытно, что родовой состав ее «реакционно-го» двора мало отличался от ближнего окружения Петра, аристократического ядра его верных «сподвижников»².

Правда, у царевича была мать, выбранная для 16-летнего отрока Наталией царица Евдокия Федоровна (в девичестве Лопухина). Не такая уж бессловесная, как принято считать, она играла определенную роль при дворе, горячо любила сына и считала *своей* обязанностью о нем заботиться. Но в 1692 г., когда Истомин *через бабуку* поднес царевичу Алексею Петровичу «первую книжицу» Букварь, царь, сопровождаемый приближенными своей матери, сошелся в Немецкой слободе с любовницей Франца Лефорга Анной Монс. «С тех пор...– по выражению Н.И. Костомарова,– Петр стал чуждаться своего семейного очага».

Влияние Евдокии Федоровны серьезно упало, и Триптих Карион должен был подавать также через Наталию Кирилловну. Лицевую Библию возможно, а Акафист и последующие сочинения он определенно подносил царевичу тогда, когда о нем уже вновь «пеклась» мать. В любом слу-

¹ Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1953. С.51. Преступление сыноубийцы расследовано: *Костомаров Н.И.* Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге) // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881 (новое изд. М., 1989. С.125–166).

² Ср.: *Crummey, Robert O.* Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; *он же.* Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // *Canadian/American Slavic Studies* 8 (1974). P. 272–287.

чае приходится заключить, что внука, соперников на пути к престолу вовсе не имевшего, Наталия Кирилловна начала учить так же, как и Петра, с трёхлетнего возраста, в «Материнской школе». И лишь затем, с шести лет, Алексей «пошел в школу» так же, как стал заниматься с учителем Петр и все царевичи до него.

Так продолжалось до 1698 г., когда Петр разделался с нежно любившей его и потому особенно раздражавшей царя женой. Еще перед отъездом за границу, в марте 1697 г. он сослал отца и братьев царицы. Из Лондона Петр написал в Москву Льву Кирилловичу Нарышкину и Тихону Никитичу Стрешневу, чтоб заставили царицу постричься добром. «Мы, – сообщил царю Стрешнев, – о том говорили прилежно, чтобы учинить в свободе, а она упрямится». Прискакав в Москву, царь в страшном гневе сам обрушился на Евдокию: как смеет она противиться его воле?!

«Бедная царица отвечала, что на ее попечении был маленький сын, царевич Алексей», – излагает Н.И. Костомаров сообщение имперского посла Гвариента о скандале, учиненном Петром царице в доме почтмейстера Андрея Виниуса, на глазах иноземцев, и длившегося несколько часов¹. Находившаяся в своем праве мать так и не сдалась. Через три недели, 23 сентября 1698 г. ее силой увезли на худой карете в Суздаль и заточили в Покровском девичьем монастыре одну, отняв даже постельницу. До июня следующего года Петр обрушивал гнев на духовенство, которое все не могло насильно постричь царицу. А та и через пять лет после незаконного пострига имела наглость просить, чтобы ей дозволили переписку с любимым сыном!

Душераздирающая история разлучения восьмилетнего царевича с матерью оставила тяжкое впечатление в народе. Из уст в уста передавали, как Алексей «хватился матери и стал тосковать и плакать», как «намутила на царицу царев-

¹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 127–128.

на Наталия Алексеевна», как царевича стерегут, а он «немцев не любит», даже «на немчине платье сжег»¹.

Действительно, по ссылке матери Алексея перевезли к тетке Наталии Алексеевне. Надежд Истомина стать учителем царевича это не поколебало. С 1689 г. он засыпал панегириками правительницу Наталию Кирилловну, с рождения Алексея неоднократно обращался с похвалами «науке» и к Петру, не забывая его любимую сестру Наталию², а также боярина Т.Н. Стрешнева и других важных лиц при муже Евдокии Федоровны. Брошенной мужем царице позиция придворного поэта вряд ли импонировала, тем более, что, дважды похвалив новую царицу (на свадьбу и последующие именины 4 августа 1689 г.), Карион после утверждения власти Нарышкиных почти забыл о Евдокии³.

Это был просчет. При жизни благосклонной к Истомину Наталии Кирилловны царевич еще пребывал в «Материнской школе», а к 1695 г., когда он должен был получить официального учителя, сына тихо, но упрямо оберегала недооцененная поэтом мать. Истомин приблизился к заветной цели вплотную. Он подносил царевичу учебные книги, вручил ему стихотворный «Домострой» с назиданиями

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М., 1991. С. 560.

² Помимо похвальных сочинений, он перевел для нее «с белорусского языка и письмен» сочинение «некоего богомудра и любомудра мужа» (согласно многократно цитированной записке о поднесении книг: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 98 об.). Прозаическое приветствие царевне Наталии Алексеевне в книге «Сладость богомысленная души в разглагольстве с Господом Богом» см.: ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 95–98 об.; орацию при поднесении царевне: ГИМ. Чудовское собр. 98/300. Л. 299–301 об.; царевичу Алексею: Л. 319–321.

³ Исключением можно назвать Рождественское стихотворное поздравление царице Евдокии с сыновьями Алексеем и вскоре скончавшимся Александром 25 декабря 1690 г.: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 157 об.

сыну от имени Петра¹, напечатал «в седмое лето возраста» Алексея 20 экземпляров Букваря и помогал писать послания отцу², в том числе стихами³. Но учителем царевича Карион и не стал. Назначенный 4 марта 1698 г. смотрителем Печатного двора, Истомина расширил свои возможности. Изъяв из Мастерской палаты часть иллюстрированной Книги Царственной (известной как «Лицевой летописный свод» и «Московская историческая энциклопедия»), он велел сделать из тематически подобранных листов две книги в красивых переплетах⁴.

К годовщине своего назначения начальником московской печати, Карион 3 марта 1699 г. отнес «в Верх» к опекаемому царевной Наталией царевичу Алексею одну из этих замечательных книг с выделенным самим поэтом ярким и назидательным рассказом о царствовании Константина Багрянородного «сына Лвова» (наставление императора Василия сыну Льву читали, по данным Забелина, все царевичи Романовы). Позже она вернулась на Печатный двор⁵.

Это была последняя попытка Истомина воздействовать на обучение царевича Алексея Петровича⁶, учителем кото-

¹ ГИМ. Чудовское собр. № 302. Л. 49–50 об. Оpubл.: *Бычков А.Ф.* Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК. Вып. 2. СПб., 1862. С. 126–132.

² ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 443 об.–446.

³ *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 138–139. Публ. по: ГИМ. Чудовское собр. № 300. Л. 439 об. См также: Там же. № 301. Л. 257.

⁴ Ныне это «Синодальный том» и «Лицевой хронограф»: ГИМ. Синодальное собр. № 962; РНБ. F.IV.151.

⁵ *Богданов А.П., Пентковский А.М.* Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // *Русская речь*. 1984. № 5. С. 92–100.

⁶ Кариону приписывают еще издание Арифметики (М., 1700). После кончины патриарха Адриана его секретарь в 1701 г. потерял место начальника Печатного двора и вынужден был оставить службу московскому Двору, при котором Истомина оказался последним поэтом.

рого в 1698/99 г. был Петр Никифорович Вяземский. Его имя и должность указаны в тетрадах дворцовым расходам в разделе отпуска «питья и еств» дворцовым служителям, охране, сокольникам, зверовщикам и зверям (львице, бобру, рыси, лисицам и белым медведям). Под этими статьями Петр в августе 1700 г. начертал бессмертный афоризм: *«Всем отказать, кроме зверей»*. Царь также любопытствовал, кому платят годовой оклад меньше 10 руб. (С. 718).

Русский учитель для сына был Петру уже не нужен, поскольку он нашел иноземца. Студент Лейпцигского университета Мартин Нейгебауер недавно прибыл из Гданьска как секретарь саксонского посланника генерал-майора Карловича. 4 июня 1700 г. ему выдали первое жалование (100 руб.), а 25 августа велено было платить из Оружейной палаты по 15 руб. в месяц за обучение царевича Алексея «математическим и иным наукам». Так как учитель не говорил по-русски, к нему был приписан толмач (переводчик с голоса) Карл Циммерман с годовым жалованием в 60 руб.

Учил Нейгебауер не «свободным мудростям», а некоторым специальным знаниям, жалуясь, что на его «малое жалование... невозможно честно жить» (челобитная от 26 марта 1701 г.). Петр сознавал недостаточность немецкого учения хотя бы в отношении любимого им церковного пения, и назначил Алексею еще одного учителя, певчего дьяка Никифора Кондратьевича Вяземского (С. 614–615).

Это вызвало страшное раздражение немца, потребовавшего удалить от царевича Вяземского и вообще русских, заменив их теми, «которые в наших землях были и наших обычаев и языков научены суть». Если, писал Петру немец, ему не подчинят весь штат, «то невозможно царевича изрядных нравов учения и порядочного жития научити, зане некоторые от злости, а иные от глупости все мои труды портить будут». В 1702 г. хитрец пожаловался Ф.М. Апраксину, что царевича нельзя учить, не получив власти, ка-

кой обладает над всем царским двором «верховный гоф-мистр» А.Д. Меншиков. Это было очень неосторожно.

Меншиков уже был всевластен, все при Дворе ссылались на его приказы и апеллировали к нему. Нейгебауер очень кстати показал, от каких «изрядных нравов» отвлекают Алексея русские служители, живущие «по старому непристойному злочинию». 23 мая 1702 г. за обедом царевич складывал куриные косточки на свою тарелку. А.И. Нарышкин посоветовал, чтоб он их «для очистки тарелки положил на то же блюдо». «Необыкновенно объединенные кости на блюдо класть, а мечут собакам!» – взялся учить немец, благо при столе стоял толмач. Алексей усмехнулся и зашептал на ухо Нарышкину, а тот Вяземскому. Нейгебауер указал на эту «непристойность», обозвав Нарышкина и Вяземского варварами, «мужиками, свиньями и собаками».

К несчастью для немца, он не только «бросал» перед царевичем приборы, но проговорился: «вы де все ничего не знаете... а как буду я с царевичем за морем...». О плане отправки Алексея Петровича за границу действительно никто ничего не знал, и Петр срочно изгнал Нейгебауера из России¹. Вяземскому (по Забелину) в декабре 1702 г. даже выдали 100 руб. жалования и «денег на приклад».

Прослышав про замысел Петра, «Саксония, Пруссия, Австрия хотели взять русского царевича на воспитание» «в видах подготовить для себя будущего союзника». Но царь пока что нанял другого иноземца, Гюйссена, начавшего учить Алексея французскому языку и обхождению. Так продолжалось до 1705 г., когда Меншиков подсунил Петру свою любовницу Екатерину, а оставленный с Вяземским Алексей был забыт в Преображенском. Шагая по стопам отца, царевич хвастался пьянством, гордо писал духовни-

¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–4. Изучивший дело С.М. Соловьев ошибочно датировал прием Нейгебауера в учителя 1701 годом (Указ. соч. С. 79–81).

ку, что не молится, при встрече рвал ему бороду, Вяземского же, пытавшегося вбить ему знания немецкого, геометрии и фортификации, драл за волосы и избивал палкой¹.

Под предлогом изучения той же геометрии и фортификации Петр отправил сына в 1709 г. в Дрезден, на самом деле планируя его женить на немке. После брака 14 октября 1711 г. в Торгау об учебе великовозрастного царевича Петр не забыл: в страхе перед экзаменом по черчению и неизбежных побоев Алексей стрелял себе в руку из пистолета. Убийство его в целях укоренения власти Меншикова и Екатерины было делом решенным. Родившегося 12 октября 1715 г. сына Алексея, будущего императора Петра II, вообще учить не думали. После устранения отца его отдали «дядьке», дворовому пажу Маврину, а затем «венгерцу» Зейкину. Он был столь жалок, что фаворит с Екатериной нашли нужным не убить несчастного, а посадить на трон для последующей женитьбы на дочери Меншикова².

Совершенно выпали из поля зрения Петра и его «птенцов», но не ускользнули от внимания Кариона Истомина дети благочестивого царя Ивана Алексеевича и первой красавицы двора Прасковьи Федоровны Салтыковой³. 29 мая 1690 г. при дворе звучало его «Приветство стихотворное в краткости» царю Ивану ко дню ангела новорожденной дочери Феодосии⁴. Оно было написано вскоре после поэмы на рождение царевича Алексея 19 февраля⁵, одновременно

¹ За проявление хороших черт, вроде сострадания к матери, Алексея по доносу царевны Наталии наказывали, а прощение велели вымалывать у девки Меншикова и отца Екатерины. *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 130–137, цит. с. 130.

² *Костомаров Н.И.* Самодержавный отрок // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 14. СПб., 1881 (новое изд. М., 1989. С.167–222).

³ *Семевский М.И.* Царица Прасковья. М., 1989 (переизд.).

⁴ ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 75 об–76.

⁵ Там же. Л. 71–72, 116.

с «Приветством желательным в первоветии» царю Петру по случаю первых именин Алексея 21 июня 1690 г.¹

27 марта 1692 г. Истомин обращался к царице Прасковии (и не раз, от разных лиц, к ее супругу) с пасхальной орацией. Великолепное «Приветство стихотворномерно» с образком и картинкой Карион посвятил царице Прасковии Федоровне в день ангела 14 октября 1692 г. В нем поэт поместил гимн «Человеку избранному», созданному для познания и овладения миром. Сочиняя около 1694 г. благодарственное письмо княгини Ирины Прозоровской по случаю посещения ее именина царицей Прасковьей, Истомин не преминул желать царственной чете «во утешение же и наследство ваше родительское родити государя царевича»².

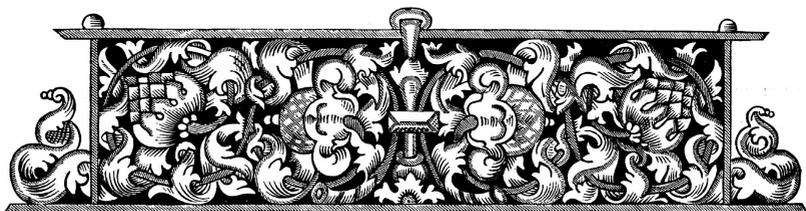
Но поэт был убежден, что и девочек необходимо хорошо учить, не причем только читать и писать. Можно предполагать, что ряд экземпляров его учебных работ был адресован дочерям Ивана и Прасковии (которую он не забывал и после смерти мужа в 1695 г.). Согласно авторскому «вручению», в октябре 1693 г. Истомин поднес Прасковии Федоровне парадный экземпляр своего рукописного, расцвеченного золотом и красками Букваря, предназначенного для трех ее дочерей³. Третьей из них была *Анна Иоанновна*, с которой в XVIII в. началась череда великих русских императриц. Возможно, благодаря учебнику Кариона Анна оказалась достаточно грамотной, чтобы понять смысл «Кондиций» и 25 февраля 1730 г. в Москве покончить с губительной для России властью созданного Меншиковым и Екатериной Верховного тайного совета (1726–1730).

¹ ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 74 об.–75.

² Там же. Л. 159 об. (Пасхальная орация). Л. 162–162 об. («Приветство стихотворномерно»). Л. 101 об. (Послание княгини).

³ ГИМ. Собр. Уварова. № 92. 2°.

Часть III

ИЗ АРХИВА
ПРИДВОРНОГО
ПОЭТА

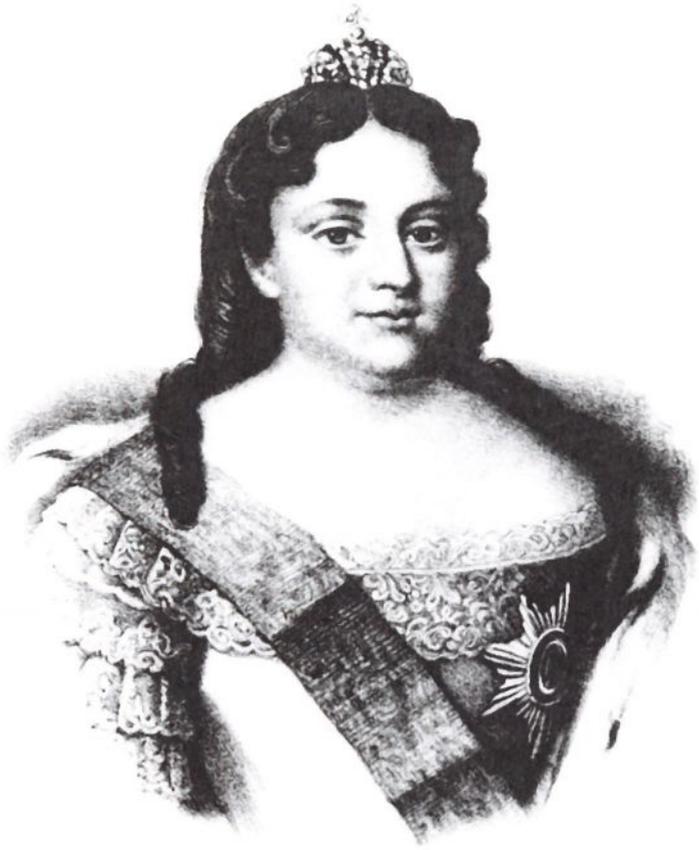
1

КОМПЛЕКС НОВЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПИТАФИЙ

2

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ
ДЛЯ МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЫ

Анна

*Императрица Анна Иоанновна
и факсимиле её подписи*

1. КОМПЛЕКС НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЭПИТАФИЙ

ЧУДОВСКОМУ МОНАХУ ТАРАСИЮ АБУШЕВУ
1689 г. после 25 мая

Кто гроб сей узрит	Богу помолися(,)
Зде схимонах благ	Тарасий склонися.
Авушев телом	в земли сокровенный
Чтоб душею был	в небо вознесенный.
Боже(,) упокой	отца Тарасиа(,)
Даждь сладитися ¹	райска согласия.
Седьм тысяч седмаго ²	девятдесят ³ лета(,)
Мая в двадесят день	пятый сниде с света(,) ⁴
Нощи 15-го часа(.)	

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 157 (автограф, черновик)

НА СЕМЕЙНУЮ УСЫПАЛЬНИЦУ
КОЗЛОВСКОГО ДЬЯКОНА ВАСИЛИЯ 1689 г.⁵

Богу Всетворцу слава	и честь присно буди(,)
Аллилуиа за все	да поют вся груди.
Седьм тысяч сто осьмдесят	девятаго лета
Ноемвриа в девят день	от начала света

¹ *Даждь сладитися* над строкой вместо зачеркнутого *Наслаждатися*.

² Над строкой.

³ Далее зачеркнуто *седма*.

⁴ Стих *Маия ... света* над строкой вместо зачеркнутого *Маия луны в день трети распряжесе света*.

⁵ Недатированный текст на л. 332 об. написан тем же вариантом почерка и чернилами, что на л. 332 с датой 1689 г.

Успе в Господе раба	божия Мариа.
Диакона бысть жена	честна Василиа.
Соборны церкви яже	в Козлове есть граде.
Надежду име в Бога	бысть ей во отраде. ¹
Там ² погребеса с чады	своими младыми(,)
Да престанет Господу	в вечный покой с ними.
Сном смерти мать дети	сии укориша(,)
Тела ³ разных лет вкупе	зде своя сложиша(,) ⁴
Феодор маиа в день	шестый двадесятый,
Иосиф декемвриа	в четвертый бысть взятый.
Анастасиа в девятый	июня скончася,
Евдокиа в двадесят	седм ⁵ день земна стася.
Токмо Мариа телом	своим разлучена
Но буди в небе оным ⁶	вечно ⁷ святим с чина.
Вся души Господи их	упокой в блаженстве,
Даждь и Василию зде	быти в благоденстве.
Их же и о ⁸ себе он ⁹	плачет неутешно
Како проживет век свой	(он) благопоспешно.
Тебе Господу присно	в любви да послужит(,)
Добродетелми себе	святим всем да сдружит.
Супруги си и детей	Василий лишися
В утеху Христе ему	милостив явися.

ГИМ, Чудовское собр. № 98/300,
л. 332 об. (автограф, черновик)

- 1 Стих над строкой, в строке подчеркнут вариант:
Ту лежит телом просит бысть в райском ей саде.
- 2 Над строкой, в строке подчеркнут вариант *Зде.*
- 3 Над строкой, в строке вариант *Тель и.*
- 4 *Зде своя сложиша* над строкой, в строке подчеркнут вариант
землю спокрыша.
- 5 Исправлено из *седмый.*
- 6 Над строкой.
- 7 Далее зачеркнуто *и.*
- 8 Над строкой.
- 9 Исправлено из *оный.*

ЧУДОВСКОМУ ИЕРОМОНАХУ ФЕОДОСИЮ

1690 г. января после 27

Естественный долг	человек zde стяжет,
По смерти в земли	плотию си ляжет.
В надежде к Богу	муж честный скончася ^(,)
Иеромонах	Феодосий звася.
Духовный отец	в монастыре Чуда
Быв братии всей	церковнаго уда.
Девятьдесят лет	и пять име в жизни ^(,)
Да не лишится	небесны отчизны.
Лежим zde плотски ^(,)	зряща всяка просит.
Молитвы о нем	к Богу всяк да носит.
Ианнуария ¹	в день седмый дватесят ^{2(,)}
Седьм тысящ ста лет	осма ³ девятдесят ^{4(,)}

* * *

Седьм тысящ сто лет	осмь девятдесят ^(,)
Генваря луны	в день седмый дватесят
Zде тело ⁵ честна	мужа положено ^{6(,)}
Иеромонаха	в старости свершено ⁷
Феодосия	в монастыре отца ^(,)
В Чудове братии	мыслям духоводца.
Девятьдесят лет	и пять име жизни ^(,)
Сподобь и Боже	в век райской главизны ^(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 73 (автограф, черновик)

- ¹ Вместо зачеркнутого *Месяца февруариа* над строкой, другими чернилами (Ч-2), которыми написана вторая эпитафия.
- ² *Седмый дватесят* вставлено Ч-2 между словами, зачеркнуто *и*.
- ³ *Осма* вставлено над строкой Ч-2.
- ⁴ Далее зачеркнуто *осма*.
- ⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *кости*.
- ⁶ Исправлено из *положены*.
- ⁷ Исправлено из *свершены*.

КНЯГИНЕ ИРИНЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ТРУБЕЦКОЙ
1690 г. февраля после 27¹

Всяк земнородный смотрев	гроб сей умилися,
О преставльшейся рабе ²	божией молися.
Болярыни княгини	Ирины зде тело
Васильевны Трубецкой	лежати приспело ^(.)
Февраля ³ луны в число	двадесят седмое,
В лето ⁴ семь тысяч (сто	девятдесят осмое.)

// (л. 73 об.)

* * *

Семь тысяч девяност	ста осмаго лета ^(,)
Февраля в двадесят семь ^(,)	в последн час ⁵ дне света ^(,)
Скончася боярыня	княгиня Ирина ⁶
Васильевна честна ⁷ телом	в гробе спит едина
Трубецкая госпожа ^(,)	ждет трубного гласа ^(,)
Да постигнет ю в Христе	небесна украса ^(.)
Молит ⁸ умнословных всех	в том Бога молити,
Да изволит тую	в век в небо вселити. ⁹

¹ Вероятно, две эпитафии княгиням Трубецким, написанные на л. 73–73 об. сходными вариантами почерка и одними чернилами, следует датировать по более поздней: после 8 мая 1690 г. Эпитафия Феодосии Лабозной после 6 мая приписана теми же чернилами на чистом месте л. 73.

² Над полустрокой зачеркнут вариант *Зде верна княгиня*.

³ Исправлено из *Февруариа*.

⁴ Далее зачеркнуто *71(98)*.

⁵ Над строкой.

⁶ Над строкой вместо зачеркнутого *Божия раба благоверна в Господе скончася*.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *зде*.

⁸ Далее зачеркнуто *всякаго*.

⁹ Над строкой вместо зачеркнутого *Зревшие гроб ее имать милость получитьи*; под строкой зачеркнуто *Да изволит Бог в небо в век вселити*. В начале строки зачеркнуто *Творяй бо милость*.

Супружница бысть	болярина явна ^{1(,)}
Князь Юрья Никитича	Трубецкаго славна.
Голицыных рода бысть,	в милости изящна(,)
Боже, сподоби ону	царства ти невращна.

* * *

Зри человеце всякий ²	гроб сей умилися ³ .
О лежащем в нем ⁴	Богу помолися.
Болярыня зде	княгиня избрана
Ирина Васильевна	Трубецкая званна ⁵
Ждет встати из мертвых	по Христову слову(,)
Просит сподобити ся	в небе светлу крову.
Бысть супружник ей	боярин преславный ⁶
Князь Георгий Никитич	Трубецкой добронравный ^{7(,)}

Вдовствуя с детми добре ⁸	дом свой управляше(,)
В Бозе надежду свою	присно полагаше.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 73–73 об. (автограф, черновик)

КНЯГИНЕ ТАТЬЯНЕ СТЕФАНОВНЕ ТРУБЕЦКОЙ 1690 г. мая после 8

Благочестну княгиню ⁹	благородна князя
Иоанна Юрьевича	смертна сече язя

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *славна*.

² Над строкой.

³ Над полустишием *гроб сей умилися* зачеркнуто *жизни при-
смотрися*.

⁴ Далее над строкой *крепце*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *славна*.

⁶ Над строкой вместо зачеркнутого *благородн*.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *свободн*.

⁸ Над строкой вместо зачеркнутого *житие; добре* (над строкой).

⁹ Над строкой, исправлено из *Благоверну княгиню*; вместо за-
черкнутого *Гроб сей юныя жены пр*.

Трубецкого Татьяну	Стефановну верну ¹
Татевых рода _(,) в любви	христовей безмерну ²
Иже сконча жизнь юна ³	в Господе блаженно
Души решившися ⁴ _(,)	зде тело положенно:
Осмы тысящи лета	ста девять осма _(,)
Маия луны во днех	числа осмоносна _(,)
Христе упокой ⁵ ону	в вечном ти ⁶ блаженстве _(,)
Даждь ей ⁷ зрети тя присно	с святы в благоденстве _(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 73 об. (автограф, черновик)

ФЕОДОСИИ, СУПРУГЕ ГОСТИНОГО СЫНА
МАКСИМА ЛАБОЗНОГО 1690 г. мая после 6

Путниче смотрев	гроб сей и мудрися _(,)
Зде тело честны	жены положися
Феодосии,	Лабозна Максима
Гостина сына,	в честности гласима.
Иже из мертвых	надежна востати,
Изволь, и просит,	душу поминати.
Боже, сподоби	ону вечны славы _(,)
Нас же ходити ⁸	наставь ⁹ в пути правы.
Маия в шестый день _(,)	в час скончалась десятый _(,)
Седьм тысящ сто год ¹⁰	девятдесять ¹¹ осмый.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 73 (автограф, черновик)

- 1 *Татьяну Стефановну верну* испр. из *Татьяны Васильевны верны*.
- 2 *Христовей безмерну* исправлено из *законней безмерны*.
- 3 Над строкой вместо *зачеркнутого в Бозе*.
- 4 Исправлено из *разрешившия*.
- 5 *Христе упокой* над строкой вместо *зачеркнутого Боже сподоби*.
- 6 Над строкой.
- 7 *Даждь ей* исправлено из *Подаждь*.
- 8 Над строкой.
- 9 Далее *зачеркнуто в тое*.
- 10 Над строкой вместо *зачеркнутого лет*; далее *зачеркнуто в восемь*.
- 11 Исправлено из *девятдесята*.

СТОЛЬНИКУ И ПОЛКОВНИКУ
ПЕТРУ ДМИТРИЕВИЧУ СТРЕМИЧЕВСКОМУ
1690 г. марта после 5

Царск ¹ столник полковник	в ратех храбр явися(,)
Петр Дмитриевич благ ²	Стремичевской чтися(,)
Белгородских полков бысть ³	рейтарскаго строю(,)
Веру в жизни име он	к христову покою.
Скончас(я) ⁴ лет семь тысящ	сто осмь девятыдесят
Марта в пятый день	{...}
Благонадежно ⁵ Богом	души разлучися.
Тело ⁶ его zde	землею покряся.
Всех же человек в помощь ⁷	просит он молитвы,
Сподобь его Боже в век ⁸	небесны гоститвы.
В лето семь тысящ сто	осмь девятыдесято
Мирозданнаго круга.	Марта в число пято.

¹ Перед текстом, на л. 76 об., черновые варианты. Зачеркнуто:

*Человек честен   zde в гроб положися
Петр Стремичевской   в полках храбр явися.*

Неокончено:

*Царский полковник   в ратех храбр явися
Петр Стремичевской   zde в гроб положися.
Скончался в вере   блаженней надежно (испр. из на-
дежде).
Боже даждь ему   небо немятежно.
Сего бо проси... // (л. 77)*

² Над строкой.

³ Над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто *жизнь*; над строкой зачеркнуто *умре*.

⁵ Далее зачеркнуто *в Бозе*.

⁶ Далее зачеркнуто *же с костьми*.

⁷ Полустишие над строкой вместо зачеркнутого *У приходящих и зрящих*.

⁸ *В век* над строкой.

Пришелцы словесны вси   на гроб сей возрите.
О¹ лежащем² в нем муже   Бога помолите³.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 77 (автограф, черновик)

СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
ИОАКИМУ

1690 г. марта после 18

Всякий человек живяй	отзде умирает.
Бог бо предел и меру	жизни полагает.
Долг умнословесному	к нему уповати _(,)
Имать бо в небе с святы	вечно пребывати.
Волею Бога в мир сей ⁴	человек ⁵ рожденный _(,)
Велик господин бысть	патриарх священный
Иоаким Московский,	Россий и всех ⁶ Северных,
Всех стран ⁷ благий пастырь	в щедротях безмерных.
Мирно ⁸ скончася _(,)	живш лета седмидесята ⁹ _(,)
Седьм тысяч ста осмаго	и девять десяти _(,) ¹⁰
Месяца ¹¹ марта _(,) числа	десять и седьмаго _(,)
В понеделок седмицы	третш ¹² Поста святаго _(,)

¹ Над строкой вместо зачеркнутого (по ошибке?) *О*.

² Исправлено из *лежащего*.

³ *Бога помолите* над строкой, вместо варианта *себе вспомняите*.

⁴ Далее зачеркнуто *быс(ть)*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *человек бысть*.

⁶ Над строкой вместо зачеркнутого *стран*.

⁷ *Всех стран* над строкой.

⁸ Над строкой вместо зачеркнутого *Во Госпode*.

⁹ Исправлено из *лет семидесяти*.

¹⁰ Строка исправлена из *Патриарх 7108-го и девять десяти*.

¹¹ Над строкой вместо зачеркнутого (по ошибке?) *Месяца*.

¹² *Седмицы третш* над строкой вместо зачеркнутого *третья неде(ли); седмиц(ы)*.

В четверти первой в час	дне первом надесять _(.) ¹
Погребен тоя луны ²	в день осмый и десять _(.)
Пять на десять лет, месяц	седьм _(.) дни дватесят три
Церковь российску пасе,	всяк zde гроб его зри _(.) ³
В нем тело ⁴ святительско	его положися.
Да в небо ⁵ вселит и Бог	в любви помолися.
Боже творце наш в Троице	едины державы _(.)
Сподоби его вечны	радости и славы.

* * *

Всетворца Бога благоволением⁶ великий господин святейший Кир Иоаким Московский и всея России и всех Северных стран патриарх⁷ о Господе мирно успе. Лета⁸ 7198-го месяца марта⁹ в 17 день в понеделок третия седмицы¹⁰ великия¹¹ чetyредесятницы в 11 часу дне в первой четверти. И¹² погребен того же месяца в 18 день в велицей соборной церкви¹³. Родився живе лет седьдесят. Пасе стадо христово на¹⁴ престоле¹⁵ своем лет 15, 7 месяц и 23 дни. Его же

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *В час первомнадесять дне в четверти первой*.

² *Тоя луны* подчеркнуто, над строкой вариант *в той же месяц*.

³ Выше вычеркнут вариант двустипшия: *Церковь Божию пасе на своем престоле // Пять лет* (над строкой вместо зачеркнутого *Лет*) *надесять семь месяц*.

⁴ Далее зачеркнуто *его*.

⁵ *В небо* над строкой вместо зачеркнутого *упоко(ит)*.

⁶ *Всетворца Бога благоволением* вставлено над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто *от жизни сея волею божиею*.

⁸ В начале фразы зачеркнуто *Сего*.

⁹ Над строкой зачеркнуто *в сем месте погребене(н)*.

¹⁰ Далее зачеркнуто *святаго Поста; святыя*.

¹¹ Над строкой.

¹² В начале строки зачеркнуто *Жив лет*.

¹³ *В велицей соборной церкви* над строкой.

¹⁴ *Пасе стадо христово* на над строкой.

¹⁵ Исправлено из ...*шь*; далее зачеркнуто *патриархи*.

Господь Бог¹ в царствии своем небесном да упокоит вечно со святыми². Аминь.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 87 А (автограф, черновик); Стихотворная эпитафия: Там же. № 98/300, л. 311–312; № 88/290, л. 161 об.–162; Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В–5715, л. 43 об. Эпитафию и надпись к предполагавшейся иконе св. Иоакима см.: Там же. № 100/302, л. 163. Эпитафией Кариона Истомина и стихами «Над гробом в таблице написано» Игнатия Римского-Корсакова (*Иоаким патриарх ... последние кликнет Ах!*) я позволил себе завершить рассказ об Иоакиме в книге «Русские патриархи» (М., 1999, т. 2, с. 315). Оба соч. в списке см.: РГБ, собр. Беляева № 29/1535, л. 96 об. Список опубл.: Житие и Завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / *Н.П. Барсуков* // ОЛДП. М., 1879. Т. XLVII.

ЕВДОКИИ, СУПРУГЕ СЕМЕНА МЫМРИНА

1690 г. августа после 19

Седьм тысящ девятыдесят	ста осмага лета ³
Евдокиа жена зде ⁴	землею одета ⁵ (,)
Ёе Семена Мымрина,	в Бозе жизнь ⁶ скончила
Августа надесять день	в девятый почила.
Всяк зрящий гроб сей ⁷ о ней	Богу молитву ⁸ (,)
Да даст ей в небе и всем,	блаженну гоститву(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 78 (автограф, черновик)

¹ Далее зачеркнуто *вечно*.

² *Упокоит вечно со святыми* над строкой.

³ Исправлено из *ста лета девята*.

⁴ *Жена зде* исправлено над строкой над строкой из зачеркнутого *божия раба*.

⁵ Над полустрочием варианты: *в гроб* (зачеркнуто); *земля кости и* (союз зачеркнут) *спрята*.

⁶ *В Бозе жизнь* над строкой, вместо зачеркнутого *смертию*.

⁷ В строке вместо зачеркнутого *прошу*.

⁸ Исправлено из *молися*.

ЕФРЕМОВСКОМУ СЫНУ БОЯРСКОМУ
ФЕДОРУ МАРТЫНОВУ 1691 г. декабря после 5

Что ¹ не родися(,)	то не умирает,
Земен родився (–)	в землю ся склоняет.
Бе сын боярской	Ефремова града
Федор Мартынов(,)	десятих лет сада(,)
Двусота лета	смертию пожася,
Декабря ² в пят день	тело зде вкопаяся.
Помяни душу	его живш ³ любезный(,)
Да даст ему Бог	век в небе полезный.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 175 об. (автограф, черновик)

ПОДЪЯЧЕМУ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА
ВАСИЛИЮ КЛОБУКОВУ 1692 г.⁴

Человече зри	тело зде лежимо(,)
Раба божия	в гробе содержимо(,)
Бе ⁵ он подьячей	Василий Клобуков.
Убеже от стрел	диаволских луков.
Остр смысл в Посолском	име ⁶ он приказе,
Добре писати	и жити во блазе.

¹ Исправлено из *Кто*.

² Исправлено из *Декемврия*.

³ Над строкой зачеркнуто *зреш*.

⁴ Эпитафия написана не сразу после кончины подьячего 13 июля 1691 г. Её 2 и 3 варианты относятся к блоку идентичных по написанию и чернилам текстов на л. 158–162 об. Датированные сочинения расположены в блоке почти последовательно с 25 декабря 1691 по 14 октября 1692 г., основная часть с л. 158 об. написана к 27 марта 1692 г. и позже. Предшествующий нашему датированный текст на л. 160 об. был сочинен к 30 мая 1692 г.

⁵ В начале строки зачеркнуто *Иже бе*.

⁶ Исправлено из *возьме*.

Глаголи(:) Спаси
Всели в небесну
Стодевятдесят
Июля в десят

Боже его душу(,) ³
радости в век сушу.
девятаго лета [7000]¹,
третш день не ста цвета².

(выше л. 157 об.)

*

*

*

(ниже л. 161)

Помни смерть всякий
На суде предстати
Василий⁴ тоу
В гробе сем тело⁵
Благонадежно
Подьячей бе он(,) ⁶
Остр имяше слысл,
Боже(,) даждь ему
От нас же память
И душа в рай вечна
Зря ти Творца
Пети с святыми

человек живущий,³
пред Бога имущий.
Клобуков сечесе,
его погребесе.
живе в христианстве(,) ⁷
посолских дел знанстве
и добре писати(,) ⁸
в небе⁶ обитати.
будь ему блаженна⁷(,) ⁸
радостью почтенна.⁸
в светлости и славе(,) ⁹
пресладостне яве(,)

*

*

*

Василий Клобуков подьячей Посолскаго приказа успе
Мироздания 7099-го лета. Яко бо⁹ во цветех во молодых ле-
тех zde склонися, и востания мертвых ждет.

О любезный мой ты Василий,
Бежал еси суетных насилий,

¹ Так в тексте.

² Далее зачеркнуто 7000.

³ Стих исправлен из

Дивися всякий ум слово имущий.

⁴ Далее зачеркнуто *бо* zde.

⁵ Исправлено из *телом*.

⁶ Далее зачеркнуто *век*.

⁷ Над строкой, в строке вариант *вечна*.

⁸ Стих над строкой, в строке вариант:

В Христе Иисусе всяких дел излечна.

⁹ Над строкой.

Господи(,) покой его в жизни
Где душам небесны отчизны.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 175, 161 (автограф, черновик)

КЕЛАРИЮ ЧУДОВСКОГО МОНАСТЫРЯ
ГЕРМАНУ ЛУХОТИНУ 1692 г. февраля после 29

Седмь ¹ тысяч лета	двусота Мир ² тече(,)
Честна монаха	Германа смерть сече(,)
Лутохин келарь	телом зде склонися(,) ³
Всяк узрев гроб сей	о нем помолися.
Да душу его	Господь упокоит(,)
В небо ⁴ преселив	в век к себе присвоит.
В мире Георгий	бе он стольник царский(,)
Человек в делах	правных господарский. ⁵
В монастыре же	Чудове властию(,)
Боже сподобь и	твоему царствию.
Февруариа ⁶	с двадесят осмаго
Числа, в ночь часа	умре он пятаго(,) ⁷

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 157 (автограф, черновик)

¹ Выше зачеркнуто *Февруариа под 29 число, в ночи в 5 час.*

² Над строкой вместо зачеркнутого *век.*

³ *Зде склонися* над строкой вместо зачеркнутого *положенный.*

⁴ Исправлено из *райском небе; небесех.*

⁵ Двустиише исправлено над строкой из

В мире был думный царский он дворянин(,)

Дел правительных известный гражданин(,)

Под строкой зачеркнуто

В гражданских делах известен господарский(,)

⁶ Далее зачеркнуто *20.*

⁷ Внизу л. 157 наброски: *Всяк словесноумный (зачеркнуто зрев) гроб сей Богу (над строкой) молися, / В нем честен монах Герман Лутохин склонися. // (зачеркнуто В) Чудова (испр. из Чудове) монастыря келарь в том (над строкой, вместо зачеркнутого всех да) просит, // Да молитвы к Господу о нем всяк возносит.*

КНЯЖНЕ ВАССЕ ИВАНОВНЕ МЕЩЕРСКОЙ,
СУПРУГЕ ИМЕНИТОГО ЧЕЛОВЕКА ГРИГОРИЯ
ДМИТРИЕВИЧА СТРОГАНОВА 1693 г. после 18 марта

К вечному животу призвана госпожа избранна странноннщелюбива¹ Васса Иоанновна_(,) супружница именитого человека Григория Димитриевича Строгонова, и предаде Всетворцу Богу душу свою,² 7201-го лета месяца марта 1 {...}-го дне {...}-го часа³ {...} дней лет своих. И zde тело ея⁴ положися во опочение надеждою востания мертвых_(,) до пришествия Спаса Христа Иисуса,⁵ марта {...}-го дне.

* * *

Вассу Иоанновну _(,)	жену благородну _(,)
В странноприемстве верну _(,)	в милости свободну _(,)
Именна ⁶ Григория	Димитриевича
Строгонова супругу _(,)	явленнаго дедича.
Злоядна zde смерть в гробе ⁷	с плачем положила _(,)
Камнем тяжким тело ⁸	ея ⁹ привалила.
Приходяй семо всяк зри _(,)	о ней умилися _(,)
Да вселит ю Бог в небо	прошу помолися _(,)
Бе ¹ дщерь Иоанна	Мещерскаго знатна
Иоанновича та	божиих дел внятна.

¹ Над строкой.

² *И предаде ... свою* над строкой.

³ Далее зачеркнуто *душею органного тела* (над строкой зачеркнут вариант *состояния*) *разлучися*.

⁴ *Тело ея* исправлено из *телом*.

⁵ *Надеждою востания ... Христа Иисуса* вставлено между строк.

⁶ На левом поле.

⁷ *Злоядна zde смерть в гробе* исправлено из *На сем месте смерть по ней*.

⁸ Над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто *зде гроб*.

Августа двадесят дне	перва ² именины.
Живе тридесят осмь лет _(,)	шесть месяц, едины ³ _(.)
Двадесят лет _(,) осмь месяц	пребысть в супружестве _(,)
К сему ⁴ седьнадесять дне	в разумном мужестве _(,)
Боже, угодней тебе	рабе Вассе такой
В небесном ⁵ твоём царстве	подаждь вечный покой.
* *	*

В надежде вечнаго блаженства в христианском благо-
честии успе о Господе⁶ спасенно дщерь князь Иоанна Ио-
анновича Мещерскаго⁷ благородная жена княжна Васса
Иоанновна, помощница бысть⁸ таинстей браком именитаго
и благонравнаго⁹ человека Григория Димитриевича Строго-
нова, двадесят (лет,) осмь¹⁰ месяцев, и дней седьнадесят.
Именованье стяжа в августове луне в двадесят первом
числе песнопоемыя в крузе церковном¹¹ святыя мученицы
Вассы. Оттуду лет жизни своя доиде тридесят осми, шти
месяцев и двадесят пяти дней.¹² Мироздания 7201-го лета,
месяца марта с четвертка под 17 число в четвертом часе
нощи (скончася). И zde в гробе каменном¹³ погребеся свя-
тейшим Адрианом патриархом Всероссийским. Марта 18-

¹ Исправлено из *Бяше*.

² *Двадесят дне перва* исправлено из *двадесята дне*.

³ Далее зачеркнуто *В супружестве двадесят лет* (зачеркнуто *пребысть*) *осмь месяцев*, *Седьнадесять дней* (последние два слова не зачеркнуты по недосмотру).

⁴ Далее зачеркнуто *недел(и)*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *горнем*.

⁶ *О Господе* над строкой.

⁷ *Дщерь ... Мещерскаго* под строкой.

⁸ Над строкой.

⁹ *И благонравнаго* над строкой.

¹⁰ Далее зачеркнуто *лет шесть*, но ошибка не вполне исправлена.

¹¹ *Песнопоемыя ... церковном* над строкой.

¹² Далее зачеркнуто *И zde во гробе о(на)*.

¹³ Над строкой вместо зачеркнутого *земны землю*.

го дне. Юже упокой Христе Иисусе в царствии твоём небесном(,) аминь.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 128 (автограф, черновик)

СХИМОНАХУ ИОВУ (ДУМНОМУ ДЬЯКУ ЯКОВУ
АВЕРКИЕВИЧУ КИРИЛЛОВУ). 1693 г. сентября после 5

Мироздания 7202-го лета месяца септемвриа¹ третиаго числа дне неделнаго² во втором часу ноши преставися от жизни сея правоверный³ христианин раб Божий схимонах Иов, иже бе в мире царскаго пресветлаго величества думный диак Иаков Аверкиевич Кирилов. По своему же⁴ обещанию, двесте перваго лета августа в 8 день пострижеса⁵ в монашеский чин в монастыре пресвятыя девы Богородицы Марии Донском архимандритом Антонием, и именован⁶ бысть⁷ Иосиф. Во тридесят же первый день тогожде месяца прият великий образ схимонашеский и преименовася⁸ Иов. И учинен тамо наместником. Лет всего⁹ на земли жития его пятьдесят два.

Погребе¹⁰ тело его в том же Донском монастыре великий господин святейший Кир Адриан архиепископ Московский и всея России и всех северных стран патриарх на месте сем септемвриа месяца в 5 день.

Его же душу да упокоит Господь Бог в вечном блаженстве небесна(го)¹¹ царства своего со святыми. Всяк зряй

¹ Далее зачеркнуто *в день*.

² *Дне неделнаго* над строкой.

³ Исправлено из *верный*.

⁴ Вставлено над строкой.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *прия*.

⁶ Исправлено из *именовася*, над строкой зачеркнуто *пре*.

⁷ Над строкой.

⁸ В строке вместо зачеркнутого *именован бысть*.

⁹ Подчеркнуто.

¹⁰ Исправлено из *погребено*.

¹¹ Лист поврежден.

гроб сей Христу Иисусу спасителю всех_(,) помянув¹ имя его, о нем² помолися.

* * *

Мира семь тысяч	двесте втора лета
Септемвриа дне	третша сниде с света
В другий час ноши	схимонах ³ благочестен
Иов Кирилов	в надежде известен.
И на сем месте	телом положися _(,)
Да всяк зрев гроб сей	о нем ⁴ помолися.
Боже упокой	душу и спасенно
В небеса всели	с святыми почтенно.
Иову даруй	тамо ты в век зрети
Аллилуиа	в раи сладко пети. ⁵
В мире ⁶ Иаков	бьяше диак ⁷ думный
Аверкиевич	Кирилов разумный.
В монастыре он	Донском пострижеса _(,)
Монах Иосиф, ⁸	Иов наречеса.
Погребе и zde	патриарх святейший
Адриан Российск _(,)	да зрит свет чистейший _(,)
Жизни ⁹ его бе	пятьдесят два лета _(,)
Двесте перва взя	монаха ¹⁰ (обета.) ¹¹

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 102 об. (автограф, черновик)

¹ Исправлено из *поминая*.

² *О нем* над строкой, вместо зачеркнутого *просит*.

³ Далее зачеркнуто *Иов*.

⁴ *О нем* над строкой, в строке вариант *Богу*.

⁵ Стих над строкой, в строке подчеркнут вариант: *В райских блаженствах со аггели пети*; далее между строк проведена, а затем перечеркнута горизонтальная черта.

⁶ Далее зачеркнуто *бе*.

⁷ *Бьяше дяк* над строкой вместо зачеркнутого *человек*.

⁸ Далее зачеркнуто *потом*.

⁹ Исправлено из *Жития*.

¹⁰ Исправлено их *схимонаха*.

¹¹ Лист поврежден, слово лишь угадывается.

ЦАРИЦЕ НАТАЛИИ КИРИЛЛОВНЕ
(В ДЕВИЧЕСТВЕ НАРЫШКИНОЙ),
ВДОВЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА
1694 г. января после 26¹

†

Мирозданна семь тысяч	двесте втора лета
Генваря в двадцать пят день	друга часа света,
Благочестива успе	госпожа царица
Наталиа Кирилловна	росска владычица.
Супруга царя успша	в памяти блаженно
Велика господаря	в вере совершенно
Алексиа Михайловича	Россий самодержца.
Многих царств и господарств	славнаго утверждца.
Мати же царя Петра	благочестиваго,
Алексиевича днесь	в россах великаго,
Наследника царств и мног	стран повелителя,
Православия в Бозе	верна хранителя.
Погребе тело ея	патриарх святейший
Адриан Российск да зрит ²	она свет чистейший.
Земли предаша в пяток	месяца того же,
В двадесят шестый день бысть	гробно ей здесь ложе.
Душа боголюбива	отъиде ко Богу.
Всяк зрев гроб сей молися	быть ей святых в слогу.
Боже упокой душу	Наталии царицы
Причти в радости в небе	где святых всех лица(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 230
(автограф, беловик)); см. также автограф
ГИМ, Чудовское собр. 98/300, л. 302 об.

¹ Беловик написан ясной, но довольно беглой скорописью на отдельном листе (л. 230 об. чист), сложенном как для устной орации, в два столбца с цезурой, инициалы двустийшии вписаны киноварью.

² *Да зрит* передвинуто значками из правого в левый столбец.

КСЕНИИ, СУПРУГЕ ПОДЪЯЧЕГО ПРИКАЗА
БОЛЬШОЙ КАЗНЫ НИКИФОРА СТЕФАНОВА
1694 г. мая после 10

Лета 7000	двусота второго
Луны маиа	числа десятаго
В госпoде успе	христова рабыня ¹
Подьячего та	супруга Ксения ²
Большие казны	Никифора явна ³
Стефанова, zde ⁴	лежит в грoбе правна(.)
(С любо)вию бо	она погребенна
И на месте сем	телом положенна.
(О душ)и ея	всяк зрящий молися,
Боже милостив	ей в век сотворися.
(Дв)адесят седьм лет,	три луны живяше(,) ⁵
С сим десять ⁶ осмь дней	от рода ей бяше.
(Я)нваря в число	двадесят четверто
Тезоименство	тоя ест отперто.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 163 об.
(автограф, поврежденный черновик⁷)

ДЬЯКУ ПАТРИАРШЕГО КАЗЕННОГО ПРИКАЗА
ПОРФИРИЮ ТРОФИМОВИЧУ СЕМЕННИКОВУ
1695 г. ноября после 18

Бог всемогущий	в благости си деет(,)
Да жизнь zde благу	человек имеет.
Подолгу смерти	оный не боится(,)
Егда и тела	душа разлучится.

¹ *Христова рабыня* исправлено из *Христа раба верна*.

² Стих исправлен из *Жена Ксения подьячего дела*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *честна*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *же*.

⁵ *Три луны живяше* исправлено из *живя три месяцы*.

⁶ Далее зачеркнуто *и*.

⁷ Часть текста скрыта кляксой.

Христианин же _(,)	тайнствы свершенный ¹ _(,)
Отшедший к Богу _(,)	будет утешенный.
В сем обретеса	раб Иисусов правый,
Муж честен диак	ум имея здравый _(,)
Порфирий Трофимович	Семенников
Скончася в Христе _(,)	быв ученых ² ликов.
Седьм тысящ двесте	четвертаго лета _(,)
Ноемвря в десять	осмаго дне света _(,)
В первой четверти	третьяго часа
Душа и с телом ³	разрешися гласа.
И на сем месте	тело положися,
Гроб его зрящий _(,)	о нем помолися.
Господи Боже _(,)	Порфирия спаси _(,)
С святыми в небе	блаженствы украси.
Жизни его бе	седмдесять и лето _(,)
Осм лун, двадесят	два дни в мире пето.
Труд в писме ему	и в книгочтении ⁴
Девять лет сотворь ⁵	света лишение ⁶ _(,)

* * *

Всякий путствующий zde	гробу присмотрися _(,)
В нем разумен ⁷ муж	дьяк ⁸ телом положися _(,)
Порфирий Трофимович	Семенников знатный _(,)
Ведущ дел и книг,	всем ⁹ благоприятный.

¹ *Тайнствы свершенный* над строкой, вместо зачеркнутого *в христовой надежде*.

² Над строкой, в строке вариант *мудрых*.

³ Полустрочие над строкой вместо зачеркнутого *Сподоби Христе*.

⁴ Строка исправлена из *От многа труда в писме и книг чтении*.

⁵ Над строкой, в строке *страда от*; под строкой *отъят*.

⁶ Исправлено из *лишения*.

⁷ В строке вместо зачеркнутого *честен и*.

⁸ Над строкой.

⁹ Над строкой другими чернилами (см. ниже, Ч-2), в строке вариант *к людем*.

Христианско скончася	в таинствах церковных _(,)
Пряев надежду в Бозе	умов богословных. ¹
Мира ² семь тысяч двесте	четвертаго года _(,)
Ноемвря десять осма	дне от здешняго рода
В перву четверть третий час	душа распряжеся ³ _(,)
Волею Бога в ин век	она поведеся.
Верныя люди к Христу	просит он молитву _(,)
Да вселив в небо душу	даст с святы ⁴ гоститву _(,)
Иисусе Боже наш	Порфириа верна
Раба твоего упокой	где сладость ⁵ безмерна.
Живе он ⁶ семьдесят ⁷	лето _(,) осмь месяцев _(,) ⁸
Двадесят два дни в трудех	книг святых писцев _(,)
От того очей своих	лишился зрения,
Лет девять страда многа	прият терпения.
Ныне Порфирий уже	в видении целом _(,)
В пределном месте душа ⁹	потом будет с телом _(,) ¹⁰

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 145 (автограф, черновик)

- 1 Предыдущий текст эпитафии был написан темно-коричневыми чернилами (Ч-1), последующий до конца – светло-коричневыми (Ч-2).
- 2 В строке вместо зачеркнутого *Лета*.
- 3 Над строкой, в строке вариант *разрешился*.
- 4 *С святы* над строкой в строке вариант *вечну*.
- 5 Над строкой, в строке вариант *радость*.
- 6 *Живе он* исправлено из *Поживе*.
- 7 Далее зачеркнуто *и*.
- 8 Исправлено из: *Поживе седмдесят и лето едино*.
- 9 Над строкой вместо зачеркнутого *Творца*.
- 10 Далее, на л.145 об., теми же пером и чернилами (Ч-2) написано начало прозаической эпитафии Семенникову: *Мироздания 7204-го лета, ноемврия месяца в 18 день, в третьем часе первыя четверти благоволением встворца Господа Бога...* Эта эпитафия не сохранилась, т.к. следующий лист, видимо, был утерян.

ОКОЛЬНИЧЕМУ
ТИМОФЕЮ БОРИСОВИЧУ ЮШКОВУ
1695 г. декабря после 17

Гроб сей узревай	смерть в людех припомни(,)
Яко ею вси	удобопреломни.
О лежащем zde	Богу помолися(,)
Чтоб душе его	в небе в век пастися.
Божий раб телом	честен положенный(,)
Царск околничей	на службе явленнный(,)
Тимофей Борисович	Юшков под Азовом
Успе на пути(,)	шед к Москве обозом(,)
За две версты быв	до Северска Донца(,)
Сподобися он	христианска конца(,)
Седь ¹ тысящ двесте	четвертаго лета
Октября луны	сниде с сего света
В двадесят перв день	втора часа тамо,
В жалость пусти ² всех	слезы око само.
В седмом надесять ³	числе декевриа
Пение в Москве	соборно восприя.
Лет двадесят	поживе от рода(,)
Боже упокой	где живых свобода.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 50 об. (автограф, черновик)

СТОЛЬНИКУ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТРОЕКУРОВУ
1695 г. декабря после 20

Зри человеце	гроб сей умилися(,)
О лежащем в нем	Богу помолися.

¹ Написано на месте стертого 7200.

² Исправлено из *испусти*.

³ Далее зачеркнуто: *декабря; в мири* (над строкой).

Человек ¹ бо zde	лежит благородный ^(,)
Царск ближний столник	в чести сый свободный
Князь Феодор	Троекуров Иоаннович ^{2(,)}
Бе в службе царевой ³	воин и господич.
Под ⁴ градом турским	Азовом на Дону ⁵
Ранен и умре	в полках си на стону ⁶
Седмь ⁷ тысящ двесте	четвертаго лета
Сентября в день шестый	от начала света ^(,)
В декаде к Москве	тело привезеся,
В ⁸ день двадесятый	оно ⁹ погребесея.
В монастыре	Христа Бога Спаса ^{10(,)}
Да сподобит и	в небе святых гласа.
Во Ярославле	в монастыре Спаском
При нарочном там ¹¹	присутствии царском ^{12(,)}
Двадесят осмь лет	от рода имея
И три месяцы	христианско спея.
Душу Господи	покой и в блаженстве ^(,)
В светлости лица	твоего явленстве.

* * *

- 1 Над строкой, вместо зачеркнутого *Погребе(н)*.
- 2 Слова переставлены церковнославянскими литерными цифрами: *в, а*; т. е. 2, 1 (далее использование таких цифр не оговаривается), над последним словам вариант *верн раб*.
- 3 Над строкой.
- 4 В начале строки зачеркнуто *от ран*.
- 5 Три последних слова переставлены цифрами, было: 2, 3, 1.
- 6 *И умре в полках си на стону* подчеркнуто, над строкой вариант: *скончался по церкви канону*.
- 7 В начале строки зачеркнуто 7204.
- 8 В начале строки зачеркнуто О.
- 9 Подчеркнуто, над строкой вариант *в граде*.
- 10 *Христа Бога Спаса* над строкой, вместо зачеркнутого *Спаском в Ярославле*.
- 11 *Нарочном там* над строкой.
- 12 Над строкой вместо зачеркнутого *тамо господарском*.

Мироздания 7203-го лета, по указу царскаго пресветлаго величества благочестивейших царей бысть¹ на службе в енералских полках под градом турским Азовом_(,) иже² на реке Дону, ближний их великих государей столник князь Феодор Иоаннович Троекуров, и тамо от неприятелей ранен в 5 день августа месяца, и болезнуя в полках³ от раны тоя, во благочестии христианском и совершении⁴ церковных таинств_(,) 7204-го лета септемвриа месяца в шестый день сконча жизнь свою, и отъиде ко Господу.

Тело же его превезено во град Москву декемвриа в {...} день, и надгробныя пения⁵ над ним⁶ святейший Адриан патриарх соборне (сотвори). Погребено же оно во граде Ярославле во пречестней обители Христа Господа Спаса Преображения_(,) идеже лежат сродники его, на сем месте⁷_(,) месяца декемвриа в 20 день. На погребении⁸ же его⁹ во граде Ярославле благословенно ради милости своея к нему¹⁰ особно присутствовал благочестивейший великий государь царь и великий князь Петр Алексиевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец_(.)

От рождения князю Феодору Иоанновичю бысть 28 лет и месяца три. Его же да упокоит Господь во царствии небесном со всеми святыми. Аминь.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 51 (автограф, черновик)

¹ Над строкой.

² Над строкой.

³ *В полках* над строкой.

⁴ В строке вместо зачеркнутого *исполнении*.

⁵ Далее зачеркнуто *сотвори*, оно не вставлено в конце фразы.

⁶ *Над ним* над строкой.

⁷ *На сем месте* над строкой со знаком вставки.

⁸ Далее зачеркнуто *е*.

⁹ Далее зачеркнуто *тамо*.

¹⁰ *Во граде ... к нему* над строкой.

ДВЕ СТИХОТВОРНЫЕ ЭПИТАФИИ
КНЯЗЬЯМ КУРАКИНЫМ 1696 г. июня после б¹

ВАСИЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Младенец шти лет   жизни си лишися²
Князь Василий благ³   Михайлович скрыся.
Куракин телом   вспочи на сем месте
Душею в небе   церквью⁴ в известве.
7204-го лета иуния 6-го дне.

МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ

Смертное бремя   людям наложися
Тем благородн   князь Михаил склонися.
Иоаннович   Куракин всеславный
Ближний царск столник   в полках в службе явный(,)
Из-под града шед   турецка Азова
На Донце реке   успе в Бога⁵ слова.
Седьмь тысящ двесте   четвертаго лета
Октября луны   во седмый день⁶ света(,) ⁷
Тело же его   zde есть погребено(,)
В обители сей   Троицкой явлено.
Луны декабря   числа четвертаго
Душе покой⁸ даждь   Бог царства небеснаго(,)

¹ Вторая эпитафия, формально датируемая 1695 г. декабря после 4, написана тем же вариантом почерка и чернилами непосредственно после первой.

² Исправлено из *Блажен* (над строкой зачеркнуто *Шти лет*) *младенец* *зде* *жизни* *лишися*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *зде*.

⁴ *Душею* ... *церквью* над строкой вместо зачеркнутого *Седьмь тысящ ныне*.

⁵ *Успе в Бога* над строкой вместо зачеркнутого *в смерти бысть без; умре* (над строкой).

⁶ Далее зачеркнуто *лета*.

⁷ Строка вписана выше эпитафии со знаком вставки.

⁸ *Душе покой* исправлено из *Душу упокой*.

Двадесят седми лет своих возрастей
Упокой Христе где век свят без страстей.¹

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 174 (автограф, черновик)

СТОЛЬНИКУ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ БУТУРЛИНУ
1696 г. сентября после 29

В ² надежде Бога	и Пречисты Девы
Имев раб божий	молитов припевы,
Скончася блазе	христианско в вере
Муж благороден,	в православной мере.
Царски светлости ³	столник Иоанн
Андреевич знатн ⁴	Бутурлин добр избран.
Душею к Христу	отзде преселися _(,)
Телом в месте сем	в гробе положися _(,)
Долг всяким зрев	гроб смерть понимати _(,)
О ⁵ усопшем всегда	Бога умоляти _(,)
Пятдесят осмь лет _(,)	лун девять живяше,
И две недели	в мире ему бяше _(,) ⁶
7205-го лета. Септемриа 29-а. ⁷	

(выше л. 145 об.) * * * (ниже л. 146 об.)

- ¹ Обе эпитафии занимают половину л. 174, далее лист чист.
- ² Перед текстом наброски теми же пером и чернилами: *Бог человеками (над строкой вместо зачеркнутого *благий людем*) изволил создати, / Да жившие имут с ним в небе витати. // В таковой вере муж благочестивый_(,) / Господин честный_(,) в любви добротливый...*
- ³ *Царски светлости* исправлено из *Царск знатный*.
- ⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *он*.
- ⁵ Далее зачеркнуто *лежащем*.
- ⁶ Двустиише *Пятьдесят ... бяше* под текстом со знаком вставки.
- ⁷ Далее набросок двустиишия:
Нищим в учтивость Творити милость.

7205-го лета, септемвриа с 27 числа в ноци 6-го часа в третьей четверти волею и пределоположением всетворца нашего Бога, преставися раб Господень, царскаго пресветлаго величества столник благородный и знатный господин Иоанн Андреевич Бутурлин, в надежде христианской с приятием святых таин преиде душою ко Господу в вечное жилище.¹ Тело же его погребено на сем месте сего же месяца в 29 день во вторник². Имяше лет жизни своя пяддесят и осмь, чытыредесят пять недель и чытыре дни. Его же да упокоит Господь в вечном своем блаженстве со всеми святыми(,) Всех зрящих гроб сей о молитве просит.

* * *

<p>Волею Бога Смертно бо бремя Но в вере правой В Христе надежду Церковь же свята Рожденна чада В нем обретеса Знатный⁴ господин Царски светлости Иоанн Андреевич Душою жизни Церкви таинства Седьмь тысящ лета Септемвриа луны</p>	<p>сие сотворися(,) людем наложися. кто ли умирает, всяк да полагает. христианом мати(,) дает в небе знати.³ христианин правый ум имея здравый столник благородный Бутурлин свободный. сея разлучися(,) блаженно свершися.⁵ двесте мира пята(,)⁶ числа седьмьдвасята.</p>
---	---

¹ Далее зачеркнуто: *Имяше лет жизни своя.*

² *Сего ... вторник* под строкой.

³ *Двустиише* подчеркнуто.

⁴ Над строкой, вместо варианта *Честный*.

⁵ Стих вписан над строкой, вместо зачеркнутого

Тело zde в гробе его положися.

⁶ *Лета двесте мира пята* исправлено из *двесте мира пята лета.*

В нощи в шестый час   в четверти он третей
 Избеже соблазны   мира сего сетей.¹
 Тело² его zde   в гробе положенно^(,)
 Дажь Боже ему³   царство утешенно.⁴

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
 л. 145 об., 146 об. (автограф, черновик)

ОКОЛЬНИЧЕМУ ИВАНУ ЮРЬЕВИЧУ ЛЕОНТЬЕВУ
 1696 г. ноября после 13

Мироздания семь тысяч   двесте пята лета
 Ноемвриа⁵ двадесят   седмо число пето
 Нощи⁶ в час десять третий⁷   успе благочестно^{8(,)}
 В надежде име всегда   знамение крестно^(,)
 Благороден муж царев⁹   околничей знатный¹⁰
 Иоанн Георгиевич   Леонтьев приятный^(,)
 Душою и к Богу преиде,   тело положися
 Зде, зрящий гроб сей Богу   о нем помолися^(,)
 Христе раба¹¹ ти верна   Иоанна спаси^(,)
 В блаженствах вечных в небе с святыми украси.

¹ Двустишие *В нощи ... сетей* вписано вместо зачеркнутого *Септемвриа луны, двадесят седмаго / Числа, в ноць* (далее зачеркнуто *же*) *часа* (далее зачеркнуто *он*) *скончася шестаго*.

² Далее зачеркнуто *же*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *в небе*.

⁴ Далее наброски: *Месяца сего жь в 29 день.*

Пятьдесят осмь лет, лун десять живящие

И две недели в миру ему даше^(,)

⁵ В начале строки зачеркнуто *Двесте и*, далее зачеркнуто *в*.

⁶ В начале строки зачеркнуто *В*.

⁷ *Десять третий* исправлено из *третий десять*.

⁸ *Успе благочестно* над строкой, исправлено из *зде благодати*, вместо зачеркнутого *зде преставися*.

⁹ Над строкой вместо зачеркнутого *честный*.

¹⁰ Над строкой вместо зачеркнутого *царский*.

¹¹ Над строкой вместо зачеркнутого *Господи*.

От ¹ рождения себе	име сорок семь лет _(,)
В полках воеводства	храбр он и бодрый пет.

* * *

7205-го лета месяца ноемвриа под 27 число, в ноци в час третийнадесять, преставися от здешняго жития в надежде всещедраго Творца нашего Бога ко уготованным вечным блаженствам, верный раб благородный муж, царскаго пресветлага величества окольникчей Иоанн Юрьевич Леонтиев, жизни своя име четьредесят семь лет. Его же тело на сем месте в гробе положиися. Воеводства и царскаго во(ин)ства полками_(,) храбр на противныя явися. Да упокоит его душу Господь Бог.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 63 об. (автограф, черновик)

ОКОЛЬНИЧЕМУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ЧААДАЕВУ
1696 г. января после 29

Седь тысящ двесте	четвертаго лета
Лишиися жизни ²	благ муж сего света _(,)
Генваря луны в день	двадесят девятый _(,)
Околничей царск ³	в вере к Богу взятый.
Иоаннович	Иоанн Чаадаев _(,)
В посолствах бывый	иноземских краев.
В полках, во градех	храбрый воевода _(,)
Между царств творь мир	в нем же людем ⁴ свобода.
И на сем месте	телом положиися _(,)
Зря гроб его кто (—)	о душе молиися.

¹ В начале строки зачеркнуто *Жи*.

² Далее зачеркнуто *сего*.

³ Далее зачеркнуто *смертию*.

⁴ *В нем же людем* над строкой вместо зачеркнутого *чтоб была*.

Да всещедрый Бог   его упокоит^(,)
    Всерадостну жизнь   от в небе усвоит.
Лета поживе   своя благочестно^(,)
    В чести в славе нес   имя¹ Христа крестно.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 52 (автограф, черновик)

ОКОЛЬНИЧЕМУ ВАСИЛИЮ ЮРЬЕВИЧУ ЛЕОНТЬЕВУ
1697 г. июня после 18

Мироздания 7205-го лета, месяца июня в 18 день, волею² всетворца Бога³ в надежде христианскаго с прятием должностию святых таин⁴ преставися отзде душею⁵ благочестно⁶ благородный господин и верный раб господень царскаго пресветлаго величества ближний околничий Василий Юрьевич^(,) или Георгиевич^(,) Леонтиев^(.) Его тело на сем месте в гробе положено, душа же в Горнем Иерусалиме со святыми в век⁷ да упокоится, господу Иисусу всяк да помолится. Жизни своя име лет.

С братом своим в любви вся дни⁸ живяше,
И⁹ после того его толко шесть месяцев бяше¹⁰.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 145 об. (автограф, черновик)

- 1 Подчеркнуто, над строкой вариант *слово*.
- 2 Над строкой.
- 3 Далее зачеркнуто *изволением*.
- 4 Слова переставлены цифрами, было *таин святых должно-стию*.
- 5 К *преставися отзде душею* на левом поле вариант *успе*.
- 6 Над строкой.
- 7 В *век* над строкой вместо зачеркнутого *бесконечно*.
- 8 *Все дни* над строкой.
- 9 Над строкой.
- 10 Имеется в виду окольников Иван Георгиевич Леонтьев, эпитафию ему см. выше.

МАРКЕЛЛУ МИТРОПОЛИТУ КАЗАНСКОМУ
И СВЯЖСКОМУ 1698 г. октября после б¹

1

С едь тысяч двете	шеста Мира лета,
А вгуста в двадцать	перв день сего света.
Л ишися, успнув	пастырь просвещенный,
Г осподин Маркелл	в мудрости ученный.
М итрополит быв	Казанский, Свяжский,
В любви приятен всем	человек гражданский.
В сем месте в гробе	телом положиися,
Е гда чин церкви	над ним совершися.
Л уны октября	в день шестый се бяше,
Д весте седмый год	круг лунный течаше.

2

С ей митрополит	Казанский Маркелл,
В жителстве своем	всюду преуспел.
А рхиепископ	в Суздале он прежде,
Л ето шесть месяц	в божией надежде(.)
И митрополит ²	граду бяше Пскову,
Д евять лет правив	люди к Бога слову.
О смь лет в Казани	пасе церковь святу,
В озьме радость	в небе не отъяту.
Ж изни его бысть	шестдесят семь леты,
Ч етыре луны	от рода воспеты. // (л. 419 об.)

(без номера)

В елие благо	каждый возьмееет,
О славе Бога	кто ли прирадеет.

¹ Беловик написан на отдельном листе в два полустишия, после первого полустишия везде знак /, номера строф и инициалы двустушиий киноварью.

² Далее стерто *град*.

Я ко сей пастырь	архиерей правый,
В мудрости разум	держа всегда здравый.
Маркелл Казанский ¹	церкви устрояше,
Тщанием своим	зде зри кто красяше.
Е му же память	за то буди вечна,
В небесном дворе	всех скорбей улична.
Н а сей гроб смотря	Христу всяк молися,
Помянув успша	о том же потщися.

ГИМ, Чудовское собр. № 98/300,
л. 419–419 об (автограф, беловик)

ПОДЬЯЧЕМУ АНДРЕЮ ВЕЛИНСКОМУ
1700 г. марта после 4

В лете Господни	тысяща седьмьоте
Марта в четверт день	в Христове доброте
Успе блаженно ²	отрок преизбранный _(,)
Подьячий Андрей	Велинский той званный _(,)
В возраст ³ десяти ⁴	лет бысть ⁵ и едина _(,)
В благодетельстве же	умна в нем седина. ⁶
Душа жизни сей	к Богу отлучися _(,)
Тело его зде	в гробе положися.
Зрящего гроб сей	когдаго он просит
Да молбы о нем	ко Христу возносит.

¹ На левом поле, в строке подчеркнут вариант *господин*.

² *Успе блаженно* над строкой, в строке зачеркнут вариант *пр(еставися)*.

³ Далее зачеркнуто *име лет*.

⁴ Исправлено из *десять*.

⁵ *Лет бысть* над строкой, далее над строкой зачеркнуто *лет*.

⁶ Далее зачеркнуто

Волею Бога в жизни разручися, (над строкой вариант *душа си ис тела*)

В надежде к Богу в небо преселися.

Боже упокой   душу сию вечно(,)
 В¹ небе ти даждь ей   царство непресечно(.)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 92 об. (автограф, черновик)

ГОСТИНОМУ СЫНУ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ИСАЕВИЧУ
1700 г. сентябрь²

Бог наш всетворец	в Троице святе единый
Человека творь	в славу си в век иной(.)
Во Христе туде ³	Иоанн возвася,
Душа разделся,	телом в гроб подася.
Сын бе гостиный	Иоанна честна
Исаевича,	в нем же ⁴ вера крестна. ⁵
Телом zde лежит(,)	душею же в небе(,)
Верных Бог емлет ⁶	тех к себе в потребе(,)
Тезоименство	стяжа Иоанна
Евангелиста ⁷	во святых избранна.

¹ В начале строки зачеркнуто *Где*.

² Эпитафия умершему 10 мая 1700 г. И.И. Исаевичу приурочена к его тезоименитству 26 сентября и расположена в блоке черновых автографов на л. 88–91 об., написанных идентичным вариантом почерка и чернилами в середине августа (Успенские орации патриарха Адриана царю Петру по случаю мира с Турцией) – середине октября (тексты на смерть Адриана) того же года. Эпитафия написана следом за Новогодней орацией царевне Наталии Алексеевне от патриарха Адриана 1 сентября, а далее на том же л. 90 А об. появился черновик Эпитафии кн. А.Е. Волконской, скончавшейся 15 сентября.

³ *Во Христе туде* над строкой вместо зачеркнутого *В вере христове*.

⁴ *В нем же* подчеркнуто, над строкой вариант *где бо*.

⁵ *Двустипшие Сын ... крестна* над текстом, со знаком вставки.

⁶ Далее зачеркнуто *г*.

⁷ В начале строки зачеркнуто *В*.

В числе¹ септемвря   двадесят шестаго,
Преставись в луне   майя десятаго.
Лета господня   тысяча седьмьсота,
Сподобь Господи сю   душу ти живота.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 90 А об. (автограф, черновик)

КНЯГИНЕ АННЕ ЕРОФЕЕВНЕ ВОЛКОНСКОЙ
1700 г. сентября после 17

В лете Господни²   тысяща в³ седьмьсоте⁴(,))
Луны септемвря   в Христове доброте(,)

Дня десят седма   сниде с сего света
Княгиня Анна   от смертна извета
Иерофеевна   жена князя ясна
Федора Михайловича   Волконскаго гласна(,))
Его же отец   околничей царской
Князь Михаил⁵ Андреевич⁶   в славе гражданской(,))
Телом zde в гробе   спит княгиня Анна.
В небе же душа   будь в веки сохранна.

* * *

Бог в мудрости си   люди сотворяет(,))
Честно живущих   в небо преставляет(,))
Престави благу⁷   княгиню си Анну
Иерофевну(,))   жену преизбранну
Светлаго князя   Федора Михайловича
Волконскаго в век   славнаго¹ отчича.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *месяце*.

² Исправлено из *Лето господне*.

³ Над строкой.

⁴ Исправлено из *седьмьсотъ*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *Федор*.

⁶ Далее зачеркнуто *в чести*.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *ныне; от zde*.

Ея же душу	Господь да покоит (—)
Зрящ ² гроб сей молись ^(,)	да Бог ю усвоит.
Седь тысяч двесте	девята в мир лета
Септемвря десять	седма числа света. // л. 90 Б

* * *

Волею всетворца Бога, в вере православней таинства святых церкви восприявши³ преставися благоверная княгиня Анна Иерофеевна на вечную жизнь.⁴ Жена бысть⁵ [светлаго княжения черниговскаго отрасли]⁶ царскаго пресветлаго величества ближняго столника благороднаго князя Феодора Михайловича Волконскаго. Лета Господня⁷ 1700-го месяца септемвря в 17 день успшая на сем месте лежит телом, душу же ея Господь да упокоит в небесном царствии, зрящий гроб сей помолися.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 90 А об.—90 Б (автограф, черновик)

ПЕЛАГЕЕ, СУПРУГЕ ПОСОЛЬСКОГО ДЬЯКА
МИХАИЛА ИВАНОВИЧА РОДОСТАМОВА
1700 г. на событие 3 июня 1697 г.

Седь тысяч Мира	двесте лета ⁸ пята,
Иуня в день третш	зде тело си спрята
Божия раба	честна Пелагия, ¹
Желая в Христе	жизни предрагия. ²

- 1 Над строкой, в строке зачеркнуто *сл(авнаго)* и вариант *явнаго*.
- 2 В тексте ошибочно *Зрещ*, недоисправлено из *Зревш*.
- 3 *Таинства ... восприявши* над строкой.
- 4 Далее зачеркнуто *Бывши*.
- 5 Над строкой.
- 6 Фраза в квадратных скобках перенесена значком вставки из следующей строки вместо зачеркнутого *благороднаго к(нязя)*.
- 7 Далее зачеркнуто *тысяща седьмостаго*.
- 8 Вставлено в строку.

Жена Михаила	бысть Родостамова,
Добродетelmi	дщи Авраамова.
Ея ³ душу всяк ⁴	помни гроб зрящий ^(,)
Да вселит ю в рай	Господь всетворящий ⁵ (.)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 94 А (автограф, черновик)

ГОСТЮ
КЛИМЕНТИЮ ПРОКОФЬЕВИЧУ КАЛМЫКОВУ
1701 г., апреля после 9

Седьм тысящ двесте	девята в мир лета ^(,)
Апреля в пят день ⁶	сниде с сего света.
Божий раб Климент	Колмыков бысть званный ^(,)
Во христианстве	человек избранный ^(.)

¹ Слова переставлены, было *Пелагия честна*.

² Стих над строкой вместо зачеркнутого *Яковлева души жена*.

³ Далее зачеркнуто *же*.

⁴ Над строкой.

⁵ По расположению в рукописи относительно иных записей с теми же чернилами и особенностям почерка текст относится к 1700 г. Эпитафия помещена в самом конце блока текстов на л. 91 об.–94 А, содержащем заглавие Духовной умершего 15 октября патриарха Адриана (л. 91 об.), стихи На Красный угол царских палат (л. 92–93 об.) и «На дщицах» (л. 93 об.–94 А), а также эпитафию скончавшемуся 4 марта А. Велинскому, Датировка всего блока не ранее осени 1701 г. мотивирована тем, что палеографически открывающее его заглавие Духовной Адриана написано в конце л. 91 об. – т. е. в конце блока 15 августа – 15 октября (см. прим. к эпитафии И.И. Исаевичу) 1700 г. К сожалению, написание в этом заглавии не настолько идентично стихам На Красный угол царских палат и последующим, чтобы надежно утверждать написание этого блока **в прямое продолжение** предыдущего.

⁶ *Апреля в пят день* над строкой вместо зачеркнутого *Уснув блаженно*.

И на сем месте	тело свое спрята _(,)
Да Бог душу и ¹	вселит в места свята.
О сем бо усопший	вся люди зде просит,
Да зрящий гроб сей	молбу о нем взносит.
Упокой Боже	душу раба верна _(,)
Милость бо твоя	в щедротах безмерна _(.) ²

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 94 Б (автограф, черновик)

МАРИИ ТИМОФЕЕВНЕ,
СУПРУГЕ СТОЛЬНИКА
ГРИГОРИЯ ПЕТРОВИЧА ЗИНОВЬЕВА
1701 г. октября после 4

Тысяща седьмьсот перва	в Христе Бозе ³ лета
Октоврия ⁴ в день четверт	сниде с сего све(та) ⁵
Тимофеевна ⁶	госпожа Мария.
Жена столника	знатна Григориа ⁷
Петровича в век ⁸	Зиновиева.

Блаженно успе благочестно_(,)

* * *

¹ Далее зачеркнуто *Господь*.

² Далее проведена горизонтальная черта, отделяющая от текста вариант:

*Апреля в пят день десятиаго часа.
Сконча* жизнь свою в любви Христа Спаса.*

* *Сконча* написано вместо зачеркнутого *Надежду*.

³ Над строкой.

⁴ Над строкой, в строке вариант *Октебрия*.

⁵ Лист поврежден.

⁶ Над строкой, в строке вариант *Раба божия*.

⁷ *Знатна Григориа* исправлено из *честна Григория*.

⁸ *В век* над строкой, в строке вариант *зде*.

Тысяща седьсот перва	в Христе Бозе лета.
Октовриа в день четверт	сниде с сего света
Тимофеевна раба	божия Мария
Жена столника	знатна Григориа.
Петровича Зиновиева:	успе же блаженно ^(,) ¹
И на сем месте тело	ея положено.
Всяк зрев гроб сей о души	ея помолися:
Боже Творче ² наш к оной	милостив явися ^(,)
В царство небесно всели,	покой ³ ю с святыми,
И нас к тебе управляй	щедроты твоими ^(.)
Дело бо свято усопших	души поминати.
Зане смерти всем должно	присно ожидати ^(.)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 96 об. (автограф, черновик)

СТРАЖУ АСТРАХАНСКОЙ СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КОЛАЧНИКОВУ 1702 г.

Во славу всетворца Бога Иисуса Христа, храм сей⁴ Входа в Иерусалим, и предел в нем в честь святаго вселенскаго учителя Григория Богослова созда и построил⁵ по благословению великого господина⁶ преосвященного Сомпсона митрополита Астраханскаго и Терскаго,⁷ тщанием и иждивением своим, соборныя астраханския церкви страж Иоанн Васильев сын Колачников, и успе о Господе, в⁸ христянском благочестии и в надежде будущия в небесех

¹ *Успе же блаженно* над строкой, перед *успе* зачеркнуто *и*; в строке подчеркнут вариант *зде тело си спрята*.

² Исправлено из *Творце*.

³ Исправлено из *упокой*.

⁴ Над строкой.

⁵ *Созда и построил* исправлено из *создан и построен*.

⁶ *Великого господина* на верхнем поле со знаком вставки.

⁷ *По благословению ... Терскаго* над строкой.

⁸ Над строкой.

вечная жизни.¹ Погребено же² тело его на сем месте. Его же душу Господь да упокоит в царствии своем, зрящий гроб сей всяк о нем помолися.

* * *

В христианской зде ³	надежде живущий
Веру во Христа	Господа имущий
Иоанн ⁴ божий	раб сын Василиев
Колачников зван,	благо людям деяв.
Страж астрахански	церкве бысть соборны,
Строил храм Христов ⁵ (,)	ползы всем обзорны(,)
Именством своим,	тщанием найпаче,
Пятьсот ⁶ рублей в тож	сборных бысть в придаче.
Успе блаженно,	телом зде сложися,
Гроб его зрящ кто,	просит помолися.
Да успокоит	Господь душу в небе,
Идеже быти	всякому есть требе.
Мира лета 7209-го, Рождества же 1701-го.	
Септемвриа в 19 день.	

* * *

Мироздания 7208-го, месяца октовриа в день. Во славу Спасителя Иисуса Христа Господа каменный⁷ храм сей Входа Его⁸ во Иерусалим, в нем же и предел в честь свята-

¹ *Благочестии ... жизни* над строкой, в строке подчеркнут вариант *совершенствии*.

² *Погребено же* исправлено из *И погребено*.

³ Над строкой.

⁴ В начале строки зачеркнуто *Раб божий*.

⁵ Над строкой, в строке подчеркнут вариант *сей свят*; далее зачеркнуто *и*.

⁶ В начале строки зачеркнуто *И сборных денег*.

⁷ Над строкой.

⁸ Над строкой.

го вселенского учителя Григория Богослова¹, во граде зде Астрахани, по благословению преосвященного господина Сампсона митрополита Астраханского и Терского зача строити, раб божий Иоанн Васильевич сын Колачников, страж соборныя астраханския церкви (что бысть на том месте храм деревяный)² своим иждивением и прилежанием. Не достроя же он, по воли Всетворца нашего Бога успе о Господе в надежде христианского благочестиваго звания. И погребено тело его во гробе на сем месте³ 7209-го лета сентября месяца в 19 день. После же смерти его из его Иоанновых пожитков, к сему и иных боголюбивых людей даяния собрася пятьсот рублев_(,) построися (храм.— А.Б.) совершенно⁴ лета Господа Иисуса 1702-го. Его же душу да вселит Господь в небесное царство (// л. 94 Б⁵) во веки. Аминь.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 94 А об.—94 Б. (автограф, черновик)

СТОЛЬНИКУ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ ВЕЛЬЯМИНОВУ
ЗЕРНОВУ 1702 г., февраля после 2

От Бога в жизнь сю	люди раждаются,
Волею его	в землю вращаются _(.) ⁶
Царски светлости	честен ⁷ столник знатный
И воевода	господин ⁸ приятный

¹ Далее зачеркнуто *по благо*.

² Круглые скобки в тексте.

³ Далее зачеркнуто *По сем же е*.

⁴ Далее зачеркнуто *Рож(дства)*.

⁵ Окончание текста по нижнему полю следующего листа.

⁶ Стих над строкой, вместо зачеркнутого

Пределом смерти отзде преставляются.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *бывый*.

⁸ Над строкой вместо зачеркнутого *человек*.

Иоанн ¹ Андреевич ²	Веньяминов Зернов
Почи во Христе ³	от суетных жернов.
Лета тысяща	и седьсот втораго.
Февраля ⁴ в девят	день(,) часа осмаго(,)
И ⁵ на сем месте	телом положиися(,)
Всяк гроб сей зрящий	о нем помолися ⁶ (,)
Живе своих лет	пятьдесят осмое,
Боже душу ⁷ и	всели в царство твое.

* * *

Зде в гробе⁸ лежит телом царский столник и воевода благородный господин Иоанн Андреевич Веньяминов Зернов⁹, успе во Христе 1702-го лета, февраля в 9 день во 8 час(,) ¹⁰ жизни его бяше 58 лето(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 96 об. (автограф, черновик)

НА НЕКРОПОЛЬ НИКОНОВЫХ 1702 г. сентябрь

При сем святем храме зде телом положиися благочестив христианин Косма Фомич Никонов, и около храма в монастыре¹¹ жены его, Марфа, и Татияна, и дети их и сродники, которья усопша о Господе после 7160-го лета в разных го-

¹ Подчеркнуто, над строкой зачеркнут вариант *Зде*.

² Над строкой вместо зачеркнутого *он*.

³ *Почи во Христе* над строкой, в строке подчеркнут вариант *Успе блаженно*.

⁴ Исправлено из *Февруариа*.

⁵ Под текстом со знаком вставки.

⁶ *Двустиише И на сем ... помолися* под текстом, со знаком вставки.

⁷ Исправлено из *удели*.

⁸ Над строкой зачеркнуто *почи*.

⁹ Исправлено из *Жер...*

¹⁰ Далее зачеркнуто *Своих ему*.

¹¹ *Храма в монастыре* над строкой вместо зачеркнутого *лежат*.

дех и месяцах. Ныне же 1702 лето Господне, месяца сентябрю сие написася. Их же души Господь Всетворец да упокоит в царствии небесном. Зрящий гробы сих помолися(,)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 96 об. (автограф, черновик)

КНЯЗЮ ФЕДОРУ ФЕДОРОВИЧУ БЕЛЬСКОМУ
1702 г. декабря после 15

В Бога веруяй	живе благочестно
Во христианстве	знающ знамя крестно
Господин честен	и князь благородный
Феодор Феодорович	Белский богогодный ¹
Скончася лета ²	1700 втораго
Декемвря луны	дне десять пятаго,
Тело zde в гробе	его положися,
Зрящий о душе	Богу помолися
Да упокоит	ону в вечной жизни,
Да не лишится ³	тамо си ⁴ отчизны(,)

* * *

Благоволением всетворца Бога, преставися от жизни сея благородный господин князь Феодор Феодорович Белской, лета Мироздания 7211-го, декемвриа месяца 15-го, и zde тело его погребено(,) Лет жития его бысть⁵ ...

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 122 (автограф, черновик)

ДУМНОМУ СОВЕТНИКУ
ПРОКОПИЮ БОГДАНОВИЧУ ВОЗНИЦЫНУ 1702 г.

- ¹ Исправлено из *богоудный*.
- ² Исправлено из *Сконча жизнь свою*.
- ³ Далее зачеркнуто *кто*.
- ⁴ Над строкой.
- ⁵ Вместо зачеркнутого *бе*.

Бог всеворец наш	в милостивой воли
Жизни всех людей	измеряет доли(,)
Волею Его	господин разумный
Успе блаженно	царск советник думный
Прокопий Богданович,	Возницын раб божий
В посолских делах	был славен и гожий.
В многих приказах	судивый гражданско
Сконча жизнь свою	в Христе христианско(,) ¹
Телом в гробе зде	церковне сложися(,)
К Богу молитвен	зрящий се явися.
Да душу его	в небе упокоит
И вечну радость	с святыми усвоит.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
Л. 122 (автограф, черновик)

СТАРУШКЕ ЕВДОКИИ ИВАНОВОЙ
1705 г. марта после 9

О человеце(,)	при сем гробе стани.
Зде тело лежит	от смертныя дани(,)
Старья жены	Евдокии честны ² (,)
Яже возъиме	в вере дела крестны. ³
О душе ея ⁴	помолися Богу(,)
Да в небо вселит(,)	даст ей радость многу(,)

1705-го лета. Марта 9 дне.

* * *

¹ Строки двустипшия переставлены местами, новое положение отмечено цифрами 2, 1. Далее неоконченное двустипшиие:

Лета тысяща седьсот (в тексте 1700) и *второго*.

² Было *честны Евдокии*, слова переставлены цифрами.

³ Стих на верхнем поле со знаком вставки; в строке подчеркнут вариант *В добродетелех пожившей нечестны*; над строкой зачеркнуто *(В) благочестии веры святой крестны*.

⁴ Далее зачеркнуто *Богу*.

Волею Бога	успе госпожа
Евдокиа всем,	добродетель множа.
Иоаннова	жена в старых летех ^(.)
Зде в гробе тело	во верных обетех. ¹
Ея же душу	покой Христе Боже ^(.)
Всяк зревш глаголи	в помощь оней то же.
Тысяща седьсот	ныне лета пята ²
Жизнь свою сконча	марта дне девята ^(.) ³

* * *

Зде преходниче	стани присмотрися ^(.)
Под камнем с костьми	тело положися
Престарелыя	Евдокии жены ^(.)
Да будут тоя	грехи отпущены ^(.)
Тысяща седьсот	пятаго зде лета
Марта девята	дне отъиде света ^(.)

* * *

Тысяща седьсот	лета же пятаго
Марта месяца	числа девятаго
Успе госпожа	Евдокиа жена ^(.)
Иоаннова ^(.)	и зде положена ^(.)
Живши седьдесят	и четыре лета ^(.)
Да зрит же в небе	присно Бога света ^(.)

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302,
л. 95 об. (автограф, черновик)

- 1 Стих под строкой, в строке зачеркнуто *Узрев кто гроб сей.*
- 2 Далее зачеркнуто *Мартовы луны.*
- 3 Стих над строкой.

2

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ
ДЛЯ МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЫ

ЕДЕМ СИ ЕСТЬ СЛАДОСТЬ

ЕККЛЕСИЯ СИ ЕСТЬ ЦЕРКОВЬ

ГРАД ЦАРСТВА НЕБЕСНАГО

(л. 283 об.)

Е Д Е М

си есть
СЛАДОСТЬ.

Прохлаждающая и вразумляющая
человеки зрением духовным.

Известно Сотворение и Спасение людем
во иконах, знание в стихописании творит.

Сочинися в царствующем граде Москве.
Мироздания 7202-го лета, месяца ноемвриа.
Хуждъшим иеромонахом Карионом Истоминым
в типографии справщиком.¹

// (л.283) Предслоие в книжицу(.)²

Благороднейший великий государь³ царевич и великий князь Алексей Петрович всея Великия и Малыя и Белья России⁴ и многих государств и царств отчичь и дедичь, во Господе возрастай⁵ телом, душею умудрайся и спасенно радуйся на премнога лета.⁶

¹ Заголовок помещен в черновике после текста, под рубрикой *Описание*. Его черновик находится на л. 324 об. (перед заглавием Екклесии); в черновике зачеркнуто: *И* перед *Сладость* и перед *прохлаждающая*; звание после *известно*; *обр(азах)* после *во*; *стихописании* исправлено из *писании*.

² *Предслоие в книжицу* в Ув.73 нет.

³ Далее зачеркнуто *царь*.

⁴ Далее смыто *пол*, – то есть титул полностью.

⁵ Далее зачеркнуто *у(мудрайся)*.

⁶ Далее зачеркнут абзац *Предвечная мудрость едиnorodный сын божий Иисус Христос, во обретенне упокоения на земли и на небеси человеком* (не окончено).

Бог всемогущий в Троице ипостасей суший¹ знаем_(,) славим² и покланяем_(,) и всюю умною тварию, и³ аггелы, и человеки⁴, человеком сотвори Едем Сладости⁵_(,) в нем же и Рай созда в прохлаждение, и обретение покоя. Яко добро и красно жити с Богом(!)⁶

Обретати⁷ же оный спаситель наш Иисус Христос и приближати к сему⁸ повеле учением_(,)⁹ сице призываяй: Приидите ко мне вси, и научитесь от мене. Яко кроток есмь и смирен сердцем_(,) и обрящете покой душам вашим, си есть Едем Сладости и прохлаждение во вечное время.

Яко от сея зде наша в мире бытности, благаго же¹⁰ ярма законнаго знания¹¹, и бремене легкаго учения Иисус Христова ношения¹², приидем в горнее небесное блаженство, идеже несть болезни ни печали, ни въздыхания, но жизнь всевеселящаяся, и зрение ненасыщенное лица триипостаснаго Божества, и присущное ликование аггелов и человек.

Тем же донели же мы в сем мире живем, должны благоугождати Богу¹³ и¹⁴ требуем телесныя пищи, духовныя же наипаче хощем, дабы едемское наследие восприяти во веки.

¹ Исправлено из *зна(ем)*.

² Над строкой.

³ В Ув 73 нет.

⁴ *И всюю умною тварию, и аггелы, и человеки* исправлено из *от всея умной твари_(,) от аггел*, далее зачеркнуто в упокоение.

⁵ Над строкой.

⁶ *Яко добро и красно жити с Богом* над строкой.

⁷ Первая буква отведена киноварью по чернилам; здесь и далее киноварь выделена полужирным шрифтом.

⁸ *И приближати к сему* над строкой; последнее слово исправлено киноварью из *нему*.

⁹ Далее зачеркнуто *глаголяй*.

¹⁰ Над строкой.

¹¹ *Законнаго знания* Над строкой вместо зачеркнутого *земнаго*.

¹² Над строкой.

¹³ *Должны благоугождати Богу* над строкой; в Ув.73 *Господу Богу*.

¹⁴ Вставлено в строку.

И сего ради тебе государю царевичю и великому князю Алексию Петровичю в юности четверолетие уже достигающе бытностию, желая тебе государю здравия многолетна, желаю спасения, желаю в мудрости и благозаконии воспитания.¹

Да возрастеш и поживеши много лет,² во утешение³ благочестивых православных⁴ родителей твоих царского пресветлаго величества(;) праматере любящия тя,⁵ благочестивыя⁶ государыни царицы и великия княгини Наталии Кирилловны, и отца твоего благочестивейшего великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и матере твоя⁷ благоверныя государыни царицы и великия княгини Евдокии Феодоровны, и всего вашего царского рода⁸, и в ползу изрядну всех⁹ народов Всероссийского царства приношу сию книгу Едем Сладости духовныя.

В ней же зря иконы твоима царственныма¹⁰ очима телесныма, духовне стихословием услаждайся, и прохладение // (л. 283 об.) в Едеме сем всегда имей.

Ибо никто же погрешит во Христе госпде надежды своея, еже¹¹ получитьи царство божие, смотрящий ю, и чтущий, и вразумляющийся стихописанми.

И¹² яко же писание¹³ священное глаголет: виждь дугу

¹ Точка исправлена киноварью из запятой.

² *Да возрастеш и поживеши много лет* над строкой.

³ Далее зачеркнуто *родителей*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *царей и всего*.

⁵ *Праматере любящия тя* над строкой.

⁶ В Ув.73 далее *великия*.

⁷ Далее зачеркнуто *великия*.

⁸ В Ув.73 *дома*.

⁹ Исправлено из *всего*.

¹⁰ Над строкой.

¹¹ Над строкой.

¹² В Ув.73 нет.

¹³ Над строкой вместо зачеркнутого *есть*.

на¹ облацех поставленну в примирение² не быти Потопу на Земли, и благослови (рече)³ сотворшаго я⁴, такожде и ваше⁵ царское пресветлое⁶ величество, созерцающе сию книгу Едем, благословите господа Бога, в его же славу все творится, и в честь преблагословенныя девы богородицы Марии, во спасение же богосотворенных душ(,)

И благоволи твое царское благородие от мене худшаго милостивно ону⁷ прияти и пресветлыми вашего величества очесы назирати всегда.

Аминь⁸.

(л. 279)

Описание⁹ икон,
каковы суть в книге
Едем наз(наменованы)¹⁰

Оон ¹¹ гречески,	славенски ¹² убо сый
Бог ¹³ челоучю	плоть сице понесы(й)
Христос Премудрость	и божия сила(,)
Душа умная	в нем бы опочила.
Опочинет же	егда поучится(,)
В мудрости наук	знанством просветится,

¹ Далее зачеркнуто *небе*.

² Далее зачеркнуто *да*.

³ Круглые скобки в тексте.

⁴ В Ув.73. ю.

⁵ *И ваше* над строкой вместо зачеркнутого *и т(вое); твое*.

⁶ Над строкой.

⁷ Над строкой киноварью.

⁸ В Ув.73 опущена первая буква.

⁹ В начале строки зачеркнуто *На листы*.

¹⁰ Утрачено вместе с частицей листа.

¹¹ В начале строки зачеркнуто *О*.

¹² Далее зачеркнуто *же* (в Ув.73 сохранено).

¹³ В начале строки зачеркнуто *Христос*.

О миротворстве   будет¹ размышляти,
Всетворцу Богу   славу воздавати.

Сии строки две(-) едина сверху²(,) вторая снизу около каждой иконы(:)³

Мудрость созда дом   людям учения.
В нем же обрящи   всяк путь спасения.

Ничто же тако   человеку драго
Яко верити   в Бога творца благо.
Из небытия   в бытность мир устроил(,)
Всяк⁴ бы то⁵ мысля   любовь и усвоил.⁶
Неизреченны   к нам его щедроты(,)
Сотвори⁷ бо он все⁸   исполнил доброты(,)
Вначале⁹ к нему   законна¹⁰ дорога(,)
В теле бо¹¹ душа   умнословна слога.
В чистом обзорстве   мощно ей спастися(,)
В царстве небесном   с Богом обрестися(,)¹²

Миротворство зри   Бога всемогуща.
Жизнь человеком   и скотом дающа.

¹ *Миротворстве будет* исправлено из *Творце мира*.

² Исправлено из *вверху*.

³ Пояснения *Сии ... иконы* в Ув.73 нет. Приведенные **после** каждой строфы двустихия в Едеме не являются заглавиями: они обозначают соответствующий стиху образ на картинке.

⁴ Исправлено из *Велик*.

⁵ Над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто *Небеса славу его поведают*.

⁷ Исправлено из *Сотворив*.

⁸ *Он все* над строкой вместо зачеркнутого *нас*.

⁹ Исправлено из *И изначала же*.

¹⁰ Над строкой вместо зачеркнутого *есть*.

¹¹ *Теле бо* исправлено из *телеси*.

¹² Строфа и следующее далее двустихие (подпись к картинке) дописаны внизу листа 278; для обозначения места вставки 1, 2 и 3 строфы в черновике пронумерованы.

Бог человека	сотвори за благодсть _(,)
Мужа и жену	введе в рая сладость.
Радостно тамо	они пребываху
Егда к Господу	мысль чисту имяху.
Добро, зло вкупе	тщались ¹ разумети _(,)
Ядше от древа	начаша мертвети.
Всякий человек ²	добру прилежи _(,)
Злаго измлада	и грехов бежи.
Не будеши наг _(,)	но в добрей одежди,
Держи заповедь	в небесной надежди _(,)

В рай праотцы	прелщени умроша _(,)
Первородый грех	людем наведоша.

Одушевленно	небо Бог содела _(:)
Мариа дева	бытность возымела.
Престол ³ свят ону	готовит ⁴ владыка _(,)
Родися бо та	госпожа велика.
Грех первородный	чрез ню потребися _(,)
Господу ⁵ в Матерь	она возлюбися.
О _(,) людие(!) К ней	всегда притекайте _(,)
Благоразумне	песньми ублажайте.

Богомати zde	преславно родися.
Адама _(,) Евы	весь род веселися.

Трилетна дева	в храм свят приведеся _(,)
Жителство тамо	Марии дадеся _(,)

¹ Над строкой вариант *всхотеша*.

² *Всякий человек* над строкой вместо зачеркнутого *Юным по-
требно*.

³ В начале строки зачеркнуто *Яко*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *возлюби*.

⁵ В начале строки зачеркнуто *Христу*.

Мати и отец Иоаким, Анна Архиерей же Чистоты сосуд ¹ В церкви юнии Век свой в святости	Богу в дар отдаша _(,) в ней радость прияша. благослови ону _(,) прием в оборону ² чистоты ищите. добре проводите.
Дева Мария Всяка сохранства	в храме обитает. она навывает. // (л.279 об.)
В храме ³ Мария Кто дева родит ⁴ Аггел Гавриил Веща(:) радуйся Родиши дево От Духа свята _(,) Отроки, девы, Христа ⁵ Иисуса	книгу прочитает _(,) Христа, размышляет. внезапу прииде _(,) в человечи виде. ты Сына превечна всех людей излечна. и вы книги чтите _(,) в сердца вам вселите.
Дева аггелом Верная душа	в радость известися. мудрствуй и спасися.
Обрученная Учит книг святых Умудрилася Ужа в чреве си Закон Господень Да в любви Богу	Мариа девица, девственная лица. она в храме сущи _(,) и Христа имущи. велит прочитати _(,) имут угождати.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *В святилище ю.*

² Далее зачеркнуто:

Девы и жены   *святы проводиша_(,)*
Концы земни   *в Матерь ублажиша.*

³ Над строкой зачеркнут вариант *церкви.*

⁴ *Дева родит* исправлено из *родит Сына.*

⁵ Далее зачеркнуто *Сына.*

Старый и младый Спасительная	до смерти книг слушай _(,) дела в Христе кушай.
Дева сидяши Подвизает вся	в законной забаве к божественной славе.
В чрево Марии Яко человек Им спасение Богоугодни Цари перстии Вол, осел его Убедатися Уготова он	Бог Слово вселися. плотию родися. люди обретоша _(,) с ним в рай проидоша. ¹ несли ему дары _(,) согревали пары. к нему всем потреба _(,) верным светла неба _(.)
Спасительное Славити должно	Рождество Христово. бога Отца Слово.
Богомать с Сыном Да не возмогут В Египет шедше Паки в Вифлием По пути тыя Царицу _(,) царя ² Кланятися нам Везде нашу жизнь	бежит на осляти, враги их сыскати. и мало пожиша они ся вратиша _(.) люди устретают. Христа почитают. Господу достойно _(,) проводит он стройно _(.)
Едет на осли Во угодности	Бог и Богомати. всяк тщися сретати.
Христос ³ во плоти Мати святая	юн опочивает _(.) в колыбки кочает.

¹ Двустипшие вставлено между строк.

² В Ув.73 ошибочно *Кланятися нам*.

³ В Ув.73 ошибочно *Христа*.

И сплюще око Сердце бо его Ангели яко Вся полезная ему В чистоте смыслов Святыни присно	везде зрит ¹ явленно _(,) в твари всей бодренно. царя назирают. устрают. каждый покачайся _(,) мудре ² приобщайся.
Мати Иисуса Желает людей,	имат в колыбели _(.) чтоб к нему успели. // (л. 280)
В церковь законну Держится старец Симеон объяв ³ _(,) Господа Бога Богоматери Что ⁴ умрети Сын С старцем _(,) с Анною Милость и любовь	Мать Сына несе. его телесе отпуستا си просит _(,) в руках верно носит. страсти прорицает за люд изволяет. Господа усящем _(,) вечную обрящем.
Симеон старец Кончину жизни	в храме Христа срете _(,) своя обрете.
Богородица Яблук и зелий Бог изволивый В нем же божество Яблоко сорвет _(,) По предведенью К мудрости в оград Яблук и ягод	с Христом во ограде _(,) в существенном саде _(,) человек zde быти _(,) до времени крыти. дает отрачатом своему зачатом. юнии тецыте _(,) умных наберите.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *в бодрости*.

² Над строкой вместо зачеркнутого *во всем*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *тамо ре(че)*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *Яко*.

Плодов_(,) цветов сад   полн_(,) где с Сыном Мати.
Детем с старыми   добро пребывати.

В юности плотской   Иисус гуляет_(,)
С Предотечею   птицы си имает.
Матери оных¹   в сладость назирают_(,)
Спети им в возраст   любезно желают.
Родителем бо   утеха суть дети²
Егда свободен   будут ум имети.
Подражай Христа   душе яко птица_(,)
Возлетай в небо_(,)   зри добрая лица_(,)

Елисавет мать   и Мария в поли_(,)
Дети³ с птицами   в радостной си воли.

В Иеросалиме   юн Христос остана_(,)
Дванадесяти   лет в причет приися_(,)
Мати и отец   в сродных си искаша⁴_(,)
В церкви среди и   учителей взяша.⁵
Тамо бо седев   оных вопрошаше,
И мудре вещав   всяка удивляше.
Повинувся он   сниде родителем.
К вышню знанию   буди гонителем.

Отрок Иисус   в храме пребывает_(,)
Образ изрядства   людем всем давает.

Тридесяти лет   Иисус крестися_(,)
Во Иордане   реке он омыся.

¹ Над строкой.

² В первом черновике строфы (л. 324) слова *утеха суть дети* были переставлены цифрами 3, 1, 2, было *дети утеха суть*.

³ На л. 324 исправлено из *Детей*.

⁴ Исправлено из *искаше*.

⁵ Стих исправлен из *Он же посреди учителей бяше*.

Бог Отец гласом _(,) Явися Троица Свободихомся Свидетелствует Кто очистился _(,) Яко здание	Дух святыи явленно _(, -) с Сыном возлюбленно. и мы грехов тамо _(,) божество нам само. скверн греха блюдиша. божие явися.
Бог крещается _(,) Хочет ти быти	виждь христианине _(,) в небесной храмине. // (л. 280 об.)
На горе Фавор Пред ученики Мойсей _(,) Илия Прежде бо о нем Петр и Иаков _(,) Имуца ¹ Христа В светлости его В горы небесны	Иисус во славе преобразись яве. с Христом тамо сташа _(,) они предвещаша. Иоанн зрят снизу пресветлую ризу. долг красоватися _(,) жить поспешатися.
Славно Христа В нем бо вечное	зри Преображение _(,) всем утешение.
По крещении Светом ² писанием В день пятидесятый Законны Пасхи, Жажущыя же Богатством щедрот Тем во учение Сей убо Бог наш(! -)	Христос поучает _(,) народ просвещает. и в преполовление ³ твори извещение. источником поит _(,) в рай благ огоит. идите на воды _(,) Вопийте вси роды.

¹ В строке вместо зачеркнутого *Одета*.

² Далее зачеркнуто *законным*.

³ Исправлено из *пре ловение*.

Свет истинный сей Милосердием	и источник верным. спасает безмерным.
Царь Израилев Славно Иисус По пути своя Сыне Давидов (!) Потрясися град Яко не имать Смотри о душе Предайся Христу	едет в Иеросалим(,) бог от детей хвалим. сняв одежды слаша(,) Многи с ветвми знаша. Христов ¹ видев плака любви к нему знака ² . в твоём зде житии(,) днесь во объятии.
Христова езда Лепо хранили	всякому спасенна. себе очищенна.
Восхоте Господь Вечерю ⁴ тайну Взяв хлеб освяти(,) Се тело мое. И се кровь моя Пейте ону вси (–) Творится се днесь ⁵ Приступай с страхом (–) в том Бога звание. Исповедию Мал и велик	люди укрепити ³ верным предложити. благословив рече(:) В жизнь ядщих повлече. за всех излися(,) в спасение дася. в воспоминание(,) на то понуждайся.
Божия тайны Желаем оных	во святыню людем. причастницы будем.

¹ В Ув.73 исправлено на *Христос*.

² Стих над строкой, в строке вариант:

К страсти бо идет крестнаго си знака.

³ Исправлено из *укрепляют*.

⁴ Над строкой, в строке вариант *Како им*.

⁵ *Се днесь* исправлено из *сее*.

Иисус Христос	терпит страсть и муки(,)
На древе креста	простре своя руки.
За грешных zde	пострада ¹ народы
Да в нем приимем	вечныя свободы(,)
Евреи вконец	его умертвиша(,) ²
Копием в ребра	висяща пробиша(,)
Плачь человеche(,)	Господу молися(,)
Да даст милость нам	смиренно клонися.
Мать с учеником ³	его зри плачущу(,)
Проси исполнить	благ душу алчущу.
Распнeся Иисус	за люди явленно.
Помня ⁴ страсть его ⁵	мысли умиленно. // (Л. 281)

Иисус страдав	умре и востресе(,)
Верных люди	в небеса вознесе.
Адама(,) Еву	изведе из Ада(,)
Разорена бысть	смертная преграда(,)
И вси святии	прияша свободу(,)
С Христом внидоша	в райскую породу.
Празднуйте светло ⁶	Христа востание.
Будите его	вечно избрание.
Воскресение	Иисус Христово(,)
Человеком в нем	спасение ново.

Вознесeся Бог	от земли в небеса(,)
Спасительная нам	сотворь чудеса.
На Елеонстей	горе зрят и лики(:)
Аггели и мать	с его ученики.

- 1 Над строкой вместо зачеркнутого *в жителстве.*
- 2 Исправлено из *Многия раны ему наложиша.*
- 3 *Мать с учеником* исправлено из *Зри матерь его.*
- 4 Исправлено из *Помни.*
- 5 Далее зачеркнуто *и.*
- 6 Над строкой вместо зачеркнутого *убо.*

Удивляются	божественной силе _(,)
Радуются же	песнями хвалят миле.
Добродетелни	тамо им восходят
Иже ¹ Дух спасен ²	плод чрева породят.
Вознесение ³	горе в плоти Бога
Идеже радость ⁴	всем иным ⁵ премнога.
Егда Иисус	в плоти обоженной
Взыде на небо	в воли освобожденной _(,)
Чины аггелов	девять устретали _(,)
Поклоны своя	Христу отдавали.
Перво лик аггел	ему поклонися _(,)
Вестники ⁶ они _(,)	Бог ими ⁷ взвестися.
И человекь род	сей чин ближнь нам хранит ⁸ _(,)
Да всяк прелести	грех ся устрани ⁹ .
Аггели святи	Богу служащи
Всякаго добра	людей учащи.
Архаггели суть	втораго там ¹⁰ чина _(,)
Чествуют они	Христа божа сына.
Первым ¹¹ начало	болше извешают ¹² _(,)
Началствующих	везде управляют.

¹ Вставлено в строку.

² Исправлено из *спасенья*.

³ Далее зачеркнуто *божие*.

⁴ Далее зачеркнуто *аггелом*.

⁵ Над строкой.

⁶ Исправлено из *Вестница(ми)*.

⁷ *Бог ими* исправлено из *ими он*.

⁸ *Сей чин ближнь нам хранит* исправлено из *аггели хранят*.

⁹ *Прелести грех ся устрани* исправлено из *злых грехов себе ухранит*.

¹⁰ Над строкой, в строке вариант *си*.

¹¹ Над строкой вместо зачеркнутого *Вторым*.

¹² Над строкой вместо зачеркнутого *началник управляют*.

Поклоняются Человеческа Им молитися Да к богу Отцу Архаггелов лик Да всяка душа	те всетворителю(,) рода щедрителю(,) всем нам подобает(,) чин сей заступает. Бога извещает. его Творца знает.
Стретают Христа ¹ Яко Господа, Припадают те(,) Грядет бо Иисус Цари и князи(,) Сей небесный чин Три чина в тройце, К главе началу Начала умов ² Во своем чине	третий чин (–) начала(,) в нем бо правда стала. правляще началства(,) от земнаго далства(,) царства же и роды хранит в многи годы(,) Тройцу учат знати(,) Христу успевати. всюду правителни(,) суть богозрителни. // (л. 281 об.)
Четверта чина Прогонители На пределенном Славу воздают Власти бо Богом ³ Да будут люди От искусов злых Молитися им(,) На ⁵ небе власти Во всякой ползе ⁶	небесныя власти(,) от душ всяки страсти. небесном си круге Иисусу в послуге. суть устроены к нему усвоены. они заступают(,) да ⁴ скорбь отгоняют. к Богу имствителны(,) душам действителны(,)

- 1 В Ув.73 ошибочно *Господа*.
- 2 Далее зачеркнуто *небесных*.
- 3 Над строкой вместо зачеркнутого *оним*.
- 4 Далее зачеркнуто *в*.
- 5 В начале строки зачеркнуто *Чина*.
- 6 Далее зачеркнуто *умней*.

Пятый чин (–) силы _(,)	безплотны телеса
Славяще Бога	творят в мир чудеса.
Стретоша Христа	все поклонишася _(,)
Божией силе	преудивишася.
Крепок и силен	Господь в своей славе
Умными ¹ зрится	в чудесней исправе _(,)
Силы святии	учат терпению _(,)
В подвизе крепком	блаженства ² зрению _(,)
Небесны силы ³	стоят перед Богом _(,)
Силою чудес	единственным слогом.

Шестый (–) господства	чин в небе стоящий _(,)
Христа идуща	в плоти его зрящий _(,)
Честь принесоша	Бога Отца Сыну
Господствующу	в твари своей выну.
Господствоватьи	сии поощряют _(,)
Да чувства страстьми	люди обладают.
Подчинятися	должно есть господством
Кто хочет жити	повсюду свободством.
Господства в чине	ликом своим стаща _(,)
Все разум крепок ⁴	в господстве прияша.

Херувимы чин	седмый умудренный
В знании Бога	зело просвещенный.
На стретение	Господа изыде
В многоочитом	дивном ⁵ своем виде.
Мудрость имуще	люди вразумляют _(,)
Всетворца ⁶ тварей ¹	знати научают _(,)

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *Всеми он.*

² Над строкой вместо зачеркнутого *небесну.*

³ В Ув.73 *чины.*

⁴ В Ув.73 *в чине.*

⁵ Исправлено из *предивном.*

⁶ В начале строки зачеркнуто *Богу.*

Чин херувимов Кто учитися	чтити подобает мудрости желает.
Святых херувим В многоочитстве	чин к Богу ближайший ^(.) имут ум ² множайший.
Серафимов чин Шестокрилатый Зело горими Вшдеша Христа За милость его Что ⁴ в его любви Огнем любезным И с серафимы	осмый в любви Бога греятна ³ залага. усердием в дружбе ^(.) бывша в своей службе. радуются сии. суть люди святии. душе воспалися Христу единися.
Волею Творца Шестокрили	в небе ⁵ серафимы пред Господем зрими. // (л. 282)
Высочайший чин Прежеланни ⁶ Во опочивность Славяще Троицу Отец, Сын, Дух свят Опочивает Право судити Их всяк призывай ^{1(,)}	девятый престолы суть божией в них воли. Иисуса приемлют ^(,) никогда же дремлют. Бог един сый присно ⁷ на престоле истно. учит чин престолы ^(.) оставль грехов долы ^(,)

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *Богу*.

² В Ув.73 слова переставлены: *ум имут*.

³ Так в тексте.

⁴ В начале строки зачеркнуто *Да*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *дивны*.

⁶ В начале строки зачеркнуто *Скло*.

⁷ *Бог един сый присно* над строкой вместо зачеркнутого *в божестве едином*.

Умныи престоли Правдою сии ³	в чине ² си блажени. сладце удобрени.
От бога Отца В виде огненных ⁴ На учениках Сташа всех ⁵ язык С ними же ту бе Человеком та Духа Святаго Да ⁶ вразумит	Дух Святыи послася _(,) язык показася. седе умудряти _(,) речью те вещати. богомать Мариа _(,) желает здравиа _(.) о разум просити _(,) нас волю и творити.
На ученики В спасение всем	сход Духа Святаго _(,) ⁷ жития благаго.
Богомать ⁸ живе Преставися сном Сын ⁹ и владыка Вознесе мирно Апостоли же Погребше тело В Гепсимании Успение бо ¹	седмдесят два лета _(,) вечно с сего света _(.) прият тоя душу _(,) в небесную сушу _(.) от стран собращася _(,) паки в те взяшася. пение согласно _(,) Марии прекрасно.

¹ Их всяк призывай исправлено из *К ним всяк прибегай* (так в Ув.73).

² Умныи престоли в чине исправлено из *Блажен престолов чин*.

³ Далее зачеркнуто *к Богу*.

⁴ Далее зачеркнуто *я(зык)*.

⁵ Исправлено из *Начаша они*.

⁶ В начале строки зачеркнуто *Всегда*.

⁷ Стих исправлен из *Снизхождение Духа Всесвятаго*.

⁸ Исходный черновик этой и двух следующих строф с подписями к образам (*Богомать живе <...> Бога извествуема*) помещен на л.324; в начале строки там зачеркнуто *Пресвятая*.

⁹ На л.324 в начале строки зачеркнуто *Богородица*.

Успение zde	небесны царицы _(.)
Празднуйте вси той	молящися лица _(.)
Богородица	в небо с телом взяся
От Бога в Троице	тамо ² увенчася.
Яко пречисто	Бога селение
Прият свершенно	в Троице любление _(.)
Уже отгуду	верных призирает _(,)
От бед ³ _(,) напастей	присно сохраняет _(.)
Юным же любит	в том обучатися
Да в мудрости те ⁴	имут просвещатися.
Прославление	девы чисты ⁵ в небе,
Венчанна ⁶ творит	всем помощь в ⁷ потребе.
Дева царица	Мариа в небесных
Предстателствует	бога Сына с десных _(.)
Пречиста мати	ему возлюбися _(,)
Молитвам ея	о грешных склонися _(,)
Патриархи той _(,)	цари припадают _(,)
Всякаго чина	в ней радость взимают.
О _(,) Богомати _(,)	и мы ти вси просим,
Радуйся с Богом ⁸	в покров твой нас носим _(,)
Избранна дева	всюду ¹ чествуема _(,)
В любви бо Троицы	Бога известуема. // (л. 282 об.)

¹ Успение бо на л. 324 над строкой вместо зачеркнутого *Погребение*.

² На л.324 над строкой вместо зачеркнутого *она*.

³ На л.324 далее зачеркнуто *и*.

⁴ На л.324 исправлено из *теми*.

⁵ На л.324 над строкой вместо зачеркнутого *святы*.

⁶ На л.324 над строкой.

⁷ На л.324 далее зачеркнуто *спасенней*.

⁸ С Богом на л.324 над строкой вместо зачеркнутого *Дево*.

Мати и дева	Мудрость породила
Яже ² zde людем	спасен ³ путь явила(,)
Во училища	и с неба приходит(,)
Смотрит там юных	кто чист ум приплодит.
Мудрость бо учит	в воздержности жити,
Хваля zde Бога	горнь век получитьи.
Любезно дева	что дети учатся ⁴ (,)
Без разума бо	нигде же годятся.
В науках дети	крыет владычица(,)
Смысл даючи им	Мариа девица.

Ум.	Смысл(,)	Мнение(,)	Мечтание.	Чувство(,)
Земля(,)	Вода.	Огнь(,)	Воздух.	Душа(,) ⁵

Благо поживший	человек скончася(,)
Душа святая	аггелами взяся. ⁶
Мирно на небо	тую возношают ⁷ (,)
Пред бога Отца	сладце представляют ⁸ .
Ибо человек	создан тамо быти(,)
Тем долг свою ⁹ мысль	к Христу возносити(,)
Тамо радости	красы невецанны(,)
Блаженства ¹⁰ в веки	святым обещанны(,)

¹ На л.324 над строкой вместо зачеркнутого *всеми*.

² Над строкой вместо зачеркнутого *Да бы*.

³ Над строкой, в строке вариант *благий*.

⁴ Два слова переставлены цифрами, было *учатся дети*.

⁵ Понятийные ряды *Ум ... Душа* на чистом месте справа от заглавия; вероятно, слова включались в картинку.

⁶ Стих исправлен из *Душу святую аггели прияша*.

⁷ *Тую возношают* исправлено из *те вознеса*.

⁸ В Ув.73 *поставляют*.

⁹ Исправлено из *во ег(о)*.

¹⁰ В начале строки зачеркнуто *Святы зре*.

Душе ¹ от тела С аггелы исход	зри разлучение, есть утешение.
Егда святии Иже небесну В ³ полность аггелов Тогда приидет Сын божий с небес Возсудит люди Встанут мертвии _(,) Грешни же в муки Вернии в Христе ⁵ В милость пред Бога	вси zde ² изберутся собору причтутся. от падшаго чина _(,) сей жизни кончина _(,) прешед в своей славе на земли вся праве. в век горнь ⁴ возмутся _(,) вечныя пошлются. живше ⁶ не вредятся. стати вси да тшатся _(,)
Христа господа Благо кто тамо	народом суд правый. обрящется здравый.
Иеросалим В жителстве аггел, Его же сам Бог Зрением сладце Чины аггелов _(,) С Христом в радости, Должно _(,) должно есть Троична ⁸ света	град божий прекрасный _(,) человек согласный. Свет сый просвещает _(,) вся увеселяет. вкупе святи ⁷ люди _(,) кождый тамо буди. в той град управлятися _(,) в нем наслаждатися.

¹ Далее зачеркнуто *святе*.

² Над строкой вместо зачеркнутого *в горнь век*.

³ Далее зачеркнуто *на*.

⁴ *Встанут мертвии в век горнь* над строкой (исправлено из *Станут и мертвы...*) вместо зачеркнутого *Праведни с телом*; в Ув.73 *Встанут мертвии в век прави горнь*.

⁵ *Вернии в Христе* над строкой вместо зачеркнутого *Иже блаженно*.

⁶ Исправлено из *живут*.

⁷ *Вкупе святи* исправлено из *и святии*.

⁸ Над строкой вместо зачеркнутого *Превечна*.

Даждь Боже^{1(,)} даждь нам любити тебе.
В руце твои нас предаваем себе.

Чудес² град³ святой горнь Иеросалим.
В нем⁴ творец наш Бог от всех родов хвалим.

Слава Богу вся творящу Дела сего конец зрящу:
Аллилуиа.

Честь Марии святей деве Помощь давшей в сем напеве:
Радуйся владычице.

Хвала святым молящимся, Спаситися бы трудящимся
Боже богов господи.

Аллилуиа.

ГИМ, Чудовское собр., № 98/300, л. 279–283 об. (автограф, черновик). Разнотчения по: ГИМ, Уварова 73, л.32–54 об. (автограф, беловик); ГИМ, Чуд.300, л.324–324 об. (автограф, черновик; отрывок).

- 1 Над строкой.
- 2 В начале строки зачеркнуто *Дивен*.
- 3 Далее зачеркнуто *бож(ий)*.
- 4 Далее зачеркнуто *все*.

ЕККЛЕСИА

си есть

ЦЕРКОВЬ

в небесное житие собирающая
и святящая вся человеки, сущыя в благоверии,
благодатию Духа Пресвятаго. В сию убо¹
зрением икон, прочтением² же стихов всяка
душа христианска входящи³ воспользуется
духоспасително и укрепително.

Создася в царствующем граде Москве
Мироздания 7202-го лета месяца декемвриа от ничтожна
Кариона иеромонаха Истомина в Типографии справщика

// (л. 323) Благороднейший и духопросвещенный в
благочестивей вере питающийся, и в церкви⁴ Иисус Хри-
стовой растущий⁵ великий государь царевич и великий
князь Алексей Петрович⁶ Всероссийскаго царствия бого-
благословенный отчичь и дедичь многолетне здравствуя в
Бозе радуйся присно.

За премногую свою благодать человеколюбия ради пре-
сладчайший спаситель наш бог Иисус Христос пострадав
плотию за нас и водрузи Екклесию, си есть Церковь, соб-
рание Верных людей своих.

¹ В сию убо над строкой.

² Исправлено из *чтением*.

³ *Всяка входящи* (душа христианска над строкой) исправлено
из *всяк хотящий*.

⁴ Далее зачеркнуто *божией*.

⁵ Исправлено из *возрастающий*.

⁶ Далее зачеркнуто *всая Великий и Малыя и Белья России*.

И¹ в ней оживотвори вся ны умершыя первородным адам-лим грехом, породив ново водою и духом(,) и грех упразднив, сотворил сыны в наследие вечныя радости на небесех.

Церковь бо по учителству святаго Златоустаго Иоанна, христиан православных душами составленный дом, и в собрание созданный храм особое место(,)

Ибо глаголет той же святой² и сице: Церковь место агтелское, место архаггелское, царство Божие, самое то небо. Она³ же таин святых⁴ и молитв богоприятных сокровище. [Коринф(янам) и рав. 36.]⁵

И иде же на вселенней истиннаго благочестия восточныя церкве люди и народы обретаются, едину веру, едину церковь исповедуют, и духодвижне⁶ самага богочеловека Иисуса Спаса нашего, богопреданная таинства⁷, апостолских же сердец, и отец святых повеления и учения, содержат крепще.

Еретических же и зловерных народов басней и учений⁸ противовоюющих, и развращающих церковное наше благочестие неподвижное(,) во веки отвергают, посрамляют, и иныя церкви и⁹ своевольная еретиков соборища сграждающыяся проклинаяют.

¹ Заглавная буква обведена киноварью по чернилам, как и в *Едеме*; здесь и далее выделяется полужирным шрифтом.

² *Ибо глаголет той же святой* исправлено из *Глаголет святой*. Далее зачеркнуто, а затем снова написано *и*.

³ Исправлено из *в ней*.

⁴ Над строкой.

⁵ *Коринф. и рав. 36* приписано на поле (обычная форма ссылки) и вставлено нами после соответствующего текста в любимых Истоминным квадратных скобках. Имеется в виду комментарий Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла.

⁶ Далее зачеркнуто *а*.

⁷ *Богороданная таинства* над строкой.

⁸ *Басней и учений* над строкой вместо зачеркнутого *и иныя*.

⁹ Далее зачеркнуто *пр(оклинают)*.

Яко разъразишася вслед¹ сатаны. И отторгшася нашего церковнаго единаго богоспасаемаго недра.

Кроме убо единыя святыя апостолския соборный церкви, учения же и предания ея, никто же спасется. И яко кроме Ноева ковчега в водах лжесловия, и зловерия всяка душа погрузится в вечную погибель.

По пророческим бо и евангелским проповеданиям:² Един еси Бог в триех ипостасех славимый, едина вера, едина и церковь, юже стяжа кровию господь наш Христос.

В ней же вся жизнь // (л. 323 об.) человеком³ и спасение,⁴ благохваление же и даротворение в несущем зде бытии, к будущему вечному блаженству на небесех со святыми аггелы и богоугождшими человеки.

Сего ради покаяния проповедник Златоглаголивый Иоанн увещеая в церкви благочестивей верныя люди пребывати: Церковь (рече)⁵ едина есть, и наречется праведно она: и судилище, и врачевница, и любомудрия училище и душе наказателница, и обучение течений на небеса ведущих.

И паки: ничтоже тако⁶ радостен наш живот устроет, яко еже услаждатися мысли в церкви. В церкви бо порождение крещением народов⁷, и тайн святых⁸ совершение, и причащение людей, и молитвословие на всякия потребы. И во имени Господни благословение. В церкви радующихся соблюдаема есть радость, скорбящим утешение, в цер-

¹ Далее зачеркнуто *своего*.

² *Пророческим бо и евангелским проповеданиям* над строкой вместо зачеркнутого *святому бо апостолу*.

³ Далее зачеркнуто *к на*.

⁴ Далее зачеркнуто *и*.

⁵ Круглые скобки в тексте.

⁶ Над строкой.

⁷ Над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто *при(ношение)*.

кви о печалюемых веселие¹, В церкви озлобляемым прохладение, в церкви труждающимся всем упокоение.

Ибо в церкви навкати учения, чтения, и слышания глаголов, яже сам Господь глаголет, ему жа святии² аггели служат и во храме святем его предстоят во страсе, но и верный люди³ господни хранят божию аггели.

И неотступно даже до смерти о кождым человеком пребывает аггел святой^(,) наставляя в пути правыя, и к божию знанию присно научая.⁴

И яко⁵ явление⁶ словес господних просвещает и вразумляет младенцы⁷, и в церковь святую хождение^(,) освящение, и во всякое благо укрепление творит безпрепонно,⁸ знаменанным душам благодатным крещением.

Тем сию книгу Екклесию^(,) си есть церковь, тебе великому государю царевичю и великому князю Алексию Петровичю в созерцание ради юностных твоих лет, усердствуя тебе государю всякаго благокрасования в ползе царскаго вашего рода, и повсюду православных христиан^(,) приношу.

В ней же чинов таинственных созерцавай лица, в мудростный разум чтяй стихи лети в церковь яко птица. Зане любящему Бога вся в церкви⁹ в благое поспешествуются.¹⁰

Зде же многолетство во всяком изрядстве вода, и церковь святую мудростию, и чинов ея¹¹ сохранством украшая,

¹ *В церкви о печалюемых веселие* исправлено из *о печалюемых, в церкви во утешен(ие)*, – слова переставлены цифрами.

² Над строкой.

³ Над строкой, вместо зачеркнутого *раби*.

⁴ Далее зачеркнуто *Ведяще же сия и рассмотривше благое*.

⁵ *И яко* над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто *же*.

⁷ *Просвещает и вразумляет младенцы* над строкой.

⁸ Запятая приписана киноварью.

⁹ В церкви над строкой.

¹⁰ Точка приписана киноварью.

¹¹ Над строкой.

возьмееши благородне¹ мир со Христом на земли, мир и славу с ним в вышних: иде же небесных граждан пеня несказанна во святая святых.

Ваше же царское пресветлое величество благоволите сие малейшее трудотщание мое прияти во славу господа Бога, и в честь пресвятыя деvy богородицы Марии содеянное. Да благодарится всеми² всесвятое имя бога³ Отца и Сына и овятаго Духа ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Вашему царскому пресветлому величеству в благодушие сие принесый смиренно менш ваш богомолец, иеромонах Карион Истомин рабско припадает_(,) Типографии справщик.⁴

// Церковь святая   божие есть дело, (л. 21)
Человеком долг   ходити в ню смело.⁵

Небо новое(-)   церковь сам Бог правит,
От всяких страстей   люди в той он здравит_(,)
Спасение бо   в церкви и утеха.
Кроме оной   ина несть поспеха.
Таинств люди в ней⁶_(,)   чинов навькайте_(,)
Всякаго чина   пути исправляйте.

¹ Над строкой.

² Над строкой вместо зачеркнутого *выну*.

³ Над строкой.

⁴ Подписи *Вашему ... справщик* в черновике нет, дополнено по Ув.73, л. 57 об.

⁵ В отличие от *Едема*, в *Екклесии* и *Граде царства небесного* строки заглавия к картинке помещены перед строфой на данный сюжет, что более соответствует развороту иллюстрированной книги: справа картинка. слева текст.

⁶ *Таинств люди в ней* исправлено из *Идите люди*.

В самое небо   из нея дорога_(,)
    Дабы всем зрети   вечно Христа бога.
Тем же молитвы   к¹ нему долг творити_(,)
    С святыми в небе   имаш опочити².

Крещение зри_(,)   рождение свято.
    В чистоту от грех   вся люди приятно.
Ново рождество   людем крещение_(,)
    Тайны святых   в церкви свершение.³
В воде⁴ человек   трижды погрузится_(,)
    Благодати же   духом освятится.
Во имя Отца,⁵   Сына, Свята Духа,
    Грех первородный   бежит сего слуха.
И кто крестится   не млад и в старости
    Чист от скверн будет,   и с Христом в радости.
Архиерей се   деет и иерей_(,)
    Не затворит Бог   в том⁶ райских дверей.

Тайна святая   миромазание,
    К Богу сыновства   царское звание.
Человеком всем   где есть совершенство_(,)
    Миромазание   в царство и священство.
Воздати Богу   славу честь и жертву_(,)
    В чистоте смыслов   грехами не мертву.
Печать бо и дар   в том Духа Святаго_(,)
    Быв сын, дочь Бога,   не рцы слова злато.

¹ Над строкой.

² *Имаш опочити* исправлено из *имаши почити* далее между строф проведена горизонтальная черта.

³ Стих над строкой вместо зачеркнутого
От первородна греха очищение.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *ней бо.*

⁵ Далее зачеркнуто *и.*

⁶ *В том* над строкой вместо зачеркнутого *Сын детем.*

Всяк яко аггел	в жизни своей буди(,)
Помазастеся	в святыню сосуди.
Богознанная	душа поспешися(,)
Христу господу	езде съединися.
Причащение	тайны святы знанства(,)
Душе потребно	многого сохранства.
Во литургии	тайна ся творится.
Евхаристиа(,)	в ней Христос бог зрится.
Вид хлеба(,) вина	верным уступает,
Благодать Духа	сие содевает.
Причастится кто	тела его(,) крови(,)
В радости дом свой	в святыню обнови.
Зде Новый завет,	людem во отраду(,)
Верныя введет	в небесну ограду.
Тем человеце бегай	грехов смрада.
Причастник буди	в тайне Христа сада. // (л. 21 об.)
Тайны святыя	исповедание.
Творит грехов всех	людem прощение(,)
Покаяние	есть царю и князю
Очищающе	всю скверну и язю.
Исповедати	должно иерею
Сердцем(,) и усты(,)	и совестью всею.
Но что согрешит	пред господом Богом
И кому словом	и деланным слогом.
Простит иерей(,)	и душа познает
Яко зла совесть	ону не смущает.
Не каявымся	и в жизни сей мука(,)
Всех бо стреляет	грех и смерть из лука.
Исповедию	всякий чин чистится
И паки ею	Богу приложится.

Человек создан	Господу служити _(,)
Вся заповеди	его сотворити,
К сему звание _(,)	чин свой блюсти зелено ¹ ,
Еже бы в грехи	не вступати ² делно.
И заповедми	преступство в смерти знаем.
Тем же ³ каемся _(,)	слезы изливаем _(,)
На старых, младых	зде прелесть находит,
И избранныя	с добра ума сводит.
Тем каятися ⁴ _(,)	в исповеди быти _(,)
Кто хочет святых ⁵	таинств причастити.

Священство тайна	Богом уставлена _(,)
Чистота святость	в службу сю явлена.

В смысле свершенном	достоинство слично
Священствовати	во церкви обычно _(,)
К Богу иерарх	о том молится _(,)
Да святым дара	свята сподобится.
Руки на главу	своя полагает.
Да в службе чин свят	всегда пребывает.
Гласит аксиос(:)	достойн священства
Дьякон _(,) иерей	прияша свершенства.
Недостойным же _(,)	скверным люто горе _(,)
За соблазн ⁶ людей	суд в мучимо море.

Патриарх святит	зде митрополита
В дела божия	избранством открыта.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *крепко*.

² Исправлено из *оступитись*.

³ *Тем же* над строкой вместо зачеркнутого *Аще*.

⁴ *Тем каятися* исправлено из *Обновлятися*.

⁵ *Кто хочет святых* над строкой вместо зачеркнутого: *В единство с Христом*.

⁶ *За соблазн* исправлено из *соблазн бо*.

Архиереа	егда посвящают ¹ (,)
На ² вышний степень	его поставляют.
Достойна гласят	народы учити(,)
Всякая дела	в святости творити.
Образ Господень	в себе прописует(,)
К вечну блаженству	святить наказует.
Егда и жертвы	ко Богу возносит(,)
В мире и любви	быти людей просит.
Знати таинства	долг всем ³ христианом(,)
Владети в души	богоданным ⁴ саном(,) // (л. 22)

Зде в супружество	тайна честна брака.
Отрока(,)девы	жизнь вечнаго знака.

Бог благословил	вначале супружество(,)
Да два имеют	в единстве дружество.
Един другаго	в любви избирают.
Иерею то	сами возвещают ⁵ .
Отрок и дева	чисты в браке станут(,)
Венцы законны	на них не увянут.
Не растерзанно	жити долг и в нужи(,)
Телу своему(,)	друг другу послужит(,)
Благословит Бог	в чадородство вечно(,)
Любовь тем подаст	в помощи улечно(,)
В чистость до ⁶ брака ⁷	имей всяк сохранство(,)
По том в святыни,	прочь от скверных знанство.

¹ Исправлено из *поставляют*.

² В Ув.73 на л.61 об. ошибочно *А*.

³ *Долг всем* исправлено из *должно*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *благородным*.

⁵ В ув.73 на л. 62 об. *извещают*.

⁶ *В чистость до* над строкой вместо зачеркнутого: *Прежде же*.

⁷ Далее зачеркнуто *де*.

Второбрачество Постигла бо их	зри жены и мужа. от супружных ¹ мужа.
Попущение Да не прелстятся В крепкодушии ² Но воля како Ибо супружных Посягают же Молитвы они В супружестве втором, Возбранно ^(,) мерзко Брак второй ^(,) третий, Не творят бо те За похоть ⁴ полни	дано второбрачным ^(,) искусом скверн мрачным. лучше есть ³ пребыти ^(,) может кто пожити. отстают и млади ^(,) чадородства ради. от церкви приемлют ^(,) в дому, да не дремлют. старым же и детным быть им безотверным. Богу в честь поспеха ^(,) в грех браней и смеха.
Помазание ⁵ В ⁶ болезни людей	таинство елеа ^(,) всех от иереа.
Велия полза Сподобитися Когда в болезни Иереев в дом Молитвы творше ⁷ Оному грехи Мнози от одров Им же волит Бог,	и знак христианства елеомазанства ^(,) человек бывает ^(,) в молбу призывает. болна помазуют ^(,) в том ся развязуют. вскоре стают здрави ^(,) те да ходят прави.

¹ В Ув.73 на л.62 об. нет.

² Исправлено из *благодарушии*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *бы*.

⁴ Далее зачеркнуто *ради*.

⁵ Далее зачеркнуто *елеа свята*.

⁶ В начале строки зачеркнуто *Токмо*.

⁷ Исправлено из *творят*.

А иже умрут _(,)	в церкви ¹ то надежно _(,)
Что преидет в небо	от враг немятежно.
Священие zde	храма во святыню,
В молитвенную	людей благодстыню.
Освясцает храм	патриарх святейший,
Архиерей всяк	в народе светлейший.
В нем имеются	христиан исправы _(,)
Исполнен бо он	Христа бога славы.
Всяки потребы	приемлются тамо _(,)
Жертва молитвы	дело его само.
Изрядно же ² кто	егда святят ходит _(,)
В душе святыню	и радость восплодит _(,)
Ибо в священном	народа соборе ³
Слава честь Богу	в приятном обзоре. // (л. 22 об.)

Пострижение	в ризы монашески _(,)
Отвергаяся	мира сует всячески.
Кто ли восхощет	мира отрещися _(,)
Той изволяет	власов пострицися.
В черны ⁴ власяны	ризы облечется _(,)
Именем иным	монах наречется.
В монастыре долг	чистоту имети _(,)
В нищете скорби	волею тарпети.
Послушание	сохраняти право _(,)
В молитве посте	всяк пребудет ⁵ здраво _(,)
В девстве поживут,	чисто и по браке
Будут в век с Христом ⁶	на-небесном злаке.

¹ Над строкой, вместо зачеркнутого *вере*.

² Далее зачеркнуто *есть*.

³ Стих ошибочно заключен точкой, в Ув. 73, л. 64 - запятой

⁴ *В черны* над строкой вместо зачеркнутого *И в монаш(ески)*.

⁵ *Всяк пребудет* исправлено из *пребудет кто*.

⁶ *Будут в век с Христом* исправлено из *Пребудут с Христом*.

Удобно к ползе Держи ¹ о душе,	монашеско бремя, с Богом сладко время. ²
Зде в монахини ³ Да в монастыре	дев, жен постригают. свято обитают.
Кая ли душа В чистоте жити Во обители И постригшися Воздержание В молитве посте Сподибится та Прелести мира За се Христос бог Славы радости	Господа возлюбит(,) усердству всугубит ⁴ (.) святей да вселится Христу обручится. потребно имети(,) в келии сидети, много зде ⁵ напасти(,) и пагубны страсти(.) душы увенчает(,) езде насыщает. ⁶
Новое лето В молитву верных	егда наставаает. собрание бывает. ⁷
Благому Богу За прошедшее И новому же Дабы жителство	благодарение лето в спасение. в молитве начало(,) в мире пребывало.

¹ Вставлено в строку вместо зачеркнутого *Храни*; *зде* (над строкой).

² Далее между строф проведена горизонтальная черта; под ней указано: *Второе внизу*, - т. е. вторая строфа о монашествующих, помещенная ниже, на л. 23. В Ув. 73 на л. 64 об. и 65 эти две строфы помещены одна под другой, и мы делаем так же.

³ *В монахини* исправлено из *монахиней*.

⁴ *Усердству всугубит* над строкой, вместо зачеркнутого *в жизни си восудит*.

⁵ *Много зде* исправлено из *многия*.

⁶ Стих над строкой вместо зачеркнутого

В царство небесно с собою вселяет.

⁷ Стих исправлен из *На молитву всех собор сотворяет.*

Царь и патриарх с священным собором
И христиан всех с усердным обзором;
Хвалословие купно воспевают^(,)
Приятна лета и Христа прошают.
Господь же дает в своей благодати
За прошение в небо оупевати.

Воды творится зри¹ освящение
В сохранство людей, в ползе кропление.

Егда Иисус Христос именуем²
Крест его святой на нас знаменуем³.
В нем бо Христова великая сила
Вражию крепость⁴ вконец сокрушила.
В молитвах крест⁵ и в воде грузится^(,)
В чистоту⁶ верных она освятится.
Пиюще⁷ люди оною кропятся,
Всяка злокозства врагов свободятся.
Емлют здравие в святости⁸ победу^(,)
О верный гряди по церковном следу.

Чин хождения с святыми иконы.
Известны Богом людей обороны.

Явленна молба христиан творится
Егда со кресты в ход ити случится.

¹ Над строкой.

² Стих исправлен из *Идеже Христос Иисус призываем.*

³ Над строкой вместо зачеркнутого *изъобража(ем).*

⁴ *Вражию крепость* исправлено из *враги до конца.*

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *сей.*

⁶ *В чистоту* над строкой, вместо зачеркнутого *Да* (зачеркнуто); *И* (над строкой) *во святость.*

⁷ Далее зачеркнуто *бо.*

⁸ В святости над строкой вместо зачеркнутого *и миру.*

Весь собор священ	и верны народы
В православии	имуще свободы.
О всем Господу	хвалу возсылают _(,)
Идуще имя ¹	его прославляют.
В случаях благих	и злоприключенных
Общ глас Бог слышя ²	творит утвержденных _(,)
Благочестие	зело всем полезно.
Славити Бога	повсюду любезно.
Великую мзду	оный возьимеет.
Кто за кресты ³ в ход	шед честь славу деет. // (л. 23)

Благочестиво	тело погребают _(,)
В церкви пением	душу в рай пушают.

Изволение	Бога всемогуща
Жить ⁴ всякой душе	пределы дающа ⁵ _(,)
Тело ⁶ с душою	жив, ⁷ плоть ⁸ умирает _(,)
Разлучився дух ⁹ _(,)	тело персть бывает.
Но христианско	с церковны молитвы
Погребается	вечными ¹⁰ гоститвы.
Душа свободно	ко Богу восходит
Кто по ней память,	милость всегда плодит _(,)
Ибо церковно	о ней прошение
От мытарств грехов	творит решение.

1 *Идуще имя* исправлено из *Имя святое*.

2 Исправлено из *слышай*.

3 *За кресты* над строкой вместо зачеркнутого *с иконами*.

4 Исправлено из *жизнь*.

5 Над строкой вместо зачеркнутого *имуща*.

6 В начале строки зачеркнуто *Живет*.

7 Исправлено из *живет*.

8 Над строкой.

9 *Разлучився дух* исправлено из *Разлучившися*.

10 В Ув.73 на л.67 в *вечный*.

Усопших душ верных	помяновение(–)
Полза в церкви ¹ всем,	и освобождение. ²
Люди живи вси	должны поминати
Родитель(,) сродник(,)	успшим помогати ³
Милостынею(,)	жертв приношением, ⁴
На гробы телес	верных хождением.
По всех христиан	и колива носят(,)
О отпущте грех	в покой Христа просят.
Никто же минет	смертныя дороги(,)
А в жизни душам	грехов споны ⁵ многи.
Предела ⁶ держись	церкве своей прага(,)
Не свержет ересь	в погибель та нага.
Ибо презорство ⁷	от мног днесь творится(,)
Без молитв церкви ⁸	вечно погубится.
Правда христиан	имать благи ⁹ весы ¹⁰ (,)
Не затемнят ¹¹ ю	еретик всех лесы(,)
На солнце стоит	правда украсяся(,)
Благочестием	повсюду светяся.
Солнце крыется	нощью облаками(,)
Правда не тмится	злюб еретиками(,)

¹ В церкви над строкой вместо зачеркнутого многа.

² Далее зачеркнуто Церковь извещение.

³ Успшим помогати исправлено из усопших в вере знати.

⁴ В черновике ошибочно поставлена точка, исправлено по Ув.73, л. 68.

⁵ В Ув.73, л. 68 ошибочно стопы.

⁶ Над строкой вместо зачеркнутого В разуме.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого многия.

⁸ Далее зачеркнуто в злобе.

⁹ Над строкой.

¹⁰ Исправлено из верны.

¹¹ Над строкой вместо зачеркнутого оболстят.

В церкви права суть	истинну имущым _(,)
В мудровании	святых отцев сущым _(.)
Похвалы чины	и память свершенна
Живым ¹ и успшим	ею извещенна.
Церкве вся чины	правдою держите
О чада верна _(,)	еретик гоните.
Ибо в надежде	востания чаем _(,)
Благолепием	Бога величаем. ² // (л. 23 об.)

Благочестивых	собор ради веры.
Имети людем	отцев святых меры.

Благоверие	творится собором
В разорение	еретик раздором.
Сходится церковь _(,)	царие и власти _(,)
Да пребудет люд	без всяки напасти.
Патриархи же _(,)	весь собор священный
Глаголют символ	веры извещенный.
Закон науку	отцев предлагают _(,)
Единоумдрство	езде утверждають _(.)
Ереси кленут _(,)	изгонят ³ злобожных _(,)
Да не говорят	в соблазн словес ложных.
Во единой вере	войны ⁴ не бывает.
Всяк бо чин ⁵ страну	предел ⁶ жити знает.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *здравым*.

² Далее л. 23 завершают подпись к картинке и строфа о пострижении в монахини, перенесенные нами выше в соответствии с указанием в черновике и текстом Ув.73.

³ Исправлено из *и зл(обожных)*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *брани*.

⁵ *Бо чин* над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто *в*.

Поход в воинство	с благословением ^(,)
Победа врагов	всех ополчением.
За веру ^{1(,)} царство ²	должно брань творити
Чтоб и Отечества	никто мог вредити.
Но ³ война за грех	в царствах стран бывает ^{4(,)}
Страшную казнь	Бог тамо ⁵ попускает ^(,) ⁶
Тем рассмотряти	себе повелесея
Несть ли в противность	чего Богу здесь.
И в полки ити	каяся во страсе ^(,)
Да не явится	кто в скорбном грех гласе.
Бог даст победу	враги побеждати,
Не ⁷ возмогут те ⁸	рук на тя подняти.
Веру содержи ⁹ , церковь	чти ¹⁰ святую ^(,)
Злобожство ¹¹ , ересь	всяк стреби ¹² клятую. ¹³

БЛАГОДАРЕНИЕ

Богу честь в Троице	буди присно слава ^{14(,)}
Церковь бо полна ¹	спасителна права.

¹ Над строкой.

² Далее зачеркнуто *страну*.

³ Над строкой.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *творитя*.

⁵ В Ув. 73 на л. 69 за *грех*.

⁶ Двустипшия *За веру ... вредити* и *Но война ... попускает* переставлены цифрами, было: 2, 1.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *Никто*.

⁸ Исправлено из *бо*.

⁹ Над строкой вместо зачеркнутого *правую*; далее зачеркнуто *и*.

¹⁰ Над строкой.

¹¹ Исправлено из *Зложство*.

¹² Над строкой вместо зачеркнутого *бор(и)*; далее в строке вариант *губи*.

¹³ Далее помета, относящаяся к Благодарению: *По сем правди писати*. – В Ув. 73 на л. 69 об. нет.

¹⁴ *Буди присно слава* исправлено из *И слава повсюду*.

Богородица	буди ублаженна.
Ея о людех	молба умноженна.
Церковь святую	она защищает ^(,)
Благоверный к ней	хвалы учащает.
И святии вси	божии угодники
В Христе радуйтесь	в церкви сродники.
Хранители нам	аггели господни.
Творите пути	в храм святой свободни.

АЛЛИЛУИА

АЛЛИУИА

АЛЛИУИА

СЛАВА ТЕБЕ

БОЖЕ.

Церковнаго мудрования и благопробывания многолетна, и горняго Сиона матере церковей пресладчайшаго со Христом наследства всем христианам присно желаяй хуждыпий иеромонах Карион Истомин челом бил прощения просит Типографии справщик.

ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л.323–323 об., 324 об. (автограф, черновик; предисловие и заглавие); № 100/302. л.21–23 об. (автограф, черновик; основной текст). Разночтения по: ГИМ, Уварова 73, л.55-69 об. (автограф, беловик).

¹ *Церковь бо полна* исправлено из *В церкви навькай*.

Чуд. 302,
л. 26 об.

ГРАД ЦАРСТВА НЕБЕСНАГО,¹

имуший моление,
учение² и премудрость.

В его же жителстве
всетворящий Бог
знаем и любим³ есть.

Согражден словообразне⁴.

В царствующем граде Москве.

Мироздания 7202-го лета
месяца {...}-го дня.

Иеромонах мний Карион Истомин
людей входити в сей град⁵ и жити с Христом
в век радостно просит,
Типографии справщик.

¹ Заглавные буквы в тексте. Перед *Град* зачеркнуто *ПОЛИС си* есть; далее зачеркнуто *святый*; *Царства небеснаго* над строкой.

² *Моление*, *учение* переставлены цифрами, было: 2. 1.

³ *И любим* над строкой, после *есть* зачеркнуто *И веселящаяся* (исправлено из *веселящимися*) в нем паче всего любит Господь. *И царство небесное подаст во веки*.

⁴ Исправлено из *словеснообразне*.

⁵ *В сей град* над строкой вместо зачеркнутого *в него и радоватися*.

Ув.73,
л. 27

**Благороднейший богосотворенный человек
в православие, и в богомудрое учение
великий государь царевич и великий князь
Алексий Петрович всероссийский отчичь и
дедичь. Спасенно здраво возрастай(,) живи
премногая лета, и радуйся в Господе присно.**

Изначала убо Миротворения лета, самем Богом жизнь сия добра воспета [благороднейший государь царевич] яко же пишется, и везде Бог вся елика сотвори, и се добра зело.

Истинно же добра, яко Бог всеблагий сотвори ю. И по святому апостолу: все создание¹ Божие, еже есть на земли, добро и ничтоже отменно со благодарением приемлемо.

И что убо более сего добра(,) яко Бог сотвори человеки из небытия в бытие, прежде же и нас введе, и ныне вводит во Вселенную. И благослови их, и умудри, и прослави. Яко же вещает Иисус Сирахов сице: Прославлен бысть паче всякаго животна в твари Адам.

Ни едино же кое дело ино дадеся человеку, точию тварь сый Всетворца непрестанно да прославляет.

И в том юный путь свой исправит, и² даже до старости угодит Богу.

И сего ради желающим его щедрот и любящим, всею душею и всем сердцем // (л. 27 об.) Господа Бога своего, и на его безмерную милость надеющимся, Бог по учительству святаго апостола Павла град уготова спасения вечнаго.

В нем же вси жителствующие³ возвеселятся и возрадуются пресладко неизглаголанно, и безконечно со святыми премирными чинми аггелов и человеков: В⁴ тяжестех бо сие есть(,) во владетелстве града того всемудрый Бог

¹ В слове буква *о* вставлена чернилами правки (Ч–2).

² На правом поле Ч–2.

³ Исправлено Ч–2 из *житствующии*.

⁴ Исправлено из строчной буквы.

знаем и любим есть благоговейными гражданы¹.

В житии убо мира сего несть каковая отрада кому, аще Божия мудросотвореннаго града не наследствит.

Град же Царя великаго, не из камней или древа со-
строается. Но потаенный сердца человек кроткаго и мол-
чаливаго и благоразумнаго духа, чрез премудрое учение, и
познание себе самаго, и всего видима сего на земли, и не-
видимаго на небесех сотворения, и вседержителя Бога,²
его же божественным всемоществом созидаем бывает.

Созижду (рече)³ и вселюся в них и похожду, и премуд-
ростную ловитву благословлю, и нишаго ума разумным
хлебом насыщу. И вождествуется к небесному граду вся-
кая умнословеснствующая душа учением, яко по степеней
лествицы⁴ духопремудростныя. // (л. 28)

О том убо граде воистинну преславная глаголашася,
яко царствующий пророк псаломствует.

И что онаго преславнее^(,) яко посреде его древо⁵ жиз-
ни, Премудрость вкоренися, и наводнившись от божия Ду-
ха, изращает плоды, верныя люди она присно питает.

Во граде бо Премудрости делати и хранити заповеди Гос-
подни, изрядно есть, и приближно зрети Бога, паче всего есть.

И тем по гласу Спасителя нашего Иисуса Христа не-
бесное царство вьнутрь человек^(,) имать быти.

И zde убо созидаемый душевный наш град в жилище
божие Духом, горе проставлен той будет во царствование
царюющему всеми Господу владыце: И никто же наш раз-
зорит град^(,) с ним пребывающих.

Сего ради книга сия наречесе изрядне Град царства
небеснаго. Согражден: Во(-)первых молитвою ко вседер-

¹ Дописано Ч-2.

² Запятая вставлена Ч-2.

³ Круглые скобки в тексте.

⁴ Исправлено Ч-2 из *лесвицы*.

⁵ *Яко посреде его древо* над строкой Ч-2.

жителю Богу. Таже учением заповедей от него. По сем премудростию схольных¹ обучений_(,) колико их есть.

Во известие же их образы стихоописаними к ползе зренья предложиша сокращение.

В нем же велий Господь и хвален zelo: с ним же лепотно пребывати, и огорстити спасение свое всякому в нем возможно. // (л. 28 об.)

Тем же духомудраго жития град сей прославленному тебе² великому государю благороднейшему царевичю и великому князю³ **Алексию Петровичю** всеусердием приношу.

Да в нем ваше царское пресветлое величество богоугодне, здраво во известном всяком мудровании и разума духовном премногая поживеши zde лета и всерадостно предвечнаго присносущнаго света наслаждатися имаши безконечно⁴.

И в сей Град царства небеснаго да возруководствиши с тобою государем многия души и страны земныя человеком ко Богу живу истинну.

Зане по гласу любомудраго царя Соломона(:)⁵ Ничто же тако возлюбит Бог, токмо сего_(,) еже с Премудростию пребывает. Ею⁶ же благоразумный Град создан бяше. Любящий⁷ же закон Господень непорочный, оградят о себе стену.

И истинно⁸ сицевою оградою, от враг видимых⁹ и невидимых_(,) кождый со отрадою поживет, и просветится_(,) яко свет тверделный во граде небеснаго царствия повсюду.

¹ На правом поле вариант *школьных*.

² В тексте поставлена точка.

³ В тексте поставлена точка.

⁴ Исправлено Ч–2 из *бесконечно*.

⁵ В тексте поставлена точка.

⁶ Первая буква исправлена Ч–2 из строчной.

⁷ Первая буква исправлена Ч–2 из строчной.

⁸ *И истинно* исправлено из *истинно*.

⁹ Исправлено из *видемых* (через ять).

Твое же царское пресветлое величество благороднейший государь царевич сию книгу (Град) царства небеснаго благоволи милостивно¹ от мене² худшшаго вашего рабищища и богомолца прияти. И ползаватися душеспас-/(л. 29) сителною забавою(,) и утешатися здешняго жития добродееянием и видением, и вечнаго в небесех обещаннаго блаженства во Христе Иисусе госпде нашем прекраснаследством, непрестанно.

Ему же с безначальным Отцом и Святым Духом слава, и держава(,) и поклонение, и честь³ преблагословенней деве Богородице Марии, и всем святым буди, ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.⁴

Чуд. 302, л. 26 об. ¹	Зде зри школ По степенем Двадесять Дела ⁷ гласят День(,) часы(,) Страны(,) части Умство сими: ⁹ Вся ¹⁰ постигнет.	обучение ⁵ хождение(,) числом тья ⁶ си благия. времена ⁸ (,) годы, знати в роды вера в Бога Радость многа.
-------------------------------------	---	--

¹ Исправлено Ч-2 из *милстивно*.

² В тексте ошибочно *менеи*.

³ Далее зачеркнуто *и*.

⁴ Последующий текст в Ув.73 отсутствует.

⁵ *Школ обучение* исправлено из *школныя обучения*.

⁶ Три слова переставлены цифрами (3, 1, 2), было *Числом тья двадесят*.

⁷ Далее зачеркнуто *своя*.

⁸ Далее зачеркнуто *и*.

⁹ *Умство сими*: в строке вместо зачеркнутого *Знание сих*.

¹⁰ Исправлено из *Всяк*.

// Чуд. 302,
л. 17

Грамматика
Глаголати
благо.

учит знати
и писати

Грамматику   душе слыши(,)
Писмена в ней   изучиши.
Обзри смыслом   аз и буки(,)
Емли перо   в твои руки.
Пиши слова   добре складом(,)
Веди строки   в разум рядом.
Глаголи(:) писму   та начало(,)
Дело сие   Богом стало.
К Христу простри   моление(,)
Дает он всем¹   спасение.

Синтаксис, есть   счинение(,)
Словес в смысле   явление.

Кто что когда   возглаголет(,)
Синтаксис   речи обколет.
Слово к слову   счинит вняти(,)
В деле самом   умом стати.
И трудное   все покажет,
Где, от кого,   в чесом вяжет.
Юным требно   в разум труда(,)
Да не затмит   глупых руда.
Собрав речи(,)   счиняй право,
В Бозе живи   каждый здраво.

Пиитика,   стихотворство,
Ирмосов(,)   канон стройство.²

¹ Он всем над строкой вместо зачеркнутого *всем вечно*.

² Стих на правом поле вместо зачеркнутого
Учащам (так!) ю   даст обзорство.

Канон исправлено из *канонов*.

Учашии	пиитику
Творят стихи	песней клику.
В мере слогин	и ногами
Степеней счет,	и перстами.
Каков ирмос	в коей песни
Вся ¹ подобны	стихов вмести,
И кую вещь	описати,
Числом писмен	в слог кончати,
Сия наука	творение(,)
К Богу ума ²	смотрение.

Красномолвна	риторика
Полна в словах	сладка крика.
Риторика	учение ³
Смыслов благих	течение,
Действо кое	в ней пространно
Глаголется	все сохранно,
Подобства суть	приводимы,
Писания	красна зримы,
Бог устроил	сие к ползе,
Да в доброте	живем долзе.
Витийство ⁴ слов	ся имеет,
Изрядство всем	людей деет.

// л.17 об.	Диалектика	беседы ⁵ наука,
	Истинны и лжи	разсуднаго звука.
	Глаголет д	иалектика
	В правде и лже ⁶	разнь колика.

¹ Далее зачеркнуто *меры*.

² Над строкой вариант *Творцу*.

³ Над строкой вместо зачеркнутого *зде наука*.

⁴ В начале строки зачеркнуто *Из*.

⁵ Над строкой.

⁶ *И лже* над строкой вместо зачеркнутого *суд*.

Словесница	нам зовется,
Ею разум	прав сберется,
Искусити	кое слово
В деле всяком ^(,)	ветхо ^{1(,)} ново.
Она может	разсудити
Како Богу	угодити,
Человеком	то и дело,
Вся зде вещи	зрети смело.

Арифметика	зде зрима
Числительница	держима ² .
Арифметика	считает
Сколко время	вещь вращает.
Солнечный круг ^(,)	дни в месяце,
Часы во дни ³	по лестнице.
Колико где	чесо будет
Скорым числом	ничто уйдет.
Человеком	в числе лета
Бог положил ^(,) ⁴	зри в нем света.
Не числь грехов,	всех тех бегай,
Не станеша	в тме ⁵ пралегай.

Геометрия	явися ^{6(,)}
Землемерие	всем лснися.
Без меры несть	что на земли.
Геометрии	всяк внемли.
Жителный дом ^(,)	поля в мере
И моря вся,	Богу в вере.

¹ В строке вместо зачеркнутого *стар(о)*.

² В строке вместо зачеркнутого *нам мнима*.

³ Далее зачеркнуто *к*.

⁴ Далее зачеркнуто *смотри*.

⁵ Над строкой.

⁶ В строке вместо зачеркнутого *учит*.

Длина _(,) толща _(,)	все делится,
Метром страна	и град зрится.
И человекъ	рост коликий _(,)
Сердце и ум	в нем великий _(.)
Безмерна же	Бога благодсть _(,)
Жизнь ти ¹	мерствуй в вечну драгодсть.

Философия	явленна,
Любомудрием	скрепленна.
Философия	зрит вещи _(,)
Любомудрства	не отмещи.
По естеству	человеку
На вся нравы	даст улеку.
Что сотвори	Господь в мире
В ² знанном тя	та ставит пире,
Злато _(,) камень	разны вкусы _(,)
Животных род _(,)	в водах трусы ³ _(,)
Тщися душе	размотряти _(,)
Имаш ⁴ небом	век владати.
Философия	царственна
В разуме	зрядственна.

// л. 18	Астрономии ⁵ с	охранство _(,)
	Звездозакониа	знанство _(.)
	Звездам закон	пределися _(,)
	По небу зря _(,)	всяк дивися,
	Како Солнце _(,)	Луна ходит _(,)
	Действом своим	время водит.

¹ *Жизнь ти* исправлено из *В ней жизнь*.

² Далее зачеркнуто *сло(весном)*.

³ *В водах трусы* над строкой вместо зачеркнутого *и вид русый*; *в земле* (над строкой).

⁴ Далее зачеркнуто *ду(шею)*.

⁵ В начале строки зачеркнуто *Зде*.

Солнце Землю   согревает_(,)
Травы_(,) древа   изращает.
Всю красоту   Бог устроил
Человек бы   небо своил,
Умному се   предложенно
Астрономство,   в Творце совершенно.

Феология   священна
Богослова   умственна:¹

В ней вся дела   Богом сташа_(,)
Вси² святии   се вещаша.
Всетворец Бог   в Троице знаем
От всех умных³   прославляем.
Землю_(,) небо   душа смотря,
В зданстве тварей⁴   ум изостря,
Сердцем⁵_(,) умом   умудрится⁶_(,)
Зрети Творца   во всем тщится⁷,
Яко царска   дева чиста
Вышш естеств   читит Бога иста,
Он есть твари   всей правитель,
Человеком   в любви житель:
Феология   преславна,
Несть zde в мире   тебе равна(!)

Музыка zde   сладость песней,
В Бозе игра   душе вестней.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *спасенна*.

² В начале строки зачеркнуто *О*.

³ *От всех умных* подчеркнуто, над строкой вариант *Вси умнии*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *своем*.

⁵ Далее зачеркнуто *и*.

⁶ Над строкой, в строке вариант *просветися*.

⁷ *Во всем тщится* исправлено из *всех потщися*.

Съединшися	Христу душа _(,)
Судбы его	крепко внуша,
Орган чист	с(л)ух тело строит,
Любовь сладку ¹	струн усвоит.
Молитвами	ударяет _(,)
Хвалу Богу	возглашает.
Глас молчащ	умн проповедник _(,)
В небе блажен	сообедник.
В мусику сю ²	кождый тщися
Славить Бога _(,)	свят явися. ³

Врачевство есть	душе, телу,
Болезньми zde	омертвелу.

Тело ⁴ _(,) душу	Бог ⁵ врачует
Аще ему	согласует,
По преступстве ⁶	болезнь стася,
Человек бо	в забыть ⁷ взяся.
Врач, учитель	совершенный _(,)
Существ _(,) естеств	наученный.
Каков недуг	объявляет _(,)
В Бозе лечбу	подавает,
В нем пластырь	покаяние _(,)
Зелий _(,) пищу	приимание.
Сотворил все	Господь к ползе _(,)
Свята ⁸ душа	живет долзе.

¹ В строке вместо зачеркнутого *крепку*.

² *Мусику сю* над строкой вместо зачеркнутого *сию игру*.

³ Далее тем же почерком и чернилами приписано *Не красна похвала во устех грешных*.

⁴ Далее зачеркнуто *и*.

⁵ Далее зачеркнуто *сам*.

⁶ Над строкой вместо зачеркнутого *Но по нужди*.

⁷ В тексте ошибочно *забьть*.

⁸ В начале строки зачеркнуто *Д(а)*.

// л. 18 об.	День zde бежит Присно летит Человеche(,) Чисто(,) свято Смотри бегства От начала Грех тобою Аще добре Облак солнце День ночью ти Что сотворен (-) Бога всегда	скоряй птицы, без возницы. дни исчитай(,) везде витай, скородневна, мира древна, ¹ не свладеет жизнь ти спееет, разгоняет(,) да не стаает(,) благодари в ранней зари.
	Ночь в борзости Кто много в ней	пролетает усыпает.
	Ночь наступит, Долг ² , Бога в той Луну(,) звезды Присно ⁴ в небо В полунощи В ⁵ полудне же Человеку Не преставшу Время течет Бодрствуй душе	опочити восхвалити ³ . виждь текущих(,) тебе ждущих, свет праведным(,) тма скаредным, несть ⁶ дне блага дела злага. и нощию(,) в ню ⁷ мощию(,)

¹ Стих над строкой вместо зачеркнутого
Како течет жизнь ся вредна.

² Далее зачеркнуто *и*.

³ Исправлено из *хвалити*.

⁴ Над строкой вместо зачеркнутого *Всегда*.

⁵ В начале строки зачеркнуто *И*.

⁶ Далее зачеркнуто *ж*.

⁷ *В ню* над строкой вместо зачеркнутого *ти*.

Во дни, в нощи	часы ходят,
Свое время	в коло водят.
Часы когда	ударяют
Жизнь людскую ¹	сокращают(,)
Минет время(,)	не вратится(,)
Человек быв	в смерть клонится,
Непотребно	во празности ²
Часов терять ³	и в старости,
Во всякий час	молитися(,)
Похотей злых	хранится.
Царя веков	прославляти(,)
Лености сон	отгоняти,
Звона слушай(,)	зри и млаты(,)
Кола идут	где нам браты.
Перво время	весна красна,
Миротворства	провозгласна.
Егда весна	наставет
Всякий птенец	воспевает(,) ⁴
Облечется	земля в травы(,)
Царска весна	полна ⁵ славы(,)
Люди труды	подъимают(,)
Оря в землю	насевают. ⁶
Мыслям садом	добра совесть(,)
Всяким родом	сладка повесть.
Измлада всяк у	красися(,)
Трудом плодом ⁷	благ явися. ¹

¹ *Жизнь людскую* исправлено из *время людем*.

² Над строкой вместо зачеркнутого *из младости*.

³ Далее зачеркнуто *д(аже)*.

⁴ Стих над строкой вместо зачеркнутого *Земля в травы облакает*.

⁵ Исправлено из *пойдет*.

⁶ Стих исправлен из *Орют землю и копают*.

⁷ К *Трудом плодом* над строкой вариант *Богу и людем*.

// л. 19

Царско время Во изрядстве ²	славно лето всем воспето.
Лето благо В трудех ^(,) плодех	во украсе ^(,) то ³ во гласе.
Цветы травны Жниво в полях	в нем есть зрети ^(,) долг имети,
Всяко дело Ясти плоды,	во удобстве. хлеб, в господстве
Царствит лето Емлись в разум	изобилством ^(.) душе смыслом.
Никто ⁴ живет Бога моли	туне в свете ^(,) в твоём ⁵ лете.
Осень время В нем сад ⁶ , поле	совершенно, плод очищенно.
Третье время Властелствует ⁷	осень в годе во свободе,
Люди с поля Млачением	жатву свозят ^(,) житу грозят ^(.)
От древ и трав Готов овощь,	плод собраша ^(,) хлеб и каша.
Снижается Виноградов	тогда Солнце ^(,) греет гронце ^(.)

¹ Далее на нижнем поле тем же пером и чернилами *Марта 25*.

² *Во изрядстве* над строкой вместо зачеркнутого *В трудех, плодех*.

³ Исправлено из *есть*.

⁴ Исправлено из *Царствует*.

⁵ Над строкой, вместо зачеркнутого *всем*.

⁶ Далее зачеркнуто *и*.

⁷ В начале строки зачеркнуто *Трудов люди*.

Время третье к Руки ² Христа	то ¹ идеши(,) да взыщеси.
Зима время Хладом, мразом	царствует(,) началствует.
Четвертое Возлагает Всего земля Трав и древес В студ ³ и дрова Седины в мраз Ради хлада Наг кто в грехах В старость время Добро, красно	зима время людем бремя. обнажится(,) лист свалится. пригодятся(,) появятся. вздевай шубы(,) стиснет зубы. к концу ⁴ ити(,) с Христом жити.
Тако люди Змия кругом	год писаша(:) времен даша.
Въобразиша Лето весь год Год сотворит Паки ⁵ назад Четыре суть Имут своя Круг же лета В течении Идут лета В правде святи	древлни мужи в змии ужи. и сомкнется, разогнется. в году времена вси имена. званство стяжут, то не свяжут. кругом наша(,) змий попраша. ⁶

¹ Над строкой.

² Исправлено из *Руками*.

³ В тексте ошибочно *стыд*.

⁴ Далее зачеркнуто *грядет*.

⁵ В начале строки зачеркнуто *И*.

⁶ Стих исправлен из *От змий в правде святи сташа*.

// л. 19 об.	Восток страна В конец ¹ земли ²	в вид зовется, той берется.
	От земныя Восток страна	зде средины идет в длины.
	Посреде став(,) Знанство дает	простер руки(,) в свет науки.
	Свет бо Солнца Учитися	всход оттуду(,) долг ³ повсюду.
	В слове Восток В нем бе Адам	токмо знаем(,) созидаем.
	Зовет кто что Не будет той	наукою с доукою.
	Юг ⁴ зде страна От среды же	сама стоит(,) землю своит.
	Сияние В стране Юга	Солнца зелно идет делно.
	Мерою бо 3 В чертах предел	емля ⁵ равна(,) своих давна.
	С среды Земли Хоши в разум	и Юг знати. езде стати.
	Родится там Умно держи(,)	бисер(,) злато(,) где что взято,
	Человеком о Южна страна	браженна извещенна.
	Запад страна Очи на вид	по словеси(,) Земли неси.

¹ В конец вставлено в строку вместо зачеркнутого *По*.

² Далее зачеркнуто *вверх*.

³ *Учитися долг* над строкой вместо зачеркнутого *Звати страну ту*.

⁴ В начале строки зачеркнуто *Пол(день)*.

⁵ Над строкой вместо зачеркнутого *в чертах*.

Свой содержит	страна предел _(,)
Запад в мере ¹	так же ствердел ² .
Позри Солнца	на Западе _(,)
Людем светит	во отrade _(.)
Стоя Запад	зрит к Востоку _(,)
Руки простер	впрямь от боку _(.)
Страну познай,	в чем держится _(,)
Умен в Бозе	прав явится.
Тварь вся зрится	в учении _(,)
Возмеш смысл	в случении.

Север страна	четвертая _(,)
Воздух Земля	простертая _(.)

Образ Север	хотя жметя _(,)
Странам в мере	равн иметя.
За Землю вдаль	Солнце ходит _(,)
Многу zde тму	и хлад водит.
Но свет людем	на Севере
Всем живущим	в Бога вере.
В стране добре	проездися _(,)
Служить умным	всяк годися.
В землю гряди	небесную _(,)
Узришь радость	сьтелесную.

// л. 20	Европа Земли	ч	асть ³ зрима,
	Многими царствы		держима.

Не от среды	Земли части
Предел си	ищут класти. ⁴

¹ Далее зачеркнуто *весь*.

² Исправлено из *отвердел*.

³ Далее зачеркнуто *в ней царства*.

⁴ Двустиише над строкой вместо зачеркнутого

Морями бо	и реками
Разделены	царства сами.
От Азии	делна Доном _(,)
Морем Чермным _(,)	вод законом.
Европа часть	в царствах дева.
Веры правой	есть насева.
Зловерники	где суть сгонит _(,)
К хвале Бога	людem звонит.
В церкви, в царстве	свят держися _(,)
От еретик	ничем лстится. 1

Асия часть	земли многа
В лютости ² царств	имать рога. ³

Велика часть е	сть Азии _(,)
Держава в ней	и России.
Роздел морем	от Африки _(,)
Злобожства та	держит крики.
Татары в ней	и арапы _(,)
Турки _(,) персы	люты храпы.
Прокляты в них	разны веры,
В делах имут	скверны меры.
Гнушатиcя тех	подобает
Кто христиан	где бывает.
Не годятся	Богу царства
Где ⁴ несть ему	благодарства.

*Земли части не от кентра
В предел имут своя метра.*

¹ В строфе 2–5-е двустушия (*Морями бо <...> лстися*) представлены цифрами, последовательность была: 1, 5, 2, 3, 4, – т.е. нынешнее 3-е (*От Азии ... законом*) шло последним.

² Далее зачеркнуто *злюб*.

³ На правом поле зачеркнут вариант стиха

Зловерственна в царствах слога.

⁴ В начале строки зачеркнуто *В них же*.

Африка часть Зверска глупость	Земли ¹ к Югу(,) там ² в послугу(,) ³
Своя Земли В пространстве Морем Влоским С полдни Чермным(,) Жаркость в Египте Люди черни ⁵ , В ней и царства Богомерских Ефиопы(,) Безверством вси Яко жена Зверовидством	часть Африка си ⁴ невелика. дел с полнощи(,) Солнца в мощи(,) и в Ливии(,) суть нагии. суть ⁶ различны злюб навычны(,) индиане(,) покрыяне(,) часть царствует(,) напаствует.
Америка часть Ново ⁷ земля	четверта(,) в знань отперга.
Волкохищна ⁸ Людми в нравах(,) Тысящми лет ⁹ Морем зело	Америка в царствах дика(,) бысть незнанна(,) отлиянна.

¹ Над строкой вместо зачеркнутого *невелика; zde третья.*

² Над строкой вместо варианта *вер.*

³ Стих на правом поле вместо зачеркнутого
*Земли в царствах к полдню (над строкой к Югу);
отпертия (вариант к зачеркнутой рифме zde третья).*

⁴ *В пространстве си* в строке, над строкой зачеркнут вариант
К прежним пространств.

⁵ *Люди черни* исправлено из *Люд ходит черн.*

⁶ Над строкой.

⁷ Над строкой вместо зачеркнутого *В знанство.*

⁸ Далее зачеркнуто *ты.*

⁹ Далее зачеркнуто *ты.*

Веры разны	в болвохвалстве _(,)
Наги ¹ люди	там в недоялстве.
Царства имут	без разума _(,)
Не знав Бога,	худа дума.
Никто же бо	что успеет _(,)
Где глупость скверны	и грех деет _(.)
Тем пробуди	наук в слозе
И ² радуйся	присно в Бозе. ³

// л. 20 об.

БЛАГОДАРЕНИЕ⁴

Боже всеблагий _(,)	тебе честь и слава,
Сподоби вся ны	в благодати нрава _(.)
Тебе твоя вся	и нас предаваем _(,)
Тя Творца Бога	верно восхваляем _(.)
Жизнь сию мирно	даждь препроводити _(,)
Волю святую	в век твою творити.
По сем в небесны	всели ты блаженства _(,)
Да насладимся	в тебе благоденства. ⁵

Благословение и честь буди и пресвятой владычице⁶
 деве богородице Марии, и всем святым
 ныне и присно и во веки веков

¹ В начале строки зачеркнуто *Люди*.

² В начале строки зачеркнуто *Всяк мысль*.

³ На левом поле иными, светло коричневыми чернилами (тождественными чернилам заглавия и вступительных стихов на л.26 об.), вместо зачеркнутого:

Тем всяк клади мысль всю в Бозе

Радость будет наук в слозе.

Теми же светло коричневыми чернилами написан дальнейший текст (*Благодарение <...> смиренное творит*), после завершения которого автор, очевидно, написал тексты на л. 26 об.

⁴ Заглавные буквы в черновике.

⁵ Далее зачеркнуто *Мудрость бо твоя*.

⁶ Над строкой.

Аминь(·)
Аллилуиа(!)

Таже пресвятейшая дева владычица
богородица Мария¹ буди благословенна,
всеми роди чествуема(·) всякому
благосоделованию и мудрованию
во учение² помоществующая,
и спасающая христиань³,
и вся святии и праведнии
по Господе радуйтесь⁴
и все⁵ о нас молитесь
ныне и при(сно)!

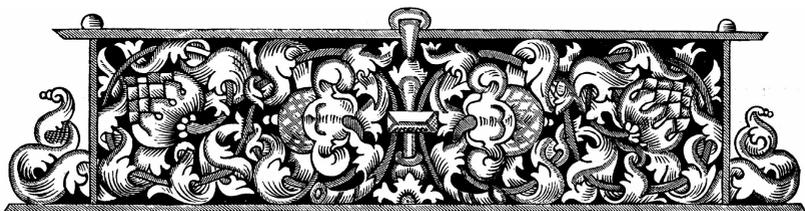
Тем⁶ прошу аз о молитву⁷(·)
Даст в небе Бог вам гоститву(·)

Писавый поклонение
Смиренное творит.

ГИМ, Чудовское собр. № 100/302, л. 26 об.,
17–20 об. (автограф, черновик; заглавие и ос-
новной текст). ГИМ, собр. Уварова № 73,
л. 27–29 (автограф, беловик; предисловие).

- 1 Исправлено из *Марии*.
- 2 *И мудрованию во учение* над строкой.
- 3 Над строкой.
- 4 Далее зачеркнуто *ныне*.
- 5 Над строкой.
- 6 Далее зачеркнуто *вас*.
- 7 *О молитву* над строкой вместо зачеркнутого *прощения*.

Заключение

ПОЭТ И КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

В ноябре 1675 г., будто отмечая наступление особенно бурной последней четверти «бунташного века», посреди Кремля, в Чудовском монастыре, резиденции недавно поставленного, но уже известного строгостью патриарха Иоакима¹, прозвучала и, видимо, была высечена в камне новая, неслыханная на Руси *литературная эпитафия*. Она запечатлелась в культуре московского Двора, а затем и всей России, столь органично, что позднейший литератор, сам того не ведая, абсолютно точно воспроизвел смысл и звучание текста первого придворного поэта России:

Остановись, прохожий!

Здесь человек лежит на смертных не похожий!

Непохожим, выделенным среди уравненных смертью православных своими *личными заслугами* (царский и княжеский титулы, архиерейский и придворный чин указывались и ранее) был философ-книжник Епифаний Славинецкий. А остановиться у его гроба призвал прохожего поэт и просветитель Симеон Полоцкий, учивший в это время царевича Федора Алексеевича.

Никто даже не предполагал, что всего через несколько недель кончится казавшееся вечным 30-летнее правление

¹ См.: Богданов А.П. Русские патриархи (1589–1700). Т. 2. М. 1999. С. 42–314.

богомольного Алексея Михайловича (1645–1676), а царственный ученик Полоцкого начнет проводить в стране назревшие реформы «для общего блага и всенародной пользы»¹. Но уже то, что внимательный к книжности и бдительный в чинопочитании патриарх Иоаким Савелов (1674–1690) дозволил Симеону почтить память своего учителя в духе классической словесности, опираясь на богатый опыт западной, латинской схоластической поэтики, говорило ясно: культурные перемены при московском Дворе получили одобрение на самом «верху».

Алексей Михайлович еще в 1664 г. решил, что его Двору нужен поэт, который оживил бы дворцовые торжества звучными орациями, исполняемыми на разные голоса, а в 1670 г. отдал в научение Симеону своего любимого сына и наследника Алексея. В этот знаменательный год в жизнь государя ворвалась поздняя любовь, и вскоре юная царица Наталия Кирилловна оживила дворец голосами младенцев Петра и Наталии (1672–73), заодно распахнув двери запертого первыми царями Романовыми семейного Терема.

Увлечение молодой царицы пышными выездами и народными гуляниями, музыкой, танцами и театром вскоре отошло на второй план перед ещё более пламенной заботой о воспитании детей, в особенности сына, на которого канцлер А.С. Матвеев (1671–1676, 1682) сделал ставку в планах утверждения своей почти самодержавной власти. Едва ли не самым смелым нововведением Наталии Кирилловны стало начало обучения сына в «Материнской школе», теоретически рекомендованной и воплощенной в учебных пособиях «учителем народов» Яном Амосом Коменским. Вопреки твердо установленной на Руси традиции, особливо «крепкоутвержденной» в царском дворце, царица начала учить Петра не с пяти лет (все царевичи и царевны приступали к учебе на 6-м году), а **в три с половиной года!**

¹ См.: *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М. 1998. С. 13–246.

Это официально отмеченное молебном событие произошло 27 ноября 1675 г. в Кремлевском дворце, рядом с Чудовским монастырем, где неделей раньше прозвучала новая для Московской Руси *литературная эпитафия*. Даже те насельники и завсегдатаи Кремля, кто по уровню образования и склонности к анализу мог сопоставить эти революционные с точки зрения традиционной культуры события, не считали, что Россия переходит рубеж, вступая в новую четверть века – эпоху бурных преобразований. На дворе стоял 7184 год от Сотворения мира, начавшийся еще 1 сентября, да и культурные новшества при Государеве дворе были далеко не столь редки, как представлялось позднейшим исследователям.

Рубежный смысл событий конца 1675 г. стал совершенно ясен к 1705 г., в который московский Двор почти совсем зачах (т. к. чины Государева двора уже готовились перебраться в Петербург), его последний поэт Карион Истомина написал прощальную литературную эпитафию, а царь Петр перестал беспокоиться об образовании своего сына Алексея, в котором Наталия Кирилловна попыталась воплотить самые смелые педагогические замыслы. Страна в 1705 г., которым мы кончаем эту книгу вместе с использованными в ней материалами, жила по новому календарю, дворянство носило неоднократно вводившееся со времен царя Федора Алексеевича новое «служилое платье», а официальная идеология великой Российской державы, – постулаты которой были официально заявлены при венчании Федора на царство 18 июня 1676 г. и подтверждены при венчании Ивана и Петра в восставшей Москве 25 июня 1682 г., – уже наполняла радостный призыв к «общему благу» суровым требованием служить «государственной пользе».

Новшествам конца XVII в. в наступившем столетии не могло повезти с признанием со стороны духовно перебравшихся в Петербург культурных москвичей. Политически

нестабильную, а в социальном плане опасную «старину», сутью которой была борьба за выбор путей развития России, дворянство частично анафемствовало, но в основном стремилось забыть. Царь, его окружение и бюрократия, дворянское сословие надолго установили «к государственной пользе» военно-полицейскую и крепостническую диктатуру. До конца царствования Петра I, основные действующие лица которого учились и лично формировались в прошлом веке, постепенно, а потом уже стремительно и безапелляционно черты существующей культуры российского дворянства отрывались от реальных корней, воспринимаясь как нечто специально и целенаправленно созданное в петербургскую «эпоху преобразований».

Важным элементом дворянской культуры надолго стало представление о ее «особости», даже «заимствованности» с Запада, о принципиальном отличии новой, ищущей «сверху» и принадлежащей исключительно «верхам» культуры от бескультурья «темной и непросвещенной Московской Руси»¹. В действительности бо́льшая часть «верхов» первой половины XVIII в. (до выхода в свет выпускников Университета и высших военно-учебных заведений) не была столь уж просвещенной, а Россия перед началом ре-

¹ Идея насаждения «высокой культуры» была не нова и исповедовалась, подтверждаясь экспериментами, еще очень долго. В XVI–XVIII вв. ею руководствовались создавшие эффективную систему образования и не без успеха строившие теократические государства иезуиты. В XVIII–XIX вв. на этой ниве упорно трудились общества масонов и отличились «просвещенные монархи», начиная с отца немецко-русской структуры классического образования (гимназия и университет) Фридриха Великого. В первой половине XX в. вперед вырвались авторы «великого социального эксперимента» в России, во второй – пришел черед Запада, по которому после пятикратного увеличения числа студентов в США (а затем и других странах), прокатилась «молодежная революция».

форм Петра не была значительно более «темной» и культурно целостной (вопреки фантазиям «славянофилов», исходивших по сути из одних постулатов с «западниками»).

Материалы нашей монографии фактически доказали логически ясный тезис, что существенные изменения в культуре московского Двора, в первую очередь базирующиеся на просвещении, а потому выделяющие дворянство и ориентированные на Двор социальные круги среди основного населения страны, только лишь достигающего уровня грамотности, энергично и *без сопротивления «верхов»* шли всю последнюю четверть XVII; они скорее несколько затормозились, чем резко усилились в первые годы XVIII в.¹

Мы убедились, что полне сформировавшийся в изучаемый период жанр литературной эпитафии, принципиально отличной от многовековой традиции русских надгробных надписей, органично вошел в культуру «верхов» при московском Дворе. Он приспособился к менявшейся в то время моде на надгробия (из горизонтальных плит превратившихся в «саркофагообразные» памятники с текстом на вертикальных плитах, склонные перерастать в «столпы») и плавно, без каких бы то ни было трений перешёл в повседневную «высокую» дворянскую культуру Петербургского периода. Переход этот осуществился настолько полно, что тексты третьего придворного поэта XVII в. Кариона Истомина, написанные в конце 1680-х и 1690-х годах, всего на втором десятилетии бытования литературной эпитафии в России, стали настоящей классикой жанра. Если бы не некоторые изменения в языке, в XVIII и даже XIX вв. их можно было бы помещать на надгробия передовых россиян, гордящихся своей «новой», «петровской» культурой.

Эпитафии склонным к новизне членам царской семьи и архиереям, аристократам и чинам Думы, выдвигавшимся

¹ Так что *Д.С. Лихачев* не случайно оценивал I четверть XVIII в. как время некоторого «торможения» в развитии литературы.

на регулярной военной, дипломатической и административной службе дворянам и приказным, культурно ориентированным на Двор богачам и некоторым простым горожанам, – шли «в ногу со временем». А создававшаяся при Дворе под покровительством царицы Наталии Кирилловны новая система начального образования *опережала свое время*. Из всего продуманного комплекса учебных пособий, созданных в начале 1690-х гг. для детей царей Петра и Ивана, пошел в печать в дворцовой типографии, был воспринят Двором и стал классическим образцом для всех последующих сочинений этого жанра только Букварь Кариона Истомина.

Объяснение столь различному восприятию культурных инноваций «высшим светом» России (для эпитафий полному и безоговорочному, для учебных пособий – частичному и с серьезными содержательными изменениями) есть. Существенная его часть находится в источниках мысли создававших новые труды россиян и связана со стадиальными особенностями развития общеевропейской культуры.

Русская литературная эпитафия за первые три десятилетия своего существования отлилась в классическую форму потому, что такой общеевропейский жанр был вполне сформирован в наднациональной схоластической литературе на латинском языке. Студентам Киевских коллегий, – изучавшим опыты эпитафий по рукописным и печатным сборникам польских и белорусско-литовских авторов, упражнявшимся в написании подобных на латинском, польском и церковно-славянском языках, – эпитафия представлялась теми же разновидностями эпиграммы и орации, что школярам Карлова университета и Сорбонны. Требовался лишь поэтический и литературный талант, чтобы в чеканной форме воплотить общепризнанную классику в язык и понятия своего Отечества. При последующих многократных обращениях к эпитафии на других языках (в первую очередь немецком, французском и классических) россияне

они в принципе не могли найти в общеевропейском жанре ничего, чего не видели бы Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Игнатий Римский-Корсаков и Карион Истомин.

У схоластики были и свои, не раз отмеченные в исторической литературе, проблемы, проистекающие из твердо установленной системы обучения. Правило, пример, подражание, – эта крепкая цепочка связывала неокрепшие умы прилежных учеников, вроде Феофана Прокоповича, не находившего иного способа усилить формализованное содержание своих ораторских эпитафий Петру, кроме истерической эмоциональности¹. Из сравнения этих эпитафий Петру с надписью неизвестного автора в Архангельском соборе и «Плачем и утешением» Медведева на смерть царя Федора ясно следует, что наибольший успех в воплощении достижений жанра на национальном языке имели те, кому меньше приходилось зубрить его школярские образцы.

Двойной прорыв сквозь «препоны и рогатки» схоластики, – полезной для складывания общеевропейского образования, но мертвящей живую мысль и творчество, – совершил Карион Истомин. Не перегруженный, как Симеон и Игнатий, классическими знаниями, не обуреваемый философскими поисками истины, как Сильвестр, последний поэт московского Двора тоньше всех чувствовал русское слово и потребности общества. Эти высокие слова следует объяснить: они имеют реальный жизненный смысл.

Мы видели, какие близкие многолетние связи были у Кариона с его заказчиками и персонажами, начиная с двух патриархов, которым он неизменно служил личным секретарем, и аристократических семей, где его стихами и книгами из года в год пользовались взрослые и дети. Заказчики, особенно столь важных и горестных сочинений, как эпитафия, оказывали на автора сильное влияние; Истомин же

¹ См.: *Гребенюк В.П.* Панегирическая литература петровского времени. М. 1979. С. 279–300.

любил и умел к их чувствам прислушиваться. Поэтому ему и не приходилось, подобно Сильвестру, сочинять четырнадцатеричные эпитафии на смерть любимого учителя, дожидаясь, пока другой ученик Полоцкого, царь Федор, отвергнет их все и лично укажет, в каком духе и о чем следует писать. Истомин, оставаясь в русле классического жанра, отразил в зеркале смерти все те предпочтения (включая новые архитектурные формы надгробий) и соизмерения ценностей, которые реально имели культурные россияне, стремившиеся и в смерти сохранить на памятниках родичей и друзей черты своего нового стиля жизни.

Чертой литературного творчества Кариона был оптимизм, идущий, казалось бы, вразрез с горестным жанром¹. Но убеждение, что «зрением и потребством вещей человек веселится», призыв: «Веселися ты, страна добра росска, Радуйся народ царствия Московка!» – были в высшей мере востребованы Государевым двором и ориентированными на него слоями общества; они отразились в сочинениях всех признанных при Дворе литературных жанров. Сама сюжетная схема новой эпитафии (человек жил, жив, будет жить

¹ Ещё одним отличием новорожденной русской литературной эпитафии было полное отсутствие ироничности, – почти обязательной черты схоластической эпиграмматики, подразумевавшей (в рамках и интересах учебного процесса) некую игру ума, отстраненное формальное остроумие. В реальной – предназначенной для высечения на надгробии – русской литературной эпитафии эта черта так и не привилась. Заметив ее, мы никогда не ошибемся, определив текст как книжную эпитафию, составляющую в России особый жанр (в отличие от сборников реальных эпитафий, издававшихся в схоластических целях). Объяснение этому своеобразию как раз и кроется в принципиальном оптимизме православного отношения к «естественному закону», дарующему всем надежду на спасение (а позднейшим атеистам – на избавление). В связи с этим россиянам нет нужды прикрывать ужас ожидания обязательного конца земной жизни иронией.

вечно – и участвует в земной жизни) выразила мировоззрение настолько глубокое и укорененное в России, что почти любой текст Кариона Истомина можно без изменений высечь на могильной плите и сегодня.

Московский поэт сделал то, к чему веками с переменным успехом стремились национальные писатели и поэты Европы (и что ныне особо востребовано, хотя не ясно, к добру или к худу): он сформировал русский литературный жанр как живую часть мировой культурной традиции. Это не было «заимствованием культурного явления с Запада», – такое определение появилось после Кариона и скорее вводит в заблуждение, чем проясняет проблему «Россия в мировой культуре». В последней четверти XVII в. противопоставление «Россия и Запад» (Европа к западу от нашей границы) служило аргументом «мудроборцам»: крайне консервативным, «охранительного» толка противникам организованного европейского просвещения, которое несправедливо ассоциировалось с «латынскими и люторскими» конфессиями. Странников «регулярного» изучения наук и заведения в России высшего образования для пользы государства, Церкви и народа иноверие «Запада» не пугало¹, а при московском Дворе новинки западного зарубежья принимались столь же легко, как произведения Востока.

Раздвинув при Алексее Михайловиче границы до Полоцка и Киева на западе, Тихого океана на востоке, Россия во времена расцвета силлабической поэзии при Дворе была в полной мере *евразийской державой*. В этом качестве она имела одного своеобразного соперника – Османскую империю. Но османы вторглись в Европу из Азии, а наши соотечественники ощущали Россию уникальной *европейской* страной, уже «просвещающей» огромные пространства Азии и в перспективе способной «спасти и просветить» весь мир.

¹ Подробно: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 279–427.

Самоощущение «европейскости» россиян базировалось на тех же основаниях, что и у остальных европейцев, национальные культуры, литературы и литературные языки которых формировались с XII в. под сильным влиянием античного книжного наследия. Запад как часть Европы имел ряд полезных для развития «высокой» культуры особенностей: общий ученый язык (вульгарная латынь), одна церковная организация, ряд наднациональных правительств¹ и частично «общее» правящее сословие, благодаря которому провансальские трубадуры и рейнские миннезингеры равно адекватно воспринимались слушателями.

Но и Русь имела общий литературный язык со славянами Юго-Восточной Европы, а переводную книжность, по крайней мере до разгрома Византии крестоносцами, получала прямо из этого более богатого источника. Усиленный поиск культурных корней и создание общей культурной основы частично уже интегрированных указанными факторами западных европейцев в XV–XVI вв. известен как Возрождение. И россияне участвовали в схожем бурном процессе, скромно называемым «второе югославянское влияние». Как бы его не оценивать, славяне и культурные представители Запада сознательно припадали к одному источнику: классической греческо-римской книжности.

Когда в XVII в. на Западе процесс накопления и интеграции знаний увенчался Научной революцией², россияне вовсе не ощущали в себе побуждений остаться от нее в стороне. Напротив, они вполне естественно стремились использовать новейшие достижения в рамках *общеευропейского*

¹ Достаточно вспомнить, что король Англии Ричард Львиное Сердце бывал в Англии пару раз и провел там не более двух месяцев, а владыка Священной Римской империи германской нации Фридрих II Штауфен два раза ненадолго ездил в Германию, хотя дважды отправлялся в Святую землю.

² *Курсанов В.С.* Научная революция XVII века. М., 1987.

культурного наследия, которое справедливо считали своим. XVII век к востоку и западу от Полоцка прославлен не только мощными народными восстаниями, но не в меньшей мере – учёными писателями-энциклопедистами, сознательно формировавшими константы общей европейской, что и тогда означало – мировой культуры. Читавшие и писавшие в основном на латыни, но все шире использовавшие национальные языки, учёные писатели-энциклопедисты наводили над разрозненной Европой духовные мосты. Российские учёные литераторы, среди которых уровнем знаний и стремлением к их распространению выделяются Симеон Полоцкий и Игнатий Римский-Корсаков, служили тому же делу.

Энциклопедизм ещё не стал достоянием модных салонов аристократии (это характерно для XVIII в.), но просветительство уже процветало. Огромный вклад в эту своеобразную адаптацию знаний внесли национальные писатели и поэты, которые считали своим долгом воплотить достижения учёных энциклопедистов в национальных культурах, литературах и языках. Ограничиваться переводами из классиков (к тому времени почти целиком критически изданных на латыни и греческом) они не желали¹, стремясь по возможности включать всю систему знаний в живую, максимально близкую современному читателю литературу.

Позиция их имела философское обоснование: культуру нации подвижники-просветители рассматривали как культуру мировую; национальный язык и литература для них были равны мировому языку и литературе. Эти учёные, писатели и поэты, яркими представителями которых в России были Сильвестр Медведев и Карион Истомин, оказались правы. Достижения науки и литературы того времени

¹ На подобном ограничении, причем только переводами с греческого, в России горячо настаивал Евфимий Чудовский, напрасно ссылавшийся на пример Епифания Славинецкого и не устававший писать доносы на свободных «творцов».

вполне осознанно переводились не только с древних, но и с современных языков, причем новейшие сочинения, вроде перенесших античную традицию во Францию басен Жана де Лафонтена (12 книг издавались с 1668 по 1694 г.) по авторитету и популярности не уступали классике, а превосходили ее. Движение от литературного просвещения европейского масштаба к национальным поэтам и писателям было закономерным, более того, благотворным путем развития европейской культуры/литературы/поэзии.

Выдающимся примером успеха взаимодействия учёного-энциклопедиста с национальными культурами стали в XVII в. преимущественно латинские труды Яна Амоса Коменского, переведенные на многие языки Европы ещё при жизни «учителя народов» (1592–1670), который и сам владел немалым числом языков. Концепция великого педагога, самолично реализованная им в ряде образовательных программ и учебных пособий, в полной мере была частью Научной революции, поскольку, беря начало в общеевропейской схоластике, в значительной мере отвергала ее цели и особенно методы. Вместо «маленького взрослого», Коменский увидел в ребенке *постепенно* формирующуюся личность, как бы представителя нескольких разных миров, которому учитель должен помочь стать полноправным владелькой земного мира, «совершенным человеком».

Революционная и в лучшем философском смысле идеалистическая концепция Коменского ни в его время, ни много позже не могла быть воспринята педагогами (решающими задачи, практически поставленные перед ними обществом) во всей полноте. Большинство эпигонов заимствовало у него лишь удобство приёмов обучения. Но московский Двор Коменский, как мы выяснили, привлек именно теоретически, *идеальностью* своих стремлений, совпадающей с представлением об идеальных целях и условиях воспитания и обучения царских детей при первых Романовых.

Ни одного слова из «Мира чувственных вещей» или иных пособий Коменского, переизданных к тому времени по всей Центральной и Северо-западной Европе, не было использовано в поэтическом Триптихе Кариона Истомина для «Материнской школы» детей царей Петра и Ивана. Тем не менее, русский придворный поэт создал лучшее из основанных на идеях Коменского учебных пособий XVII в., оказавшее через созданный в одном комплексе с ним «Букварь» влияние на формирование национальной школы.

В первой главе II-й части книги мы показали, что появление Триптиха и всей системы образных учебных пособий Истомина не может быть объяснено на основе уже существовавшей в России учебной, педагогической, просветительной и поэтической литературы, без обращения к трактатам «учителя народов». Во второй главе привели основания, позволяющие считать, что инициатива обращения к предложенной Коменским концепции максимально доступного, в т. ч. невербального ознакомления 3–5-летнего ребенка с системой основных представлений о мире принадлежала молодой царице Наталии Кирилловне. Мать царя Петра и бабушка царевича Алексея, в свою очередь, могла уловить суть идей великого чеха именно благодаря тому, что в Кремлевском дворце был накоплен богатейший опыт образного дошкольного обучения детей, прослеженный по источникам с первых царевичей и царевен Романовых¹.

Множество познавательных картинок, прежде всего западных гравюр, специально закупалось с 1630-х гг. и окружало царских детей прежде, чем они начинали регулярное обучение. «Дошкольники» получали массу лучших из возможных тогда игрушек, среди которых все больше было

¹ Попутно выяснилось, что опыт воспитания царских детей оказывал сильное влияние на русскую школу в целом: Печатный двор издавал для всех «хотящих учиться отроков и отроковиц» учебные книги, разработанные именно для царевичей.

предметов, кукол и механизмов для познавательных и развивающих игр. К середине 1670-х гг., когда царица Наталия решила радикально нарушить традицию и начать обучение своих детей по рекомендации Коменского, с 3-х лет, западные гравюры уже были вытеснены из детского обихода сборниками картинок и целыми живописными энциклопедиями, специально создававшимися для маленьких царевичей и царевен лучшими художниками России. Однако у всего этого множества средств развития не хватало системности, общего замысла, которое сделало бы их применение целесообразным. Лишь в начале 1690-х гг., значительно более серьезно взявшись за воспитание внука, царевича Алексея, всевластная тогда царица Наталия нашла поэта, который смог в полной мере осознать идею «Материнской школы» и использовать все наличные на Руси средства, чтобы реализовать ее на отечественном материале.

Уже первая книга Истомина для маленького царевича Алексея и дочек царя Ивана – рукописный «Лицевой Букварь» – не имела аналогов в европейской педагогике. Это оригинальное учебное пособие, венчавшее развитие национальной традиции, опиралось на непосредственное восприятие. От узнавания изображенного предмета ученик переходил к его называнию с выделением букв, запоминая их звучание, начертание и сложение по «складам». Поэтический Триптих представлял следующий этап обучения ребенка, способного уже не только к непосредственному восприятию и запоминанию, но к чтению и «разумению» образно представленных, системно взаимосвязанных идей и понятий. В центре педагогической системы Триптиха находился не чувственно воспринимаемый через изображение предмет, а *образ*, рождающийся в совместном усилии телесного и духовного зрения, в сочетании изображения и стихотворного текста, сочетании элементов книги и книг в Триптихе. Аналогией произведениям Истомина был «Мир

чувственных вещей» Я.А. Коменского. Разными литературными и изобразительными средствами, отразившими не совпадающие, но равно восходящие к античности культурные традиции, оба автора стремились сообщить ученику *системе* наиболее общих понятий и представлений, которая становилась фундаментом дальнейшего обучения и познания.

Функционально «Мир» стоит между Букварем и Триптихом: он подразумевает наличие навыков чтения на родном языке и предлагает изучить систему латинских понятий, переходя от частного к общему. Букварь по сути частен: единство букв дает только алфавит. В книгах Триптиха ученик идет от изучения образов к пониманию их четко прописанной системы, настолько важной для автора, что между книгами прослеживается движение от общего к более частному (вера → церковь → знания). На уровне микрокосма первая часть, «Едем», определяет предназначение человека в божьем мире, вторая, «Екклесия» – его поведение, причастность к сообществу верных на земле; третья, «Град», представляет знания о земном мире, над которым человек поставлен царем, и познание которого есть его благое предназначение.

Последовательно реализованная в Триптихе (аналогично «Миру») идея образно-универсального обучения была взаимосвязана с его более точной, чем у Букваря, педагогической ориентацией: не только на этап обучения, но и на возраст ученика, определенную стадию развития сознания ребенка. Триптих Истомина даже более специализирован для «Материнской школы», чем учебник самого Коменского, и форма его, за счет продуманного использования стихотворных средств более функциональна. По содержанию Триптих ближе не к «Миру», а к научно-философским сочинениям русских и иностранных писателей-энциклопедистов, к которым принадлежал в России Симеон Полоцкий, а на Западе – Ян Амос Коменский.

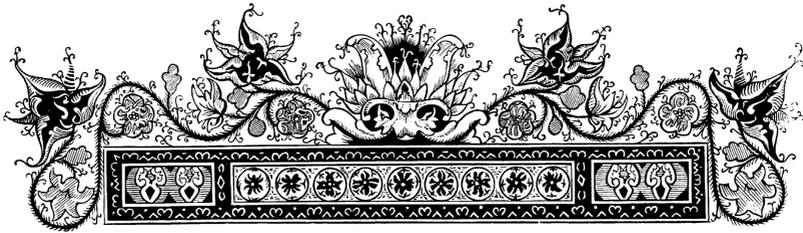
Следующему этапу обучения соответствовал иной подход Истомина к учебным средствам, отразивший постепенный перенос основной познавательной нагрузки на смысловое восприятие. В его Лицевой Библии сочетание картинок со стихами помогало ученику наглядно представить и запомнить важнейшие события Священной истории. Основное содержание «Акафиста в лицах» для обучения пению было представлено в стихах, а картинки служили иллюстрациями, призванными заинтересовать, привлечь ученика к тексту и самому предмету обучения. От Букваря к Триптиху, от Триптиха к Библии и «Акафисту», а затем «Малому букварю» и Букварю 1696 г., стихотворец постепенно переносил центр тяжести с непосредственного, «телесного», на логическое, «умное» восприятие материала.

Новому – школьному – этапу обучения соответствовал новый подход Истомина к учебным средствам. Первый учебник гимназической программы – «Малая грамматика» – начисто лишен иллюстраций и стихов. Карион по-иному проявил здесь заботу об облегчении усвоения материала, в соответствии с новым этапом развития сознания своего ученика. В отличие от современных поэту аналогов, текст последовательно очищен от множества затрудняющих понимание частных правил, каждое правило подкреплено примером, число иноязычных терминов сокращено, всем оставшимся дано русское разъяснение. Важнейшие тексты выделены расположением материала и киноварью. Аналогичный подход прослеживается и в других «гимназических» сочинениях Истомина, например – в сохранившихся среди черновиков его архива отрывках «Этимологии» и «Синтаксиса».

Благодаря изучению трудов придворного поэта в контексте современной ему литературы и всех доступных сегодня знаний о культуре Государева двора XVII в., перед нами раскрылась сознательная, продуманная и квалифицированная реализация русским автором принципа поэтап-

ного обучения (соответствующего основным этапам развития детской психики), выдвинутого Яном Амосом Коменским. Сочинения русского просветителя – плоть от плоти национальных культурных (литературных, учебных, изобразительных) традиций. В то же время их невозможно рассматривать в отрыве от главного наследия Коменского – его педагогических идей, глубоко усвоенных и творчески примененных Истоминым. Комплекс сочинений придворного поэта является выдающимся памятником русской культуры «переходного времени», отразившим ее закономерные, подготовленные всем предшествующим развитием достижения. Труды Истомина свидетельствуют о реальном функционировании педагогической мысли России в системе европейской педагогики. В XVII в. он был одним из немногих, кто смог последовательно, полно и органично реализовать на оригинальном учебном материале революционные и недостаточно усвоенные педагогами идеи Коменского.

Букварь и Триптих Кариона по замыслу и примененным в них средствам обучения стали в полном смысле шагом вперед в европейской педагогической практике. Однако первый оказал прямое и непосредственное влияние на все последующие российские пособия по обучению грамоте, а второй, как большинство сочинений придворного поэта, был прочно забыт. Это не удивительно: принятые при московском Дворе и положенные поэтом в основу сочинения идеология «православного самодержавного царства» и «органическая» теория единства монарха с народом, как частей одного тела, были использованы в России для завинчивания гаек военно-полицейской диктатуры, а у процесса «просвещения» самодержавия нашлись иные ориентиры. Сильные державные идеи XVII ст. были востребованы лишь в XIX в. при поисках выхода из глубокого кризиса дворянско-крепостнического государства, когда сочинения московских придворных поэтов уже канули в лету.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сокращения:

ап. – апостол; б. – боярин, боярыня; *библ.* – библейский персонаж; д. – дьяк; д. д. – думный дьяк; д. дв. – думный дворянин; дв. – думный дворянин; *имп.* – император, императрица; *кн.* – князь, княгиня; *ок.* – окольничей; *патриарх* – патриарх Московский и всея Руси; *св.* – святой, святая; *ст.* – стольник.

Абатур мурза, выходец из Большой Орды 57

Абрамов Н.А. 157

Аверкий, дьячѣк Благовещенского погоста, мемуарист 292

Авраам, праотец *библ.* 216, 249, 386

Агаркова Р.К. 28

Адам *библ.* 226, 248, 251, 317, 408, 437

Аделунг Ф.П. 179

Адриан (в миру Андрей, 1627–1700), архимандрит Чудовский, митрополит Казанский и Свияжский с 1686 г., патриарх с 1690 г., адресат эпитафии 28, 35, 38, 40, 53, 73, 81, 85, 90, 99, 103, 200, 227, 344, 366–368, 374, 383, 386

Адриан *св.* 229, 233

Азбелев С.Н. 299

Александр I Павлович, *имп.* 52

Александр Петрович, царевич (1691–1692) 343

Александр Ярославич Невский, великий *кн.* 63

Александров-Дольник К.О. 165

Алексеев М.П. 202, 203, 231

Алексеева М.А. 261, 263, 266

Алексей Алексеевич, царевич (1654–1670) 262, 311, 325, 328, 339, 458
Алексей Васильев, стрелец, мастер игрушек 315
Алексей Михайлович (1629–1676), царевич, царь с 1645 г. 5, 13, 30, 54, 148, 255, 262, 268, 280, 310, 312, 314, 319–322, 325, 337, 338, 368, 458
Алексей Петрович, царевич (1690–1718) 13, 32, 171, 198, 207, 215, 219, 223, 227, 231–236, 242, 248, 249, 252, 263, 265–269, 272, 310, 314, 316, 330, 333–335, 337, 340–348, 396, 398, 418, 421, 439, 459, 469, 470
Алексей Человек Божий 47, 227, 242, 326
Альбовский Е. 262
Альт Р. 239
Андрей Первозванный, св. ап. 63
Анна Иоанновна (1693–1740), царица, герцогиня Курляндская с 1710 г., имп. Российская с 1730 г. 13, 348, 350
Анна Михайловна (1630–1692), царица 315, 319, 321, 322, 325
Анна, игуменья Казанского Богородицкого монастыря 91
Анна, мать Девы Марии 402
Анна, первосвященник библ. 404
Антоний Радивиловский, украинский просветитель 250
Апраксин Фёдор Матвеевич (1661–1709), комнатный ст., фаворит Петра, генерал-адмирал (1708), граф (1709) 345
Аристов Н.Я. 165
Арсений (в миру дв. Антон Путилович Суханов, ум. 1668), патриарший архидьякон, Троицкий келарь, глава Печатного двора, собиратель рукописей, путешественник и публицист 295
Арсений Сатановский (из шляхетского рода Корецких), иеромонах Киево-Братского монастыря, переводчик 255
Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов, 1641–1703), архиепископ Холмогорский и Важский, учёный книжник 293
Афанасьев Пётр, государев живописец 328
Афанасьев Савва, мастер книжного дела, переплётчик 327
Бакланова Н.А. 65, 66, 84
Балтос Ян, иноземный купец 315
Бантыш-Каменский Д.Н. 302
Барсуков Н.П. 35, 293

Барятинский Юрий Никитич, кн., ок., позже б. и воевода 70
Баташовы, железные заводчики 171
Баузе Ф.Г., археограф, библиофил 203
Безмин Иван Артемьевич (ум. 1696), государев живописец 330
Безобразов А.И., ст., владелец фамильного архива 286
Белоброва О.А. 290
Белов Е.А. 165
Бельский Фёдор Фёдорович (ум. 1702), кн., адресат эпитафии
107, 109, 111, 112, 114, 116, 117, 126, 191, 392
Беляев И.Д., историк и археограф, его собрание 36
Беляев Л.А. 20, 37, 95–97, 102, 130–132, 142, 143, 175, 176, 179,
182, 187
Белянинов Памфил Тимофеевич, подьячий, с 1674 г. д. Посольского приказа, выучил царевича Фёдора письму 328
Берында Памво, составитель популярного «Лексикона» 255
Бецкой Иван Иванович, глава Академии Художеств 47
Бовыкин Никифор, государев живописец 329
Богданов А.П. 3, 4, 15, 22, 23, 26, 32, 34–36, 47, 49, 91, 128, 134–
136, 141, 144–148, 154–158, 161, 201, 204, 209, 218, 229, 231–
234, 237, 238, 242, 247, 250, 252, 260, 264, 266, 269, 283, 285,
288–290, 292, 294–297, 300, 301, 303, 305, 310, 313, 321, 328,
330, 339, 340, 457, 458, 465
Боголеп Адамов, иеромонах, затем казначей Чудовского монастыря, летописец 135
Богоявленский С.К. 57, 78, 154
Болконские кн., лит. персонажи, пародия на кн. Волконских 44
Болконский Андрей, кн., лит. персонаж 50
Борисов Ю.В. 5
Бочаров И.Н. 52
Брайловский С.Н. 27, 28, 40, 109, 205–207, 214–225, 236, 266, 275
Буганов В.И. 154, 161, 288, 291
Буйносовы-Ростовские кн., аристократический род 43
Буланин Д.М. 255
Бунин Леонтий, знаменитый гравёр конца XVII в. 11, 266, 320
Бурцов Василий Фёдорович, частный книгоиздатель, 319–323
Бутурлин Иван Андреевич (ум. 1696), ст., адресат эпитафии 54,
62, 63, 99, 108, 112, 114, 116, 117, 123, 126, 180, 193, 376–378

- Бутурлин Иван Иванович (1661–1738), комнатный ст. царя Петра (1686), премьер-майор Преображенского полка (1687), генерал 55, 63
- Бутурлин Фёдор Емельянович, ст. 62
- Бутурлина Анастасия Дмитриевна, супруга Ф.Е. Бутурлина 62
- Былинин В.К.* 133, 259
- Бычков А.Ф.* 344
- Варлаам, лит. персонаж 285
- Варсонофия Ивановна, игуменья 90
- Василенко А.* 299
- Василий Блаженный, св. 163
- Василий Великий, св. богослов 227
- Василий Иванович Шуйский (1662–1612), царь (1606–10), 33, 131
- Василий I Македонянин, византийский имп. 332, 344
- Василий, дьякон собора в г. Козлове, его семья, адресаты эпитафии: жена Мария, дети Федор, Иосиф, Анастасия, Евдокия, Мария 89, 91, 98, 101, 107, 109, 116, 126, 181, 186, 351, 352
- Васильев Алексей, стрелец, мастер игрушек 315
- Велинский Андрей (ум. 1700), 11-летний подьячий-вундеркинд, адресат эпитафии 78, 109, 112, 115, 117, 125, 186, 382, 383, 386
- Вельяминов-Зернов Даниил Андреевич 61
- Вельяминов-Зернов Иван Андреевич, ст. и воевода, адресат эпитафии 61, 191, 390, 391
- Вельяминов-Зернов Лев Андреевич 61
- Веселовский С.Б.* 33, 77, 78
- Виниус Андрей Андреевич, предприниматель, почтмейстер 342
- Вирсавия библ. 267, 334
- Владимир II Всеволодович Мономах великий кн. Киевский 11
- Владимирцева Анна Ивановна, супруга протопопа кремлёвского Успенского собора, адресат эпитафии 89
- Владыкин Андрей Денисович, казначей патриарший 75
- Возгрин В.Е.* 137
- Возницын Артемий Богданович, д. 74
- Возницын Прокопий Богданович (ум. 1702), д., д. д. (с 1690), «думный советник» (1698), адресат эпитафии 73, 74, 109, 115, 126, 187, 392–393
- Возницын Фёдор Богданович, подьячий 74

Волкова Федора Петровна, учительница царевны Наталии
Алексеевны 333

Волконская Александра Николаевна, кн., урождённая кн. Реп-
нина, супруга Г.С. Волконского 52

Волконская Анастасия Алексеевна, кн., супруга кн. Ф.Ф. Вол-
конского Меринова 54

Волконская Анна Ерофеевна, кн., урождённая кн. Солнцева-
Засекина, супруга кн. Ф.М. Волконского, адресат эпитафии
51, 52, 107, 108, 111, 112, 114, 126, 193, 383, 384

Волконская Е.Г. 49

Волконская Зинаида Александровна, кн., урождённая кн. Бело-
сельская-Белозерская, супруга кн. Н.Г. Волконского 52

Волконская М.Н., см. Толстая М.Н.

Волконская Мария Николаевна, кн., урождённая кн. Раевская,
супруга кн. С.Г. Волконского 52

Волконская Софья Семёновна, кн., урождённая кн. Мещерская,
супруга кн. С.Ф. Волконского 52

Волконские, кн., Рюриковичи Черниговской ветви, бояре и вое-
воды 44, 49, 51, 52, 111

Волконский Григорий Семёнович, кн., генерал 52

Волконский Кривой Фёдор Фёдорович кн., б., воевода, 51, 54

Волконский Меринов Федор Фёдорович, кн., б., воевода, лето-
писец 50, 290

Волконский Михаил Андреевич, кн., ок. 51, 108, 114, 384

Волконский Никита Григорьевич, кн., егермейстер двора 52

Волконский Николай Семёнович, кн., генерал 52

Волконский Петр Михайлович, кн., генерал-фельдмаршал 50

Волконский Семён Фёдорович, кн., генерал-аншеф 51–52

Волконский Сергей Григорьевич, кн., декабрист 52

Волконский Фёдор Константинович, кн., воевода 51

Волконский Фёдор Михайлович, кн., ст. 51, 63, 108, 113, 394–395

Волконский-Репнин Николай Григорьевич, кн., кавалергард,
генерал-губернатор Малороссии 50

Вольгаузен И., автор книги «Военное искусство пехоты» 328

Воронцов-Вельяминов Алексей Алексеевич, воевода 96–97

Воротынские кн., аристократический род 43, 176

Второв Н.Н. 165

Вяземский Никифор Кондратьевич, певчий дьяк, учитель царевича Алексея Петровича 345

Вяземский Петр Никифорович, учитель царевича Алексея Петровича 345, 346

Габсбурги, династия австрийских герцогов и имп. 308

Гаврилов Григорий, подьячий приказа Тайных дел 336

Гаден, Даниил фон, царский лекарь, казнён с сыном Михаилом в мае 1682 г. по обвинению в отравлении царя Фёдора 151

Галактионов И.В. 136, 284

Гамильтон, супруга А.С. Матвеева, мать А.А. Матвеева 8, 282, 337

Ган Иван, иноземец, мастер игрушек 315

Гвариент, имперский посол в Москве (1698–1699) 342

Ге Н.Н., живописец XIX в. 341

Гербенкова О. 308

Герман (в миру ст. Георгий Лутохин ум. 1692), келарь Чудовский, адресат эпитафии 63, 65, 90, 99, 106, 109, 186, 363

Гермоген, патриарх 294

Гиришберг В.Б. 19, 130

Глушакова Ю.П. 52

Годуновы, дворянский и царский род 33

Голенченко Г.Я. 263, 332

Голицын Василий Васильевич, кн., конюший б., канцлер и главнокомандующий (1682–1689) 8, 42, 43, 45, 59, 61, 69, 74, 136, 137, 140, 141, 161, 164, 167, 229, 232, 280, 284

Голицына Евдокия Ивановна, кн., б., супруга кн. В.В. Гольцына 45, 229, 232

Голицына Мария Фёдоровна, кн. 284

Голицыны, аристократический род 43, 45, 355

Головин Иван Петрович, ст. 96

Головин Михаил Петрович, б., судья Земского приказа 162

Головина Агафия (в схиме Анастасия), жена И.П. Головина 96

Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), ст., постельничий, государственный канцлер (с 1709), президент Коллегии иностранных дел, граф 55, 56

Головкин Иван Семёнович (ум. 1695), ст., постельничий, ок. (с 1689), б. (с 1692), адресат эпитафии 54–56

Головкины, мос. дворяне 55

Голосов Лукьян Иванович, адресат панегирика 228
Голосова Ирина Васильевна, супруга Л.Т. Голосова 228
Горбунов И.Ф. 295
Гордон Патрик (1635–1699), генерал, мемуарист 38, 297
Горн, Гильдебрандт фон (1655–1686), датский посланник в Россию, автор донесений 136, 141, 155, 156
Горюшкин Григорий, подполковник, убит в мае 1682 г. 152
Гофман И., немецкий книгоиздатель и книготорговец 300
Грабовский Себастьян, духовный поэт XVI в. 255
Гребенюк В.П. 463
Грибоедов Фёдор Акимович (ум. 1673), д., историк 289
Григорий Богослов, один из отцов церкви, теолог IV в. 96, 285
Грудцыны-Усовы, гостинный род 81
Гутменс Ян Янович, лекарь, разыскивался в мае 1682 г. по обвинению в отравлении царя Фёдора, но был прощён 151
Гюйссен, французский учитель царевича Алексея Петровича 346
Давид библ. 267, 334
Давыдкин А.В. 320
Дамиан (Демьян) св., покровитель учащихся 319
Данила дохтур – см. Гаден
Данилова Мария, староверка 292
Даудов Василий Александрович, ст., мемуарист 294
Дашков Андрей Яковлевич, д. дв., мемуарист 290
Демидова Н.Ф. 69, 76–78
Демин А.С. 282
Дмитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало, 1651–1709), св. митрополит Ростовский, богослов и публицист, 203, 285
Днепров Э.Д. 205
Довгалло Г. 206
Долгоруков Михаил Юрьевич, кн., б. 151
Долгоруков Юрий Алексеевич, кн., б. 151, 152
Долгоруков Яков Фёдорович, кн., дипломат 302
Долгоруковы кн., аристократический род 43
Дохтуров Андрей, полковник, убит восставшими в 1682 г. 152
Ева библ. 226, 248, 251, 317, 408
Евдокия (Ефросиния) Суздальская, св. кн. 228, 229
Евдокия Алексеевна, царевна (1650–1712) 325, 326

- Евдокия Иванова, старушка, адресат эпитафии 87, 105, 107, 109, 114, 117, 121, 177, 178, 181, 194, 195, 393, 394
- Евдокия Лукьяновна (Стрешнёва) царица (1626–1645) 315, 324, 325
- Евдокия Петровна, игуменья Ильинского вяземского м-ря 90
- Евдокия Фёдоровна (Лопухина, 1669–1731), царица (1689–1699) 32, 229, 233, 341–343, 398
- Евдокия Челищева, схимонахиня Вознесенского Московского монастыря 62
- Евдокия, дочь козловского соборного дьякона Василия 89, 352
- Евдокия, супруга Семёна Мырина, адресат эпитафии 86, 109, 186, 360
- Евстафий Плакида, св. 228
- Евтихеев Фёдор, государев живописец 327
- Евфимий (ум. 1705), иеромонах Чудовский, книжник и полевист 40, 228, 259, 467
- Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская, 1684–1727), любовница, с 1711 г. супруга Петра I, имп. с 1725 г. 346–348
- Екатерина Алексеевна, царевна (1658–1718) 326
- Екатерина Ивановна, царевна (1691–1733) 232
- Екатерина Медичи (1519–1589), королева Франции 338
- Екатерина, св. муч. 228, 232
- Елена Куракина, схимонахиня, кн. 49
- Елизавета, св. 216, 248, 251
- Елизарьев Ларион, пятисотный Стремянного полка 167
- Елина Ерофей, государев живописец 334, 335
- Епифаний Славинецкий (нач. XVII в. – 1675), иеромонах Чудовского монастыря, поэт, переводчик, оратор, богослов, адресат первой литературной эпитафии 10, 21, 23, 35, 110, 132, 178, 203, 285, 457, 467
- Епифаний (сожжен 1682), инок Соловецкого монастыря, старовер, союзник и духовный отец Аввакума 292
- Ермолов Леонтий, ст., полковник (его стрелецкий полк) 159, 162
- Желябужский Иван Афанасьевич (1638 – после 1709), ок., видный администратор, дипломат и мемуарист 155, 162, 163, 166, 179, 296, 297
- Забелин И.Е.* 12, 19, 31, 134, 221, 262, 263, 267, 286, 306, 307, 317–319, 322, 324, 325, 327, 329, 331, 332, 334, 336, 338, 344, 346

Загряжская Мария Ивановна, супруга ст. И.Ф. Загряжского 96
Загряжский Иван Фёдорович, ст. 96
Звонарева Л.У. 133, 259
Зизаний Лаврентий, составитель популярного «Лексикона» 255
Зиновьев Григорий Петрович ст. и воевода 61, 108, 112, 387, 388
Зиновьева Мария Тимофеевна (ум.), супруга ст. Г.П. Зиновьева, адресат эпитафии 61, 108, 126, 189, 387, 388
Зиновьевы, московские дв. 61
Змеев Венедикт Андреевич (ум. 1697), думный генерал, ок. (с 1682) 58, 60, 61
Золотарёв Карп, государев живописец 329, 330
Зотов Никита Моисеевич (ум. 1717), д., д. д. (1681), д. дв. и печатник (1701), затем генерал-президент Ближней канцелярии (1710), воспитатель Петра, «князь-папа» «всешутейшего и всепьянейшего собора» 263, 304, 328, 329, 331, 336, 338
Зубов Василий Ильич 97
Зубов Данило Иванович 96
Зубов Илья Иванович 97
Иван Алексеевич (1666–1696), царь с 1682 г. 13, 31, 36, 61, 66, 145–146, 149–151, 155, 165, 232–233, 280, 326, 339, 340, 347–348, 459, 462, 469, 470
Иван III Васильевич, великий кн. Московский 306
Иван IV Васильевич Грозный, царь 33, 131, 298, 306, 312
Иван Иванович, царевич, убит отцом в 1581 г. 312
Иван Михайлович, царевич (1633–1639) 312, 314, 323, 324
Иванов Василий Илларионович, ст., казнён в 1682 г. 152
Иванов Василий, государев живописец 334
Иванов Петр, мастер игрушек из Огородной слободы 316
Иванов Тихон, жалованный иконописец Оружейной палаты 267, 334
Иванов Яков, стряпчий Кормового дворца 67
Иванов, Ларион Иванович (казнён в 1682), д.д. с 1678 г. 151
Игнатий (в миру ст. Иван Степанович Римский-Корсаков, ок. 1639–1701), архимандрит Спасо-Ярославский (1683–1684), Новоспасский (1685–1692), митрополит Сибирский и Тобольский (1692–1700), учёный историк, публицист и поэт 22, 35, 37, 38, 40, 142, 191, 247, 288, 289, 293, 360, 463, 467

Игнатий, архиепископ Ростовский 170–171
Иисус Сирах, пророк библ. 437
Илия, пророк библ. 406
Иоаким (в миру дв. мос. Иван Петрович Савёлов, 1621–1690),
патриарх с 1674 г., адресат эпитафии 22, 28, 29, 34–38, 75, 99,
107, 108, 110, 111, 116, 126, 142, 156, 157, 181, 190, 191, 200,
204, 233, 235, 257, 262, 264, 293, 332, 340, 358–360, 457, 458
Иоаким, отец девы Марии 402
Иоанн Богослов, ап. евангелист, покровитель учащихся 216, 319
Иоанн Златоуст, св. отец церкви, богослов IV в. 419, 420
Иоанн, митрополит Черниговский 62
Иоанн Предтеча (Креститель) 216, 248, 251
Иоанн Секунд, поэт эпохи Возрождения 254
Иоасаф, царевич, лит. персонаж 285Ю 326
Иов (в миру д. дьяк Яков Аверкиевич Кириллов, ум. 1693),
схимонах, до схимы наместник Донского монастыря, адресат
эпитафии 65, 73, 89, 99, 107, 109, 190, 366, 367
Иов (ум. 1721), иеромонах Чудовский, учёный книжник 62, 285
Ирина Михайловна, царевна (1627–1679) 315, 318, 319, 321,
322, 328
Ирина, св. 228
Исаевич Иван Иванович, «гостинный сын» (сын И. Исаевича),
адресат эпитафии 85, 109, 126, 182, 187, 383, 384, 386
Исаевич Иван, гость 85, 109, 383
Исайя Толский, книжник 228
Исидор Сназин, иеромонах Чудовского монастыря, автор Ма-
зуринского летописца 147, 162, 164, 289, 290
Казакевич А.Н. 169
Калмыков Иван Клементьевич, промышленник 84
Калмыков Иван Никитич, подросток 84
Калмыков Климентий Прокофьевич (ум. 1701), гость, адресат
эпитафии 82, 84, 85, 109, 112, 187, 386, 387
Калмыков Никита Прокофьевич, промышленник 83, 84
Калмыков Фёдор Прокофьевич, промышленник 83, 84
Калмыковы, торгово-промышленная фамилия 82–86
Каменева Т.Н. 263
Каменский Николай Михайлович, граф, генерал 50

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–44), кн., поэт и философ 47
Кантемир Дмитрий Константинович (1673–1723), кн., писатель 47
Каргалов В.В. 304
Карион Истомина (1640-е – 1718 или 1722), иеромонах Чудовского монастыря, придворный поэт, книгоиздатель, секретарь патриархов 6, 8, 10–14, 27–29, 32–38, 40, 45–49, 51, 53–57, 59, 61–66, 70–72, 74–75, 77–82, 85–107, 110–119, 121, 123, 124, 126–128, 133, 142–143, 173–175, 177, 178, 180–182, 184, 187, 189, 190–196, 199, 200, 201, 204–209, 211, 214–231, 234–261, 264–278, 282, 284, 285, 305, 306, 320, 325, 330, 333–335, 341, 343, 344, 347, 348, 360, 396, 419, 422, 435, 436, 459–473
Карлович, генерал-майор, саксонский посланник 345
Кашин Н.И. 171
Келлер Иоганн Вильгельм фан, барон, нидерландский резидент в Москве 300
Кибалова Л. 308
Кикин Петр Васильевич, дв. 170
Кирилл св., создатель славянской азбуки 323
Кирилл Транквилион-Старовецкий, восточноевропейский просветитель 255
Кириллов Аверкий Степанович (ум. 1682), гость, д.д. (1676) 71, 72
Кирилловы, род купцов, подьячих и дьяков 71, 73
Кирсанов В.С. 133, 209, 466
Киселев Н.П. 239, 269, 332
Кичигин Александр Нестерович, суздальский архиепископский сын боярский, книголюб-историк 299
Клепиков С.А. 264
Клобуков Василий (ум. 1691), подьячий Посольского приказа (1675–1691), адресат эпитафии 77, 109, 115, 117, 126, 177, 182, 192, 361–363
Клобуков Иов, подьячий 77
Клобуков Топорков Тимофей Григорьевич, сын боярский, д. 77
Козьма св., покровитель учащихся 319
Колачников Иван Васильевич (ум. 1702), «страж» Астраханского собора, адресат эпитафии 87, 88, 91, 117, 177, 194, 388–390
Коллинс Самуил, царский врач, автор записок о России 262
Колумб, Христофор, мореплаватель 244

Кольбер Жан Батист (1619–1683), генеральный контролёр финансов, управлявший Францией с 1665 г. 8

Коменский Ян Амос (1592–1670), выдающийся чешский педагог, «учитель народов» в теории и практике образования 4, 12, 32, 200–209, 239–240, 247, 261, 264–266, 269–270, 272, 273, 275–276, 305, 335–337, 339, 458, 468–471, 473

Константин IV Багрянородный, византийский имп. 344

Константинов Н.А. 208

Копреева Т.Н. 291

Корб Иоанн Георг (Korb J.G.), секретарь австрийского посольства в Москве (1698–1699), мемуарист 300, 304

Коровьин Степан Яковлевич, ст. 84

Коростель Иона 97

Косагов Григорий Иванович, думный генерал 61, 286

Косой М.А., московский записной каменщик, затем фискал 163

Костомаров Н.И. 341, 342, 347

Котошихин Г.К., эмигрант, автор памфлета о России 280, 282

Кочетков И.А. 176

Кошелева О.Е. 205, 279, 287

Крамми Роберт (Crummey, Robert O.) 341

Крекишин Н.П. 172, 263, 328, 331, 337, 338

Крип'якевич Р.Я. 221, 261

Кристиан V, король Дании 136

Кровков Матвей Осипович, ст. комнатный (1672), генерал, воевода в Якутске (1683–1700) 58, 61, 286

Крылов Василий, мастер игрушек 315

Крюль Дж. (Cull J.), английский историк, автор сочинения и России 1699 г. 300, 301

Кудрявцев И.М. 76

Куракин Борис Иванович (1677–1727), кн. дипломат, историк и мемуарист 47–49, 69, 165, 297–298, 303

Куракин Василий Михайлович, кн., ребёнок, адресат эпитафии, 48, 109, 114, 117, 125, 182, 185, 375

Куракин Михаил Иванович кн., ст., поручик, адресат эпитафии 48, 54, 99, 108, 114, 117, 126, 182, 185, 375

Куракин Ф.А., кн., обладатель фамильного архива 69, 165, 297

Куракин Фёдор Фёдорович, кн., б., 49

Куракина Евдокия Андреевна, кн., урождённая кн. Масальская, супруга кн. Ф.Ф. Куракина 49, 284

Куракина Ксения Федоровна, урождённая Лопухина, супруга кн. Б.И. Куракина, 49

Куракины, аристократический род 43

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), кн., б. и воевода, историк и публицист 244, 298

Кутузов Михаил Илларионович, генерал-фельдмаршал 50

Лабозная Феодосия, супруга М. Лабозного, адресат эпитафии 85, 109, 182, 186, 354, 356

Лабозный Максим, «гостинный сын» (купец), 85, 109, 113, 356

Лаврентьев А.В. 144, 147, 148, 159, 163, 170, 172

Лазарев Андрей Фирсович 97

Лазарева Александра Петровна (в иночестве Анастасия), урождённая Стюнеева, супруга А.Ф. Лазарева 97

Лазарева Мавра Петровна, дочь А.Ф. Лазарева 97

Лазарева Наталия Петровна, дочь А.Ф. Лазарева 97

Лазаревский А. 158

Ламарова Е. 308

Лаптева Л.П. 140

Лафонтен Жан де (1621–1695), французский литератор 468

Лев VI Философ, византийский император 332, 344

Лелекова О.В. 176

Ленотр Жорж 5

Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин), архимандрит 223

Леонид, царь Спарты, герой Фермопил 119

Леонтий Боболинский, иеромонах украинских монастырей, составитель Черниговской летописи 158, 159

Леонтьев Василий Юрьевич, ок., адресат эпитафии 54, 55, 57, 108, 114, 116, 182, 186, 380

Леонтьев Иван Юрьевич, ок., адресат эпитафии 54, 56, 57, 99, 108, 114, 116, 182, 187, 190, 267, 334, 378–380

Леонтьев Фёдор Иванович, ок., воевода 57

Леонтьевы, род московских дв. 57, 58

Лермонтова Е.Д. 144

Лефорт Франц Яковлевич (1656–1699), на русской службе с 1678 г., генерал-адмирал (1695), фаворит Петра 303, 304, 341

Лжедмитрий II, самозванец, 51
Лихачёв Алексей Тимофеевич, ок., просветитель, историк 289
Лихачев Д.С. 244, 461
Лихуды, Иоанникий и Софроний, греки, учителя 40, 203, 204
Ловягин А.М. 179
Лопухины, дворянский род 44
Лордкипанидзе Д. 239
Лукичёв М.П. 136
Лукьяненко В.И. 266
Лукьянов Петр (ум. 1697), донской казак 166, 168, 169
Луппов С.П. 284
Луцик Ф.Ф. 221, 261
Лызлов Андрей Иванович (ум. после 1697), ст., участник трёх войн с Турцией, учёный историк и переводчик 301
Людовик XIII, король Франции (1610–1643) 338
Людовик XIV, «король-солнце» Франции (1643–1715) 4, 5, 7, 338
Мазепа Иван Степанович (1644–1709), гетман Левобережной Украины (1687–1708) 171, 264
Майков П.М. 297
Максим Грек (в миру Михаил Треволис, ок. 1470–1555), писатель, публицист и переводчик XVI в. 255
Малов А.В. 58, 286
Мардарий Хоников, учёный монах, библиотекарь и справщик Печатного двора (1676–1685), поэт, переводчик и автор стихов к лицевой Библии Пискаatora (1679) 216, 249
Мария Алексеевна, царевна (1660–1723) 326
Мария Дева (как Мать Бога не учтена) 216, 231, 234, 248, 250, 251, 253, 268, 274, 366, 401–405, 413, 414, 417, 422, 455
Мария Египетская св. 326
Мария Ильинична (Милославская, 1626–1669) царица (с 1648) 326, 327, 337
Мария Медичи (1573–1642), королева Франции 338
Маркевич А. 288
Маркелл, архиепископ Суздальский, митрополит Псковский и Изборский, затем Казанский и Свяжский (1690–1698), адресат эпитафии 29, 37, 38, 40, 99, 101, 107, 108, 110, 114–116, 122, 126, 178, 181, 184–186, 381, 382

Мартынов Фёдор (ум. 1691), евремовский сын боярский, адресат эпитафии 69, 113, 187, 361

Марфа (Ксения Ивановна Романова, в девичестве Шестова), «великая старица», мать царя Михаила Фёдоровича 313

Марфа Алексеевна, царица (1652–1707) 228, 326

Марфа св. 228

Маслов С.И. 255

Матава Вера Григорьевна, супруга Ивановича Матава 96

Матава Иванович 96

Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728), граф, дипломат, мемуарист 44, 144, 148, 171, 172, 282, 291, 299

Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682), б., канцлер (1671–1676) 8, 30, 31, 44, 73, 151, 171, 280, 291, 337–340, 458

Матвеев Фёдор, государев живописец 327, 329

Маффет, немецкий проповедник XV в. 255

Медынский Е.Н. 206

Мезецкая Соломонида Петровна, б., кравчая царицы Евдокии Лукьяновны 324

Мейерберг, Августин фон, барон, имперский посол в Россию, автор её описания (с гравюрами И.Р. Сторна) 179

Мелетий (в миру Максим Герасимович Смотрицкий, 1577–1633), западнорусский просветитель и публицист, автор славянской Грамматики 269, 333

Меншиков Александр Данилович, фаворит Петра 63, 346–348

Меркатор, издатель популярного в России XVII в. Атласа 285

Мещерские, княжеский род московских дворян 64, 80

Мещерский Иван Иванович кн. 63, 80,

Милославские, московский дворянский род 44, 45, 309

Милославский Иван Михайлович (ум. 1685), б. 166, 168

Мильготина Л.З. 292

Митюров Б.Н. (Mitjurov B.N.) 202

Михаил Фёдорович (Романов, 1596–1645), царь с 1613 г. 8, 268, 306, 308, 312, 313, 325

Михаил, св. кн. Черниговский 44, 51, 111

Михайловский И.Н. 259

Моисей, пророк библ. 406

Мольер (Жан Батист Поклен, 1622–1673), франц. драматург 6

Монс Анна, любовница Ф.Я. Лефорта и царя Петра 341
Мордовцев Д.Л. 206, 319
Морозов Б.Н. 279, 286, 287
Морозов Борис Иванович б., дядька царевича Алексея Михайловича, правитель (1645–1648) 8, 262, 283, 286, 319–321, 337
Морозова Феодосия Прокофьевна (инокиня Феодора), в девичестве Соковнина, б., жена б. Г.И. Морозова, староверка 292
Морозовы, аристократический род 43
Мымрин Семён, посадский (?) 86, 107, 360
Мымрина Евдокия, супруга С. Мымрина, адресат эпитафии 86, 107, 109, 113, 126, 186, 360
Нарышкин Алексей Иванович, б. 346
Нарышкин Афанасий Кириллович (ум. 1682), ст., спальник 151
Нарышкин Иван Кириллович (1658–1682), б. оружничей 151, 152
Нарышкин Кирилл Полуэктович (1623–1691), ок., отец царицы Наталии 30, 57
Нарышкин Лев Кириллович (1664–1705), б., брат царицы 170, 342
Нарышкин Федор Полуэктович, стряпчий 30
Нарышкина Анна Леонтьевна, в девичестве Леонтьева, супруга К.П. Нарышкина, мать царицы Наталии 57
Нарышкина Евдокия Петровна, урождённая Гамильтон, супруга Ф.П. Нарышкина 8
Нарышкины, дворянский род 30, 31, 44, 57, 72, 233, 340, 343
Наталия Алексеевна, царевна (1673–1716) 231, 233, 328, 333, 336, 343, 344, 347, 383, 458
Наталия Кирилловна (Нарышкина, 1651–1694), царица, супруга царя Алексея Михайловича (1671–1696), правительница России (1689–1694), мать Петра I и воспитательница царевича Алексея Петровича, адресат эпитафии 8, 11, 13, 22, 29, 30–32, 37, 55–57, 68, 99, 108, 110, 121, 142, 165, 181, 186, 229, 230, 233, 234, 265, 279, 309, 314–316, 335–338, 340–342, 368, 369, 398, 458, 459, 462, 469, 470
Наталия св. 229, 233
Наум пророк, покровитель учащихся 319
Наумов Фёдор Васильевич, дв., книголюб 285
Нейгебауер Мартин, немецкий учитель царевича Алексея Петровича 345, 346

Неплюев Леонтий Романович, б., воевода 61
Неплюев Семён Протасович, д. дв. и воевода, мемуарист 295
Николаева Т.В. 19, 130
Николай I Павлович, имп. Российский 171
Николай, св. еп. Мирликийский 228
Никон (Никита Минов, 1605–1681), патриарх 293, 321, 330
Никонов Кузьма Фомич и его семья, адресаты эпитафии (1702)
86, 99, 105–107, 109, 112, 175, 181, 185, 191, 391
Новиков Н.И. 291
Новосельский А.А. 286
Ободаев Ивша 97
Оболенский М.А. 297
Оглоблин Н.Н. 295
Одоевские кн., аристократический род 43
Одоевский Никита Иванович (ок. 1605–1682), кн., б. 283
Озеров Иван, подполковник московских стрелов 172
Онофриев Захарий д. 96
Онофриева Мария (в постриге Марфа), супруга д. З. Онофриева 96
Опочинин Ф.К. 296
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (в иночестве Антоний, 1605/06–1680) б., канцлер (1667–1671), экономист, дипломат, автор писем, мемуарист 73, 280, 284, 290, 291
Ордины-Нащокины, дворянский род 44
Павел, митрополит Сибирский и Тобольский, адресат эпитафии 37
Павел, ап. 419, 437
Паисий Сийский, иеромонах Чудовский, старший надзиратель за патриаршей казной 75
Панин Василий Никитич, д. дв. и воевода 70
Панин Иван Иванович, д. дв. и воевода 70–71
Панина Анна Юрьевна, вдова В.Н. Панина, адресат эпитафии 71
Панины, московские дворяне 70
Панкратьевы, гостиный род 81
Панченко А.М. 21, 344
Параскева преп. 232
Пекарский П.П. 269, 298
Пелагея, супруга М.И. Родостамова, адресат эпитафии 78, 109, 126, 191, 187, 386

Пентковский А.М. 269, 329–330, 344
Перепечин Прохор, царицын сын боярский 324
Петр I Алексеевич (1672–1725), царь с 1682 г., имп. 3–5, 10–12, 30–33, 36, 45, 48, 53–57, 60, 61, 63, 66, 68, 74, 76, 80, 84, 99, 110, 112, 144–146, 149, 150, 155, 164–166, 169–173, 183, 189, 204, 227, 232, 233, 235, 243, 262–265, 279–280, 286, 295, 297, 301–304, 309, 312, 328–333, 336–348, 368, 374, 398, 458–463, 469
Петр II Алексеевич (1715–1730), имп. с 1727 г. 171, 347
Петр Могила, митрополит Киевский, просветитель 259
Петрикеев Д.И. 286
Пискатор (1586–1652), издатель Лицевой Библии (1650) 249
Пискунов А.И. 239
Подборский Л.И., польский учитель в доме Матвеевых, возможный автор донесения Франциску Мартелли 148
Подъяпольский С.С. 176
Поздеева И.В. 320
Покровский А.А. 332
Попадья Василий 97
Попов Н.П. 37
Поссельт М.Е. 297
Прасковья Фёдоровна (Салтыкова, 1664–1723), царица (с 1684), супруга Ивана Алексеевича (1684–1696) 347
Пресняков А.Е. 318
Прозоровская Ирина кн. 348
Прозоровские кн., аристократический род 43
Прозоровский А.А. 22
Прокофьев Василий Сергеевич, д., учитель царевича Алексея Михайловича 319
Пронские кн., аристократический род 43
Пронский Михаил Петрович кн., б. 284
Пушкарёв Л.Н. 210, 212
Пушкин Александр Сергеевич, поэт 52
Пушкин Фёдор Матвеевич (ум. 1697), ст. 166, 168
Пушкина Пелагея Ивановна, книголюбка 284
Пушков В.П. 320
Раби Ф.Дж.Е. (Raby F.J.E.) 254
Радзивилл Альбрехт Станислав (1595–1656), гетман, мемуарист 50

Разин Степан Тимофеевич, вождь народного восстания 62, 70, 168
Резанов В.И. 254
Репнин Николай Васильевич, кн., генерал-фельдмаршал 50, 52
Репнины кн., аристократический род 43
Ричард I Львиное Сердце, король Англии и Аквитании 466
Робинсон А.Н. 5, 292
Ровинский Д.А. 221, 222, 262, 266
Рогожин Н.М. 136
Родников В. 202
Родостамов Михаил Иванович, подьячий, затем д. Посольского приказа (1689/90–1700) 75, 78, 109, 181, 386
Родостамова Пелагея (ум. 1697), супруга М.И. Родостамова, адресат эпитафии 78, 109, 126, 181, 187, 385, 386,
Рожин Фёдор (ум. 1697), стрелец 166, 168, 169
Романов Никита Иванович, б., книголюб 283
Романов Савва, проповедник и историк старой веры 292
Романовы, аристократический и царский род 13, 31, 33, 43, 306, 307, 323, 325, 344, 458, 468, 469
Ромодановские кн., аристократический род 43
Ромодановский Григорий Григорьевич (разорван толпой 1682), кн., б., воевода 42, 61
Ромодановский Федор Юрьевич (ум. 1717), кн., ст., «князь-ке-сарь» и московский наместник царя Петра 169, 303, 304, 340
Ртищев Фёдор Михайлович (1626–1673,) ок., постельничей, дворецкий, знаменитый меценат 8, 283, 325
Рязанец Степан, государев живописец 327
Рязанец Тимофей, государев живописец 329
Савеловы, городовые дворяне 34
Сазонова Л.И. 224–226, 236, 244–247, 264
Салтанов Иван (Богдан), царский живописец 18, 23, 33, 134, 135, 138, 310, 312, 330
Салтыков Петр Михайлович б. 152
Салтыков Фёдор Петрович, комнатный ст. 152
Салтыков-Щедрин М.Е. 266
Салтыковы, аристократический род 43
Самсон, митрополит Астраханский и Терский 88
Сафонов Михаил Матвеевич, вяземский дв., мемуарист 290

- Сахаров И.П.* 172, 263, 291, 329, 338
Свенцицкая В. 221, 262
Свида, составитель популярного на Руси «Лексикона» 255
Семевский М.И. 49, 69, 296, 347
Семенников Порфирий Трофимович (ум. 1695), д. Патриаршего казённого приказа (1671–1686), адресат эпитафии 74, 75, 99, 102, 109, 112, 114, 115–116, 121, 126, 189, 369–371
Сенявин Наум Акимович, вице-адмирал, мемуарист 296
Сергий, архиепископ Новгородский 19
Сергий, приказный игумен Государева печатного двора, адресат эпитафии 89, 90
Силин Григорий, пятидесятник Стремянного полка 167
Сильвестр (в миру Симеон Агафонникович) Медведев (1641–1691), строитель Заиконоспасского монастыря, просветитель, историк, библиограф, книгоиздатель, придворный поэт 6, 10, 22–28, 38, 40, 92, 101, 115, 124, 127, 133, 134, 142, 149, 159, 162, 163, 173, 184, 190, 196, 199, 247, 260, 284, 463, 464, 467
Симеон Богоприимец, библ. 248, 251
Симеон Полоцкий (1629–1680), строитель Заиконоспасского монастыря, просветитель, придворный поэт, царский учитель, книгоиздатель 6, 10, 21–27, 35, 40, 54, 92, 101, 110, 115, 124, 127, 132, 133, 142, 144, 147, 173, 176–178, 184, 185, 190, 196, 199–202, 216, 248–251, 255, 259, 260, 263, 269, 272, 280, 283, 285, 322, 326, 328, 332, 333, 338, 457–459, 463, 467, 471
Симеон, митрополит Смоленский 37
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, б., воевода 131
Сменцовский М.П. 204
Смолянинов Лука, государев живописец 334
Снегирев И.М. 19, 23, 139, 221, 262, 324, 325
Собакин Григорий Никифорович, б., мемуарист 291
Собакин М., действительный статский советник 317
Соболевский А.И. 65, 66, 259, 298
Соковнин Алексей Прокофьевич (казнен 1697), ок. 165–169
Соковнин Василий Алексеевич (казнен 1697) 165
Соловьёв С.М. 346
Софья Алексеевна, царевна (1657–1704), регентша (1682–1689) 10, 23, 25, 30–33, 40, 45, 53, 57, 61, 63, 68, 69, 72, 134, 140, 144,

149, 154–157, 159, 161, 162, 164–167, 199, 204, 218, 230, 233,
247, 250, 279, 280, 292, 297, 303, 315, 326, 330, 332, 339, 340
Софья Михайловна, царевна (1634–1636) 315
Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович (1636–1708), писа-
тель и переводчик Посольского приказа (с 1671) 259
Сперанский А.Н. 140
Степанка, задворный конюх 312
Стефанов Артемий, дьяк приказа Большой казны (1691–1696) 78
Стефанов Дмитрий, подьячий (1654), затем д. приказа Большой
казны (1681–1683) 78
Стефанов Иван, подьячий приказа Большой казны (1681–1696) 78
Стефанов Никифор, подьячий приказа Большой казны 77, 109,
113, 369
Стефанов Петр, подьячий приказа Большой казны (1663) 78
Стефанова Ксения (ум. 1694), супруга подьячего Н. Стефанова,
адресат эпитафии 77, 109, 113, 116, 186, 369
Стефановы (Степановы), служащие приказа Большой казны 78
Сторн И.Р., гравёр Альбома Мейерберга 179
Стремичевский Петр Дмитриевич (ум. 1690), ст., рейтарский
полковник Белгородского разряда, адресат эпитафии 61, 107,
109, 114, 120, 181, 186, 357, 358
Стрешнев Тихон Никитич (1649–1719), дядька царевича Петра,
ст., д. дв. (с 1672), б. (с 1688) 228, 303, 331, 342, 343
Стрешнева Екатерина Богдановна, б., жена Т.Н. Стрешнева 228
Стрешневы, дворянский род 44
Строганов Григорий Дмитриевич, именитый человек, глава ро-
да и владелец всех его богатств 79–81, 113, 116, 193, 364–366
Строганова Васса Ивановна (ум. 1693), урождённая кн. Мещерс-
кая, супруга именитого человека Г.Д. Строганова, адресат эпи-
тафии 65, 79, 80, 99, 105, 108, 112, 116, 117, 181, 193, 364–366
Строгановы, именитые люди XVI–XVII вв. 79, 85
Стюнеев Петр Константинович 97
Тарабрин И.М. 12, 230, 318, 337
Тарасий Авушев, схимонах Чудовского монастыря, адресат
эпитафии 90, 106, 109, 186, 351
Татевы, дворянский род 46, 185, 356
Татищев В.Н. 140

Татьяна Михайловна, царевна (1636–1706) 8, 230, 232, 235
Татьяна, св. муч. 230
Тейнер, Августин (Augustin Theiner) 299
Темкин Д.А. адресат эпитафии 54
Темкины-Ростовские кн., аристократический род 43
Тиханов (Тихонов) Кирилл, д. Оружейной палаты 267
Тихомиров М.Н. 147, 292, 297
Тихон, св. еп. Амафунский 228
Тихонравов Н.С. 292
Толстая Мария Николаевна, графиня, урождённая кн. Волконская, мать Л.Н. Толстого 50, 52
Толстой Д.А. 295
Толстой Лев Николаевич, граф, писатель 44, 50, 52
Толстой Петр Андреевич, ст., позже граф, мемуарист 294–296
Толстые, московский дворянский род 44
Троекуров Иван Борисович б. 53
Троекуров Иван Иванович ст., комнатный спальник Петра 53
Троекуров Федор Иванович (ум. 1695) ст., комнатный спальник Петра, адресат эпитафии 53, 54, 99, 108, 114, 117, 189, 373, 374
Троекуровы, кн. Ярославской ветви Рюриковичей 52, 53, 189
Тромонин К. 139
Трубецкая Ирина Васильевна, кн., урождённая кн. Голицына (ум. 1690), вдова кн. б. Ю.П. Трубецкого, адресат эпитафии 45, 46, 48, 63, 108, 111–114, 126, 177, 182, 192, 354, 355
Трубецкая Мария Юрьевна, кн., книголюбка 47, 284
Трубецкая Татьяна Стефановна, кн., урождённая Татеева (ум. 1690), жена кн. ст. И.Ю. Трубецкого, адресат эпитафии 46, 48, 107, 108, 111, 112, 114, 117, 126, 182, 185, 192, 198, 355, 356
Трубецкие кн., аристократический род 43, 111, 112, 185
Трубецкий Алексей Никитич, кн., б. 46
Трубецкий Иван Большой Юрьевич, кн., ст. 45–47, 63, 107, 355
Трубецкий Юрий Петрович (в эпит. Никитич), кн., б. 45, 46, 355
Трубецкий Юрий Юрьевич, кн., ст. 45–47, 63
Тутменш – см. Гутменс
Тыжнов И. 156
Уваров А.С., граф, книголюб, археограф (его собрание) 27, 223, 225, 229, 230, 235, 237, 242, 266–268, 274, 297, 343, 348

- Урусова Евдокия Прокофьевна, кн., урождённая Соковнина, староверка 292
- Урусовы кн., аристократический род 43
- Устюгов Н.В.* 65, 66, 279
- Ушаков Симон Фёдорович (1626–1686), выдающийся живописец, гравёр, теоретик изобразительного искусства 6, 327, 332
- Фаберже Карл Густавович, ювелир 313
- Федор Алексеевич, царь (1676–1682) 2, 14, 22, 23–26, 31, 33, 37, 40, 41, 45, 60, 66–68, 72, 73, 76, 79, 128, 133–141, 145, 173, 175, 177, 184–185, 262, 278, 280, 285, 291, 301, 309–312, 314, 325–328, 330–331, 336–340, 457, 459, 463, 464
- Федор Иоаннович (1557–1598), царь с 1584 г. 33, 131
- Фёдоров Иван, переплётчик Печатного двора (1642) 323
- Федосеев Афанасий Иванович, учитель царевича Фёдора Алексеевича по чтению 328
- Федосов Д.Г.* 297
- Феодосий, иеромонах Чудовского монастыря, адресат эпитафии 90, 107, 109, 116–117, 126, 188, 353
- Феодосия Алексеевна, царица (1662–1713) 326
- Феодосия Ивановна, царица (1690–1691) 232, 347
- Феодосия, игуменья Курского Троицкого монастыря 91
- Феофан Прокопович (1681–1736), епископ Псковский, архиепископ Новгородский, вице-президент святейшего Синода, проповедник неограниченной самодержавной власти 463
- Феофан Чудовский, книжник 228
- Филарет (в миру Фёдор Никитич Романов, ок. 1554/55–1633), «великий государь» патриарх с 1619 г. 313, 320, 321
- Филарет, архимандрит (в миру Д.Г. Гумилевский)* 275
- Филатов Иван, государев живописец 328
- Филатьев Андрей, гость, книголюб 285
- Филиппов Василий (ум. 1697), стрелец 166, 168, 169
- Фогт, немецкий издатель популярного на Руси Календаря 285
- Форстен Г.В.* 136
- Франциск Мартелли, архиепископ Коринфский, папский нунций в Речи Посполитой, адресат донесения 148, 310
- Фридрих II Штауфен, имп. Священной Римской империи германской нации 466

Фридрих II Великий, король Пруссии 52, 460
Фронтин Юлий, римский сенатор, военный историк 285
Фуке Николя (1615–1680), генеральный контролёр финансов
Франции (1653–1661) 8
Хворостинин Иван Андреевич (ум. 1625), кн., воевода, историк,
поэт-вольнодумец 294, 298
Хитрово, дворянский род 44
Хмырев М.Д. 320
Хованские кн., аристократический род 43, 154, 159, 161
Хованский Андрей Иванович (казнён 1682), кн., б., воевода 160
Хованский Иван Андреевич Тараруй (казнён 1682), кн., б., вое-
вода 154, 155, 159, 160, 161, 162
Хованский Петр Иванович кн., ст., б. (с 1677), воевода 281, 285
Хофман Ф. (Hofman F.) 239
Храбр черноризец, автор сказания о славянской азбуке 323
Циммерман Карл, толмач 345
Цыклер Иван Елисеевич (казнён 1697), д. дв. 165–169, 172, 304
Чаадаев Иван Иванович (ум. 1696), ок. (с 1683), воевода, адми-
нистратор и выдающийся дипломат, адресат эпитафии 54,
58, 108, 126, 186, 379, 380
Чапкова Д. (Čapkova D.) 239
Челищев Василий, воевода 62
Челищев Михаил Петрович (ум. 1697/98), ст., адресат эпитафии 62
Черкасские кн., аристократический род 43
Чернышев Григорий Петрович, граф, генерал-аншеф, сенатор,
мемуарист 296
Черчилль Уинстон, британский политик и публицист XX в. 323
Чистякова Е.В. 136, 212, 289, 290, 292
Чума А.А. 202
Чьямпи, Себастиан (Sebastiano Ciampi) 148, 299
Шакловитый Фёдор Леонтьевич (казнён 1689), талантливый
администратор и политик, фаворит царевны Софьи Алексе-
евны; брянский сын боярский, подьячий (1673–1675), д. (с
1676), д.д. (с 1682), д. дв. (с 1683), ближний ок. (1689) 68, 69
Шамин С.М. 135, 136
Шантуровы, московские площадные подьячие, мемуаристы 992
Шейн Алексей Семёнович (1662–1700), б., воевода 169, 303, 304

- Шеин Михаил Борисович (казнён 1634), б., воевода 49, 50
- Шеины, аристократический род 43
- Шепелев Аггей Алексеевич (ум. 1688), профессиональный русский офицер, генерал, с 1682 г. думный генерал 58, 61, 286
- Шереметев Борис Петрович (1652–1719), б., воевода, дипломат, командор Мальтийского ордена, мемуарист 302–304
- Шереметев Федор Иванович, б. 284
- Шереметевы, аристократический род 43
- Шлейссингер Георг Адам, путешественник по России в 1684–1686 гг., автор записок 139, 140
- Шляпкин И.А.* 203
- Шуллер К. (Schuller К.)* 240
- Шушерин Иван Корнильевич, патриарший протодьякон, келейник и жизнеописатель Никона 293
- Эразм Роттердамский (1466–1536), голландский философ и просветитель 202, 231, 254
- Эскин Ю.М.* 42
- Юдин, Алексей, заводила Московского восстания 1682 г. 160
- Юлиания Лазаревская, св. 293
- Юлия Челищева, игуменья монастыря Богородицы страстных иконы 62, 91
- Юшков Тимофей Борисович (ум. 1695), ст., ок. (с 1692), капитан Преображенского полка, адресат эпитафии 54, 56, 99, 108, 114, 117, 186, 372
- Юшковы, род московских дворян 56
- Яковлев Александр Андреевич, капитан-поручик, летописец 296
- Ян III Собеский (1629–1696), король Польши с 1674 г. 161
- Янглос Питер, государев живописец 330
- Янин В.Л.* 288
- Ярослав Владимирович Мудрый, великий кн. Киевский 11, 306
- Яцимирский Я.* 239

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии Наук
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией имп. Академии Наук
АЮЗР	Акты Южной и Западной России
БАН	Библиотека Российской Академии Наук. Отдел рукописей и редкой книги
ВИ	Вопросы истории. Ежемесячный журнал
ВСМЗ	Владими́ро-Суздальский историко-культурный музей-заповедник
ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина
ГИМ	Государственный исторический музей
ДРВ	Древняя российская вивлиофика / Изд. Н.И.Новиков
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	Исторические записки. Периодический сборник
ИИИ СССР	Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Периодический сборник
ИОИ	Источниковедение отечественной истории. Периодический сборник
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук
ИРЛИ	Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Древлехранилище
ОЛДП	Имп. Общество любителей древней письменности. Многотомное издание памятников

Памятники.	Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики / <i>А.П.Богданов</i> . М., 1983
ПДПИ	Памятники древней письменности и искусства
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Серия I
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская Академия Наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РНБ	Российская национальная библиотека
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ
ЧОИДР	Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских
ЧОЛДП	Чтения имп. Общества любителей древней письменности

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- 1 стр. обл. Цари Иван и Петр Алексеевичи, благословляемые Христом. Фрагмент гравюры-конклюзии Иннокентия Щирского, приложенной к книге Лазаря Барановича «Благодать и истинна» (Чернигов, 1683)
- 4 стр. обл. Царственные Большие печати и великих государственных посольских дел оберегатель, конюший боярин и наместник Новгородский князь Василий Васильевич Голицын. Гравюра Леонтия Тарасевича (Чернигов, ок. 1687)
- 1 стр. Российский всадник побеждает османского дракона. Аллегория с гравюры-конклюзии И. Щирского.
- 16 стр. Царь Фёдор Алексеевич. Гравюра XIX в. с рисунка-реконструкции по старинным парсунам государя.
- 18 стр. Царь Фёдор Алексеевич. Фрагмент парсуны Ивана (Богдана) Салтанова, установленной в Архангельском соборе при царевне Софье (1682–1689).
- 172 стр. «Столп» в память о петровских казнях 1690-х гг., отнесённый в памятнику победе народного восстания 1682 г. в иллюмирированной рукописи «Жития Петра Великого» Н.П. Крекшина (1740-е гг.)
- 198 стр. Царевич Алексей Петрович. С рисунка-реконструкции XIX в. по современным царевичу парсунам.
- 350 стр. Императрица Анна Иоанновна (гравюра-реконструкция XIX в. по живописным источникам) и факсимиле подписи великой государыни.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>Образ неведомой культуры в стихах придворных поэтов</i>	3
--	---

Часть 1. ЖИЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ СМЕРТИ

Глава 1. Литературная эпитафия: персонажи и заказчики	19
Первые литературные эпитафии	21
«Рукописи не горят!»	26
Высшие чины России	30
Аристократия	40
Думные чины и фавориты	55
Профессионалы управления	70
Торгово-промышленные люди	79
Представители Церкви	87
Находки и утраты	91
Глава 2. Придворный стихотворец: сотворение жанра	95
Традиция и новое содержание	95
Характеристика персонажей	110
Композиционные решения	118
Бумага, камень и живое слово	129
Плиты и столпы	142
Стороны или варианты?	173
Классификация надписей	183

Часть II. ПОЭЗИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Глава 1. «Материнская школа» для царских детей	199
«Учитель народов» в России XVII в.	201
«Раздробленность культуры» трудами историков и филологов	209

СОДЕРЖАНИЕ

Открытия и заблуждения	214
В тени Брайловского	223
Беловой авторский сборник	229
Триптих «Материнской школы»	238
Содержание и традиция	247
Концепция Коменского на российской почве	264
Глава 2. Новая педагогика при Московском дворе	277
Просвещение и дворянство	278
Дворяне в истории и географии	287
Познавательные «потехи»	305
Мир в «потешных» картинках	317
Начинания царицы Наталии Кирилловны и их судьба	335
Часть III. ИЗ АРХИВА ПРИДВОРНОГО ПОЭТА	
1. Комплекс новых литературных эпитафий	351
2. Поэтический триптих для «Материнской школы»	395
Едем си есть сладость	396
Екклесиа си есть Церковь	418
Град Царства Небеснаго	436
Заключение. <i>Поэт и культура эпохи перемен</i>	457
<i>Именной указатель</i>	474
<i>Список сокращений</i>	499
<i>Список иллюстраций</i>	501

научная монография

Андрей Петрович Богданов

**Стих и образ изменяющейся России:
последняя четверть XVII – начало XVIII века**

Богданов А.П.:
авторская редакция, вёрстка
и художественное оформление книги

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 21.12.04	Формат 60x84/16	Заказ № 2
Тираж 300 экз.	31,5 п.л.	20,35 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19